

АРХИТЕКТУРА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Сборник научных трудов
по материалам Всероссийской научной конференции
с международным участием «Зодчий будущего»

Нижний Новгород
2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

АРХИТЕКТУРА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Сборник научных трудов
по материалам Всероссийской научной конференции
с международным участием «Зодчий будущего»,
ННГАСУ, 26-27 февраля 2026 г.

Нижний Новгород
ННГАСУ
2026

УДК 72.03(082)
ББК 85.11я43
А 87

Материалы публикуются в авторской редакции

Архитектура: история, теория, практика : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Зодчий будущего» (Н.Новгород, ННГАСУ, 26-27 февраля 2026 г) / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет ; ответственный редактор А. Л. Гельфонд. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2026. – 320 с.: ил. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-528-00651-2. – Текст : электронный.

Сборник научных трудов включает материалы секции Архитектура: история, теория, практика Всероссийской научной конференции с международным участием «Зодчий будущего» и XIV Иконниковских чтений, посвященных памяти академика РААСН А. В. Иконникова. Конференция проходила в ННГАСУ 26-27 февраля 2026 г. Председатель секции – академик РААСН, доктор архитектуры, заведующий кафедрой архитектурного проектирования ННГАСУ А. Л. Гельфонд, ученый секретарь – советник РААСН, доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования ННГАСУ А. А. Худин.

СОДЕРЖАНИЕ

XIV ИКОННИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА РААСН А.В.ИКОННИКОВА

Швидковский Д.О. Памяти академика Андрея Владимировича Иконникова.....	6
Бондаренко И.А. Архитектор – ученый – энциклопедист.....	10
Добрицына И.А. А.В. Иконников о системе знаков столичности, фиксирующих исторический путь Москвы.....	13
Орельская О.В. Академик А.В. Иконников и Нижегородская архитектурная школа.....	19
Коновалова Н.А. Вклад А.В. Иконникова в формирование современного подхода к изучению японской архитектуры XX век.....	25
Дуцев М.В. Актуальные ресурсы интегральной архитектурно-художественной среды.....	31
Гельфонд А.Л. О научной конференции «Зодчий будущего» и XIV Иконниковских чтениях в ННГАСУ.....	36

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗОДЧИЙ БУДУЩЕГО». СЕКЦИЯ АРХИТЕКТУРА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Швидковский Д.О. Традиции российской архитектуры и вызовы XXI века	39
Агеева Е.Ю., Оскирко А.В. Влияние «образцовых» фасадов XIX века на облик улицы провинциального города.....	46
Антюфеева О.А. Архитектурно-пространственное развитие музейного комплекса панорамы Сталинградской битвы в Волгограде.....	52
Балынин П.С. Этапы и особенности развития стиля конструктивизм в промышленной архитектуре Иванвского региона.....	58
Рослякова Е.Ю., Барсуков Н.С. Архитектурное формирование среднеэтажного жилища на основе критериев системы «Клевер».....	64
Ван Яцзин, Воличенко О.В. Принципы вертикального озеленения в архитектурно-планировочных решениях жилых зданий.....	68
Р.А.А. Варгас., А.В.Л. Гомес Типология жилища над водой в Колумбии: сравнительный анализ вернакулярных и государственных моделей через призму нормативно-правовой базы.....	74
Вашкевич В.В. Градостроительные аспекты формирования жилой застройки Минска	81
Виденеев И.Д. Архитектурная идентичность как инструмент устойчивого развития жилой среды города Уфы.....	86
Поян А., Вякина А.А. Формирование архитектурного образа морских набережных в структуре туристских территорий городов: сравнительный анализ Приморского края и Запорожской области.....	89
Габов В.Ю., Габова В.А. Критерии архитектурного проектирования туристских центров региональных кластеров.....	95
Гельфонд А.Л. Общественные пространства железнодорожных вокзальных комплексов. Диктат противоречий.....	100
Голодный В.М. Подходы к проектированию визит-центров особо охраняемых природных территорий.....	108
Горгорова Ю.В. Концепция вовлечения архитектурного и градостроительного наследия в развитие города Таганрога.....	112
Городничев В.А. Сеть казенных винных складов на территории Верхнего и Среднего Поволжья.....	117

Грошева К.В., Кулешова И.М. Малоэтажные многоквартирные жилые комплексы в России.....	122
Девятов Д. В. Типология арктического жилища XXI века: между глобальной технологией и локальной традицией.....	129
Долженко А.С. Архитектурная устойчивость временного жилища для чрезвычайных ситуаций в условиях различных сценариев энергообеспечения.....	134
Дронова А.А. Планировочные решения и функциональная переориентация территории усадьбы Останкино в 1920-е – 1930-е гг.....	139
Духанина Е.С. Архитектура современных культурных центров за рубежом.....	143
Репина Е.А., Ермилов Н.А. Архитектурно-типологические решения при музеефикации палеоантропологического наследия.....	149
Житпелева Т.И. Центры адаптации для детей с ограниченными возможностями здоровья: особенности и проблематика проектирования.....	155
Здор Н.С. Основные принципы архитектурно-экологической реновации промышленных зданий на прибрежных территориях городов юга России.....	159
Птичникова Г.А., Казакова А.В. Световая архитектура праздника. Подходы, алгоритмы и технологии современной светоурбанистики.....	165
Касландзия И.Б., Кулешова И.М. Архитектурно-планировочные особенности строительства рекреационных комплексов Абхазии (на примере Сухума).....	170
Ковалев В.А. Параметрическое формообразование как инструмент повышения адаптивности и функциональной устойчивости медицинских учреждений.....	175
Самогоров В.А., Конкина Е.Д. К вопросу рассмотрения термина «цветопространство».	178
Коновалова Н.А. Особенности выставочных пространств нового поколения: от временного события к постоянному наследию.....	183
Корытова Н.А., Писарская С.Г. Региональные особенности функционально-планировочных решений общественных коммерческих банных комплексов в г. Южно-Сахалинск.....	188
Кулешова А. М. Архитектурно-планировочные особенности малоэтажной застройки для многодетных семей в Ростовской области.....	192
Курбатов А.А. Мимезис в античной теории архитектуры.....	196
Кутузова А.С. Архитектурный ансамбль зданий Федоровской общины сестер милосердия в Костроме.....	201
Латынин М.В. Формирование аутентичной среды в типовых микрорайонах Череповца и Вологды.....	206
Лисицына А.В. О проекте реконструкции улицы Куйбышева в Павлове 1936 года.....	211
Воличенко О.В., Макунина Ю.В. Время и скорость как факторы проектирования.....	217
Морозов Е.В. Экспонирование как метод: становление новой реставрационной стратегии в Беларуси.....	221
Морозова Е.Б., Мяделец-Авлас М.С. Реорганизация промышленных объектов советского периода в контексте архитектуры Беларуси.....	225
Орельская О.В. Основные направления развития архитектуры будущего.....	230
Осипова М.В. Диалог традиции и новаторства в архитектуре современного православного храма.....	235
Пестов Д.Н. Концепции метаболизма в художественных образах новейшей архитектуры Японии.....	240
Платонова М.А. Архитектура доходных домов в городах Беларуси во второй половине XIX – начале XX века.....	245
Попов А.В. Архитектура вузов в России.....	249
Протасова Ю.А., Вардеванян П. Г. Традиционные приёмы в архитектурно-пространственной организации площадей в городах Беларуси.....	251

Родяшина К.Е. Особенности формирования архитектурного облика поселений Лахденпохского района республики Карелия.....	257
Руммо А.Е., Дуцев М.В. К вопросу переосмысления пространства в малых поселениях – «городах удержания».....	262
Сакович И.С. Утраченная старообрядческая Успенская церковь в Сормовском районе Нижнего Новгорода.....	266
Сергачев С. А. Архитектура областных сельскохозяйственных выставок в БССР 1950-х годов, как «взгляд в будущее».....	271
Снитко А.В. Градостроительные и образные особенности исторической архитектурной среды города Фурманов Ивановской области.....	276
Теребикина О.В. Художественная интеграция в новейшей архитектуре стиля хай-тек.....	281
Федосеева Д.В. Кризис повествования и архитектура: поиск устойчивых нарративов в проектах номинантов премии Миса ван дер Роэ 2026.....	286
Худин А.А. Жилище. Проблемы и перспективы.....	292
Худин А.А. Трансфер значения термина "concinntas": из риторики в эстетику.....	297
Шумилкин С.М. К вопросу сохранения исторического облика Московской улицы на Нижегородской ярмарке.....	302
Щеголева А.В., Белобородова А.С. История формирования сетчатых оболочек как нового типа архитектурных конструкций.....	307
Энтони Г.М. Методологические подходы к оценке эргономики госпитального пространства.....	311
Ярошук П.С. Проблемы сохранения и использования объектов индустриального наследия Беларуси.....	315

XIV ИКОННИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА РААСН А.В. ИКОННИКОВА

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ИКОННИКОВА

**Д.О. Швидковский^{1,2} президент РААСН, академик РААСН, доктор искусствоведения,
профессор, ректор ФГБУ ВО «МАРХИ»**

¹Российская академия архитектуры и строительных наук, Москва

²Московский архитектурный институт, Москва

Жизненная встреча с Андреем Владимировичем Иконниковым была для меня исключительно важной и памятной. Я, естественно, узнал о нем от родителей, поскольку и мать, и отец мои с ним работали и были той же специальности. Узнал достаточно рано, наверное, когда я только учился в первых классах школы. Это было в начале семидесятых годов. То есть, слышал я об Андрее Владимировиче и потом знал его в общей сложности больше пятидесяти лет.

И надо сказать, что его образ на протяжении этих многих годов всегда был очень ярким, значительным для меня. Но, конечно, менялся. Сначала слышал о нем я от мамы, которая работала в его подчинении, была ученым секретарем Института истории и теории архитектуры, ЦНИИТИА, где Андрей Владимирович был директором. И мама его отчасти побаивалась, но у нее тоже был крутой характер, как у Андрея Владимировича. У мамы были, так сказать, сложные отношения с Андреем Владимировичем. Она даже однажды кинула в него чернильницей, но, к счастью, не попала. Ученым секретарем она после этого перестала быть. Хотя, в общем-то, инициатором этой драматической истории была не мама, а Андрей Владимирович, который любил довольно решительно высказываться по поводу плохой работы своих сотрудников. А мама была тоже человек вспыльчивого характера. Но, как ни странно, отношения их несколько после всего этого не испортились, так же, как и не испортились его отношения с моим папой. Они вместе делали Всеобщую историю архитектуры. Андрей Владимирович был редактором тома по истории архитектуры капиталистических стран, насколько я помню, в двадцатом веке, а папа – социалистических, и тесно работали. Надо сказать, что мой отец, Олег Александрович Швидковский, относился с глубоким уважением к Андрею Владимировичу. И ни разу за долгие годы, я никогда не слышал от папы никакого отрицательного или уничижительного, или еще какого-то нехорошего высказывания о нем. Наоборот, он всегда воспринимал его как очень крупного ученого и замечательную личность. Мама скорее молчала.

Сам же я очень благодарен Андрею Владимировичу за то, что он сделал для меня, когда я вырос, окончил МАРХИ, защитил диссертацию по Камерону и готовил докторскую. Уж я все обстоятельства рассказывать не буду, но, в общем, Андрей Владимирович сыграл самую большую роль в моей защите. Он был оппонентом и главным оппонентом и по своей значимости как ученого и как человека из Петербурга и вообще по своему влиянию на коллег. У меня тема была петербургская. И я ему страшно благодарен за поддержку, не то что поддержку, а просто исключительную его помощь и в защите, и при избрании меня академиком архитектуры.

Он буквально чуть ли не схватил меня за ухо и втащил в Академию. Это было сделано даже физически в день выборов. В общем, у меня есть очень много, за что благодарить

Андрея Владимировича. У нас было несколько долгих разговоров, их нельзя назвать задушевными, но откровенных разговоров о работе, о профессии, о будущем. И то, что я сейчас вот нахожусь в Академии архитектуры, это дело Андрея Владимировича. Я ему очень благодарен. Еще раз хочу повторить, потому что действительно он хотел, во всяком случае, это звучало в разговорах со мной в последнее время его жизни, чтобы я что-то делал в Академии и делал, что возможно, по максимуму. Это я, собственно, и пытаюсь сейчас осуществлять, так что в какой-то степени я выполняю то, что он мне хотел поручить, незадолго до своей смерти.

Я очень ценю Андрея Владимировича как ученого и поражаюсь его работоспособности, умению очень быстро схватить сущность материала, собрать дополнительные сведения и все это выстроить в ясную и убедительную систему, увидеть все проблемы, поставить их крупно, точно, ярко.

Это к его очень значительной работе по зарубежной архитектуре. В шестидесятые годы, если вы помните, он опубликовал книгу о Хельсинки и книгу "Новая архитектура Финляндии". Надо сказать, что это тогда был как раз пик всемирного интереса к финской архитектуре: Аалто, Сааринен, но прежде всего Аалто. Тогда в Финляндию стремились архитекторы с разных государств. Ну, например, Кэтрин Кук из Англии, училась тогда и работала в мастерской Аалто, потом некоторые мои итальянские знакомые и американские мастера. И в это же время к этой архитектуре обращается и Андрей Владимирович Иконников. Затем в рамки его внимания попадает Англия. Он издает прекрасную книгу о Лондоне. Его интересовала долго северная архитектура, в семьдесят восьмом он пишет о современной архитектуре Швеции. И он идет постоянно самым важным точкам в развитии архитектуры двадцатого века, в конце семидесятых обращается к Токио, к архитектуре Японии, архитектуре США и образу Нью-Йорка. И по всем этим темам он издает отдельные книги, которые затем объединяет в свой очень важный труд "Зарубежная архитектура от новой архитектуры", то, что мы чаще называем современной архитектурой, "до постмодернизма". Это книга восемьдесят второго года, и надо сказать, что он снова оказывается на том же вот как бы пункте развития, на том же, в том же состоянии мысли, которое было у всей европейской науки о зодчестве в это время. Именно в эти же годы Робин Миддлтон, Дэвид Уаткин, Деннис Шарп, целый ряд других исследователей, так же, как и он, осмысливают путь от современной архитектуры до постмодернизма. Он несколько не замедлил, несмотря на все сложности, которые были при исследовании зарубежной архитектуры в Советском Союзе, когда новое было очень трудно увидеть, трудно поехать за границу.

Он ездил за свой счет в туристические поездки и их использовал для знакомства с современной архитектурой тех мест, где происходили наиболее важные события в истории зодчества двадцатого века. И именно в те моменты, когда эти события, собственно, происходили. Я еще раз хочу подчеркнуть, что каким-то удивительным чутьем, чутьем великого ученого, очень крупного мыслителя он ощущал мировое движение мысли в своей профессиональной области и был всегда на уровне, этого процесса.

Кроме зарубежной архитектуры, его всю жизнь интересовали проблемы художественного образа города, с первой книги шестьдесят шестого года "Эстетические проблемы массового жилищного строительства". До этого он написал в шестьдесят третьем году "Эстетику социалистического города". Но вот "Эстетические проблемы массового жилищного строительства" - это была колоссально важная тема, которая была им в фундаментальном контексте, пожалуй, впервые поставлена. Это строительство только что началось, а он уже ставит главную проблему, которая до сих пор не решена. Я недавно получил докладную записку и на эту же тему от одного из современных чиновников от архитектуры, о том, что необходимо решать, эстетические вопросы массового строительства. Андрей Владимирович увидел эти проблемы пятьдесят лет назад.

Его в городе беспокоили проблемы композиции, и он вслед за петербургской школой истории и теории градостроительства, и вслед за Андреем Владимировичем Буниным, его

книгами о композиции городов, также обращается именно к этой важнейшей теме. Это очень важно, это опять страшно актуально сегодня. У нас многие утверждают, что город развивается стихийно, на основании требований рынка или каких-то социальных вопросов, и он не должен иметь композиции. Это глубокое заблуждение, которое, к сожалению, очень распространено среди и чиновников, и даже наших коллег. Андрей Владимирович отчетливо поставил эстетические проблемы композиции городов.

Причем он начал от композиции зданий. Издал учебное пособие на эту тему, а затем отнес свои выводы к городу - в следующей монографии "Архитектура города: эстетические проблемы композиции" семьдесят второго года. Потом популяризировал это в небольшой книжке, которую выпускало общество "Знание" - "Формирование городской среды".

Он становится директором ЦНИИТиА и накопленные знания и подходы, интересы он вкладывает в работу над своим томом "Всеобщей истории архитектуры" и над другими коллективными изданиями. Конечно, Андрей Владимирович был не только специалистом по зарубежной архитектуре, не только теоретиком современного города, он был крупнейшим теоретиком архитектуры.

Здесь надо выделить его книгу "Художественный язык архитектуры", до сих пор, на мой взгляд, остающуюся самой существенной работой в нашей профессии, понятной для зодчих-практиков, опирающейся на его опыт и историка, и практикующего архитектора. Он точно сформулировал свой подход: художественный язык архитектуры - это проблемы искусства в архитектуре. Это очень точная, я бы сказал, удивительная, формулировка. Продолжая эту тему, вскоре он издает монографию "Функция, форма и образ в архитектуре", рассматривая соотношение этих основных понятий зодчества. Надо назвать книгу "Эстетические ценности предметно-пространственной среды". Я бы хотел отметить еще его работы как историка русской архитектуры.

Он написал "Историю архитектуры России" в серии по отдельным республикам СССР, многотомнике, в основном посвященном двадцатому веку. Главный его труд, может быть, это главный труд его жизни, сопоставимый с работой по художественному языку архитектуры, это его замечательная, на мой взгляд, книга "Тысяча лет русской архитектуры: развитие традиции". Пожалуй, это самое крупное исследование по истории русской архитектуры, которое было сделано во второй половине двадцатого столетия. До него "История русской архитектуры", подготовленная Академией архитектуры, в основном за тридцатые и сороковые годы и вышедшая в начале пятидесятых, была другой. Там подход более энциклопедический, менее проблемный. Андрей Владимирович посмотрел на тысячу лет развития русского зодчества с позиции своего и архитектурного, и научного опыта. Он изучает именно эволюцию художественных проблем русской архитектуры, прежде всего, видя ее как длительную традицию одного из видов русского искусства со своими отчетливыми чертами для каждого времени в контексте актуальной профессиональной культуры. Он не разделяет здесь отдельные памятники, ансамбли, города, хотя он, собственно, специально историю градостроительства не пишет, это именно история русской архитектуры, написанная с позиции ее развития как искусства и как части предметно-пространственной среды.

То есть те теоретические положения, которые он к этому времени сформулировал, он ввел в историю национальной архитектуры. Это было и остается огромной заслугой. Эта книга во многом превосходит другие попытки этого же времени изложить историю нашей национальной архитектурной традиции. И это бесценный труд, которым можно восхищаться и нужно продолжать, который, безусловно, один делает его имя бессмертным в истории нашей науки о русском зодчестве.

Он в конце жизни думал о возможностях архитектуры, о том, что остается утопией и что входит в реальность. Два огромных тома, посвященные утопии и реальности в архитектуре двадцатого века и еще одна книга "Утопическое мышление в архитектуре", в общей сложности, по-моему, тысяча семьсот страниц текста, посвящены необыкновенно интересной теме и содержат потрясающий материал. Взгляд Андрея Владимировича на

историю архитектуры двадцатого века как на соотношение утопии и реальности, я бы сказал, у него украден. Потому что, когда в Чикаго, в Америке делалась колоссальная выставка в тот период, когда Россия была в моде, в начале нулевых годов, как раз когда и Андрея Владимировича книга выходила, тогда огромная выставка русской архитектуры двадцатого века, в основном авангарда, в Чикаго была названа "Великая утопия". Подход и видение истории создателей этой выставки, как российских, так и американских, оказались не только созвучны, но и находились под влиянием отношения к зодчеству двадцатого века Андрея Владимировича Иконникова, сложившего в результате его особенной творческой биографии.

Он начинал как архитектор-практик, и, когда учился в Академии художеств, в Институте Репина, как он назывался тогда, но это реально была Академия художеств Петербурга, сейчас она возвратила свое название, и позже в его работах в самом Петербурге до переезда в Москву, и в его размышлениях в течение всей жизни о городской реальности, о том, что составляет красоту города, реального города, который можно построить и который нужно строить доминировал Петербург. Он размышлял и о красоте тех городов, великих городов мира, которым он посвящал отдельные книги, в том числе и Москве, и не одну. Кстати, он не написал ни одной книги о Петербурге. Это меня удивляет. Видимо, он так его любил, что не решался писать о городе, который он, действительно боготворил. Это я чувствовал из разговоров с ним. Мне посчастливилось даже обсуждать какие-то подробности петербургской архитектуры с Андреем Владимировичем, например, историю Царскосельской Китайщины. И я узнал тогда, что его дядя был одним из первых исследователей парков Царского Села и писал о павильонах в китайском духе. То есть он был связан не только своей учебой, но и родственными связями с этим великим городом. И вот от петербургской городской реальности, от ее осознания, от представления о его красоте, Андрей Владимирович в конце жизни идет к созданию прекрасного образа города будущего – к тому, как видели утопию города, архитектуры, созданной человеком красоты в двадцатом веке.

И вот этим как бы он завершает свое творчество, помню его статью в академическом журнале о генетическом коде зодчества будущего. Он думал об этом в самом конце своей жизни.

Я, может быть, зря все перечислил, но мне хотелось вспомнить то, что находится в памяти о творчестве Андрея Владимировича. Если говорить о человеческом его качествах, то прежде всего поражал масштаб личности, сила характера. Он иногда мог и резко сказать что-то, это правда. Но редко в нашей науке рождались ученые такого масштаба, размаха, такой энергетики, такой силы и такого своеобразия, как Андрей Владимирович Иконников. Сегодня, когда ему исполняется сто лет, я хотел бы сказать, что надеюсь, что мы всегда будем хранить его память в истории нашей науки о русском зодчестве и об архитектуре вообще.

АРХИТЕКТОР – УЧЕНЫЙ – ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

И.А. Бондаренко¹, академик РААСН, доктор архитектуры

¹*Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал «ЦНИИП Минстроя России», Москва*

Андрей Владимирович Иконников стал безусловным лидером нашей профессии благодаря своим энциклопедическим знаниям и умению эффективно использовать их. Мы все восхищались его исключительной эрудированностью и продуктивностью.

По образованию он был не историком и не философом, а архитектором, подготовленным к практической проектной деятельности и занимавшимся ею в начале своей карьеры. Но очевидно, что он всегда задавался далеко идущими вопросами и настойчиво искал ответы на них. Его не устраивали примитивные постулаты типового индустриального домостроения, которые навязывались архитекторам в годы его молодости. Достаточно вспомнить с каким сарказмом рассказывал он о том, как оказался свидетелем спешного замазывания и замены цифр в якобы серьезных научных расчетах оптимальной высоты потолков с 2,7 м на 2,5 м, как только Н.С. Хрущев озвучил последнюю норму в известной программной речи.

Учась в Академии художеств в Ленинграде, Андрей Владимирович получил представление об архитектуре как великой созидательной профессии. Поэтому он не мог довольствоваться малым. В нем была заложена жажда знаний. И он стал стремительно расти как ученый. Вспоминается название популярного в 1970-е годы журнала: «Знание - сила». Оно точно выражает настрой А.В. Иконникова - точно знать, чтобы быть сильным, острым и побеждать.

Работа над кандидатской диссертацией погрузила А.В. Иконникова в историю формирования русских традиционных поселений. Но он не захотел отрываться от современности. Его интересовали все эпохи и все процессы, ведущие из прошлого в будущее. Его ум имел ярко выраженный историко-теоретический склад.

Ученую степень доктора архитектуры А.В. Иконников получил в 39 лет за разработку темы: «Основные эстетические проблемы города». Понятно, что осмысление этих проблем требовало обширнейших знаний. И он демонстрировал их в своих многочисленных статьях и книгах. Особый интерес у архитекторов вызывали его исследования современной архитектуры Англии, Финляндии, США и других зарубежных стран. Параллельно он работал над общетеоретическими проблемами архитектурно-пространственного формообразования и композиции, оказывая тем самым существенное влияние на развитие профессиональной культуры и образования.

Узнав о чрезвычайной широте интересов и работоспособности А.В. Иконникова, С.О. Хан-Магомедов привлек его к написанию раздела о практически неизвестной в то время архитектуре Норвегии для IX тома Всеобщей истории архитектуры. Андрей Владимирович задал только два вопроса: каков объем и срок подачи текста? Результат произвел на Селима Омаровича столь сильное впечатление, что он решил порекомендовать Андрея Владимировича на должность директора ЦНИИТИА. Эту инициативу можно назвать событием историческим, сыгравшим важнейшую роль в судьбах и А.В. Иконникова, и Института, и всей нашей архитектурной науки.

Пост директора Института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры, как он тогда назывался, А.В. Иконников занимал с 1966 по 1974 год. За это время было сделано очень многое: подготовлены последние тома Всеобщей истории архитектуры (под руководством и активном авторском участии А.В. Иконникова написан XI

том, посвященный архитектуре капиталистических стран XX века); налажен выпуск русскоязычной версии французского журнала «l'architecture aujourd'hui» и коллективных монографий «Архитектура Запада», которые были очень востребованы архитекторами и студентами; осуществлен программный проект «Теоретические основы советской архитектуры» (он казался конъюнктурным, но был выполнен всерьез и на совесть); созданы группы, занимавшиеся перспективным концептуальным проектированием; учреждена лаборатория «Архитектурной бионики»... Институт в те годы был на большом подъеме.

К сожалению, после инфаркта Андрею Владимировичу пришлось уйти. Но и в Институте землеустройства, где он возглавил кафедру сельской архитектуры, проявилась, по свидетельству очевидцев, его редкая научно-организационная энергия. Следующим местом работы А.В. Иконникова стал ВНИИ технической эстетики, где сложились хорошие условия для плодотворной научной деятельности. Параллельно он преподавал некоторое время в МАРХИ на кафедре Истории архитектуры и градостроительства, где мне посчастливилось посетить его блестящую лекцию про Петербург и участвовать вместе с ним в приеме экзаменов. Это знакомство дало повод Андрею Владимировичу рекомендовать меня Н.Ф. Гуляницкому для приглашения на должность ученого секретаря ЦНИИТИА.

Специального внимания заслуживает период конца 1980 - начала 1990-х годов, когда на уровне ЦК КПСС было принято решение о воссоздании Академии архитектуры СССР с целью повышения художественного качества застройки наших городов и сел. Госгражданстрой при Госстрое СССР был переименован в Госкомархитектуры, и во главе его поставлен весьма достойный мастер архитектуры Е.Г. Розанов. ЦНИИТИА тогда получил название ВНИИТАГ. К нему был присоединен ведомственный Центр научно-технической информации и добавлено подразделение экспериментального проектирования. И.о. директора стал зам.председателя Госкомархитектуры А.С. Кривов, а его первым заместителем по научной работе - А.В. Иконников. ВНИИТАГ должен был стать опорой новой Академии. Начали создаваться филиалы в союзных республиках. Особый филиал был учрежден в Боголюбово под Владимиром. Здесь проектировался центр переподготовки профессиональных кадров. Работа была поставлена на деловые рельсы и шла быстро. Я не мог тогда не откликнуться на просьбу А.В. Иконникова вновь занять должность ученого секретаря Института, чтобы помогать ему. Не могу забыть ту многотрудную, но вдохновенную научно-организационную деятельность Андрея Владимировича. Ему предстояло стать Вице-президентом Академии архитектуры СССР.

Однако, история распорядилась иначе. Советского Союза не стало. И все же, Академия вскоре состоялась - под наименованием РААСН. И снова был востребован А.В. Иконников. Первый Президент нашей Академии А.Г. Рочегов очень ценил Андрея Владимировича и нуждался в нем. Они были настоящими друзьями и соратниками. Так А.В. Иконников стал одним из основоположников и первым Вице-президентом РААСН по направлению «Архитектура».

На этом посту, который он занимал до конца жизни, проявились его лучшие научные, организационные и бойцовые качества. Благодаря ему воспрянул и получил импульс развития НИИТИАГ, в котором он продолжал активно вести свои плановые исследования. Среди них надо выделить разработку темы утопического мышления в архитектуре. Квинтэссенцию ее содержания Андрей Владимирович изложил в своем резонансном докладе на Конгрессе Международного союза архитекторов в Пекине 1999 года, подводившем вековые итоги развития архитектуры. Вслед за этим он подготовил капитальный двухтомник «Архитектура XX века: утопии и реальность», который вышел в свет уже после его смерти.

К юбилею Крещения Руси А.В. Иконников издал монографию «Тысяча лет русской архитектуры: развитие традиций», за которую был удостоен Государственной премии России. История российской архитектуры и градостроительства привлекала к себе внимание Андрея Владимировича всю жизнь. Он прекрасно ориентировался в ее перипетиях и коренных проблемах, прежде всего эстетических. Как сказала И.Л. Бусева-Давыдова, прочитав эту книгу, «у него глаз снайпера».

Важнейшей заслугой А.В. Иконникова стало широкое целенаправленное включение отечественного материала в мировой историко-архитектурный контекст. Изучение всеобщей истории архитектуры позволило ему поднять такую непростую и все более актуализирующуюся сегодня тему, как «Историзм в архитектуре». Это позволило компетентно и убедительно поддержать появление нижегородской архитектурной школы. Нельзя не вспомнить и о деятельном участии Андрея Владимировича в эпопее воссоздания Храма Христа Спасителя.

Огромную совокупность научных трудов А.В. Иконникова увенчивает созданная по его инициативе уникальная «Энциклопедия архитектуры и градостроительства». Она отличается полнотой охвата основных достижений, а также теоретических проблем и творческих течений в архитектуре и градостроительстве всех времен и народов.

Андрей Владимирович был подлинным ученым - энциклопедистом. И это давало ему право лидировать в нашей профессии. Он хорошо знал и существующие архитектурные произведения, и утраченные, и перестроенные, и вовсе не построенные, но значимые по своим проектным замыслам. Он читал и прекрасно помнил огромное число научных трудов по архитектуре и смежным специальностям, обладал уникальными знаниями всевозможных теорий и творческих концепций, благодаря чему мог свободно ориентироваться во времени и пространстве всемирно-исторического архитектурного процесса. Отсюда и проистекает его непререкаемый авторитет и немеркнущая слава!

Андрей Владимирович заметно возвышался над коллегами. Но никто не сомневался в том, что основанием тому служил его честный труд и огромный талант. Он очень ясно формулировал мысли, потому что они были зрелыми. Он очень трезво смотрел на происходящее и чутко откликался на рождение новаций. Как-то он задался вопросом: кого можно считать гением? И ответил: того, кто не однажды, а постоянно выдает на гора прекрасную продукцию. Андрей Владимирович был именно таким - высокопроизводительным гением, одаренным великолепным литературным даром. Он написал более 30 книг и, наверное, около 1000 статей, коль скоро в одной только энциклопедии ему принадлежит 400 текстов (к сожалению, у нас нет полного списка его работ).

С ним не всегда было легко. Ощущая его уровень, мы, порой, робели, но, вместе с тем, и воодушевлялись его примером, и стыдились работать плохо, и испытывали жажду двигаться в гору.

А.В. ИКОННИКОВ О СИСТЕМЕ ЗНАКОВ СТОЛИЧНОСТИ, ФИКСИРУЮЩИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ МОСКВЫ

И.А. Добрицына, советник РААСН, доктор архитектуры

Статья посвящена тексту А.В. Иконникова «Москва – столица и знаки столичности»

В 1998 году Андрей Владимирович Иконников создал уникальную статью, убедительно и наглядно раскрывающую стремление города Москвы (начиная с конца XV века) к укреплению **статуса столицы**. Его статья называется «Москва – столица и знаки столичности». Опорой создания **знаков столичности** поначалу были постройки соборов в московском Кремле причём иностранными архитекторами (Успенский собор, Архангельский собор).

Известно, что многое изменилось в результате монгольского нашествия хана Батые (1237-1241).

По мысли А.В. Иконникова Уникальный Собор Покрова на Рву появился в Москве в 1555-1561 гг. Появился как образ небесного Иерусалима. А.В. Иконников пишет: «Земным объединяющим центром становится Москва, в 1276 г. выделившаяся в особый удел из Великого княжества Владимирского. Рост ее значения определялся расположением в географическом центре **Волго-Окского междуречья**, в то время – основного средоточия великорусского этноса, на пересечении важных торговых путей. Дерзкая идея – собрать Русь вокруг городка в лесном захолустье – вызревала от поколения к поколению в роду московских князей. Объединение пространственное соединялось со становлением менталитета общности; слово «Русь» из определения территории превращалось в объединяющее нацию. Объединение, ставшее непременным условием освобождения от внешнего господства, требовало ясного означения центра и утверждения его **столичности**». [] Иконников А.В.. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998 С.7

А когда прошло уже почти две сотни лет после нашествия Батые – что же происходит с Москвой? По мысли А.В. Иконникова. появляются уникальные сооружения. Уникальный Собор Покрова на Рву появился в Москве в 1555-1561 г.г. и был представлен россиянам как Образ Небесного Иерусалима.

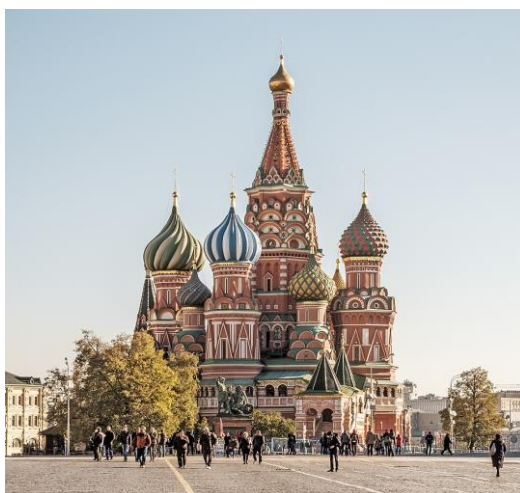

Рис.1. Образ небесного Иерусалима – собор Покрова на рву. 1555- 1561

Рис. 2. Шатровые венчания надстроенных башен Московского Кремля – корона «царствующего града». Спасская башня, (завершение башни - 1624 – 1625)

А вот **шатровые венчания**, и в частности **шатровое венчание Спасской башни**, появились гораздо позже. **А.В. Иконников** пишет: «Первой подверглась перестройке **Фроловская башня**, получившая название **Спасской** (1624-1625)». В ней не только располагались ворота, служившие для торжественных царских выездов, но она была и частью символической системы, утверждавшей **претензии Москвы на особую роль в христианском мире**. [] *А.В. Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С. 5-17 (с.1-13)*

А.В. Иконников отмечает: «**Знаки столичности средневековой Москвы** к концу XVII века были сведены в целостную символическую систему, очерченную кругом **Скородома** и центрированную **Кремлём**. Комплексы монастырей, несущие в своём объёмно-пространственном построении символы, отсылающие к образу Небесного града, образовали как бы эхо, распространяющее символику центрального ядра на территорию внутри Скородома и за её пределы. Приходские храмы были следующим уровнем символической системы, подчинявшей себе структуру городского пространства. Символическая система, связанная со сложными объёмами каменных сооружений, четко выделялась среди городской ткани, формировавшейся из невысоких деревянных построек – жилых и хозяйственных. «Столичность», утверждающаяся прежде всего символикой центрального ядра, распространялась на всю систему – связанные с нею значения и ее пространственные характеристики» [] *А.В. Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С.5-17, С.1-13*

«Скородом» -- историческое название оборонительного вала (деревянного вала, возведённого в Москве в 1592 – 1593 годах. (царь Фёдор Иоанович). А сегодня это «Садовое кольцо» и оно неузнаваемо функционально и пространственно переориентировалось) – И.Д.

А.В. ИКОННИКОВ продолжает: «Культура Нового времени предложила свои пространственно-символические системы, служащие выражением особого, столичного, статуса города. В их разработке лидировали западно-европейские – итальянские, французские, германские – архитекторы постренессансного времени. Новые концепции были **основаны на**

утверждении созидающей воли светского абсолютизма, а не символизации небесного покровительства земной власти. Значения формы были адресованы человеку, осознавшему себя, как личность, рационально организующему поведение и ориентирующемуся в пространстве в соответствии со своим восприятием. Ответом на новые задачи стали **регулярные городские структуры**, рассеченные прямоугольной сеткой улиц, пространство которых ограничено непрерывным фронтом застройки. Широкие прямые перспективы пучками сходились к монументальным зданиям или мемориальным объектам, служившим ориентирами.

Регулярно организованные пространства городских площадей продолжали систему интерьеров главных зданий. Эстетическая ценность гармоничной организации и соподчинения регулярно организованных пространств стала восприниматься самодовлеющей». [] *А.В. Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С. 13-14*

Иконников подчёркивает «Главными составляющими образа города в глазах людей средневековья были его укрепления – основа безопасности и символ порядка, противостоящего тьме внешней, -- и его святыни, ставящие город под защиту высших сил и воплощающие духовную составляющую его жизни». Грозные укрепления, отвечавшие утвердившимся претензиям Москвы на роль столицы единого русского государства, построены из кирпича уже в правление Ивана III (1485-1495)».

Рис.3. Столичный «магистральный дом». Яузский бульвар. Архитектор Илья Александрович Голосов, 1936 - 1940

Жилой дом на Яузском бульваре (д. 14/8) в Москве, известный как «Дом с фигурами (скульптурами)», построен ещё до войны в 1936–1941 годах по проекту выдающегося советского архитектора **Ильи Александровича Голосова**. Это масштабное восьмиэтажное здание, памятник архитектуры, отличается монументальным стилем, срезанным углом, выходящим на пересечение Подколокольного переулка и Яузского бульвара, и оно украшено скульптурами на фасаде. https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2367875

А.И. Иконников включил изображение «магистрального дома» в статью, но комментировал немного.

Что пишет Иконников в 1990 годы? «1990 годы стали временем строительства новой России, «временем собирать камни». Образ столицы стал частью возрождающегося национального самосознания. В условиях рыночной экономики территория центра Москвы обрела реальную ценность, обязывающую эффективно использовать ее в системе жизнедеятельности города». [] *А.В.Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С. 16*

Рис. 4 . Высотная доминанта Москвы начала пятидесятых годов, здание МГУ на Воробьёвых горах, 1946-1951. Архитекторы Л. Руднев, А. Амбросимов

Трудно пропустить важный факт послевоенных лет – возникновение такой высотной доминанты Москвы как здание МГУ на Воробьёвых горах. Но это событие не отражено в тексте статьи Андрея Владимировича Иконникова.

А.В. Иконников напоминает о годах войны и послевоенных годах: «Начатое в **1935** г. строительство **Дворца Советов в Москве** было остановлено в **1941** г. каркас, частично смонтированный к этому времени, был разобран. Но уже в **1947** г. будущий главный символ столичности было решено поддержать восемью высотными зданиями в узловых точках плана по внешней стороне центрального ядра. Намечалась тем самым **иерархия высотных ориентиров**, покрывающих своими зонами влияния почти всю городскую территорию. Изначальная идея единой «оси мира» была отвергнута – возрождалась традиционная силуэтность старой Москвы.

Постановление Партии и Правительства, ставшее официальным заданием на проектирование, выдвигало как обязательное требование оригинальность и некую «противоположность принципам построения американских небоскрёбов». Столица мечты тем самым выводилась из круга возможных сравнений. Соревновательность заведомо исключалась. Как и в тридцатые годы рекомендовалось следовать традициям классики – но уже классики отечественной, российской. Форма всех новых зданий основывалась на нескольких общих принципах: ярском построении композиции, вписанной в пирамидальное очертание; массивности, используемой для развития пластичности; включения исторических аллюзий. Всё это должно было связать новые небоскрёбы с традициями Москвы». [] *А.В.Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С. 15-16.*

Следующий объект мощного **интереса А.В.Иконникова** Здание Дворца Съездов в Московском Кремле. 1959 – 1961. Архитектор Михаил Посохин.

Рис. 5 Символ столичности. Здание Дворца Съездов в Московском Кремле. 1959 – 1961. Архитектор Михаил Посохин
Предполагаю, что принимали участие А.Мндоянц, Е.Стамо.

Мысль Иконникова о 1990-х годах России: «1990-е годы стали временем строительства новой России, **«временем собирать камни»**. Образ столицы стал частью возрождающегося национального самосознания. В условиях рыночной экономики территория центра Москвы обрела реальную ценность, обязывающую эффективно использовать ее в системе жизнедеятельности города. Строительная активность, охватившая центр после долгого периода стагнации и вырождения среды, привлекла творческую энергию, годами копившуюся не востребованной. Повысился общий тонус городской ткани – в основной массе за счёт неких универсальных (и даже космополитичных) атрибутов активизировавшейся городской жизни – прежде всего – ее коммерческих и деловых составляющих. Среди этой оживающей фоновой столичности стали появляться серьезные и ярко своеобразные произведения архитектуры, очень разные благодаря проявившимся различиям темперамента и вкусовых предпочтений авторов, не подавляемых регламентацией (здания Международного московского банка на Пречистенской набережной и Уникомбанка в Даевом пер, офис на Краснопрудной ул. и в Б.Палашевском переулке, гостиницы «Тверская», жилой дом в Весковском переулке. Органично вошедшие в специфическую средовую ткань Москвы, они не только образовали разбросанные в ней локальные акценты, но и определили достаточно высоко планку качественного уровня новой московской столичности». [] *А.В.Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. с.17*

Завершающая мысль статьи А.В.Иконникова: «Периоды слома истории всегда были трудны для зодчества. Прежде, однако, они создавали паузы в его (зодчества) истории. В 1990-е гг. противоречивая ситуация, в которой столкнулись ростки новых тенденций и прочные ещё стереотипы образа мысли и действий, воспитанного тоталитарным временем, выражает себя в невероятно широком разбросе качеств новой архитектуры. Развитие ситуации остаётся непредсказуемым. Но ничто не противоречит надежде на

жизнеспособность лучшего. А если так – потомки, которые будут умнее и богаче нас, исправят просчёты нашего времени, продолжив развитие системы знаков столичности, фиксирующей исторический путь Москвы». [] *А.В.Иконников. Москва – столица и знаки столичности. С.7. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город УРСС. Москва. 1998. С. 5-17 (с.17)*

Наше короткое заключение

Наш главный вывод – внимательное чтение статьи Андрея Владимировича Иконникова «**Москва – столица и знаки столичности**» показывает, что он доказывал следующее: российское архитектурное сообщество постепенно переходило от главенства **архитектурных символов религии** в центральной части города к главенству **архитектурных символов культуры самой страны** в чётко избранных точках города Москвы. А тем самым российская архитектура всё глубже включалась в стремительно усложняющееся **культурно-технологическое движение архитектурной мысли мирового масштаба**.

АКАДЕМИК А.В. ИКОННИКОВ И НИЖЕГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА

О.В. Орельская¹, член-корреспондент РААСН, доктор архитектуры, профессор

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород

Аннотация. В статье раскрывается взаимодействие академика А.В. Иконникова с нижегородскими архитекторами 1990-х годов в период расцвета постмодернистской архитектуры в Нижнем Новгороде. Показана роль ученого в определении такого явления как региональная нижегородская архитектурная школа в Российской архитектуре. Его широкий взгляд на развитие мировой и отечественной архитектуры позволил выявить своеобразие нижегородской архитектуры. В известном капитальном труде «Архитектура XX века. Утопии и реальность» он впервые дал оценку ряду уникальных архитектурных объектов Нижнего. Концепция контекстуализма в архитектуре исторической среды города, реализованная в Нижнем Новгороде, была близка А.В. Иконникову.

Введение

Имя академика Андрея Владимировича Иконникова (1926-2001) (Рис.1), лауреата двух Государственных премий, обладателя многих почетных званий и наград, как отечественных, так и международных, хорошо известно нижегородским архитекторам. А.В. Иконников – автор многочисленных трудов по истории и теории архитектуры и градостроительства, в том числе, разных городов и стран мира и России. Его книги по архитектуре давно стали настольными. Но больше всего нижегородские архитекторы гордятся тем, что в известном двухтомнике, во втором томе «Архитектура XX века. Утопии и реальность» (Рис.3) есть тексты, посвященные анализу и оценке ряда значимых для Нижнего Новгорода конца XX века архитектурных произведений, авторы, трех из которых, были удостоены Государственной премии России (1996 г. и 1999 г.). Особое внимание нижегородцев привлекает тот факт, что именно А.В. Иконников (он по происхождению нижегородец, представитель купеческого рода (Рис.2) и в 1943–1944 годах обучался в Горьковском инженерно-строительном институте им. В. П. Чкалова), впервые не только выдвинул, но и запечатлел впервые в своем капитальном труде словосочетание «Нижегородская архитектурная школа».

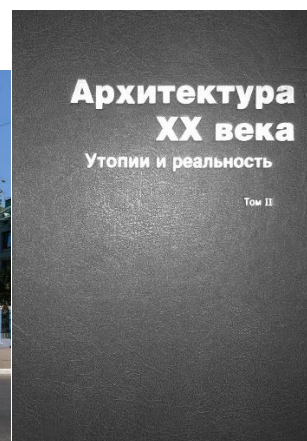
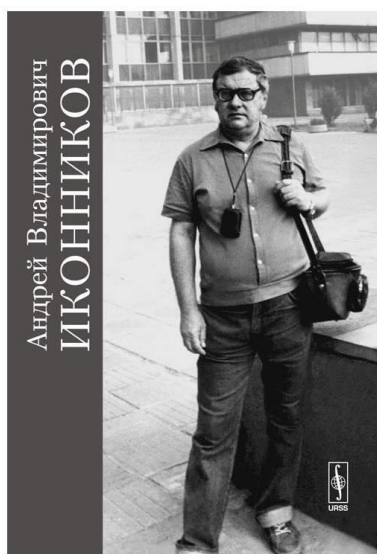

Рис.1. Книга о Иконникове. Рис.2. Особняк купца С.А.Иконникова. Рис.3. Монография А.В.Иконникова

Нижегородская архитектура 1990-х годов

Нижегородская архитектура в 1990-е годы вышла на лидирующие позиции в Российской архитектуре. «Закрытому» в советские годы городу Горькому в 1991 году вернули историческое название Нижний Новгород. Город стал открытым. Многие изменилось в 1990-е годы: наряду с крупными проектными организациями появились персональные творческие мастерские, которые возглавили талантливые местные архитекторы. Именно в эти годы наряду с массовым типовым строительством пришло индивидуальное проектирование, которое с окраин переместилось в исторический центр города. Главным архитектором города с 1992 по 1999 гг. стал талантливый А.Е. Харитонов, который, объединил соратников по профессии вокруг концепции контекстуализма при проектировании в исторической рановременной среде 800-летнего Нижнего Новгорода, а также вокруг цели не допустить диссонирующие объекты и не нарушить сложившийся веками контекст. Именно на этой волне нижегородская молодежь стала ежегодно выходить со своими проектами на фестивали «Зодчество» в Москве и становится лауреатами международных смотров-конкурсов.

В те годы А.В. Иконников неоднократно приезжал в свой родной и любимый город, чтобы в натуре ознакомиться с теми кардинальными изменениями, которые происходили в эпоху постмодернизма в Нижнем. Он выступал с лекциями по современной архитектуре в Доме архитектора. Нижегородские архитекторы с удовольствием проводили для него творческие экскурсии по своим объектам, приглашали в свои мастерские. Для всех особо ценным было услышать мнение Большого Ученого, Знатока мировой и российской архитектуры о их постройках и проектах. Его беседы о путях развития архитектуры в постсоветский период позволяли по-новому осмыслить такие глобальные проблемы теории архитектуры, как: традиции и новаторство, глобальное и региональное, роль личности зодчего, развитие средового подхода к проектированию, создание гуманной, комфортной среды и ее эстетизация.

Именно в 1990-е годы отмечалось резкое отличие постмодернизма от его предшественника в архитектуре - советского модернизма с его типизацией и стандартизацией, который уничтожал историческую застройку центра города, лишая его самобытности. А.В. Иконников подчеркивал, что «объект должен быть индивидуален, но не самодостаточен в своей зависимости от связей, объединяющих контекст» [1, с.242]. Постмодернизм привнес в нижегородскую архитектуру стилистическое разнообразие, и, по словам А.В. Иконникова, «возрождение семантики, богатой говорящей архитектурной формы, выход архитектуры за пределы утилитарно необходимого» [1, с.244] во многом определяет лицо нижегородской школы, «стремящейся создавать не только символические знаки, но и основу мифологии места» [1, с.636]. В регионах архитектурные стили проявляются в различных вариантах отличных от столичных, имеющих свои специфические особенности. Нижегородские зодчие во главе лидерами А.Е. Харитоновым и Е.Н. Пестовым стремились вернуть архитектуре утраченную образность и выразительность, покончить с однообразием и монотонностью городской среды, что во многом удалось сделать. академик Академик А.В. Боков считает, что «Харитонов превращал г. Горький снова в Нижний Новгород» [2, с.26]. Оценивая деятельность лидера нижегородских архитекторов, в статье «Архитектура как школа», он пишет, что «Харитонов последовательно старался вернуть городу характер, достоинство и человечность, снова сделать его праздничным и ярким, максимально расширить арсенал средств, обновить традиционный язык и адаптировать нечто самое современное» [2, с. 29].

Рис.4. Гостиница «Октябрьская».

Рис.5. Банк «Гарантия».

Рис.6. Административное здание

Аналитический обзор архитектурных произведений в научном труде А.В. Иконникова

Во втором томе «Архитектура XX века. Утопии и реальность», автор отмечал, что в России в 1990-е годы складывались региональные архитектурные сообщества. На фоне них он особо выделял Нижний: «Среди прочих центров в драматические годы реформ ярко показал себя Нижний Новгород. Архитекторы этого третьего по величине города России, консолидируясь, положили начало не только региональной традиции, но и школе. Становление ее возглавил А.Е. Харитонов (1951-1999), который, несмотря на относительную молодость и раннюю трагическую гибель, сумел объединить большой коллектив концепцией, связавшей местные традиции и собственное внимание к своеобразным контекстам Нижнего Новгорода с глобализацией культуры рубежа тысячелетий... В девяностые годы активный творческий слой нижегородских архитекторов принадлежал в основном к одному поколению почти весь он получил образование в Нижегородском архитектурно-строительном институте.» [1].

Особенностью нижегородской архитектурной школы, безусловно, был и остается осознанно выбранный местными архитекторами метод средового подхода, который характерен для контекстуализма. Именно он позволил на рубеже XX и XXI вв. сохранить масштаб исторического центра Нижнего Новгорода и во многом спасти его от диссонирующей застройки. [2]. Справедливо А.В. Иконников писал, о том, что к ранним советским произведениям контекстуализма в нижегородской архитектуре стала гостиница «Октябрьская» на Верхневолжской набережной (1982-1988) (Рис.4). Контекстуализм в каждом конкретном случае по-разному взаимодействует со своим окружением, и поэтому можно говорить о разновидностях контекстуализма: стилистического, композиционного, ассоциативного, морфологического, декоративного, колористического, в зависимости от принципов и приемов адаптации к городской среде.

А.В. Иконников выявил особенности архитектурного решения у двух банковских зданий - на ул. М. Покровской и ул. Б. Печерской, удостоенных Государственной премии России в 1996 году. Анализируя банк «Гарантия» на ул. М. Покровской (улице купеческих особняков XIX - начала XX века) (Рис.5), он подчеркивал, что «форма основана на вариациях очень свободных тем стиля модерн. Воссоздан общий принцип органического формообразования, соединенный с динамичной текучестью очертаний присущей экспрессионизму... Целое можно прочесть как метафору культуры века соединившей бурную витальность нижегородской буржуазии и аскетизм социалистической утопии...» [1]. Обращаясь к рассмотрению второго значимого объекта, он заявлял, что «В этом случае отсылки к нижегородскому модерну Ф. Ливчака более настойчивы, а ассоциации более прямолинейны.» (Рис.6). Питательной средой для появления и принятия постмодернизма (нового эклектизма с его полистилизмом), стала эклектика XIX в., модерн и ретроспективизм начала XX в. [3]. Постмодернизм «дал нижегородским архитекторам желанную творческую свободу на волне внутреннего протестного настроения против тотальной типизации и стандартизации в архитектуре. Ответ на этот вопрос также кроется в самой истории древнего Нижнего Новгорода, который сформировался как город эклектики,

т.е. синтезировал в своем облике архитектурные стили разных эпох и их смешение.» [4] (Рис.8) Причем, нами установлено, что это полистилистическое явление было представлено здесь всеми шестью стилистическими векторами, выявленными теоретиком западного постмодернизма Ч. Дженксом [5]

Включив в аналитический обзор здание ВОКвнешторгбанка на ул. Решетниковской (Рис. 5), А.В. Иконников сделал вывод, что «определяющим началом во всех работах нижегородцев остается активное отношение к месту и системе среды. Оно, в конечном счете, диктует семантику формообразования.» [1] (Рис.7)

Конец XX века в архитектуре Нижнего Новгорода, отмечен поворотом к неомодернизму начала XXI века. И это явление вновь подметил и зафиксировал в своем капитальном труде А.В. Иконников. Этим поворотным объектом он считал новый корпус банка «Гарантия» (1999 г.), который словно корабль, отправляется в новое время – в XXI век (Рис.9). «Здание характерно для нового этапа становления школы, архитектурный язык которой освобождаясь от прямых исторических реминисценций сохраняет связь с неповторимостью контекста и характером городского ландшафта. Метафоры этого языка основаны на свободных ассоциациях.» [1] А.В. Иконников констатировал, что наступает важный исторический этап в развитии нижегородской региональной архитектуры, век поисков и экспериментов.

Рис. 7. Здание фирмы «Лукойл». Рис. 8. ВОКвнешторгбанк. Рис 9. Вторая очередь банка «Гарантия»

Архитекторы сегодня не отвергают достижения 1990-х: диалог с конкретным местом, с прошлым, с историей, т.е. методы нижегородского контекстуализма не забыты. В Нижнем Новгороде неомодернистская тенденция в большей степени ориентирована на эпоху советского авангарда, как основной источник вдохновения. В перечне средств художественной выразительности неоконструктивизма оказываются, и цвет, и детали, то есть восполняется тот пробел, который существовал в начале XX столетия.

А.В. Иконников в своих трудах определил особенности нижегородской архитектурной школы, сосредоточил внимание на творчестве ее лидеров, которые создали архитектурные произведения на основе местных традиций. Говоря о появлении нижегородской региональной школы, Иконников утверждал, что для того, чтобы архитектурная школа сложилось необходимо наличие ряда факторов и обстоятельств, и подчеркивал, что это все имеется в Нижнем Новгороде. Действительно, в Нижнем Новгороде имеется специализированный вуз, готовящий высококвалифицированные кадры, ориентированные на реальную практическую деятельность, активно действующий творческий союз архитекторов, организующий выставки, круглые столы, творческие экскурсии по новым объектам, проводятся всесторонние научные исследования исторической среды города, проектные институты (в частности, крупнейший в регионе НижегородгражданНИИпроект), творческие мастерские и имеется коллектив профессионалов, объединенных общей культурно-художественной концепцией, а обновленные градсоветы при главном архитекторе города стали школой профессионального мастерства (Рис.10). "Из истории архитектуры мы знаем, что региональные школы вызревали столетиями. Отрабатывались определенные

композиционные приемы, накапливались и проходили тщательный отбор те или иные объемно-пространственные и пластические особенности, возникали профессиональные касты, передававшие секреты мастерства из поколения в поколение. В XX веке время необычайно уплотнилось. На смену большим стилям с их продолжительностью жизни, исчисляемой если не столетиями, то многими десятилетиями, пришли стилевые течения, сменяющие друг друга прямо на глазах - иногда в течение нескольких лет. Наверно, нет ничего удивительного в том, что для становления нижегородской архитектурной школы понадобился срок, за который по оценкам социологов, не успевает смениться одно поколение" [6].

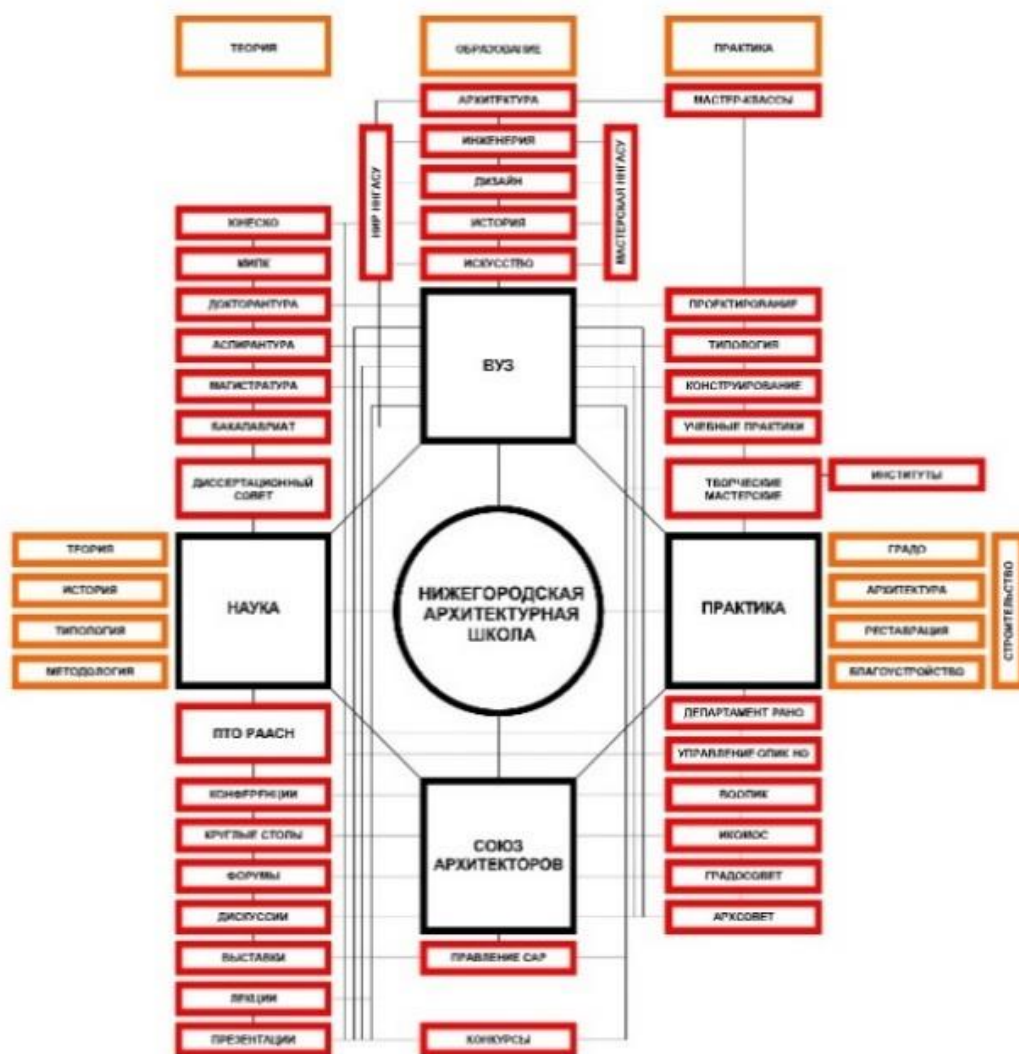

Рис.10. Схема Нижегородской архитектурной школы

Заключение

Архитектура Нижнего Новгорода представляет собой весьма примечательное явление в истории отечественной архитектуры XX века, обладающее сходством и вариабельностью архитектурных стилей, проявляющихся во влияниях, заимствованиях и отступлениях от столичных и зарубежных образцов, и имеет свои стилистические особенности, определяемые местной спецификой. Формируясь в русле развития российской архитектуры, региональная нижегородская архитектурная школа сохраняет установку на конкретное, местное и своеобразное, что является характерной чертой не только для конца XX, но и первой половины XXI века. Нижегородская архитектурная школа, по-прежнему, обладает

высокопрофессиональным кадровым составом, большим творческим и научно-исследовательским потенциалом.

Необходимо констатировать, что научные труды Андрея Владимировича Иконникова оказали значительное влияние на современную архитектуру и во многом **способствовали интеграции отечественного зодчества во всемирную архитектуру**. А.В. Иконников одним из первых привлек внимание архитектурного сообщества России на период становления и расцвета современной региональной нижегородской школы, которая во многом благодаря ему получила всероссийское признание за свой профессионализм, за воплощение идей контекстуализма и внимательное отношение к исторической среде и наследию, а также за развитие среды исторического центра города. Нижегородские архитекторы в эпоху постмодернизма стремились вернуть в город Красоту, сохранить его Историю, возродить его исторические и культурные ценности, а также Традиции.

Литература

1. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т.2.-М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.242, С.244, С. 633, С.634, С.635, С. 636, С.638.
2. Орельская О.В, Худин, А.А. Постмодернизм / О.В. Орельская, А.А. Худин. - Н. Новгород: ООО "БежемотНН", 2019. С.210.
3. Боков А.В. Архитектура как школа. // Проект Байкал. 2020. № 64. С.28, С.29
4. Орельская О.В. Полистилизм как традиция в новейшей региональной архитектуре Нижнего Новгорода // Современная архитектура мира. 2025. № 1 (24). С.73-106.
5. Орельская О.В. Нижегородская архитектурная школа на стыке веков // Проект Байкал. 2020. № 64. С. 42-52.
6. Дженкс Ч.А. Язык архитектуры постмодернизма / Пер. с англ. А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. - М.: Стройиздат, 1985. С. 79.
7. Фесенко Д.Е. Александр Харитонов - Евгений Пестов: у истоков регион. шк. // Архитектур. вестн. - 1994. - № 3. С. 26.

ВКЛАД А.В. ИКОННИКОВА В ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯПОНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XX ВЕКА

**Н.А. Коновалова¹, советник РААСН, кандидат искусствоведения,
заместитель директора по научной работе**

¹Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал «ЦНИИП Минстроя России», Москва

Аннотация. Статья посвящена вкладу выдающегося отечественного исследователя А.В. Иконникова в формирование системного научного подхода к изучению японской архитектуры XX века. На основе анализа его ключевых работ – «Кендзо Танге. Архитектура Японии. Традиция и современность» (1976 г.), монографии «Токио» (1978 г., в соавторстве с Ю.И. Заварухиным) и фундаментального двухтомного труда «Архитектура XX века. Утопии и реальность» (2001–2002 гг.) – показана роль Иконникова как ученого, теоретика архитектуры, впервые в отечественной науке целостно осмыслившего диалог традиции и модернизации в японском зодчестве. Показано, что особое внимание ученый уделял рассмотрению японской архитектуры в общемировом контексте.

Введение

Интерес к японской культуре как к «дикийнному восточному феномену» в России, как и в европейских странах, появился в середине XIX в. и первоначально был связан с декоративно-прикладным искусством и живописью, а уже затем с архитектурой, театром, литературой и музыкой. «Японизм» особенно заметно проявился в русской архитектуре конца XIX – начала XX вв., став одним из наиболее заметных веяний в рамках эклектики и модерна, отражая общий интерес к экзотической культуре недавно открывшейся страны. Формированию этого интереса способствовали первые русские экспедиции в Японию. В 1804 г. в Нагасаки прибыла экспедиция И.Ф. Крузенштерна, целью которой было установление дипломатических и торговых отношений. Хотя миссия не достигла желаемого результата, ее участники оставили одни из первых в России описаний японского быта. Так, например, Крузенштерн с удивлением отмечал хрупкость японских домов и внутренних раздвижных перегородок (как он называл, «бумажных стен») а также пустое внутреннее пространство, поскольку в японских домах, в отличие от европейских, практически отсутствовала мебель [1]. Эти наблюдения, хотя и беглые, стали первыми кирпичиками в фундаменте будущего изучения японской архитектуры.

Важнейшим этапом в накоплении знаний о Японии стали путевые заметки русских путешественников, в которых архитектурные наблюдения занимали ведущее место. Наиболее ярким примером является книга очерков И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада», 1858 г. Писатель, участвовавший в кругосветном плавании, создал не только литературный шедевр, но и ценный источник сведений о японском обществе середины XIX в. Его описание японских домов давало русскому читателю первое представление о непривычной архитектуре. Другим важнейшим источником стали «Очерки Японии», 1869 г., географа и путешественника М.И. Венюкова [2], который, подобно Гончарову, стремился запечатлеть увиденное, фиксируя особенности городской застройки и быта. Эти работы, написанные выразительным живым языком, сыграли ключевую роль в формировании первого, во многом еще экзотического, образа Японии в российском общественном сознании и пробудили интерес к ее архитектуре и, шире, культуре.

Формирование научного подхода

Постепенно накопление эмпирических наблюдений потребовало систематизации и осмысления. Формирование научного подхода заняло несколько десятилетий и было связано с развитием в России академического востоковедения. Одним из первых исследователей, в

чьих трудах содержались ценные сведения о японском зодчестве, был В.М. Мендрин, профессор Восточного института во Владивостоке, известный своими переводами средневековых японских хроник. В его работах можно найти описания архитектуры буддийских храмов и пагод. Хотя архитектура не была его основной специализацией, его труды заложили важную источниковедческую базу в изучение японской архитектуры.

Отдельного внимания заслуживает вклад доктора искусствоведения, директора Государственного музея искусства народов Востока Б.П. Денике, его альбом «Япония» 1935 г. стал, по сути, первой в отечественной науке попыткой дать целостный очерк истории японской архитектуры от VII века до современности. Его работа важна как самая ранняя систематизация материала.

Масштабный научный этап в изучении японской архитектуры в России наступил в послевоенный период. Крупнейший отечественный востоковед Н.И. Конрад в своем фундаментальном труде «Очерк истории культуры средневековой Японии, VII–XVI века», 1980 г., рассмотрел развитие японского зодчества в неразрывной связи с культурой, религией и менталитетом [3]. Его работы отличались глубоким историзмом и комплексным подходом, что позволило вписать историю японской архитектуры в широкий культурный контекст.

Особо следует выделить вклад известного отечественного япониста, доктора искусствоведения Н.С. Николаевой, которая в своих исследованиях, посвященных японской художественной культуре XVI–XVIII вв., последовательно рассматривала вопросы синтеза живописи и архитектуры, показывая их органичное единство [4]. Ее труды стали образцом искусствоведческого анализа, выведя изучение японской архитектуры на новый уровень. В своей обобщающей монографии «Япония-Европа. Диалог в искусстве: середина XVI — начало XX в.» Н.С. Николаева исследует культурные контакты Японии и Европы на протяжении нового и новейшего времени.

Вклад Г.Б. Навлицкой также весьма значителен, он заключается в смещении фокуса с изучения отдельных памятников на комплексный анализ города и городской среды. В своей книге «Бамбуковый город», 1975 г., она обращает внимание на особые пространственные характеристики японских городов. Ее книга «Осака», 1983 г., представляет собой глубокое погружение в историю, культуру и архитектуру города, демонстрируя авторский метод исследования городской идентичности.

А.В. Иконников как теоретик японской архитектуры

В контексте исследования архитектуры Японии в России, особое внимание заслуживает фигура Андрея Владимировича Иконникова — выдающегося историка и теоретика архитектуры, доктора архитектуры, академика РААСН и одного из ведущих представителей российской архитектурной науки второй половины XX века. Вклад А.В. Иконникова в изучение японского зодчества трудно переоценить, так как его работы способствовали формированию системного и аналитического подхода к этому феномену, что позволило значительно углубить понимание его специфических особенностей и исторического развития.

В 1976 году под редакцией А.В. Иконникова, с его предисловием и комментариями выходит сборник статей выдающегося японского архитектора Кэндзо Тангэ «Архитектура Японии. Традиция и современность», рис.1 [5]. Эта работа стала значимым изданием, вводящим отечественного читателя в круг профессиональных исканий Кэндзо Тангэ. Изданная полвека назад, она и сегодня сохраняет свою научную актуальность, выступая глубоко осмысленной, редакторски выверенной публикацией, способствующей пониманию того, как в послевоенной Японии происходил синтез многовековой национальной традиции и актуальных модернистских тенденций. Эту книгу мало назвать просто этапным трудом, она сразу стала настольной как для студентов, так и для профессиональных архитекторов и историков архитектуры, служа важнейшим источником для знакомства с трудами одного из лидеров мирового модернизма и его видением путей развития японской архитектуры.

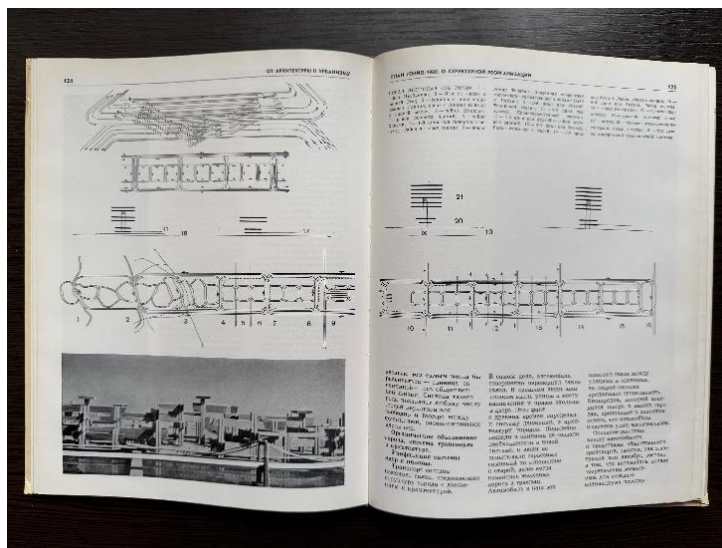
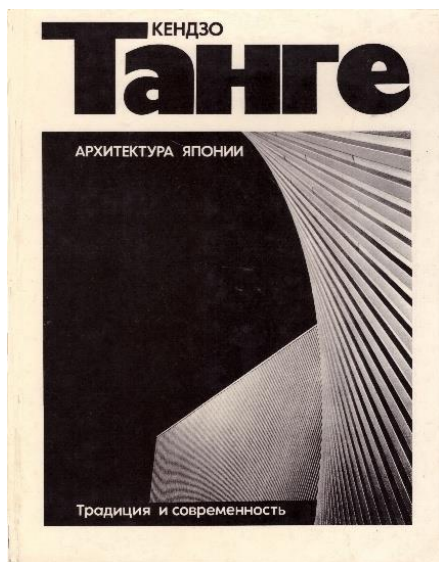

Рис.1. Книга «Кэндзо Танге. Архитектура Японии. Традиция и современность», 1976 г.

Книга «Архитектура Японии. Традиция и современность» представляет собой сборник статей и эссе крупнейшего японского архитектора XX столетия Кэндзо Тангэ, созданных на протяжении двух десятилетий. Ее появление в то время в нашей стране стало возможным как благодаря авторитету Тангэ, чье творчество, глубоко национальное по духу, приобрело всемирное значение, так и авторитету Андрея Владимировича Иконникова, который обладал настоящим научным чутьем в отборе наиболее интересных, перспективных и обсуждаемых профессиональным сообществом тем. Для отечественной науки того времени это был значительный прорыв, позволяющий изучать японскую архитектуру через саморефлексию ее ведущего представителя. Именно А.В. Иконников выступил тем связующим звеном, которое превратило эту книгу в настоящее событие отечественной архитектурной мысли, надолго определившее как вектор развития советской архитектуры, так и научные исследования в области архитектуры Японии.

Немалую ценность изданию придает предисловие Андрея Владимировича «Кэндзо Тангэ и современная японская культура», представляющее собой аналитический очерк, вводящий творчество японского мастера в широкий контекст развития мировой архитектуры. Включенные в сборник работы сгруппированы по ключевым проблемным направлениям, волновавшим архитектора. Центральная тема — проблема соотношения традиции и новаторства, особенно актуальная для Тангэ на рубеже 1950–1960-х годов. Статьи раскрывают творческую лабораторию мастера, позволяя проследить эволюцию его метода на примере таких знаковых проектов, как Мемориальный парк мира в Хиросиме, Олимпийский стадион Ёёги и собор Святой Марии в Токио. Важным дополнением являются материалы дискуссий с Аратой Исодзакки о направлениях в современной архитектуре, а также анализ градостроительных концепций К.Тангэ.

Вопросы поиска национальной идентичности в условиях глобализации, которые поднимает Тангэ, остаются остроактуальными и сегодня. Анализ его метода, основанного не на копировании традиционных форм, а на их творческом переосмыслении, продолжает быть предметом современных научных исследований [6]. В 1987 году Кэндзо Тангэ был удостоен Притцкеровской премии. В Советском Союзе его авторитет был столь высок, что Российская академия архитектуры и строительных наук удостоила его звания иностранного члена РААСН.

В 1978 году в соавторстве с Ю.И. Заварухиным А.В. Иконников выпускает книгу «Токио» [7], рис. 2. В ней авторы не только описывают особенности пространственного восприятия японцев, кардинально отличающегося от европейского, но и впервые в отечественной науке представляют целостную картину развития столицы Японии — от

древнего Эдо до одного из крупнейших мегаполисов мира второй половины XX века. Авторы показали Токио и японскую архитектуру как динамичную лабораторию современности, где исторические катастрофы (землетрясения, цунами, Вторая мировая война) и беспрецедентный экономический рост создали уникальную среду для архитектурных экспериментов.

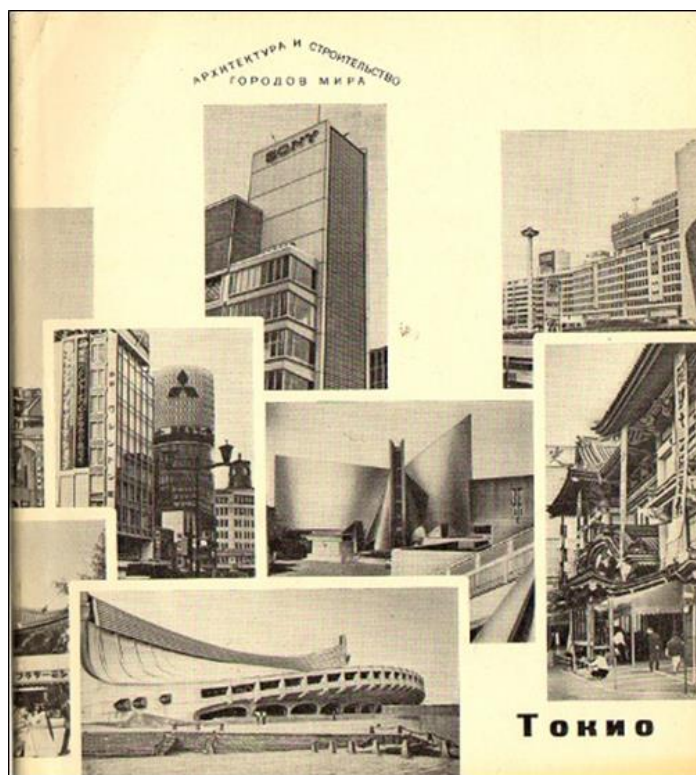

Рис. 2. Книга Иконников А.В., Заварухин Ю.И. «Токио», 1978 г.

Книга охватывает три крупные тематические области. Прежде всего, авторы показывают историческую эволюцию Токио от зарождения небольшого портового поселения Асакуса до превращения его в Эдо, столицу Японии, и впоследствии формирования одного из крупнейших и густонаселенных мегаполисов мира. Во-вторых, одной из ключевых идей книги стало выявление специфики японского пространственного мышления, в корне отличающегося от воспитанного европейской культурой. И, наконец, представлена современная авторам архитектурная панорама Токио 1960–1970-х годов, где, по их наблюдению, проявилась вся «сложность и противоречивость явлений городской культуры современной Японии», которая и определила «озадачивающую сложность города» [7, с.12]. Эта книга – анализ городского организма во всей его сложности: от метаболизма К. Курокавы до небоскребов и деловых центров, от проблем транспорта и микрорайонов до символики общественных и культурных центров.

С методологической точки зрения, авторы предъявили синтез двух важнейших подходов: историко-культурного и градостроительного. Первый позволил выявить устойчивые черты японской архитектурной традиции (открытость пространства, гибкость внутренней планировки, связь с природным ландшафтом), а с помощью второго удалось показать, как эти черты трансформируются в условиях сверхплотной застройки, высотных деловых центров, скоростных транспортных магистралей и типового жилья. Авторы не стали ограничиваться внешним описанием достопримечательностей японской столицы, они поставили более сложную задачу - проследить диалог традиции и модернизации на конкретных примерах построек послевоенных десятилетий.

Научная значимость книги определяется несколькими факторами. Во-первых, в советском искусствознании и архитектуроведении 1970-х годов Япония оставалась недостаточно изученным регионом с точки зрения современных градостроительных процессов. Работы западных авторов (например, Б. Таута, В. Гропиуса), отечественным историкам архитектуры, конечно, были известны, но систематического анализа Токио как живого, динамичного, постоянно меняющегося архитектурного организма практически не существовало. А.В. Иконников и Ю.И. Заварухин восполнили этот пробел, предложив не только фактологическое описание, но и концептуальное осмысление современного им японского урбанизма.

Иконников вписывает архитектуру Японии в широкую панораму мирового зодчества XX века. В своем фундаментальном двухтомном труде «Архитектура XX века. Утопии и реальность», 2001–2002 гг. [8] он посвящает отдельный раздел послевоенному развитию Японии. А.В. Иконников воспринимал японскую архитектурную школу не просто как одну из национальных школ, он считал ее уникальным экспериментальным полем, на котором драма «утопии и реальности» разыгрывается с особой остротой. Хотя автор не выделяет Японию в отдельную главу, ее архитектура последовательно возникает в ключевых узловых точках повествования, выполняя роль «лакмусовой бумажки» для каждого из крупных стилевых поворотов XX века. Японское зодчество предстает у Иконникова как парадоксальный сплав глубочайшей традиции и радикального новаторства.

Наиболее полно эта концепция раскрывается во втором томе, в разделе о «буме» в архитектуре Юго-Восточной Азии. Иконников анализирует, как послевоенное восстановление и экономический рост превратили Японию в полигон для смелых архитектурных экспериментов, где европейские утопии модернизма встречались с восточным пониманием пространства. Важно подчеркнуть, что А.В. Иконников связывает японский архитектурный бум с глубинными социокультурными процессами — от изменения бытового уклада до философского переосмысления традиций. Иконников последовательно раскрывает процессы, происходящие на периферии западного мира, в Японии, где на стыке традиции и модернизации рождались одни из самых смелых и плодотворных архитектурных идей XX века. В этом фундаментальном труде японское зодчество предстает как уникальное экспериментальное поле, на котором драма взаимодействия утопии и реальности разворачивается с особой остротой, что позволяет преодолеть европоцентризм в историко-архитектурной теории.

Заключение

А.В. Иконников занимает особое место в отечественной истории изучения японской архитектуры. Его деятельность как исследователя, редактора, переводчика, способствовала формированию в российской науке системного, аналитического подхода к осмыслению японского зодчества как полноправной и самобытной составляющей мирового архитектурного процесса.

Особого внимания заслуживают фотографии из его книг, ведь многие из них впервые были введены в научный оборот. Андрей Владимирович много путешествовал и из каждой поездки привозил сотни фотографий, обладающих не только фактической, но и художественной ценностью, позволяя читателю увидеть, как величие замысла архитектора, так и красоту конструкций и деталей.

Таким образом, будет справедливо утверждать, что А.В. Иконников не только обогатил российскую науку новыми фактами и именами, но и создал методологическую основу для понимания японской архитектуры как динамичного, но в то же время, уважительного диалога тысячелетней традиции с новейшими поисками и экспериментами. Его труды сохраняют актуальность и сегодня, служа ориентиром для дальнейших исследований взаимодействия культур в глобальном мире.

Литература

1. Крузенштерн, И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» / И. Ф. Крузенштерн. — В 3 ч. — СПб. : Морская типография, 1809–1813. — Ч. 2.
2. Венюков, М.И. Очерки Японии / [соч.] М. Венюкова. - Санкт-Петербург, 1869.
3. Конрад, Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии, VII–XVI века. - Москва : Искусство, 1980.
4. Николаева Н.С. Художественная культура Японии XVI века. М.: Искусство, 1986.
5. Кендзо Танге. Архитектура Японии. Традиция и современность : сборник статей / пер. с англ. И.С. Глускера, А.В. Иконникова, А.Е. Сумеркина ; сост., авт. предисл. и коммент. А.В. Иконников. — М. : Прогресс, 1976.
6. Коновалова, Н. А. Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства / Н. А. Коновалова. – Москва; Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2017.
7. Заварухин Ю.И., Иконников А.В. Токио. — Ленинград: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1978.
8. Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность : В двух томах / А. В. Иконников. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001—2002.

АКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ИНТЕГРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ

М.В. Дуцев^{1, 2, 3}, член-корреспондент РААСН, доктор архитектуры, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды, главный научный сотрудник, зав. отделом проблем теории архитектуры, профессор кафедры архитектуры и реставрации Инженерной академии

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижний Новгород*

²*Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал «ЦНИИП Минстроя России», Москва*

³*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*

Аннотация. В работе поднята актуальная проблема обновления архитектурной теории на основе интеграции средовых приоритетов: онтологических, социальных, экологических, творческих. Акцент сделан на формировании нового ресурса для образной активации пространства города, которым, согласно авторской концепции, выступит спектр «художественных элементов» архитектурной среды. Предложенная теория одновременно опирается на традицию отечественного авангарда и на сегодняшние профессиональные тенденции, при этом адресно учитывая индивидуальность архитектора.

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных научных исследований РААСН и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ на 2026 год.

Художественный язык архитектуры глубоко специфичен; как и язык родственного архитектуре дизайна, его отличает неразделимая связь художественного и внехудожественного, самой жизни и ее отражения в образах. Проблемы художественного языка в архитектуре переплетаются с очень широким комплексом проблем зодчества в целом, связаны и с очень широкой социокультурной проблематикой.

А.В. Иконников, «Художественный язык архитектуры», 1985 [1, с. 10]

Введение

Актуализированная сегодня средовая проблематика красноречиво характеризует повороты в современно архитектурном мышлении, связанные, прежде всего с попыткой самоопределения человека и с развернутой междисциплинарной повесткой. Действительно, ситуация «потерянности» в мире (мировоззренческая и, в частности, профессиональная), утраты ясных ориентиров и лавинообразного нарастания информационных потоков обуславливает не только характерную растерянность перед кругом многочисленных проблем, но и рождает определенный потенциал для редактирования, дополнения, или даже глобального пересмотра ключевых стратегий организации пространственного окружения человека. Среда как максимально вместительное понятие, описывает явление, которое не во всем еще подвластно человеческому зрению, уму, интуиции. Некая многозначная область обитания, в которой человек оказывается (рождается, приходит, уходит) и одновременно с этим формирует, где он является далеко не единственным жителем (не первым и, наверное, не последним), вступает во взаимодействия или остается сторонним наблюдателем, может быть понята и определена как среда, но, совершенно очевидно, что не может быть полноценно «схвачена» исключительно архитектурной теорией. Заведомая недосказанность, тайна (или таинство?) и принципиальная незавершенность среды могут стать катализаторами альтернативной теории, изначально переходящей дисциплинарные границы.

Вместе с этим, именно архитектуре, и во многом не теории, а архитектурной практике, приходится каждодневно сталкиваться с решением нетривиальных средовых задач. Этот рядовой опыт показывает и доказывает, что нынешний вектор средоформирования вряд ли может исходить из позитивистских представлений о действительности или следовать авторитарной логике. Среда ежеминутно как бы участвует в своем становлении – и это саморазвитие порождает один из базовых, сущностных принципов в работе со средой (теоретической или проектной), а именно постоянное соотнесение концептуальных предположений и теоретических обобщений с той отчасти скрытой механикой, которая движет этими процессами. Архитектор-профессионал, исследователь или пользователь играет роль соучастника, но не руководителя. Иной раз – это роль ученика или подмастерья... Показательным примером здесь может послужить природа с ее органикой и законами постоянных метаморфоз, не перестающими удивлять, вдохновлять и местами озадачивать человека.

Признавая такую двойственную ситуацию, постараемся в своих размышлениях сохранять единовременное присутствие внутри и «снаружи» средового поля современности. Во всяком случае, предпочтительно аккуратное следование определенной органике высказанных тезисов, их закономерной встроенности в логику развития пространственного окружения человека и наполняющих его связей.

Проблемы средоформирования. На пути к интегративной средовой концепции

Одной из традиционных отправных точек в теме среды остается человек, хотя его онтологическая роль в этом вопросе весьма неоднозначна [2]. Среда формирует окружение человека, в которое он помещен, что может в каких-то крайних позициях означать его пассивную роль. Данное сомнение усиливает знание о нечеловеческих агентностях среды, внимание к которым сегодня заметно и объективно возросло [3]. Таким образом, важный, хотя и не самый новый, тезис о «человекомерной» или человеко-ориентированной среде будем принимать с упомянутыми выше оговорками. Также существенно, что среда может быть сориентированной на человека как на часть социума или как на конкретную личность, уникальную индивидуальность. Безусловно, речь должна идти о сбережении и обогащении антропного начала, о многоосновном учете человеческого измерения среды. Однако отметим, что исследование подтверждает влияния еще двух крупных приоритетов темы, задающих взаимообусловленные векторы средоформирования: этико-экологическую стратегию, направленную на формирование отзывчивой и устойчивой среды, и художественную стратегию, объемно определяющую средовой образ.

Определяющим видится использование объемной модели с набором мигрирующих оснований, концептуальных полюсов, которые не только противостоят друг другу, но и выступают в сложном диалогическом единстве, в определенном смысле, – «приходят» вместе в культуру цивилизации, когда воздействие одного предопределяет «ответ» другого. Основой желаемой теории послужит сгармонизированное соотношение и интеграция традиционных и инновационных начал, а обновленная диалектика связей будет выстроена на новом способе прочтения противоречий. Просматриваются ли при этом черты новой сложноорганизованной цивилизации либо новой более отзывчивой архитектурной парадигмы – покажет время.

Сегодняшние представления о среде жизни, созданной человеком, все чаще фокусируются вокруг понятий дружелюбности, доступности, интерактивности, мобильности и адаптивности, медиативности, экологичности. В меньшей степени задействованы понятия образные – среда как место ментальной самоидентификации, эмоциональный «дом» (или наоборот) – такие способы понимания среды сегодня больше включаются в рекламные и увеселительные стратегии [4]. Вероятно, для здорового пребывания человека в своем окружении, среда обязана сохранять принцип наследования как наиболее общих, так и частных сюжетов. Итак, первое, возможность продления идентичности (рис. 1.). Второе – связь предметно-пространственных мер и жизненных токов,

скоростей, состояний и особенностей мира, населяющего пространство. Человек, для нас центральный, но, признаем, не единственный обитатель. Третье – техническая и технологическая «этика», основанная на приоритете витальных начал и природосбережения. Социальная адаптация и адаптивность. Экологическая устойчивость, вернее даже, отзывчивость. Наконец, желаемая эстетическая компонента, основанная на художественной интеграции [5].

Рис. 1. Башня Горани и новый комплекс Палаццо Имперiale в Милане (Palazzo Gorani a Milano). Architect Gianluca Zambotti. 2017 г. Фото М.В. Дудева, 2019 г.

Не раз отмечалось (в частности автором данного текста), что коммуникация в области архитектуры в значительной степени затруднена [6]. Это касается практически всех ее сторон и большинства смыслов: в отношении к истории, окружающей среде, профессиональному сообществу либо обществу за пределами профессии. Не случайно академик А.В. Иконников напоминал нам, что на сегодняшний день ордер — единственный «говорящий язык» за пределами профессии [7]. Какая же коммуникация востребована сегодня и в какой степени? В любом случае, она будет представлять весьма сложную взаимосвязь разного. Архитектор (дизайнер, художник), который имеет свои интуиции и мотивы, выращенные внутри творческой лаборатории. Профессиональное сообщество, столь разнонаправленное, амбициозное и почти по-детски ранимое одновременно. Архитектура в совокупности проявлений – от функциональной до сакрализованной. Пользователь-адресат, пребывающий в своем культурном поле и обремененный личной историей [8]. Единой общей платформы на сегодняшний момент не обнаруживается, а вот отыскать и зафиксировать некие спасительные пересечения – миссия актуальная и благородная.

Один из актуальных ориентиров, зафиксированных во многих сферах культуры (к примеру, в художественной, технической, в частности, цифровой) заключается в мышлении областями, полями, некими «облаками» значений или переменных, чьи границы не вполне четко очерчены. Применяются понятия, родственные «атмосфере» [9], словно вновь туманное может дать больше «точных» ответов, чем «ясный контур». Среда выступает способом коммуникации – развитой оболочкой, где можно комфортно существовать между объектами, как, например, в архитектурной среде, обтекающей здания, пронизывающей их, связывающей с природой, обозначающей деятельностные активности, тем самым выходя в социальное измерение. Расширенный взгляд на средовую проблематику способен охватить и найти в ней место не только человеческим, но и иным проявлениям мира живой и неживой природы. Всевозможные организмы, механизмы, вещи, природные явления, политические и экономические сценарии, физические и химические процессы, магнитные бури и многие другие участники тоже оформляют среду. В теоретическом плане присутствие и роли

вышеперечисленных участников «коммуникации» в средовых сценариях уже не вызывает удивления. В этой точке наших размышлений пора вернуться к архитектуре в среде как к единому полю искусства, науки, практики, границы которого проницаемы и подвижны.

Концепция трансформационного «художественного элемента» архитектурной среды

Рассмотрим иной взгляд на художественную проблематику среды, тем самым задавая необходимую «объемность» теме. Предлагается понятие нового «художественного элемента» архитектурной среды отчасти по аналогии с теорией «прибавочного элемента» К. Малевича [10]. Для начала важно обратить внимание на возможности творческой интерпретации среды, а также обратиться к не в полной мере раскрытому потенциалу средового отклика в сознании адресата, что подтверждает потребность в определенных художественных активаторах жизненного пространства человека, которыми и должны стать искомые элементы (или коды). Логика поиска ключевого пластического мотива может быть вполне оправданно разработана на примере художников XX-XXI вв., начиная с мастеров Авангарда и заканчивая отечественными концептуалистами и нашими современниками, работающими с пространством на границе с архитектурой. В свою очередь, анализ сегодняшнего практического опыта подсказывает возможность вычленения активирующих элементов в творчестве современных архитекторов на основе предварительного обобщения наиболее влиятельных средовых тенденций, отличающихся именно концептуальной новизной, характеризующих средовой «поворот» в осознании и восприятии архитектурной среды, который наблюдается сегодня в архитектуре и в смежных областях: социальной, экологической, технологической, художественной.

Сделаем акцент на предпосылках формирования новой «художественности» среды, реализованные примеры которой уже встречаются (рис. 2.), однако, не сопровождаются погруженной теоретической рефлексией. В рамках предлагаемой теории автором сформирована первоначальная систематизация «художественных элементов» среды, в зависимости от их средового действия: «художественный мотив», «художественный архив», «художественный след», «художественный генератор», «художественный проводник», «художественный медиум», «художественный активатор», «художественный гибрид». Обозначенные элементы и примеры их практической реализации следует рассматривать в системе базовых концептуальных направлений: «история», «инновации», «ощущение», «структура», «искусство», «интеграция». Представляется уместным выделить актуальные «художественные элементы» архитектурного средоформирования на стыке традиций и новаций художественно-пластического языка, мировоззренческих установок архитектора, господствующих тенденций и междисциплинарных влияний. Взаимосвязанное исследование актуальных смысловых и образных приоритетов в средоформировании и активных сегодня эстетических первоэлементов архитектуры планируется продолжить, проводя их дальнейший поиск, уточнение и систематизацию в направлении интегральной теории архитектурно-художественной среды.

Рис. 2. Учебный центр Rolex Федеральной политехнической школы Лозанны (EPFL, Швейцария). Архитектурное бюро SANAA, 2010 г. Фото М.В. Дуцева, 2018 г.

Заключение

Подводя итог, приходим к выводу, что на сегодняшний день наиболее остро встала проблема недостаточной сформированности среды жизнедеятельности современного человека. При организации городской среды архитектором, градостроителем или урбанистом часто упускаются из внимания или не в полной мере реализуются вопросы полноты восприятия среды человеком, средовой адаптивности, этические моменты сосуществования в сложной городской экосистеме, аспекты художественной выразительности и эмоциональной наполненности пространства, а также некоторые важные экологически полезные инновации. В рамках заявленной темы была предпринята попытка первоначальной разработки отдельных научных положений новой теории средоформирования, основанной на методологии взаимосвязанного рассмотрения философских, социальных, этических, экологических и образных составляющих среды жизнедеятельности современного человека.

Рассмотренная выше новая авторская «художественная» теория архитектурной среды демонстрирует арсенал действенных средств и приемов для образной активации городского пространства при возможном и желательном применении на практике. Планируется дальнейшая разработка и систематизация «художественных элементов», что может быть использовано практикующими архитекторами в вопросах комплексного эстетического развития и совершенствования городского пространства отечественных городов.

Литература

1. Иконников, Андрей Владимирович. Художественный язык архитектуры / А. В. Иконников. — Москва : Искусство, 1985. — 175 с. : ил. : 21 см — (Пробл. искусства и архитектуры)
2. Дuceв М.В. Курбатов А. К новым онтологиям в архитектуре. Часть 1. Эволюция онтологических схем // Приволжский научный журнал. – Н. Новгород: ННГАСУ. – 2024, № 2, С. 156-162. <https://pnj.nngasu.ru/word/articles/2-2024/19.pdf>
3. Невлютов М. Р. Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу? // Городские исследования и практики. Т. 9. No 2. С. 6–14. URL: <https://usp.hse.ru/issue/view/1441/1307>
4. Гладышева, М. В. Синтетическое архитектурное пространство как семантический континуум / М. В. Гладышева // Приволжский научный журнал. – 2025. – № 2(74). – С. 255-263. – EDN MHFDQK
5. Дuceв М.В. Пути художественной интеграции в новейшей архитектуре / Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик: коллективная монография / авт.-сост. и отв. ред. Т.Г. Малинина. – М. : БуксМАрт, 2020. – 500 с.: ил., С. 12–45.
6. Дuceв, М. В. Актуальный язык архитектуры. Индивидуальность архитектора в пространстве современного города // Художественная культура, 2024, № 4 С. 90–100.
7. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А. В. Иконников. – М. : КомКнига, 2006. – 352 с.
8. Гельфонд А.Л. Адресат архитектуры и жизнеспособность архитектурного объекта / Теория и история архитектуры. Выпуск 1: XI Иконниковские чтения: материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И.А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2020. – 296 с. : ил. ISBN 978-5-4462-0128-0, С. 31–50.
9. Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики / редакция 01.01.2018 теория/ <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/>
10. Малевич, К. С. Черный квадрат / К. С. Малевич. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. – 576 с.

О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗОДЧИЙ БУДУЩЕГО И XIV ИКОННИКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ В ННГАСУ*

А.Л. Гельфонд^{1,2}, академик РААСН, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования, главный научный сотрудник

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород*

²*Центральный научно-исследовательский институт Минстроя России, Москва*

26–27 февраля 2026 года в Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Зодчий будущего», которая была учреждена Российской академией архитектуры и строительных наук и ННГАСУ под председательством президента РААСН Д.О. Швидковского и ректора ННГАСУ Д.Л. Щеголева. Конференция началась с XIV Иконниковских чтений, посвященных 100-летию со дня рождения академика РААСН Андрея Владимировича Иконникова. Куратором выступила председатель Приволжского отделения РААСН А.Л. Гельфонд. Прозвучало восемь докладов ведущих ученых, членов РААСН. В развернутых текстах и презентациях нашла свое отражение разносторонняя научная деятельность А.В. Иконникова, его видение развития отечественной и зарубежной архитектуры, а также преемственность обозначенных ученым векторов в архитектурной теории и практике в последние десятилетия.

С первым программным докладом «О значении А.В. Иконникова в развитии истории и теории архитектуры» выступил президент РААСН Д.О. Швидковский. Проследив творческий путь А.В. Иконникова в архитектурной науке, Д.О. Швидковский обозначил основные вехи становления ученого и сосредоточился на опережающих свое время идеях академика Иконникова, отметил широкий спектр его научных интересов, остроту и глубину историко-теоретических открытий.

И.А. Бондаренко продолжил тему широты охвата научных изысканий и уникальных знаний А.В. Иконникова докладом «Архитектор – ученый – энциклопедист».

Свой доклад «Академик архитектуры А.В. Иконников и Нижегородская архитектурная школа» О.В. Орельская предварила данными об истоках связи ученого с Нижним Новгородом. Показала дом С.А. Иконникова на ул. Малая Покровская в Нижнем Новгороде – особняк в стиле академической эклектики, принадлежавший в начале XX века предкам ученого, ныне объект культурного наследия регионального значения. Проанализировала отдельные объекты нижегородской архитектуры, которым уделял внимание в своих исследованиях А.В. Иконников, а также объектах, наследовавших им.

Рассказывая «О статье А.В. Иконникова «Москва – столица и знаки столичности», И.А. Добрицына пришла к выводу, что в этой статье А.В. Иконников доказывал следующее: российское архитектурное сообщество постепенно переходило от главенства архитектурных символов религии в центральной части города к главенству архитектурных символов культуры самой страны в четко избранных точках города Москвы. А тем самым российская архитектура всё глубже включалась в стремительно усложняющееся культурно-технологическое движение архитектурной мысли мирового масштаба.

* Статья опубликована в информационном разделе журнала «Academia. Архитектура и строительство», 2026, № 1, С. 194–196

Т.А. Славина в докладе «Архитектура и Обыватель» высказала гипотезу, что архитектор служит обывателю, и остановилась в этом ракурсе на теме классики и модернизма в архитектуре.

Преимственность намеченных А.В. Иконниковым историко-теоретических направлений исследований в сегодняшней работе НИИТИАГ отразилась в докладе Н.А. Коноваловой «Идентичность в современной архитектуре. Попытки теоретического осмысления».

В докладе М.В. Дудева «На пути к интегральной архитектурно-художественной среде» была предложена новая авторская концепция трансформационного «художественного элемента» архитектурной среды. Были выделены и описаны актуальные «художественные элементы» архитектурного средоформирования: переосмысление, интерпретация и «овеществление» художественного материала; диалог старого и нового, нелинейные модели, аттракторы, алгоритмические и фрактальные структуры, скульптурная пластика «открытой формы» и пластические «вирусы» в теле здания, цвет как эмоциональный средовой активатор, включение живой или неживой природы при создании атмосферы, а также ряд инверсных подходов – образное «вычитание» и перенос выразительной фактуры на не архитектурное окружение.

В заключение этой части конференции «Зодчий будущего» с обзорным докладом «Из истории Иконниковских чтений» выступила А.Л. Гельфонд. Проанализировав ретроспективу Иконниковских чтений, тематические названия и программы каждого из них, автор сосредоточила внимание на постоянном обогащении выступлений новыми актуальными вопросами. В результате удалось выявить следующие основные крупные блоки научных тем, сложившихся к настоящему времени. Отметим сразу, что именно они составляют основу тем фундаментальных научных исследований в архитектурной науке:

1. Теоретические проблемы архитектуры:
 - вопросы идентичного и глобального в архитектуре,
 - диалог традиции и новаторства в архитектуре,
 - региональная архитектура,
 - феноменология в архитектуре,
 - художественная интеграция в архитектуре.
2. Проблемы градостроительства, урбанизма, ландшафтного урбанизма:
 - вопросы расселения,
 - связь архитектуры и природы,
 - формирование архитектуры общественных пространств.
3. Архитектурная типология зданий и сооружений:
 - вопросы проектирования жилища,
 - вопросы проектирования общественных зданий,
 - гибридная архитектура,
 - вопросы взаимодействия архитектуры и дизайна,
4. Творческие концепции мастеров архитектуры.
5. Архитектурное образование.
6. Взаимодействие архитектуры с культурой и наукой, междисциплинарные исследования:
 - информационное пространство и архитектура,
 - параметрическая архитектура,
 - адресат архитектурного произведения.

Необходимо отметить, что именно этот круг вопросов, который можно обозначить как «теоретические исследования академика А.В. Иконникова – путь к адресату», нашел свое дальнейшее раскрытие в научных докладах на секции «Архитектура: история, теория, практика». В круг докладов вошли исторические исследования: особенности формирования историко-архитектурной среды городов и поселений, проблемы региональной архитектуры, наследие мастеров архитектуры; теоретические исследования: проблемы стиля в

архитектуре, теория художественной интеграции в архитектуре, теория реставрации; типологические исследования: формирование архитектуры актуальных типов зданий и общественных пространств, архитектурная модернизация, адаптация, приспособление ОКН для современного использования.

В заключение приведем сухие цифры: на конференции прозвучало 47 докладов ученых из двенадцати городов: Москвы, Минска, Нижнего Новгорода, Волгограда, Иванова, Костромы, Новосибирска, Самары, Санкт-Петербурга, Уфы, Ярославля. Семь докладов представили ученые из Белорусского национального технического университета. 13 докладов были заявлены для заочной формы участия. В конференции участвовали шестнадцать докторов наук, двенадцать кандидатов наук, двадцать аспирантов, восемь практикующих архитекторов.

Всероссийская научная конференция «Зодчий будущего» задумана РААСН и ННГАСУ как «распределенная» по всему учебному году. Так, в марте она продолжится секцией «Ландшафтная архитектура. Актуальные вопросы науки и практики», в апреле – сразу двумя секциями: «Цифровые технологии будущего» и «Геофорум. Нижний Новгород», в мае – секцией «Экологическая безопасность и устойчивое развитие урбанизированных территорий и образовательной среды».

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗОДЧИЙ БУДУЩЕГО». СЕКЦИЯ АРХИТЕКТУРА: ИСТОРИЯ ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Д.О. Швидковский^{1,2}, президент РААСН, академик РААСН, доктор искусствоведения,
профессор, ректор ФГБУ ВО «МАРХИ»

¹Российская академия архитектуры и строительных наук, Москва

²Московский архитектурный институт, Москва

В архитектуре и в России, и во всем мире сегодня стремительно складывается новая, можно сказать, революционная ситуация. Учитывая несомненные высокие успехи отечественного профессионального образования, мы не должны допустить утраты его наработанных качеств, а такая опасность есть, особенно в связи с появившимися мощными вызовами современных технологий. На недавней встрече с ректорами китайских архитектурных университетов мы пришли к выводу, что невероятно быстро, самое позднее через пять лет, профессия станет существенно иной. По сдержанной статистике уже сегодня 80 процентов американских и китайских студентов используют искусственный интеллект при выполнении курсовых и дипломных работ.

В области архитектуры и строительства ситуацию пока сдерживает разница в понимании пространства между человеком и машиной, а также в критериях совершенства и красоты. Но над этим активно работают специалисты по информационным технологиям, и стремятся помочь они в первую очередь компьютерам, а не нам, и, вероятно, скоро они добьются существенного продвижения этого процесса в пользу нейросистем.

Чем плохой результат студента станет отличаться от хорошего? Он будет зависеть не от его знаний, а от умения правильно поставить задачу перед искусственным интеллектом. А затем от способности студента оценить предложенное решение или полученные данные. И в лучшем случае обучающийся найдет способ внедрить задуманную им инновацию или образ. Обещают, что новые технологии не подавят творческую инициативу, а, напротив, освободят место большей свободе воображения и изобретения. Это оптимистический сценарий, и он не преобладает в оценке будущего образования, пессимистов, кажется, пока больше.

В любом случае, само профессиональное мышление будет радикально меняться, его структура, способы, задачи, и для нас сегодня наиболее существенное – подготовиться к этим стремительным и радикальным переменам, разработать соответствующий новым реалиям характер профессиональной ментальности. Высшее образование должно создать компетенции для оценки предложений и результатов искусственного интеллекта. Для такого действия у нашего архитектурно-строительного образования есть значительный запас прочности, и это его вековые традиции.

В отечественной архитектуре и профессиональной школе уникально то, что в ней последовательно, в ходе столетий, осуществлялись творческие открытия мирового уровня, и они не сменяли одно другим, а синтезировались, образуя признанную и в России, и на Западе, и на Востоке систему подготовки архитекторов и строителей. На ее фундаменте не раз рождались первостепенные для всего мира творческие достижения. [1]

Идеи создания Академии и Университета в России начали осуществляться Петром Великим одновременно, 301 год назад в связи с необходимостью строительства новой столицы и преобразования крепостей, городов и путей сообщения в империи. Нашему государству пришлось проходить путь создания архитектурной и строительной школы современного типа невероятно быстро. Вместо веков, как это эволюционно совершалось в

Европе, переход от подготовки в практически работающих командах крупных архитекторов и строителей к обучению в высшей школе в России занял всего пятьдесят лет, естественно, с использованием передового зарубежного опыта. Уже к 1780-м годам мы сравнялись в технологиях строительства и архитектурной стилистике с ведущими странами Западной Европы. Наши соотечественники проявили удивительную способность к стремительному обучению. Предполагаю, что это национальное свойство сохранилось, и мы должны на него опереться в новых теперешних условиях.

В эпоху императрицы Екатерины II, главной героини эпохи Просвещения в России, национальная строительно-архитектурная школа приобрела зрелость и в создававшихся ею образах, и в системе обучения законам классической традиции, идущей от Античности.² Классицизм стал единым государственным стилем и, как таковой, явился стержнем русской архитектурной школы, и достиг самого высокого мирового уровня. Это ярко выявляет роль государственного заказа в профессиональном образовании как основного направляющего фактора развития педагогической системы, что сохранялось в течение прошедших веков, и приобретает новый и еще более существенный характер сегодня, когда образовательный заказ должен стать предметом диалога между государством и профильным сообществом, что приобретает первостепенное значение в связи с происходящей достаточно часто сменой государственных образовательных стандартов. Среди указов первого дня президентства Трампа был меморандум о красоте зданий, возводимых на федеральные средства, имеющий силу закона, подчеркнувший роль традиционной архитектуры и строительства. В Китае заметна ориентация на наследия народного зодчества в самых современных проектах. Эти мировые тренды интересны и для нашего образовательного процесса.

В современной учебной программе МАРХИ и большинства архитектурно-строительных вузов сохранена система обучения, родившееся в эпоху классицизма, и это высоко ценится во всем мире. К ее наследию – изучению ордеров, памятников зодчества, рисунку античных произведений искусства, рукотворной технике подачи проектов – прикасается каждый студент-архитектор и сегодня, на мой взгляд, это необходимо и студентам-строителям, причем именно в связи с преобладанием информационных технологий, как дополнение и гуманизация профессионального мышления. Необходимо сохранить те умственные связи между непосредственной работой самого человека, рождающей чувство красоты, и созданием нового, а также способность к своей личной немашинной оценке ситуаций и результатов, благодаря врожденным здравому смыслу и изобретательности. Непосредственное, чувственное, тактильное ощущение создаваемой формы лежит в основе высокого строительного искусства, и уже не раз оно порождало ярчайшие всплески классической традиции в российском зодчестве, и мы вправе предполагать, что эта сохраненное образовательное наследие будет способно создать черты прекрасного в жизненной среде будущего.

Образование профессионалов-строителей начало складываться в конце XVIII века параллельно с возникновением в России специальных строительных научных дисциплин, например, в деятельности Н.А. Львова, создавшего школу землебитного строения в Царском селе и написавшего первую книгу на русском по принципам вентиляции – «Русская пиростатика» [3], или в Отделе по учебной части при Департаменте водных коммуникаций, основанном по инициативе Н.П. Румянцева, в московской Экспедиции Кремлевского строения и в целом ряде подобных учреждений нашей страны. В том числе в царствование Александра I, инженерами путей сообщения, затем архитекторами началось использование металлических конструкций, с привлечением британских и французских выходцев, создавших в Петербурге условия для формирования русских мастеров в данной области.

К началу XX века в программе подготовки строителей появились аналитическая химия, устройство водопроводов; электрическое освещение; задачи по земляным работам; устойчивость сооружений. Отдельным предметом было больничное «санитарное зодчество». Фактически сложился современный набор дисциплин. Архитектурно-строительное образование приобрело тот широкий характер, совмещение теоретических точных и

инженерных наук с гуманитарными и творческими, что было закреплено сто с лишним лет назад в развитии целого ряда Московских строительных училищ, включая и первые Московские Женские строительные курсы, созданные в 1902 году, в единый методически-научный центр, развивавшийся в течение столетия, как педагогическая система МГСУ – МИСИ, распространявшаяся по всей стране и сегодня наращивающая свою мощь.

Одновременно со становлением структуры архитектурно-строительного образования шли поиски национальной идентичности - «русского стиля» зодчества. Именно в образовании это отразилось особенно ярко, в течение всего XIX столетия на основе лекционных курсов и учебников, формировались представления об истории русской архитектуры и строительного искусства. В начале XX века они соединились с чертами стиля модерн, но не всегда останавливались здесь. В студенческих проектах и постройках профессоров того времени ощущалось будущее – новая структурность форм, и использование железобетона и металлических конструкций. Задача подготовки мастеров, способных выразить в своих сооружениях национальные достижения и ценности не только остается актуальной, но выходит в число первостепенных.

В архитектурную культуру наша страна внесла наибольший вклад в 1920-е годы, во времена работы Высших художественно-технических мастерских – ВХУТЕМАСа - в Москве, Петербурге, Казани, Пензе и других городах. Мастера этой художественной школы совершили один из великих переворотов в мировой истории зодчества, изменив понимание и оценку качеств пространства, создав новую систему композиции, свою художественную тектонику и геометрию. Перемен такого масштаба насчитывается немного в истории архитектуры, и наша российская школа была причастна к этому событию самым непосредственным образом и сохраняет эту причастность, как свое драгоценное сокровище.

Наследие ВХУТЕМАСА в полной мере живо, именно на нем основывается преподавание архитектурного проектирования, начиная с курса Объемно-пространственной композиции и характера проектного творчества в первые годы обучения и вплоть до создания образов зданий на дипломных проектах. Дух ВХУТЕМАСА (рис. 1) пронизывает жизнь архитектурно-строительных вузов, работу преподавателей и студентов. Причем, например, в МАРХИ по отношению к ВХУТЕМАСУ действует самый эффективный принцип преемственности – буквально из рук в руки, от тех, кто преподавал и учился в годы русского авангарда к следующим поколениям. Благодаря духовной энергии учителя студенты начинали ощущать, что создают пространство и постигают его свойства – геометрию, ритмику, пропорции, что становятся способны внести красоту и упорядоченность в пространственный мир [4].

Рис.1. Занятие по проектированию на Архитектурном факультете ВХУТЕМАСА

Сегодня идеи русского авангарда актуальны как никогда. В них и мы и наши коллеги во многих странах видят и находят выход из кризиса модернизма, усталости от его предсказуемых индустриальных форм. Ренессанс ВХУТЕМАСА приближается, и в России и по всему миру, и поэтому наследие авангарда, сохраненное в образовании и на практике в работе многих поколений выпускников отечественных вузов, значимо и существенно для будущего и думаю, что в эпоху искусственного интеллекта изучение русского авангарда в искусстве, архитектуре, технике может стать особенно актуальным.

Архитектура 1934–1954 годов создала самостоятельный, изощрённый и существовавший во всех масштабах: от декоративных деталей до ансамблей целых городов тип неоклассицизма, и благодаря этому произошло соединение традиционных и авангардных идей в нашем профессиональном образовании, что и сегодня во многом обеспечивает его своеобразие и значение в мире. Педагогическая система подготовки архитекторов и строителей многим обязана 1930-1950-м годам, когда даже в годы Великой Отечественной войны несмотря на все трудности и эвакуацию института в Среднюю Азию она продолжала развиваться. Более того, она обогатилась и в технической, и в гуманитарной областях и приобрела систематичность как образовательное единство. Мы и сегодня опираемся на принципы подготовки зодчих этого времени (рис. 2).

Рис 2. Н. Ковальчук Музей Сталинградской битвы. Диплом 1948 г. Фрагмент

В середине 1950-х годов политический акцент, сделанный на массовости, индустриализации и типизации строительства быстро дал ощутимые количественные результаты, но незамедлительно обнаружил свои слабые стороны. Изменения в архитектурно-строительной педагогике в результате индустриализации зодчества были огромными. Полностью изменилась концепция преподавания архитектурного проектирования. Принципиально иными должны были стать инженерные курсы, вся

строительная составляющая архитектурного образования. Новое отношение к городу изменило и характер подготовки в области градостроительства. В целом другими стали приоритеты и стратегия воспитания зодчих. При этом высокая профессиональная культура, опыт ВХУТЕМАСа, через который прошли многие педагоги, позволили достичь высокого уровня в архитектуре и градостроительстве советского модернизма, пришедшего на смену неоклассики. Нам необходимо задуматься о том, как сохранить его стремительно исчезающие памятники, мы теряем память о целой эпохе, уничтожая такие здания как ансамбль зданий СЭВ в Москве.

Образы типовой индустриальной застройки как перспективы своего творчества удручающе действовали на молодежь. Ей оставалась только «бумажная архитектура», где возникала особая отрасль архитектурной мечты, сравнимая, а, может быть, и не менее яркая, чем фантазии зодчих, появившиеся накануне Французской революции или в Риме эпохи Пиранези. «Великие бумажники» создали «станковую» архитектуру, уникальную для истории зодчества, причем нужно подчеркнуть, что существовала она прежде всего в образовательном пространстве. Увы сейчас «бумажная» архитектура утратила свои позиции, на основе молодежных конкурсов всех типов мы должны ее восстановить.

В позднее советское время жизнь повела строительную реальность по-другому, менее романтическому пути, превратив архитектурные мечты в графические манифестации или инсталляции, предназначенные для музеев. Такова была ситуация накануне распада СССР. Последнее десятилетие XX века стало временем концентрированных, сжатых в сложный комок перемен. Строительству и архитектуре, точно отражавшим «настроение» истории, пришлось меняться в России с обычной для нашего государства стремительностью.

В архитектурном проектировании и архитектурной педагогике наших дней формирование инновационных решений, новых смысловых структур и современных образов предполагает быстрое включение в ментальность студентов мира информационных технологий, а также представления о почти безграничных возможностях конструктивных решений и теорий их расчета, но надо знакомить студентов и с достижениями целого ряда гуманитарных и точных наук, прежде всего психологии, науки о мышлении и восприятии, социологии. Речь может идти о принципиально иной картине мира, его видении, новом образе вселенной, на которые будут ориентироваться инженеры, дизайнеры и архитекторы. Хочется верить, что это обогатит процесс выработки идей и принятия творческих решений, а может быть, и ляжет в основу будущей классики, по крайней мере, в замыслах творцов зодчества и всех близких ему искусств (рис. 3). Жизненная среда теперь может программироваться как совместная задача искусства и науки. Образовательный проект будущего должен стать продуктом расчета применяемых совместно достижений многих инженерных, точных, гуманитарных наук, классических традиций и актуального искусства.

Рис.3. Проект Линейного города 21 века в Саудовской Аравии

Сегодня ситуация такова, что Академия, Союз архитекторов, НОПРИЗ, объединения строителей, как мы надеемся, смогут принять участие в сфере нашей общей компетенции в обеспечении успеха проводимой в данный момент реформы отечественного образования. В результате предшествующего этапа развития прошел нелегкий процесс становления двух-

ступенчатой системы. За прошедшие десять лет мы достигли несомненного успеха в создании магистратуры, повысилась наукоемкость обучения архитекторов и строителей, выросло качество подготовки в рамках наиболее актуальных специализаций, выпускники вузов после окончания магистратуры стали приобретать большую зрелость. Не хотелось бы это потерять. В любом случае, какая бы структура высшего образования не была бы принята государством, было бы нужно сохранить достигнутый новый характер завершающей, наиболее профессиональной стадии, не утратить ее укрепившиеся связи как с наукой, так и с практикой и продолжать их развивать. Серьезные диссертационные обоснования предлагаемых в выпускных работах решений должны в них не только остаться, но и быть улучшены по своему качеству. Это требует разработки студентами актуальных тем на современном научном уровне и в строительстве, и в градостроительстве, и в архитектуре. Очевидна и потребность связи педагогики с университетской наукой, максимально возможная интеграция курсовых работ старших курсов и дипломов с реальными исследованиями преподавателей. Важен учет результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на разработку, совершенствование техник и технологий строительства, обеспечивающих повышение производительности труда, снижение трудозатрат для последующего внедрения в производственный процесс.

К сожалению, разрыв между образованием и практикой мы еще не преодолели. Правда, профессиональными компьютерными программами студенты владеют все лучше и лучше, нередко на более высоком уровне, чем преподаватели, по крайней мере, могут так сказать о себе. Однако, дипломные работы, во всяком случае в архитектуре, не включают рабочие чертежи, и в них нормы, особенно градостроительный кодекс трактуются очень вольно или вовсе не фигурируют. Вероятно, следует, по предложению академика Д.В. Буша, ввести элементы рабочего проектирования, например, на преддипломе, а дипломам в архитектуре должен сопутствовать, как в реальном проектировании, альбом АГР, может быть, как обязательная часть пояснительной записки. Кроме того, очевидно, что необходимо усилить преподавание строительного и городского законодательства и делопроизводства.

Я процитирую оценку дипломов студентов-архитекторов Д.В. Буша: «Анализ выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров последних лет показывает, что большая часть этих материалов характеризуется достаточно высоким уровнем работы в целом. Темы подавляющего большинства работ актуальны и интересны. Исследовательская часть работы, как правило, выполняется грамотно, профессионально и не вызывает серьезных вопросов. Выводы из исследования делаются интересные и логичные. Темы проектов органично увязаны с результатами исследования. К проектной части работы, тем не менее, как правило, возникает ряд вопросов по несоответствию уровня квалификационных работ актуальным требованиям профессиональной архитектурной практики. Решения по размещению объектов, их габариты, общая площадь, этажность и функциональное назначение, как правило, не соответствуют утвержденным в правила землепользования и застройки. Границы и режимы территорий природного комплекса и особо охраняемых природных территорий, объектов культурного наследия и охранные зоны, водоохранные и санитарно-защитные зоны очень часто не учитываются...» [5].

Конечно, приближение образования к практике требует затраты учебного времени. Этого не сделать, если не сохранить установившийся период обучения в семь, как бакалавриат + магистратура, или хотя бы шесть лет, как специалист в архитектурном образовании последнего советского времени. Как в медицине существует ординатура, так же и в нашей области в другой форме стоит продуманно и тщательно выстроить переход от образования к реальной работе. Сейчас, когда создаются новые Федеральные государственные образовательные стандарты, уже четвертого поколения, они могут учесть необходимость сохранения продолжительности обучения, а также актуализацию направлений подготовки, перечня специальностей, уточнить профили внутри направлений, ввести наиболее нужные практике и стратегически важные.

Кроме того, вместе с новыми стандартами среднего образования, они должны отчетливо разделить компетенции выпускников вуза и колледжа. В последние годы наметилась очевидное стремление к их сближению, что совсем неправильно в обстановке все более острого дефицита мастеров-строителей высокой квалификации. Среднее образование должно сохранить отчетливый практически ориентированный характер. В целом численность подготавливаемых в России специалистов всех строительных, градостроительных и архитектурных направлений подготовки желательно увеличить, также, как и число выделяемых государством бюджетных мест для всех вузов нашей области.

И проблемы смены поколений, и быстрое совершенствование науки и технологий предполагает непрерывное повышение квалификации, вернее, частичную переподготовку преподавателей, и хотя у нас существует предназначенная для этого система, но она требует и структурной перестройки, и перепрофилирования, и, главное финансирования. Иначе нам не удастся сделать рывок вперед в использовании современных информационных и педагогических технологий, и, что особенно важно, привлечь для этого представителей наиболее продвинутых профильных учреждений и коммерческих фирм. Впрочем, речь должна идти и об обратном – ознакомлении практиков, и строителей, и архитекторов, с последними тенденциями университетской и академической науки, творческими трендами во всей сфере художественной и жизнестроительной деятельности.

Несмотря на профессиональный характер архитектурно-строительного образования, в условиях агрессивной идейной среды сегодняшнего мира особое значение в образовании в целом, и в нашей области в частности исключительное значение приобрело воспитание личных качеств выпускников. Мы устали от навязывания советской педагогической системе коммунистических идей, и нам кажется, что образование должно быть свободно от идеологии. Так не бывало в истории и сейчас не так. Даже отсутствие воспитательных государственных идей в высшей школе есть воспитательное воздействие разрушительной силы, которое на нас обрушили в 1990-е и 2000-е годы. Во всех лучших университетах мира чтут традиции и исповедуют патриотизм, не понаслышке я мог в этом убедиться. Наследие отечественной Российской культуры, особенно ее архитектурные, градостроительные, строительные составляющие, также, как и своеобразие, или, как модно говорить, идентичность нашего народа и государства должны пронизывать профессиональную подготовку молодых россиян, помогать им раскрыть в себе любовь к истории и будущему нашей страны, понимание современных задач нашего государства (рис. 4).

Рис. 4. Реконструкция исторических городов России. Свияжск

Литература

1. Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. М., 2016.
2. Швидковский Д.О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины II. М., 2012.
3. Львов Н.А. Русская пиростатика. СПб., 1795.
4. Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС. Книга первая. М., 1995.
5. Буш Д.В. Из доклада на Общем собрании РААСН. М., 2025.

ВЛИЯНИЕ «ОБРАЗЦОВЫХ» ФАСАДОВ XIX ВЕКА НА ОБЛИК УЛИЦЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Е.Ю. Агеева¹, профессор, д-р философ. наук
А.А. Оскирко¹, старший преподаватель

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород*

Аннотация. В статье авторы рассматривают вопрос влияния «образцового» проектирования на архитектурный облик малых городов, изучают особенности визуального восприятия исторических жилых улиц человеком. Рассматривается роль фасадов зданий первой половины XIX века в формировании застройки провинциальных городов. На примере улиц исторических центров Астрахани, Нижнего Новгорода, Рыбинска и Череповца анализируются механизмы адаптации столичных архитектурных образцов местными зодчими. Особое внимание уделяется выявлению общих закономерностей применения «образцовых» проектов, а также определению региональной специфики и уникальных черт, проявившихся в контексте малых городов.

Введение

Проблема сохранения идентичности исторической среды провинциальных городов неизменно сохраняет свою актуальность. Значимость исследования определяется нарастающим противоречием между необходимостью сохранения культурно-исторической идентичности российских провинциальных городов и процессами унификации городской среды, ведущими к утрате ценной исторической застройки. В условиях повышенного внимания к развитию внутреннего туризма в России историческая жилая застройка малых городов выступает не только ключевым активом, формирующим их уникальный облик, но и важнейшим экономическим и социальным ресурсом устойчивого развития территорий. Особую значимость приобретает изучение сохранившихся архитектурных объектов в контексте профессиональной подготовки будущих архитекторов и градостроителей.

Материалы и методы

На рубеже XVIII–XIX веков развитие российских провинциальных городов определялось системой «образцового» проектирования, основанной на централизованной разработке типовых проектов в столице и их рассылке по губерниям в специальных альбомах. Горожане были обязаны выбирать варианты из утвержденных каталогов, следуя установленной регламентации. Применение унифицированных эталонов и упорядоченность при помощи регулярных планов при застройке городов жилыми и общественными зданиями формировало единство стиля и целостность.

Жесткие требования предъявлялись только к фасадам зданий, выходящим на «красную» линию, которые определяли внешний облик городских улиц. Внутренняя планировка и выбор материалов оставались на усмотрение владельца и могли варьироваться с учетом местных условий [1].

Основой данного исследования послужил сравнительный анализ с последующим сопоставлением выявленных принципов формирования исторической жилой застройки Астрахани, Нижнего Новгорода, Рыбинска и Череповца. На первый взгляд города не имеют ничего общего, но кроме возможных традиционных для «образцового» строительства закономерностей авторами выявлены и проанализированы региональные особенности объектов исследования. При этом система «образцового» проектирования рассматривается не как механическое копирование столичных образцов, а как процесс творческой кооперации между автором проекта, заказчиком и местной строительной артелью. В ходе работы были

изучены архивные материалы и историографические источники, посвященные архитектуре городов – объектов исследования, что позволило реконструировать механизмы влияния эталонных проектов на формирование уличного фронта и выявить специфику их воплощения в провинциальной среде.

Результаты исследования

Анализ застройки провинциальных городов России, таких как Астрахань, Нижний Новгород, Череповец, показал, что именно обязательное применение столичных «образцовых» фасадов способствовало развитию стиля классицизм. И создание стилевого единства застройки провинциальных городов в первой половине XIX века (с 1809 – 1858 гг.) является подтверждением успеха системы «образцового» проектирования.

В провинциальных российских городах не было достаточного числа квалифицированных архитекторов, а также строителей, и в этом смысле столичные «образцовые» фасады были благом, но осуществление этих фасадов в реальности неизбежно упрощалось, смешивалось даже с местными народными традициями. Местные строители нередко воспроизводили проекты «на глаз» по мелкоформатным гравюрам из альбомов, а иногда намеренно исключали сложные элементы фасадов из-за невозможности их точного повторения. В результате освоение «образцовых» фасадов в провинции стало особым явлением, своеобразным сплавом образцов фасадов из альбомов первой половины XIX века и строительными возможностями, и умениями местных мастеров.

Благодаря системе «образцовых» проектов в малых городах России сложилось уникальное стилистическое единство застройки, опиравшееся на классицистическую традицию, которая в провинции нередко приобретала лаконичное звучание с отдельными ампирическими мотивами. Единообразие архитектурного облика достигалось за счет строгих предписаний, касавшихся объемно-пространственной композиции: симметричное построение, равномерный шаг оконных проемов, включение портиков, фронтонов и рустовки при общей унификации высоты зданий обеспечивали целостность уличной панорамы. Важную роль в создании гармоничной среды играла и цветовая регламентация, фиксировавшая палитру: желто-розовые и желтые тона для стен, белый – для декоративных элементов, серый – для цоколей, зеленый или красный – для кровель. Контроль за соблюдением габаритных параметров, таких как этажность, симметрия, пропорции и расстояния между элементами фасадов, обеспечивал четкость и упорядоченность классицистического образа улиц. Завершали стилистическое единство сдержанные декоративные элементы: треугольные и лучковые сандрики, междуэтажные тяги и рустовка первых этажей, придававшие провинциальной застройке благородную сдержанность.

Сама система «образцового» проектирования постоянно развивалась, в разработке и выпуске новых альбомов типовых проектов вносились изменения, различные дополнения. Если первые альбомы «образцовых» фасадов в 1809 – 1812 гг. представляли только варианты фасадов жилых зданий, то уже в 1828 году появился альбом с фасадами «присутственных» мест. Архитектор К.А. Тон в 1840-1841 гг. разработал альбом с фасадами жилых зданий для государственных крестьян. Стали выпускаться альбомы с фасадами и жилых, и общественных зданий, а последние серии «образцовых» фасадов стали разрабатываться именно для уездных городов [2].

Мудрым решением при появлении новых альбомов «образцовых» фасадов было сохранение действий и ранее выпущенных альбомов. Таким образом обыватели могли пользоваться всеми вышедшими сборниками, что создавало хронологические наложения в застройке. Также не все указанные в альбомах строительные материалы были доступны в том или ином провинциальных городах, и финансовые возможности конкретного заказчика также допускали своеобразную адаптацию «образцовых» фасадов, что можно легко отследить по сохранившимся архивным фасадам и домам, дошедшим до нас. Каменный дом могли себе позволить только купцы. Поэтому проекты допускали возведение как каменных, так и деревянных домов. При этом в застройке провинциальных городов своеобразным

признаком статусности было оштукатуривание дома «на манер каменного» или обшивка тесом.

В дополнение к этому зачастую провинциальные мастера упрощали сложные столичные детали, трактовали их по-своему или вовсе заменяли на другие. В целом, «образцовые» фасады с их пропорциональными размерами, заданным ритмом и влиянием местных условий и строительных традиций и создавали такое самостоятельное идентичное явление как провинциальная архитектура XIX века.

Для архитектурного облика Астрахани XIX века также характерна интерпретация местными мастерами столичных «образцовых» фасадов [3]. Здесь у жилых домов появляются целые дворовые галереи-колоннады, которые защищали в жаркое летнее время от зноя. Здравый смысл мастеров таким образом учел местный климат. В местном культурном укладе были сильны восточные традиции, которые признавали замкнутый уклад жизни, что отразилось в протяженных глухих плоскостях фасадов и лаконичных фасадных деталях (рис. 1).

Рис. 1. Городская усадьба Геллерта в Астрахани (дом 30 по ул. Советской)

Жилая застройка начала XIX века Нижнего Новгорода может быть охарактеризована тонким сочетанием столичных «образцовых» фасадов с богатыми традициями народного деревянного зодчества. Это уникальное явление обогатило нижегородскую архитектуру XIX века. Так называемый «деревянный классицизм», когда шло искусное декорирование деревянных домов по ордерным канонам. И яркое явление нижегородской домовой резьбы во второй половине XIX века (рис. 2, 3).

Строительство по «образцовым» проектам шло до 70-х годов XIX века, и это позволило местному купеческому сословию привносить в фасады малоэтажных домов, построенных по «образцам» элементы эклектики с использованием деревянной резьбы [4].

Рис. 2. Эскиз и фото дома 33 по улице Грузинской в Нижнем Новгороде

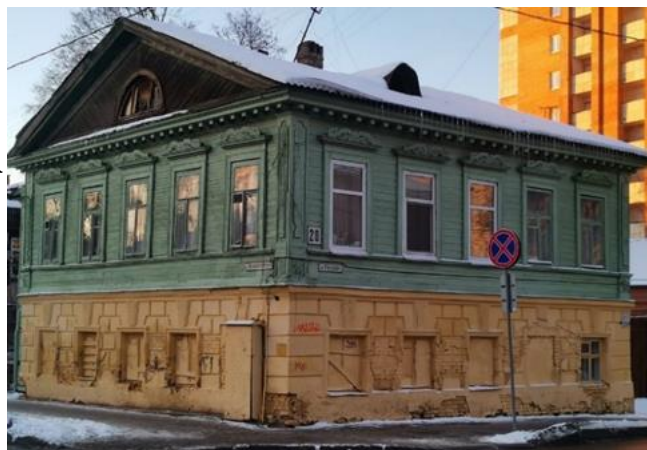
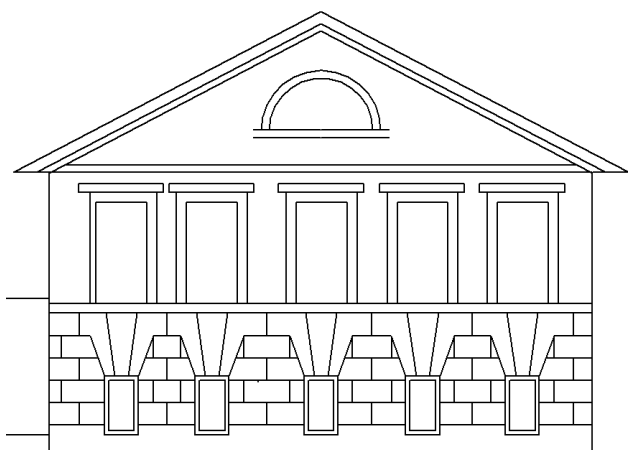

Рис. 3. Эскиз и фото дома 28 по улице Гоголя в Нижнем Новгороде

Архитектурное своеобразие Рыбинска первой половины XIX века стало результатом взаимодействия столичных и местных зодчих, создавших редкий для провинции пример стилистически целостной городской среды. Начало этому процессу положил Карл Иванович Росси, который осенью 1811 года выполнил для Рыбинска порядка 18 «образцовых» проектов, включавших 14 вариантов фасадов жилых домов, а также проекты гостиного двора и хлебной пекарни. Разработанные Росси образцы задали масштаб и художественные приоритеты застройки, определив развитие «купеческого классицизма», местной версии стиля, отличавшейся массивностью форм и богатым лепным декором. Примером строгого классицизма является дом купца Алексея Тюменева (рис.4), проект разрабатывался под руководством Карло Росси. Многие известные архитекторы того времени проектировали здания для Рыбинска: А. И. Мельников, Г. В. Петров, Л. И. Шарлемань и др. Особую роль в развитии города сыграла почти сорокалетняя деятельность городского архитектора Петра Уткина, создававшего проекты для всех сословий: от купеческих особняков до деревянных мещанских домов. Таким образом, участие столичных и местных зодчих обеспечило Рыбинску архитектурную целостность, выделяющую его среди других провинциальных городов.

Рис. 4. Фото дома купца Тюменева, ныне Центра детского и юношеского краеведения и туризма в Рыбинске

Провинциальная архитектура Череповца конца XVIII – первой половины XIX веков как раз показывает как происходило взаимовлияние столичных «образцовых» проектов и местных строительных традиций, что в целом, является общим практически для всех провинциальных российских городов этого времени. Освоение «образцовых» проектов не

предполагало по ряду объективных причин (наличия квалифицированных кадров, строительных материалов, финансовых причин) строгого соответствия чертежу, достаточно было создать «похожее на проект». Местные народные мастера свободно решали детали фасадов. И это решение имело мало общего со строгими ордерными формами, лежащими в основе образцов, но именно благодаря этому появилось такое уникальное явление как провинциальный классицизм.

Ярким примером применения «образцовых» фасадов в Череповце служит застройка Советского проспекта, где сохранилась целая группа исторических зданий. Эта группа домов интересна тем, что семь из них возведены по одному «образцовому» проекту, но имели различное цветовое решение. И это придало застройке улицы стилистическую цельность и классическую гармоничность, создавая даже признак ансамблевости. Это дома: № 18 (дом Пустошкина, 1827 г.), № 21 (дом Волкова, 1837 г.), № 34 (жилой дом, 1849 г.), № 69 (1867 г.), № 71 (дом Сухаревых, 1832 г.), № 72 (1856 г.) и № 80 (дом Гусевых, 1830 г.) (рис. 5, рис. 6) [5].

Рис. 5. Фото домов 18 и 21 по Советскому проспекту в Череповце

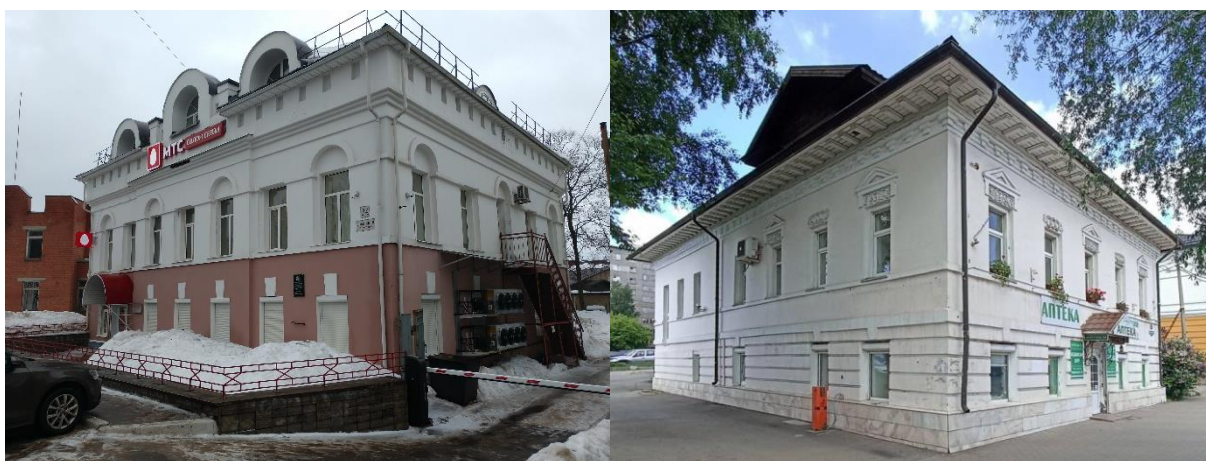

Рис. 6. Фото домов 34 и 71 по Советскому проспекту в Череповце

Подобная практика, предполагавшая многократное обращение к одному и тому же проекту на протяжении долгого времени, со всей очевидностью указывает на последовательную реализацию политики архитектурной унификации и наглядно демонстрирует, как именно происходило массовое внедрение «образцовых» решений в застройку провинциальных городов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что система «образцового» проектирования играла определяющую роль в формировании архитектурного облика провинциальных городов России в первой половине XIX века. На примере Астрахани, Нижнего Новгорода, Рыбинска и Череповца выявлено, что внедрение столичных типовых проектов осуществлялось в рамках единой общегосударственной политики, регламентировавшей частное строительство посредством альбомов «образцовых» фасадов 1809 – 1812 годов и более ранних утвержденных образцов. Однако воплощение типовых проектов в конкретных городах демонстрирует существенные различия, которые определялись совокупностью местных условий: уровнем социально-экономического развития, присутствием квалифицированных архитекторов, устоявшимися строительными приемами и особенностями климата. В любом случае система «образцового» проектирования, будучи инструментом унификации городской среды в масштабах России, на региональном уровне породила многообразие архитектурных решений.

Литература

1. Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. – М.: Госстройиздат, 1961. – 206 с.
2. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX вв. – М.: Стройиздат, 1984. – 168 с.
3. Березкин С. А. Особенности жилой архитектуры в исторической застройке Астрахани // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2023. – Т. 25, № 6. – С. 44–57. – DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-6-44-57. – EDN: WAPWYF.
4. Агеева Е. Ю., Оскирко А. А. Особенности жилой застройки улицы Телячьей в Нижнем Новгороде // Градостроительство и архитектура. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 48–53.
5. Череповец: краеведческий альманах. Вып. 3 / Мэрия г. Череповца, Череповецкое музейное объединение, Вологодский педагогический университет; [гл. ред. С. Г. Карпов]. – Вологда: Легия, 2002. – 318, [2] с. : ил. + [4] л. ил.

АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ПАНОРАМЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ВОЛГОГРАДЕ

О.А. Антюфеева¹, кандидат архитектуры, доцент кафедры урбанистики и теории
архитектуры

¹ *Институт архитектуры и строительства Волгоградский государственный технический университет, ИАиС ВолгГТУ, Волгоград*

Аннотация. В статье рассматриваются экспозиционные пространства Сталинграда с целью дальнейшей разработки проекта музея, посвященного гражданскому населению города в период Великой Отечественной Войны. Акцент сделан на формировании выставочного пространства, отражающего жизнь граждан, вклад в оборону города и его дальнейшее восстановление. Обосновано архитектурно-планировочное решение, которое тематически связано с объектами на территории набережной Центрального района. Выделены сценарии посещения здания, как для посетителей, так и для персонала. Особое внимание уделено выбору экспозиционных объектов, учитывая психологический комфорт посетителей.

Введение

Экспозиционные пространства – это специально организованные места, в которых раскрывается историческое повествование, пронизанное культурными смыслами через архитектуру, ландшафтно-градостроительную организацию, осмысленную композицию и различные современные технологии. Данные места могут быть как внутри помещений, так и располагаться на открытых площадках [3]. В Волгограде они формируют линейную мемориальную систему вдоль береговой линии города, связывая ключевые точки памяти о Сталинградской битве. Существующая система мемориальных экспозиционных объектов представляет собой мощный визуальный и смысловой каркас, который может быть дополнен новым музеем для расширения и полного отражения такой важной темы, как судьба гражданского населения Сталинграда, чья роль в истории города была не менее важной во всех аспектах.

Существующая система экспозиционных пространств Сталинграда.

В Волгограде со временем сформировалась система мемориальных объектов, каждый из которых вносит свой уникальный вклад в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной Войне.

Центральное место среди них занимает музей-панорама «Сталинградская битва», расположенный на прибрежной территории Центрального района (Рис. 1). Объект является береговой доминантой и формирует идентичность фасада города. Его композиция включает в себя как здание с выставочными помещениями, так и ландшафтное пространство, где представлена коллекция военной техники. Структура композиции делится на два уровня: на первом находится музей, фондохранилище и административная часть здания, а на втором доминанта – круговая панорама «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». Внутри представлены панорамные полотна, диорамы и подлинные артефакты. Экспозиция сфокусирована на погружение в историю военных действий, воспевание героизма и мужества людей и раскрытие стратегических операций.

Рядом со зданием музея расположены руины мельницы Гергардта – как символ выдержки и вечности истории¹ [4, 5].

¹ Сталинградская битва [Официальный сайт Музея-заповедника]. URL: <http://stalingrad-battle.ru> (дата обращения: 28.01.2026).

Рис. 1 Музей-панорама «Сталинградская битва».

Важнейшим мемориальным элементом в ландшафте выступает Мамаев Курган (Рис. 2). Его композиция представляет собой восходящий путь от снования к вершине, где расположены главные структурные элементы: Зал Воинской славы и монумент «Родина – мать зовет!», являющийся центром всего ансамбля. Также немаловажные элементы композиции это:

1. Входная площадь с главным памятником – горельефом «Память поколений» и гранитные трибуны с названиями городов-героев.

2. Аллея тополей – как символ строго стоящих воинов, охраняющих покой похороненных на Мамаевом Кургане.

3. Площадь стоявших насмерть – состоит из двух стен-руин, обрамляющие и сужающиеся с двух сторон лестницы, на которых запечатлены защитники Сталинграда.

4. Площадь героев – центральная часть с широким бассейном, который символизирует Волгу, на берегах которой происходили важнейшие сражения.

5. Площадь Скорби – центром является статуя скорбящей женщины, которая держит на руках погибшего. У подножия статуи находится озеро Слез.

6. Воинское мемориальное кладбище – братские и индивидуальные могилы.

7. Храм «Всех Святых»

Нарративная функция этого пространства заключается в отражении истории о великой жертвенности, увековечивания памяти и торжества победы, что обуславливает значительный эмоциональный резонанс [4, 5].

Рис. 2 Мамаев Курган. Вид сверху

Несмотря на значимость этих объектов и целостность мемориальной структуры пространств города, важно также глубоко раскрыть тему жизни и судьбы жителей города. Это дает возможность для создания и интеграции в существующую систему нового экспозиционного объекта – музея, который будет сфокусирован на теме бытовой жизни и сопротивления гражданского населения Сталинграда.

Обоснование предложенного проекта

Предлагаемый музей нацелен на достижение ряда ключевых задач, таких как:

1. Дополнение и обогащение военного нарратива гражданским, в котором будут раскрыты личные истории и судьбы населения.

2. Музей будет способствовать формированию точки эмпатии, позволяющей посетителям глубже прочувствовать и осмыслить опыт самых обычных людей, оказавшихся в зоне боевых действий.

3. Заполнит «территориальный пробел» и объединит все тематические объекты вдоль береговой линии, включая музей-панораму, в единый туристический маршрут, для целостного повествования об истории Сталинграда и судьбоносных событиях Сталинградской битвы.

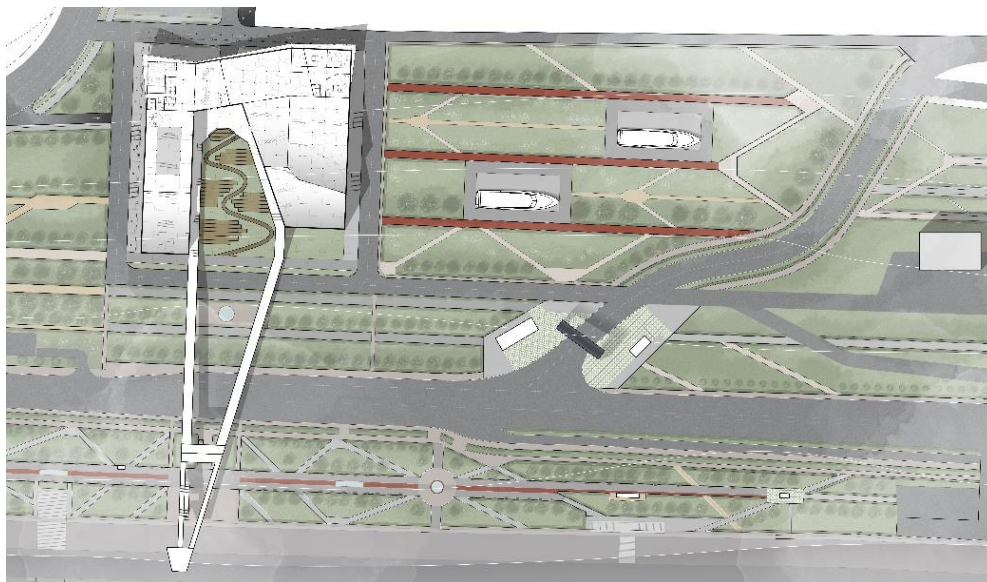

Рис. 3 План музея и благоустройство вокруг него

Место размещения

Для размещения музея выбран участок на прибрежной террасе Центрального района, вдоль улицы 62-й Армии, на склоне у улицы 7-ой Гвардейской, которая отделяет его от территории музея-панорамы «Сталинградская битва» (Рис. 3). Данное расположение обладает рядом преимуществ, а именно:

1. Визуальная связь с Волгой позволяет подчеркнуть важность таких судьбоносных событий, как эвакуация и переправа гражданского населения.

2. Музей станет связующим звеном, также освящающим тему Сталинградской битвы, как и объекты, расположенные вдоль береговой линии. Это может стать стимулом для создания туристического маршрута, объединяющего все тематические элементы.

3. Удобная пешеходная доступность – близость к остановкам общественного транспорта.

4. Расположение на прибрежной территории дает возможность для интеграции открытых экспозиционных пространств.

Музей не конкурирует с панорамой, а дополняет её.

Планировочное решение

Форма здания органично вписана в рельеф территории. Это позволило создать многоуровневую планировку, которая развивается последовательно, переходя из одного экспозиционного зала в другой, расположенных на разных уровнях. Здание делится на блоки, которые в свою очередь поделены на входную, экспозиционную и научно-просветительскую функции (Рис. 4).

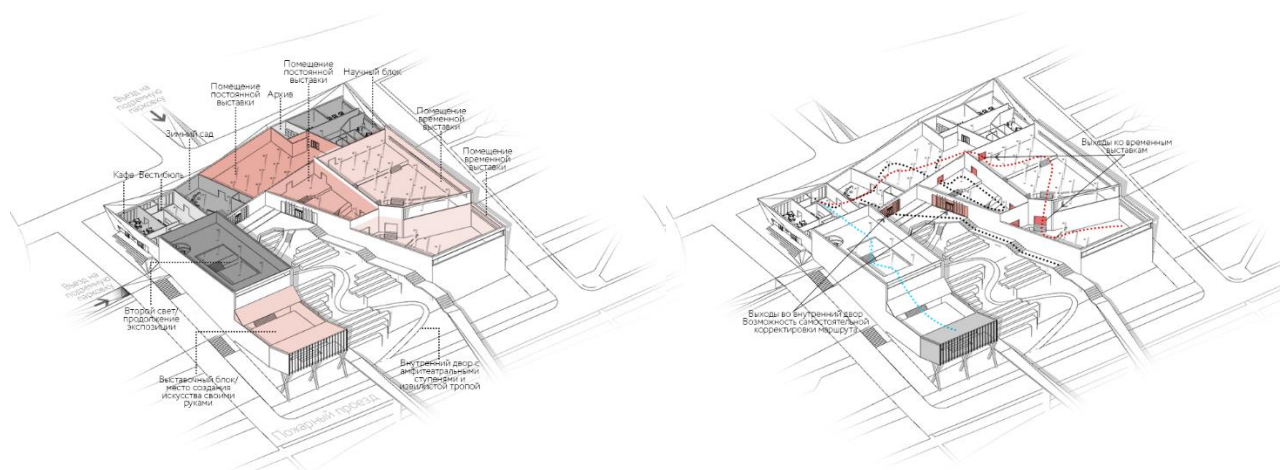

Рис. 4. Функциональное зонирование здания. Вариация экспозиционных маршрутов.

В состав входной группы включены: касса, гардероб, кафе, с/у и кабинеты администрации. В планировке экспозиционных помещений на стыках использованы лестницы. В научном блоке расположен архив, учебные классы и кабинет для совещаний.

В одной части здания запроектирован второй этаж, на который можно попасть по винтовой лестнице. Организован второй свет. Из первого этажа этой части пространства можно попасть в помещение, где часть планировки выполнена с нависанием, что создает иллюзию парения и легкости музея, не смотря на его масштаб. Этот блок опирается на 3 столба.

На главном фасаде вдоль улицы 7-ой Гвардейской и береговом фасаде, расположены декоративные элементы – каменные панели-барельефы с сюжетами эвакуации мирного населения Сталинграда, которые были вдохновлены горельефами на Мамаевом Кургане (Рис. 5).

Внутренний двор организован «амфитеатрально», с использованием сидений. Между ними проходит плавная парящая дорожка, которая ведет вниз к парку.

Из ступеней внутреннего двора также можно попасть на парящий мост, который является заключением музея. Мост выходит прямо из самого здания, проходит над улицей Набережная 62-ой Армии и имеет окончание в виде смотровой площадки со спусками – лестницы и грузовой лифт для лиц с ограниченными возможностями.

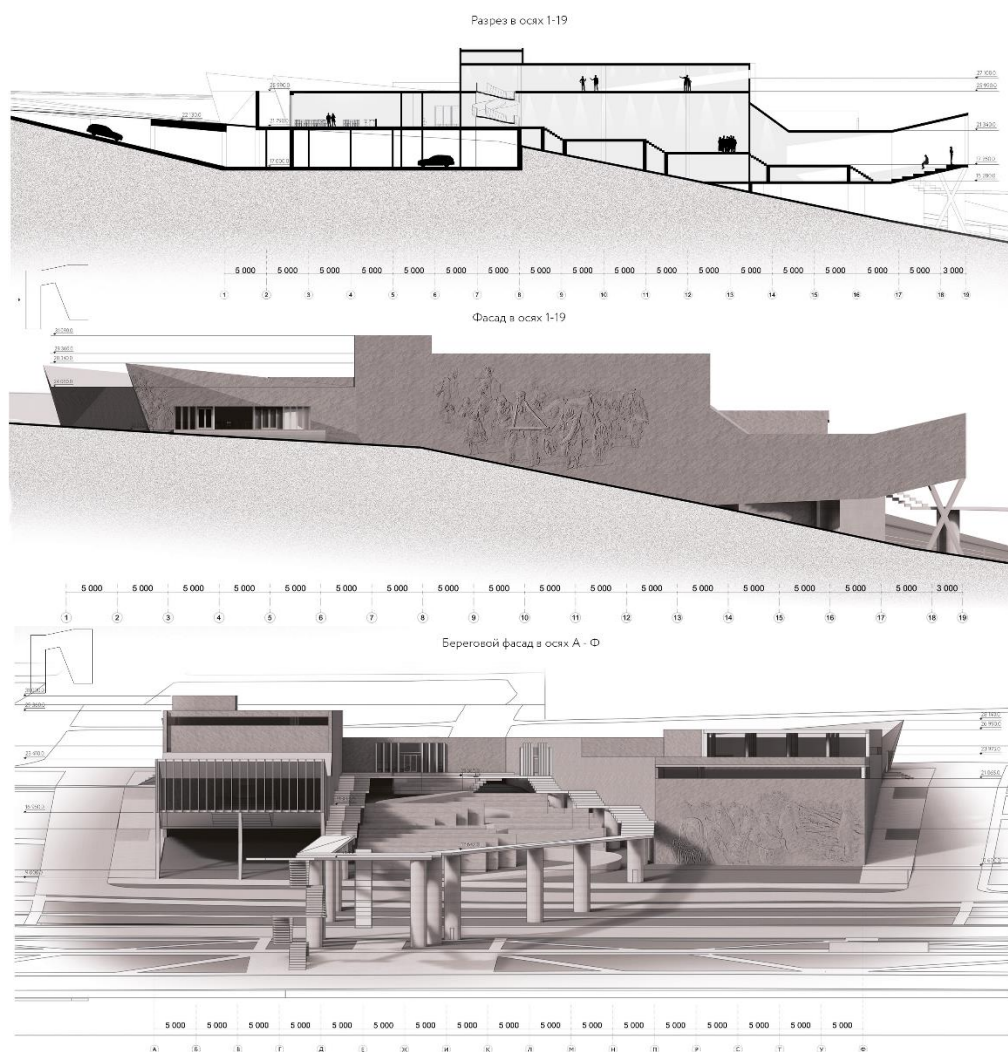

Рис. 5. Разрез и фасады музея.

Экспозиционные маршруты и выставочные элементы

В музее предлагается несколько вариантов экспозиционных маршрутов. Основной маршрут выстроен линейно – в нем экспозиционные помещения тематически последовательно ведут посетителя от начала войны к жизни, где необходимо восстанавливать город и считать потери. Это позволяет получить полное представление о событиях, а также более детально раскрыть переживания населения во время войны. В конце маршрута можно собственноручно изготовить посуду или другой элемент.

Второй маршрут позволяет выйти во внутренний двор музея и насладиться панорамой Волги. В посещение включены помещения с постоянными выставками, где также можно детально ознакомиться с моментами жизни и бытовыми предметами людей военного времени.

Третий маршрут считается временным, так как два помещения, входящие в него, относятся к содержанию временных выставок. Сюда могут привозить экспонаты из других городов или стран, чтобы посетители могли ознакомиться и сравнить переживания и быт людей разных слоев, сословий и национальностей.

Выставочные элементы в экспозициях поделены на несколько блоков от мирного времени в городе, военных сражений и обороны, жизни в руинах, до восстановления разрушенного города. Основными элементами экспозиции можно выделить предметы быта до и во время войны, одежда людей в разные сезоны, баррикады из подручных средств, образ землянки для жизни и приготовления пищи, различные детские игрушки, личные дневники и многое другое.

Заключение

В заключение, можно сделать вывод, что существующая система экспозиционных пространств обладает существенным потенциалом для дальнейшей смысловой и планировочной трансформации, чтобы добиться полного раскрытия темы Сталинградской битвы со всех ключевых сторон.

Разработанная концепция музея в Центральном районе города является логичным и органичным решением, которое дополнит пространство набережной, как с визуальной, так и со смысловой точки зрения.

Благодаря реализации проекта в итоге получится оптимизировать планировочную структуру центральной прибрежной территории и расширить исторический нарратив через глубокое погружение в судьбу гражданского населения в тяжелый период их жизни и города в целом.

Литература

1. Андреева В. И. Технологии выставочной деятельности: учебное пособие. Москва: Мусрзн.ру, 2018. 215 с.
2. Восстановление Сталинграда. События и факты. 1943–1951 гг.: сборник документов и материалов / ГУ «Центр документации новейшей истории Волгоградской области»; составители: Е. Г. Ерохина, Н. А. Насонова, Е. В. Студеникина. Волгоград: Изд-во «Михаил»; ИП Баранов М. Ю., 2007. 64 с.
3. Гельфонд А. Л. Музейно-выставочный каркас современного города. Реальное и виртуальное. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2021. 167 с.
4. Зайцев А. К. Мемориальные ансамбли в городах-героях. Москва: Стройиздат, 1985. 208 с.
5. Минкин А. В. Архитектура памяти: Мемориальные комплексы Волгограда. Волгоград: Панорама, 2015. 240 с.
6. Чуйков В. И., Орлов А. В. Сталинград: гражданское население в дни испытаний (по материалам архивов и воспоминаний). Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2018. 176 с.

ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СТИЛЯ КОНСТРУКТИВИЗМ В ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ИВАНОВСКОГО РЕГИОНА

П.С. Балынин¹, аспирант кафедры Архитектуры и урбанистики.

¹*Ивановский государственный политехнический университет, Иваново*

Аннотация. Статья посвящена анализу этапов и особенностей развития конструктивизма в промышленной архитектуре Ивановского региона. Рассматриваются промышленные объекты ключевых периодов: протоконструктивизм (1923–1929 гг.), «зрелый» конструктивизм (1927–1935 гг.), постконструктивизм (1935–1938 гг.)

Введение

Конструктивизм как архитектурный стиль возник в 1920-е годы в Советском Союзе, отражая идеалы индустриализации, функциональности и отказа от декора в пользу чистых форм и новых материалов. В промышленной архитектуре Ивановского региона этот стиль приобрёл особую значимость благодаря мощной текстильной отрасли и революционным традициям города, который планировали превратить в «третью пролетарскую столицу».

Этап 1: Зарождение и формирование (протоконструктивизм), 1926–1929 гг.

В начале 1920-х гг. в архитектуре производственных зданий региона наблюдались отголоски неоклассицизма и позднего модерна. Толчок появлению новых стилевых подходов в проектировании промышленных объектов в регионе дал первый Всесоюзный конкурс в области промышленной архитектуры – конкурс на проект фабрики им. Дзержинского в г. Иваново, в котором приняли участие ведущие зодчие страны. Это оказало определённое влияние на формирование региональной промышленной архитектурной школы. С 1926 г. в регионе возобновляется промышленное строительство, прерванное во время Гражданской войны.

В 1926–1929 гг. протоконструктивизм возник как предшественник конструктивизма в советской архитектуре — стиля, который вскоре обрел доминирующее положение в эпоху индустриализации. Эта начальная стадия характеризуется кристаллизацией ключевых идей: функционализма, рационализма и принципиального отказа от декора в пользу простых геометрических форм и индустриальных материалов.

В 1926 г. строится сборочный цех завода «Ивтекмаш». По композиционной структуре он коренным образом отличался от своих дореволюционных предшественников. Практически все пространство между пилонами-колоннами занимали огромные окна. Торцевые стены выполнены из красного кирпича с крупными вертикально ориентированными окнами, а на торцевом южном фасаде в его ступенчатом по силуэту парапете, фланкирующем пространство ферм и шед, устроено сегментное окно. Над центральным пролётом в продольном фанаре окна сформированы в виде практически сплошной горизонтальной ленты.

Отбельный и печатный корпуса Сосневской объединённой мануфактуры (1927–1928) характеризуются конструктивистскими чертами в блоках красильного и отбельного цехов 1927 г.: узкие межоконные пилоны и лопатки, разделяющие огромные вертикальные витражи остекления (на 1-2 этажах и две трети высоты фасада), объединённые тонкими балочными перемышками; контраст остекления с плотной кирпичной массой чердачных стен, прорезанных круглыми люкарнами с наличниками, и глухими плоскостями угловых башен, чьи пилоны выступают над кровлей. Торцевые объёмы решены на контрасте

тектонически разных массивов с использованием красного кирпича и серой штукатурки, подчёркивая специфику ивановского конструктивизма (Рис. 1).

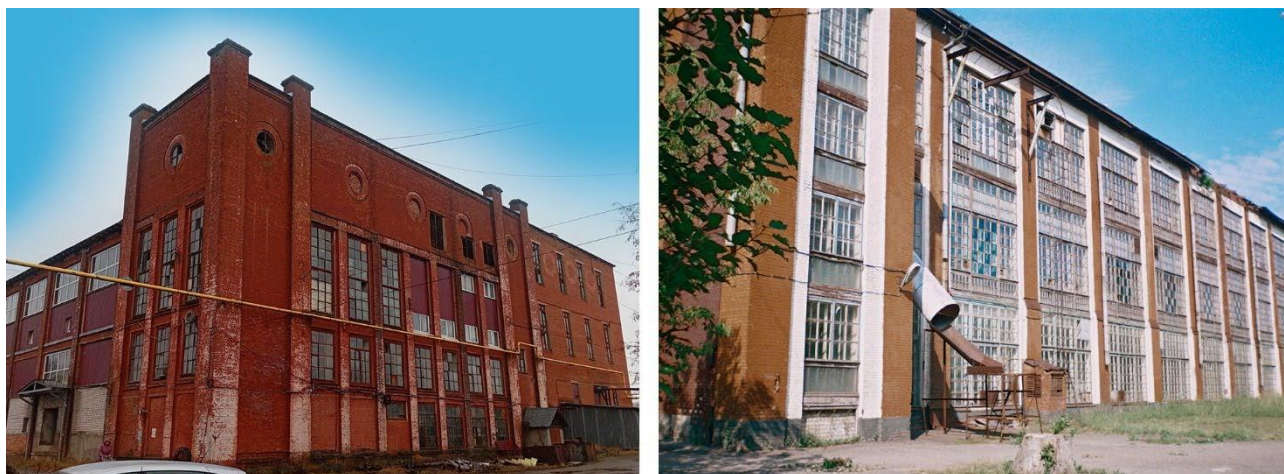

Рис. 1. Отбельный корпус Сосневской объединённой мануфактуры (слева) и Меланжевый комбинат (справа)

ТЭЦ-1 (1926–1928) в Иваново-Вознесенске — образец монументальной и функциональной архитектуры промышленного строительства первой половины XX века, воплощающий черты конструктивизма и функционализма через акцент на практичности и простоте форм с высокой эстетической выразительностью. Композицию определяет метрический ряд лопаток с вертикально ориентированными оконными блоками между ними; кровля выполнена как двускатная конструкция с шиферным покрытием на деревянной обрешётке, поддерживаемой двутавровыми балками, а парапетные тумбы, соответствующие лопаткам, завершают архитектурное выражение крыши [1] (Рис. 2).

Фабрика Дзержинского (1926–1927) сочетает традиционную конструктивную систему (кирпичные наружные стены, металлические колонны и ригели, монолитные железобетонные перекрытия) с чертами конструктивизма: плоской крышей, совмещённой кровлей главного блока, почти сплошным остеклением на всю высоту корпуса при узких простенках, что подводит к каркасной системе. Объёмная структура прядильного корпуса строится на лапидарности основного объёма с обогащением системой восьмигранных ризалитов лестничных клеток, выступающих над производственными цехами, и технологической башней как акцентом примыкания блоков; большие площади остекления трёх верхних этажей, чёткий ритм узких простенков и пилястр, отсутствие декора придают фасаду новый облик, подчёркивая функциональность и ритмичность конструктивизма [2] (Рис. 2).

Рис. 2. Строительство ТЭЦ 1 (слева) и фабрика Дзержинского (справа)

Меланжевый комбинат (1928–1929) воплощает новые архитектурные идеи через синтез функции и конструктивной системы в прядильном корпусе с асимметричной объёмной композицией из смещённых блоков цехов, центральной торцевой вставкой, уступами от 1 до 5 этажей, вертикальными лентами окон лестничных блоков, разновеликими окнами производственных и вспомогательных помещений, глухими стенами венткамер в торцах и вытяжками вентиляционных камер, обогащающими силуэт. Высотной доминантой вигоневого, прядильного и трепального корпусов служит 8-этажная квадратная в плане грифельная башня (Рис. 1).

Этап 2: Апогей («зрелый» конструктивизм), 1927–1935 гг.

Начало периода связано с вовлечением передовых архитектурных сил в региональные проекты, такие как, например, фабрика «Красная Талка», строившаяся по проекту великого Ивана Сергеевича Николаева. В то же время объекты вроде Меланжевого комбината возводились по проектам местных зодчих — Строительной конторы Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста.

Прядильный корпус фабрики «Красная Талка» (1927–1929) — яркий пример конструктивизма: четкие формы отражают технологическую структуру. Два параллельных двухэтажных блока разной ширины соединены переходом. Железобетонные рамы с ленточным остеклением подчеркивают тектонику. Фасады контрастны: прозрачная средняя часть между глухими торцами, акцент — куб водонапорной башни на стойках. Верхний фонарь усиливает экспрессию легкости и массивности вечером (Рис. 3).

Ивановская ГРЭС (ИВГРЭС, 1927–1935) спроектирована трестом «Энергострой» (арх. С.Н. Грузенберг). Рафинированный конструктивизм с региональными чертами Центральной России: красный кирпич, оштукатуренные поверхности под железобетон и стекло. Максимальный контраст глухих стен и остекления — западный фасад с вертикальным остеклением нижней части (более половины высоты) и консольным массивом верха с круглыми окнами; торцы сочетают ленточные окна, сплошное остекление, глухие стены и угловые окна. Экспрессия в рубленой надписи «ИВГРЭС» и лаконичных интерьерах, подчеркивающих оборудование (Рис. 3).

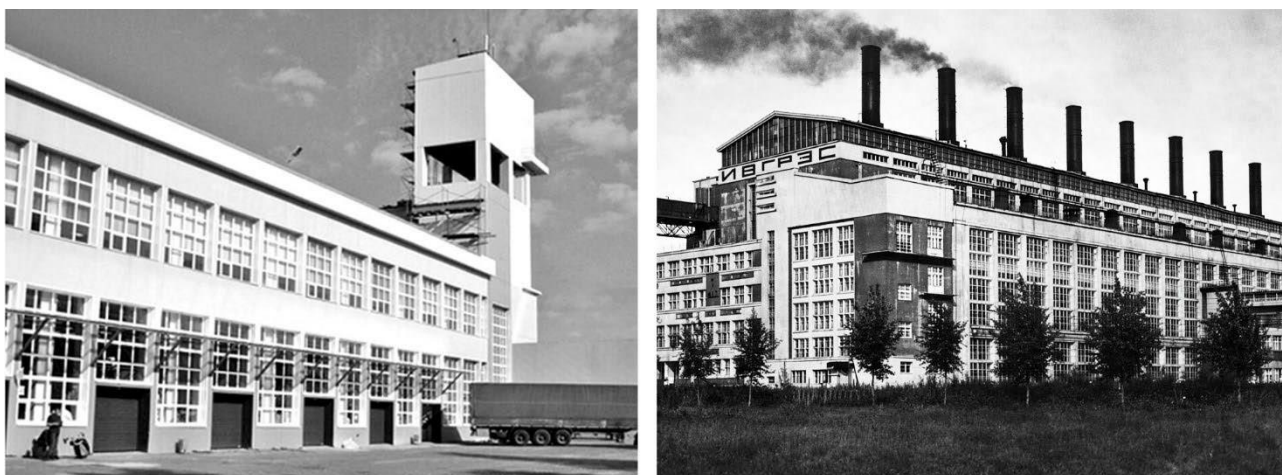

Рис. 3. Прядильный корпус фабрики «Красная Талка» (слева) и Главный корпус Ивановской ГРЭС (справа)

Подстанции ИВГРЭС в Иваново, Кохме, Лежнево, Шуе и Вичуге сочетают прямоугольные разновеликие объемы с асимметрией или симметрией, доминантными лестничными или башенными элементами и ростом высот к югу. Фасады выделяются крупными симметричными окнами с полками, вертикальными и горизонтальными ленточными проемами, витражным остеклением, бетонными парапетами-атиками, пилонами, импостами, тягами и рублеными надписями («ИВГРЭС», «Понизительная

подстанция», «И.В.Г.Р.Э.С.»); характерны круглые и щелевидные окна, балконы, полукруглые торцы. Материалы — красный кирпич с контрастной штукатуркой под бетон (Рис. 4).

Рис. 4. Подстанция №2 ИВГРЭС в г. Иваново (слева) и подстанция в п. Лежнево (справа)

Костромской льнокомбинат им. И.Д. Зворыкина (1930–1935), технологическая часть которого спроектирована Иваном Дмитриевичем Зворыкиным, представляет в архитектурном решении конструктивистский подход через компактно расположенный производственный комплекс вспомогательных и основных построек, обеспечивающий эффективность и функциональную тектонику. Здание отражает этапы развития стиля, где автоматизация процессов сочетается с рациональной организацией пространства, подчеркивая ясность форм и конструктивную логику, типичную для конструктивизма 1930-х годов (Рис. 5).

Ивановский хлебокомбинат № 2 (1934 г.) — выразительный пример промышленного конструктивизма с чёткой функциональной композицией и лаконичной пластикой объёмов: прямоугольные корпуса с двускатными кровлями объединены в асимметричную, но уравновешенную композицию, где протяжённый двухэтажный производственный объём с ритмичными рядами крупных прямоугольных окон подчёркивает горизонталь, а скруглённый вертикальный объём лестничной клетки с ленточным остеклением формирует динамичный акцент фасада; к основному корпусу примыкает пониженный входной блок с простым навесом на тонких опорах, все фасады облицованы единой серой штукатуркой без декоративных деталей, подчёркивающей чистоту геометрии и отказ от архитектурных излишеств (Рис. 5).

Рис. 5. Костромской льнокомбинат им. И.Д. Зворыкина (слева) и Ивановский хлебокомбинат № 2 (справа)

Несмотря на то, что с 1932 г. начался официальный отказ от конструктивизма, в Ивановской промышленной области ещё продолжили строиться объекты в этом стиле. Таким образом, завершение этого этапа в регионе отражает запаздывание смены стилевых ориентиров в провинциальной промышленной архитектуре.

Этап 3: Угасание (постконструктивизм) – период 1935–1938 гг.

Во второй половине 1930-х гг. промышленное строительство в регионе несколько сокращается. Вместе с общесоюзными меняются и региональные установки к формированию архитектурных решений промышленных объектов.

Ивановский мясокомбинат (1936–1938) воплощает поздние черты конструктивизма через метричный ряд пилонов-лопаток, между которыми расположены ряды квадратных, горизонтальных или вертикальных оконных проёмов (за исключением блока холодильника); на кровле пилонам соответствуют парапетные тумбы, особенно высокие над стеной коптильных шахт, где они интегрируют дымовые каналы. Фасад главной 5-этажной части блока производства колбас акцентирован аттиком с вертикальными рядами крупных окон, обрамлённых плоскими лопатками, и завершён поясами с филёнками квадратной/прямоугольной формы в штукатурке и красном кирпиче; боковой фасад включает квадратные окна лестничной клетки с наличниками и вертикальными тягами [5] (Рис. 6).

Рис. 6. Мясокомбинат (слева) и котельная мясокомбината (справа)

Заключение

Конструктивизм в промышленной архитектуре Ивановского региона эволюционировал от протоконструктивизма (1926–1929 гг., ТЭЦ-1, фабрики Дзержинского) через пик «зрелого» конструктивизма (1927–1935 гг., фабрика «Красная Талка», Ивановская ГРЭС, подстанции) к постконструктивистскому этапу (1935–1938 гг., мясокомбинат). Отличительная черта — использование красного лицевого кирпича с серыми оштукатуренными вставками, обусловленное текстильной индустрией и пролетарскими традициями. Это воплотило идеалы индустриализации через лаконичность, тектонику и синтез функции с эстетикой, оставив уникальное наследие.

Литература

1. Балынин, П.С. Пароэлектростанция 1920-х гг. в Иваново-Вознесенске: архитектурный проект и его реализация / П.С. Балынин // Качество жизни: архитектура, строительство, транспорт, образование: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Иваново: ИВГПУ, 2025. С. 18-22.
2. Балдин, К.Е. Иваново. Историко-архитектурный путеводитель / К.Е. Балдин, А.М. Тихомиров, В.М. Шахматов и др. – Иваново: Издательство МИК, 2006. – 220 с.
3. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область: в 3 ч. Ч. 1.

М.: Наука, 1998. 524 с.

4. Снитко, А.В. Историко-архитектурное наследие производственной и социальной инфраструктур Ивановской ГРЭС / А. В. Снитко // Academia. Архитектура и строительство N. 3 /2015, С. 52-55.

5. Снитко, А.В. Незученные объекты промышленной архитектуры г. Иваново: Мясокомбинат 1930-х гг. в местечке Соснево / А.В. Снитко, П.С. Бальнин, П.М. Расторгуев // Приволжский научный журнал. – 2025. – № 3(75). С.186-195.

АРХИТЕКТУРНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕЭТАЖНОГО ЖИЛИЩА НА ОСНОВЕ КРИТЕРИЕВ СИСТЕМЫ «КЛЕВЕР»

Е.Ю. Рослякова¹, магистрант
Н.С. Барсуков¹, член СМА, старший преподаватель кафедры архитектуры

¹ ФГБОУ ВО Государственный университет по землеустройству, Москва

Аннотация. В работе рассматривается влияние критериев устойчивой системы оценки жилых зданий «Клевер» на архитектурное формирование среднеэтажного жилища. Проанализированы экологические, социальные и управленческие параметры Методики и их воздействие на объемно-планировочные решения, структуру общественных пространств и модель эксплуатации объектов. Обосновано, что система «Клевер» выступает инструментом трансформации типологии среднеэтажной застройки и формирования новой парадигмы проектирования, основанной на принципах измеримой устойчивости.

Введение

В Российской Федерации вектор устойчивого развития получил институциональное оформление через внедрение национальных систем оценки устойчивости зданий. Одной из таких систем является Методика оценки и верификации зданий для жилых объектов нового строительства «Клевер» (версия 1.0), основанная на учёте экологических, социальных и управленческих факторов.

Среднеэтажное жилище (4–8 этажей) рассматривается как перспективная типология, способная обеспечить баланс плотности, энергоэффективности и качества общественных пространств. В этом контексте актуальным является анализ влияния критериев системы «Клевер» на архитектурное формирование жилых объектов.

Цель исследования — выявить, каким образом критерии системы «Клевер» трансформируют архитектурно-планировочные решения среднеэтажного жилища и формируют новую модель жилой среды.

Влияние экологических критериев на объемно-пространственную структуру среднеэтажного жилища

Критерии блока «Окружающая среда» оказывают непосредственное влияние на морфологию застройки и архитектурные решения. Требования по достижению высокого класса энергоэффективности обуславливают необходимость оптимизации формы здания, ориентации по сторонам света, рационального остекления и применения энергоэффективной оболочки.

Одним из ключевых параметров энергоэффективности является соотношение площади ограждающих конструкций к отапливаемому объёму. Чем более компактной является форма здания, тем ниже теплопотери и выше энергетическая эффективность. Среднеэтажная типология позволяет оптимизировать данный показатель за счёт умеренной этажности и рациональной глубины корпуса [1]. Оптимально применять глубину корпуса 12–16 метров, минимизировать выступы более 1,2–1,5 метра, также рекомендуется сохранять протяженность фасада не более 60–80 метров без температурных разрывов.

Соблюдение данных параметров влечет за собой положительные архитектурные последствия. Формирование компактных, периметральных или блокированных объемов, минимизирующих избыточные выступы и тепловые мостики. Это приводит к отказу от сложной пластики фасадов в пользу энергетически оправданной геометрии. Архитектурная выразительность при этом достигается за счёт материалов, фактуры и пропорций, а не за счёт усложнения формы.

Система «Клевер» учитывает параметры качества внутренней среды, включая естественное освещение и микроклимат помещений. Требования к энергоэффективности и качеству внутренней среды обуславливают необходимость рациональной ориентации зданий по сторонам света. Максимальное использование солнечной радиации в холодный период года и ограничение перегрева в тёплый период становятся частью пространственной концепции проекта.

Среднеэтажная застройка позволяет варьировать размещение корпусов таким образом, чтобы обеспечить нормативные показатели инсоляции дворовых пространств и жилых помещений без значительного взаимного затенения. В отличие от высотной застройки, она формирует более равномерный световой режим территории и благоприятный микроклимат. Для обеспечения нормативной инсоляции в центральной зоне с 22 марта по 22 сентября необходимо 2 часа непрерывной инсоляции в жилых помещениях [2]. Критерии системы «Клевер» прямо влияют на силуэт здания и улучшают показатели инсоляции. Коэффициент застройки участка лучше принимать 0,25 – 0,40 так как при превышении плотности выше 0,45 возникает взаимное затемнение и ухудшение климата. Расстояние между параллельными корпусами оптимально принимать не менее 1,0 – 1,5 высоты здания. При уплотнении застройки для сохранения нормативных показателей инсоляции применяется ступенчатая линия верхних этажей и ограничение «точечных» доминант [3].

Экологические критерии, связанные с качеством внутреннего воздуха, предполагают возможность естественного проветривания и сквозной вентиляции квартир. Например, формирование сквозных проемов между корпусами шириной 6 – 12 метров позволяет улучшить естественную аэрацию. Увеличение доли угловых квартир (не менее 20-30% от общего количества) и возможность сквозной планировки формируют энергоэффективную и климатически устойчивую модель застройки.

Среднеэтажная модель обеспечивает оптимальную плотность жилой застройки – 350 - 600 чел/га и баланс экологической устойчивости. Коэффициент плотности застройки (FAR) стоит принимать 1,5 – 2,5, при FAR выше 3,0 увеличивается тепловая нагрузка территории. Для уменьшения эффекта «теплого острова» рекомендуется увеличивать процент озеленение на 10 – 20 % от нормируемых значений, отдавать предпочтение периметральной застройке с внутренним двором 40 – 60 метром и организовывать эксплуатируемые зеленые кровли – «пятый фасад», как активный элемент композиции.

При выборе строительных материалов и конструктивных решений предпочтение отдается материалам с пониженным углеродным следом и высокой долговечностью. Это может влиять на толщину ограждающих конструкций, структуру фасадов и технологию строительства. Рациональность конструктивной схемы способствует сокращению отходов строительства и оптимизации жизненного цикла здания. жилого объема в элемент городской структуры с активным общественным фронтом [4].

Социальные критерии как фактор трансформации общественных и дворовых пространств

Социальный блок системы «Клевер» направлен на формирование качественной жилой среды, обеспечивающей комфорт, безопасность и доступность для различных групп населения. Критерии, касающиеся развития общественных пространств и транспортной доступности, оказывают влияние на организацию территории жилого комплекса.

Одним из ключевых направлений является приоритет пешеходной и велосипедной инфраструктуры. Это отражается в формировании дворов без транзитного автотранспорта, размещении парковок по периметру участка или в подземном пространстве, создании безопасных маршрутов внутри жилой среды.

Критерии инклюзивности и доступности способствуют проектированию безбарьерной среды: отсутствию перепадов высот, устройству пандусов и лифтов, обеспечению доступности общественных функций на первых этажах. Это влияет на планировочную структуру зданий и характер взаимодействия жилого объема с улицей.

Кроме того, система стимулирует формирование функционально насыщенных первых этажей, общественных и полу частных пространств, способствующих социальному взаимодействию жителей. Среднеэтажное жилище трансформируется из изолированного жилого объема в элемент городской структуры с активным общественным фронтом.

Система «Клевер» как драйвер трансформации архитектурной парадигмы жилого проектирования

Анализ критериев системы «Клевер» позволяет рассматривать её не только как инструмент оценки, но и как механизм изменения самой логики архитектурного проектирования. Если традиционная модель основывается на соблюдении нормативных требований и экономической оптимизации, то в рамках устойчивой системы акцент переносится на достижение комплексных, количественно измеряемых показателей экологической и социальной эффективности (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Итоговое количественное сравнение параметров

Параметр	Типовой проект	Проект с ориентацией на систему «Клевер»
Коэффициент компактности	0,40 - 0,50	0,25 – 0,35
Плотность (FAR)	2,8 – 3,2	1,8 – 2,5
Расстояние между корпусами	12 – 15м	18 – 27м
Озеленение	25 – 30%	40 – 50%
Глубина корпуса	18 – 22м	12 – 16м
Протяженность фасада	До 120м	60 – 80м

Проектирование начинает осуществляться с учётом целевых показателей рейтинга, что требует ранней интеграции архитектурных, инженерных и управленческих решений. Возникает необходимость междисциплинарного взаимодействия, цифрового моделирования и анализа жизненного цикла здания. Архитектурная форма становится результатом согласования пространственных решений с критериями энергоэффективности, качества среды, транспортной доступности и эксплуатационной прозрачности [5].

Система балльной оценки стимулирует поиск инновационных решений, допускаемых в рамках предусмотренной доли инновационных критериев. Это открывает возможности внедрения новых материалов, возобновляемых источников энергии, технологий мониторинга потребления ресурсов и систем умного управления зданием [6, 7].

Система «Клевер» может быть охарактеризована как драйвер формирования новой парадигмы жилой архитектуры, в которой устойчивость выступает не дополнительным качеством объекта, а его структурообразующим принципом. Среднеэтажное жилище в данном контексте становится экспериментальной площадкой апробации данной парадигмы и прототипом устойчивой городской среды.

Заключение

Проведённый анализ показал, что критерии системы «Клевер» оказывают комплексное влияние на архитектурное формирование среднеэтажного жилища. Экологические параметры определяют объемно-пространственные характеристики зданий, социальные критерии трансформируют структуру общественных пространств, а рейтинговая

модель оценки формирует новую методологию проектирования. Система количественно регулирует силуэт, габариты и пространственную морфологию жилища, формируя энергоэффективную и климатически устойчивую модель застройки [7]. Среднеэтажная застройка демонстрирует наибольший потенциал для реализации принципов измеримой устойчивости.

Литература

1. Есаулов Г.В. Городская среда и устойчивое развитие: планирование «умных городов» и архитектура для комфортной городской жизни, 2025 № 9.3
2. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва 2019. № 4. С. 3–22.
3. Чередниченко Т.Ф., Пушкалева Н.А. Современные технологические решения строительства энергоэффективных зданий / Инженерный вестник Дона, 2018. - №3. С. 2 – 5.
4. Табунщиков Ю.А. Принципы формирования энергоэффективных жилых районов / Московский архитектурный институт (государственная академия). С. 3-5.
5. Джумадурдыев Т. М., Керимов Б. М. Концепция устойчивого проектирования и ее влияние на архитектуру, 2024. - № 12-1-2 - С. 204-207.
6. Лапина О. А., Лапина А. П. Энергоэффективные технологии // Инженерный вестник Дона, 2015, № 1 (часть 2). URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2849
7. Официальный сайт системы "КЛЕБЕР". — URL: <https://clever.gost.ru>

ПРИНЦИПЫ ВЕРТИКАЛЬНОГО ОЗЕЛЕНЕНИЯ В АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ РЕШЕНИЯХ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

PRINCIPLES OF VERTICAL GREENING IN THE ARCHITECTURAL AND PLANNING DESIGN OF RESIDENTIAL BUILDINGS

Ван Яцзин ¹, аспирант

О.В. Воличенко ¹, доктор архитектуры, профессор

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

Wang Yajing, 3th year PhD student

O.V. Volichenko, Doctor, professor

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Аннотация. В условиях высокой плотности городской застройки жилые здания с вертикальным озеленением становятся важным направлением развития современной жилой архитектуры, способствуя повышению уровня озеленённости городов и улучшению качества жилой среды. В статье на основе анализа научных публикаций и реализованных проектов обобщены основные принципы архитектурно-планировочных решений жилых зданий с вертикальным озеленением, включая формирование пространственной структуры, организацию систем озеленения и координацию конструктивных и эксплуатационных решений, что может служить методической основой для проектирования современной жилой застройки.

Ключевые слова: Вертикальное озеленение; Жилые здания; Архитектурно-планировочные решения; Устойчивое городское развитие; Озеленение городской среды

Abstract. In conditions of high urban density, residential buildings with vertical greening are becoming an important direction in contemporary residential architecture, contributing to increased urban greenery and improved living environments. Based on an analysis of scientific publications and completed projects, this article summarizes the key principles of architectural and planning solutions for residential buildings with vertical greening, including the formation of spatial structures, the organization of greening systems, and the coordination of structural and operational strategies. These principles may serve as a methodological basis for the design of modern residential architecture.

Keywords: Vertical greening; Residential buildings; Architectural and planning solutions; Sustainable urban development; Urban greening

В условиях ускоренной глобальной урбанизации высокоплотная застройка стала основной моделью пространственного развития городов, усиливая противоречие между дефицитом земельных ресурсов и растущим спросом на высококачественную жилую среду. Традиционные модели жилой застройки, основанные преимущественно на наземном озеленении, всё менее соответствуют условиям интенсивного городского развития, в связи с чем вертикальное освоение пространства и внедрение систем вертикального озеленения рассматриваются как перспективное направление формирования устойчивой жилой архитектуры [1].

Формирование типологии жилых зданий с вертикальным озеленением связано с интеграцией надземных дворовых пространств, террасированных элементов и озеленённых фасадов, обеспечивающих создание трёхмерной экологической среды. Значительное влияние на развитие данного направления оказал проект «Вертикальный лес», реализованный архитектором Стефано Боэри и продемонстрировавший возможности вертикального расширения городских зелёных пространств за счёт интеграции растительных систем в фасады высотных зданий [2].

В статье на основе анализа научных публикаций и реализованных проектов рассматриваются пространственно-планировочные особенности жилых зданий с вертикальным озеленением и обобщаются принципы их архитектурно-планировочного формирования в условиях высокой плотности городской застройки.

Международный и китайский опыт жилых зданий с вертикальным озеленением

1. Жилой комплекс The Interlace (Сингапур)

Жилой комплекс The Interlace расположенный в южной части Сингапура, занимает территорию около 8 гектаров и был завершён в 2013 году. В отличие от традиционной модели высотной башенной жилой застройки, в данном комплексе использована система горизонтально ориентированных жилых блоков, формирующая многоуровневую пространственную структуру с восемью крупными внутренними дворами и трёхмерной системой общественных пространств. Благодаря инновационной пространственной организации проект получил премию Всемирного фестиваля архитектуры (World Architecture Festival, WAF) в категории «Жилой проект года» (Housing Project of the Year) в 2014 году [3].

Рис. 1. Жилой комплекс The Interlace (Сингапур):

а — общий вид жилого комплекса [3]; б — схема пространственной организации и озеленённых общественных пространств [3].

Пространственная концепция комплекса объединяет системы вертикального и горизонтального озеленения, включая озеленённые кровли, воздушные переходы и озеленённые внутренние дворы, что обеспечивает общий уровень озеленения более 80 %. Открытая пространственная планировка и организация вентиляционных коридоров способствуют улучшению воздухообмена, обеспечивая естественную вентиляцию примерно в 80 % жилых единиц и снижая зависимость от систем кондиционирования воздуха. Дополнительно внедрена система сбора и повторного использования дождевой воды для орошения озеленённых территорий, что повышает эффективность использования водных ресурсов. Комплекс демонстрирует модель высокоплотного жилья, сочетающую эффективное использование пространства, экологическую устойчивость и развитые общественные пространства в условиях плотной городской застройки.

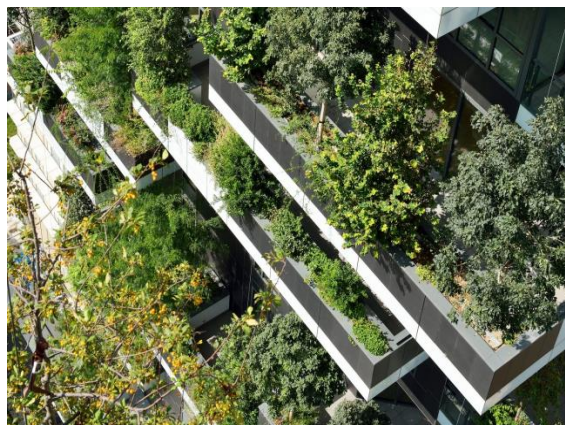
2. Жилой комплекс «Вертикальный лес» (Bosco Verticale), Милан

Жилой комплекс «Вертикальный лес» (Bosco Verticale), расположенный в районе Porta Nuova в Милане и спроектированный архитектором Стефано Боэри, был завершён в 2014 году и состоит из двух жилых башен высотой около 112 и 80 м. В 2015 году проект получил премию Совета по высотным зданиям и городской среде (CTBUH) «Лучшее высотное здание мира» [4].

Проект основан на интеграции крупномасштабных растительных систем в фасады зданий и включает около 800–900 деревьев, 5000 кустарников и более 10 000 почвопокровных растений. Балконы с вылетом до 3 м выполнены из железобетона; проведённые аэродинамические испытания подтвердили устойчивость системы озеленения к ветровым нагрузкам. В комплексе реализованы автоматизированные системы капельного орошения, рециркуляции сточных вод и мониторинга состояния растений.

а

б

Рис. 2. Жилой комплекс «Bosco Verticale» (Милан, Италия):
а — общий вид жилого комплекса [4]; б — система фасадного вертикального озеленения [4].

Эксплуатационные данные показывают, что вертикальное озеленение снижает температуру фасадов летом примерно на 2–3 °С, сокращая энергопотребление кондиционирования и способствуя улучшению экологических условий городской среды. Несмотря на увеличение строительных и эксплуатационных затрат примерно на 15–20 %, проект стал одним из ключевых мировых примеров интеграции высотной жилой архитектуры и природных экосистем.

3. Жилой комплекс Easyhome Huanggang Vertical Forest, Хуанган, Китай

Жилой комплекс Easyhome Huanggang Vertical Forest, расположенный в городе Хуанган провинции Хубэй (Китай), реализован проектной командой итальянского архитектора Стефано Боэри и является одним из значимых проектов вертикального озеленения жилой застройки в Китае. Комплекс включает две жилые башни высотой около 80 м и сопутствующие коммерческие и общественные здания. Фасады оборудованы непрерывными консольными балконами, образующими трёхмерные озеленённые платформы, на которых размещено более 400 деревьев, 4620 кустарников и около 2408 м² цветочных и вьющихся растений [5].

а

б

Рис. 3. Жилой комплекс «Bosco Verticale» (Милан, Италия):
а — общий вид жилого комплекса [5]; б — фасадная композиция с системой вертикального озеленения [5].

Конструктивные решения предусматривают усиленные балконные конструкции и системы фиксации деревьев; на этапе проектирования проведены 48-часовые аэродинамические испытания и расчёты ветрового давления. Для снижения нагрузки применена облегчённая композитная почвенная смесь, а при подборе растений использованы виды, адаптированные к климатическим условиям региона.

В проекте внедрены автоматизированные системы капельного орошения, рециркуляции воды и солнечного водонагрева. По расчётным оценкам, система вертикального озеленения ежегодно поглощает более 20 т углекислого газа и выделяет около 10 т кислорода. Реализация проекта требует дополнительных инженерных затрат в размере 3–5 % по сравнению с традиционными жилыми комплексами и предполагает участие специализированных служб ландшафтного обслуживания.

4. Жилой комплекс «Городской лесной сад Ции» (Qiyi Urban Forest Garden), Чэнду, Китай

Жилой комплекс «Городской лесной сад Ции» (Qiyi Urban Forest Garden) в Чэнду расположен в районе Синьду и занимает территорию около 130 000 м² [6]. Комплекс включает восемь жилых башен высотой до 30 этажей, введённых в эксплуатацию в 2018 году, и рассматривается как один из первых крупномасштабных проектов вертикального озеленения жилых зданий в Китае. В проекте применены ступенчатые балконные конструкции, при этом каждая квартира имеет индивидуальное озеленённое пространство с выносом 4–6 м, где размещены деревья, кустарники и декоративные растения. В сочетании с фасадным и кровельным озеленением это формирует трёхмерную систему зелёных насаждений с общим уровнем озеленения более 80 %. Озеленённые платформы рассчитаны на нагрузку 10–20 т почвенно-растительного слоя, что потребовало усиления конструкций и увеличило стоимость строительства примерно на 20–25 % по сравнению с традиционными жилыми зданиями.

а

б

Рис. 4. Жилой комплекс Qiyi Urban Forest Garden (Чэнду, Китай):

а — общий вид жилого комплекса [7]; б — система террасного вертикального озеленения жилых фасадов[7].

В рамках проекта высажено около 5000 деревьев, способных поглощать около 50 т CO₂ ежегодно. Система вертикального озеленения снижает температуру поверхности зданий летом на 2–3 °С, уменьшая энергопотребление кондиционирования и улучшая локальный микроклимат. Стоимость жилья примерно на 10–15 % выше сопоставимых объектов района при уровне заселённости около 80 %. Эксплуатация комплекса сопровождается повышенными затратами на обслуживание растений и риском размножения насекомых, что требует постоянного профессионального ухода.

На основе анализа современных практик вертикального озеленения в жилой архитектуре можно выделить ключевые принципы его формирования на уровне архитектурно-планировочных и проектных решений.

1. Пространственно-планировочные принципы

Вертикальное озеленение формирует многоуровневые трёхмерные пространственные структуры за счёт террасированных композиций, надземных садов и ступенчатых планировочных решений. Открытая пространственная организация и вентиляционные

коридоры улучшают естественный воздухообмен, повышают эффективность вентиляции помещений и способствуют снижению энергопотребления, одновременно обеспечивая интеграцию жилых, общественных и коммерческих функций.

2. Принципы интеграции систем озеленения

Системы вертикального озеленения включают озеленённые кровли, фасады и надземные дворовые пространства, формируя трёхмерные растительные структуры. Использование местных видов растений и многоуровневое размещение насаждений повышают устойчивость растений и снижают эксплуатационные затраты, одновременно способствуя улучшению микроклимата за счёт затенения и транспирации.

3. Принципы конструктивной безопасности

Реализация систем вертикального озеленения требует усиления балконных и посадочных конструкций, расчётов ветровых нагрузок и применения устройств фиксации растений, что обеспечивает конструктивную надёжность и ограничивает дополнительную нагрузку на здания.

4. Принципы ресурсной эффективности и управления

Эксплуатация систем предусматривает сбор дождевой воды, рециркуляцию очищенных сточных вод и автоматизированные системы полива. Использование мониторинговых датчиков и специализированного обслуживания обеспечивает долгосрочную устойчивость функционирования озеленительных систем.

Выводы

Вертикальное озеленение жилых зданий способствует повышению уровня городского озеленения, улучшению микроклиматических условий и качества жилой среды за счёт интеграции трёхмерных систем озеленения с высотной жилой архитектурой. Практика показывает, что данная модель эффективно расширяет экологическое пространство в условиях высокой плотности застройки и формирует новые подходы к проектированию устойчивой жилой среды.

Широкое внедрение вертикального озеленения сдерживается повышенными строительными затратами, сложностью эксплуатации, необходимостью совершенствования технических решений и недостаточной разработанностью нормативной базы. Дальнейшее развитие требует совершенствования облегчённых конструктивных решений, стандартизированных узлов и систем подбора растений, а также внедрения специализированных систем обслуживания и интеллектуальных технологий управления поливом и мониторинга.

Одновременно необходимо совершенствовать проектные нормы, стандарты расчёта нагрузок и требования безопасности, а также интегрировать решения вертикального озеленения в механизмы государственной поддержки и системы экологической сертификации зданий. В целом вертикальное озеленение жилых зданий обладает высоким потенциалом стать важным направлением развития высокоплотной жилой застройки и формирования устойчивых городских экосистем.

Литература

1. Шеина С. Г., Белаш В. В., Даниленко А. А. Вертикальное озеленение как элемент экологизации жилых зданий // Инженерный вестник Дона. 2021. № 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vertikalnoe-ozelenenie-kak-element-ekologizatsii-zhilyh-zdaniy> (дата обращения: 16.02.2026).
2. Туркина Е. А., Чистяков Д. А., Калугин А. Н. Тенденции развития горизонтального и вертикального озеленения зданий // Инновации и инвестиции. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gorizontalnogo-i-vertikalnogo-ozeleneniya-zdaniy> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Жилой организм: The Interlace в Сингапуре // Archi.ru. URL: <https://archi.ru/world/56235/zhiloi-organizm> (дата обращения: 16.02.2026).
4. Жилой комплекс Bosco Verticale // Archi.ru. URL: <https://archi.ru/projects/world/8818/zhiloi-kompleks-bosco-verticale> (дата обращения: 16.02.2026).

5. Жилой комплекс Easyhome Huanggang Vertical Forest // Archi.ru. URL: <https://archi.ru/projects/world/17445/zhiloi-kompleks-easyhome-huanggang-vertical-forest> (дата обращения: 16.02.2026).

6. Ху Куй, Лю Явэй. Тенденции развития жилья четвертого поколения и планировочные стратегии реагирования // Журнал «Цзюшэ». 2025. № 25. С. 22–25. (胡魁, 刘亚微. 浅议第四代住宅的发展趋势与规划应对 // 居舍. 2025. № 25. С. 22–25.)

7. Жилой комплекс Qiyi City Forest Garden (Чэнду, Китай) // Travefeed. URL: <https://travefeed.com/@lannabeiker/qiyi-city-forest-garden-debunking-the-myth-of-the-failure-of-the-green-skyscraper-project-chengdu> (дата обращения: 16.02.2026).

**ПРИНЦИПЫ ВЕРТИКАЛЬНОГО ОЗЕЛЕНЕНИЯ
В АРХИТЕКТУРНО-ТИПОЛОГИИ ЖИЛИЩА НАД ВОДОЙ В КОЛУМБИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ**

Р.А.А. Варгас¹, аспирант
А.В.Л. Гомес¹, ассистент, аспирант

¹ *Российский университет дружбы народов (РУДН) имени Патриса Лумумбы –
Департамент архитектуры и реставрации, Москва*

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью перехода от диагностики нормативной невидимости палафитных поселений Колумбии к разработке конкретных типологических и правовых инструментов её преодоления. Исследование охватывает четыре поселения Сьенаги-Гранде-де-Санта-Марта и типологию коренного народа гуахибо (Оринокия) как контрастный случай. Цель — сравнительный типологический анализ трёх систем жилища над водой через призму действующего законодательства Колумбии. Методология включает архитектурно-типологический анализ, матрицу восьми параметров и документальный анализ DNP 2016, NSR-10 и Закона 1537/2012. Результаты выявляют инверсию нормативной логики: наиболее адаптированная система (Нуэва-Венесия, 177 лет) лишена правового признания, тогда как легитимный прототип DNP 2016 технически неосуществим над постоянным водоёмом. Предложены: концессии жилого использования водной поверхности, новый раздел NSR-10 для свайного фундаментирования и расширение мандата AUNAP.

Введение

Свайная (палафитная) архитектура представляет собой устойчивую строительную традицию, уходящую корнями в доколумбову эпоху на территории современной Колумбии. В XXI веке она сохраняет свою актуальность в четырёх принципиально различных экосистемах: в лагунных комплексах Карибского побережья, в речных поймах тихоокеанского региона, в амазонском бассейне и на затопляемых саваннах Оринокии. Несмотря на это географическое и типологическое разнообразие, все формы палафитного жилища объединяет общая черта: ни одна из них не признана действующим колумбийским законодательством в качестве легитимной формы жилищного строительства над водной поверхностью [1].

Наиболее полно документированными палафитными поселениями страны являются четыре общины Большой Болотной Лагуны Санта-Марта: Тасахерас (основана около 1790 г.), Нуэва-Венесия (1847), Буэнависта (1850) и Трохас-де-Катака (1870). В совокупности они насчитывают около 7 000 жителей в более чем 600 жилищах, возведённых полностью над лагуной [2]. Лагунный комплекс признан водно-болотным угодьем международного значения Рамсар (1998) и биосферным заповедником ЮНЕСКО (2000), однако этот международный статус не повлёк никаких изменений в правовом положении населяющих его сообществ [3]. Иную конструктивную традицию представляет типология коренного народа гуахибо в Оринокии — так называемый «дом двух периодов»: в засушливый сезон постройка стоит на земле, в сезон дождей оказывается над водой и доступна лишь с каноэ. Сваи забивают в затопляемый грунт, обеспечивая вертикальную адаптацию к ежегодным колебаниям уровня воды до 4–6 метров [4]. Оба случая демонстрируют многовековые конструктивные решения, выработанные в ответ на специфику водной среды, — и оба остаются невидимыми для действующего законодательства.

Первая «Национальная программа сельского жилья» (DNP 2016) впервые установила единые технические и бюджетные нормативы для сельской архитектуры страны, включая специальный прототип для затопляемых зон [5]. Однако анализ её технических

спецификаций обнаруживает принципиальное ограничение: строительство разрешено лишь «на расстоянии 30 метров от границы воды» [5, с. 89], что де-юре запрещает возведение жилья над постоянным водоёмом. Единственный верифицированный государственный опыт палафитного строительства — проект жилищного комплекса для общины эмбера в ресгвардо Танела, Унгиа, Чоко (2024, 69 жилищ, 1 740 428 долл. США) — показателен тем, что первоначальные проектные решения были отвергнуты общиной, и лишь после пересмотра дизайна строительство было возобновлено [6]. Это свидетельствует о системном разрыве между типологическими критериями государственных программ и реальными потребностями водных сообществ.

Цель исследования провести сравнительный типологический анализ трёх систем жилища над водой через призму действующей нормативной базы Колумбии, выявив параметры, по которым законодательство ограничивает, остаётся недостаточным, функционирует или принципиально неприменимо.

Гипотеза: существующие колумбийские типологии жилища над водой — как традиционные, так и государственные — функционально опережают нормативную базу, разработанную без учёта конструктивной специфики постоянного обитания над водоёмом. Следствием является не случайный пробел, а системное нормативное исключение, воспроизводящееся от конституционного уровня до технических регламентов.

Научная новизна состоит в первом комплексном сравнительном анализе трёх типологических систем (традиционная Съенага, коренная Оринокья, государственная Чоко) с применением единой аналитической матрицы и нормативными критериями DNP 2016 как эталоном сравнения.

Методология включает: архитектурно-типологический анализ трёх систем жилища над водой; применение аналитической матрицы восьми параметров (конструктивная система, материалы, отношение к воде, программа пространства, автономия обслуживания, культурная идентичность, стоимость, нормативная пригодность); документальный анализ DNP 2016, NSR-10, Гражданского кодекса (ст. 674–685) и Закона 1537/2012; анализ проекта Танела по данным MinVivienda; сравнение с нидерландской программой «Пространство для реки» (Ruimte voor de Rivier) [7].

Рис. 1. проект Танела по данным MinVivienda

Сравнительная матрица типологий

Для выявления контраста между нормативной моделью (DNP 2016) и палафитной строительной реальностью устанавливается сравнительная матрица трёх случаев: (1) прототип DNP 2016, (2) проект Танела 2024 (Чоко), (3) традиционная вернакулярная архитектура Нуэва-Венесии. Анализ интегрирует технические, экономические и правовые параметры (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительные технические спецификации типологий.

Техническая спецификация	DNP 2016	Танела 2024	Нуэва-Венесия
Точное местоположение	Твёрдая земля, ≥ 30 м от берега водоёма	Чоко, река (точное расположение не опубликовано)	Большая Болотная Лагуна, 100 % над постоянной водой
Древность / год	Прототип 2016	Проект 2024 (в реализации)	Поселение основано ~1847 (177 лет)
Масштаб вмешательства	Индивидуальный прототип	88 жилищ (10 переданы нояб. 2024)	~276 консолидированных жилищ
Население-бенефициант	Крестьяне на твёрдой земле	Коренные общины Эмбера в резервации	~2 800 кустарных рыбаков
Фундаментирование – Тип	Ленточные фундаменты из бетона	Деревянные сваи (порода не уточнена)	Сваи из мангрового дерева (Rhizophora mangle)
Фундаментирование – Размеры	Глубина 80 см ниже уровня грунта, $f_c=280$ кг/см ²	Не опубликовано	Диаметр 15–25 см, общая длина 2,5–4 м (1,5–2,5 м погружены)
Платформа – Материал	Облегчённая бетонная плита	Дощатый настил	Дощатый настил с соединением в шпунт
Платформа – Толщина / Вес	10 см / ~250 кг/м ²	Не опубликовано	2,5–3,5 см / 15–25 кг/м ²
Стены – Конструктивная система	Кирпичная кладка (бетонные блоки или кирпич)	Вертикальные/горизонтальные доски	Доски / глинобитный каркас
Стены – Толщина / Вес	12–15 см / ~200–250 кг/м ²	Не опубликовано	1,5–2,5 см / 20–35 кг/м ²
Вертикальная конструкция	Столбы из бетона $f_c=210$ кг/см ² ИЛИ сосна ES6 (NTC 2500)	Столбы из местной древесины	Столбы из мангрового дерева 10–15 см диаметр
Покрытие – Материал	Оцинкованный лист калибр 30 или фиброцемент	Цинк / пальма	Цинк / фиброцемент / пальма
Включённые услуги	Подключение к муниципальным сетям (вода, электричество, канализация)	Резервуар для воды 1 000 л	Самостоятельно возведённые: приподнятые резервуары, уборные на сваях
Общая стоимость единицы	39 600 долл. США	18 500 долл. США	3 750–6 250 долл. США
Стоимость за м ² ~720 долл. США/м ² (55 м ²)	~720 долл. США/м ² (55 м ²)	~320 долл. США/м ² (58 м ²)	~75–125 долл. США/м ² (средняя площадь 50 м ²)
Время строительства	Не уточнено	Не опубликовано	2–4 месяца (прогрессивное строительство по этапам)
Расчётный срок службы	50+ лет	Не оценён (недавний проект)	15–25 лет (при обслуживании/замене свай)
Годовое обслуживание	~120 долл. США (оценка DNP)	Не оценено	~75–125 долл. США (накопительная замена)

Случай 1: DNP 2016 — национальный стандартизированный прототип Модель представляет первую попытку национальной стандартизации после десятилетий отсутствия нормативной базы [7]; однако её проектирование неявно предполагает твёрдую землю как единственную обитаемую поверхность. Территориальное ограничение (≥ 30 м от берега) исключает строительство над водой; технические спецификации — бетонные фундаменты, тяжёлая плита перекрытия, импортная сосна ES6 — оказываются неадекватными для мягкого субаквального дна и экономически недоступными для рыболовных сообществ. Руководящие принципы DNP представляют собой необязательные ориентиры и лишены обязательной нормативной силы, что в сочетании с указанными техническими ограничениями делает модель неприменимой к палафитному контексту.

Случай 2: Танела 2024 — проект Чоко, сообщества Эмбера Проект представляет значительный прогресс в признании жилищного разнообразия посредством инкорпорирования местных материалов (преобладающая древесина) и реагирования на судебное решение о возвращении территориальных прав коренным общинам. Тем не менее остаётся критическое неразрешённое ограничение: доступная информация не специфицирует, возводятся ли жилища над постоянной водой или над сезонно затопляемой землёй. Расположение на «реках Чоко» предполагает возможное строительство на берегах (затопляемая земля), а не над постоянным водоёмом, как в Нуэва-Венесии. Кроме того, специфическая правовая рамка — судебное решение о возвращении прав коренным народам в резервации — делает модель неприменимой к кустарным рыбакам смешанного или афроколумбийского происхождения Карибского, Тихоокеанского или Амазонского регионов, не обладающим правовым статусом коренной резервации. Таким образом, прогресс, который воплощает Танела, остаётся структурно ограниченным конкретным правовым контекстом и не может служить общей моделью для палафитных сообществ страны.

Случай 3: Нуэва-Венесия — традиционная вернакулярная архитектура

Конструктивное решение, консолидированное на протяжении 177 лет посредством межпоколенческого знания, общинного самостроительства и местных материалов, обнаруживает максимальную экологическую адаптацию среди трёх рассматриваемых случаев. Конструктивная лёгкость — платформа в 10 раз легче, чем у прототипа DNP — совместима с мягким субаквальным дном; сваи допускают вертикальное перемещение $\pm 1,5$ м, адаптируясь к колебаниям уровня воды; мангровое дерево (*Rhizophora mangle*) обладает естественной устойчивостью к погружению в солёную воду без химической обработки [4]. Возникает фундаментальный парадокс: технически эффективное решение с более чем 170-летним доказанным функционированием полностью лишено правового признания — без катастра, правоустанавливающих документов, доступа к субсидируемому сельскому жилью [17] или формальных коммунальных услуг. Данный случай иллюстрирует инверсию привычной нормативной логики, при которой юридически невидимое оказывается технически наиболее адаптированным.

Синтетическое сравнение Матрица выявляет три модели с принципиально различными рациональностями (табл. 2). DNP 2016 представляет собой индустриально-городскую модель, экспортированную в сельский контекст: высокая долговечность, высокая стоимость и низкая адаптивность делают её технически и экономически несовместимой с палафитной реальностью [7; 16]. Танела 2024 является гибридной моделью, инкорпорирующей местные материалы, но сохраняющей логику формального подряда; модель представляет прогресс относительно DNP, однако остаётся ограниченной коренными общинами с конкретной правовой поддержкой, тогда как критический вопрос о реальном местоположении — над водой или на затопляемой земле — не разрешён в доступной информации. Нуэва-Венесия воплощает вернакулярно-адаптивную модель, исторически консолидированную: максимальная экологическая адаптация и минимальная стоимость сочетаются с максимальным правовым исключением [12; 17]. (табл. 2).

Таблица 2. Синтетическое сравнение типологий

Переменная	DNP 2016	Танела 2024	Нуэва-Венесия
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ – Отношение к воде	≥ 30 м от берега (земля)	Вода или затопляемая?	100 % над водой
РАЗМЕРЫ – Возведённая площадь	55–60 м ²	58 м ²	30–80 м ²
КОНСТРУКЦИЯ – Фундаментирование	Бетонные фундаменты	Деревянные сваи	Сваи из мангрового дерева
КОНСТРУКЦИЯ – Платформа	Бетонная плита 10 см	Древесина	Дощатый настил
КОНСТРУКЦИЯ – Стены	Кирпичная кладка	Древесина	Древесина/глинобитный каркас
МАТЕРИАЛЫ – Происхождение	Промышленное	Местное + промышленное	Местное (мангровое дерево)
МАТЕРИАЛЫ – Адаптация к воде	Низкая	Средняя	Высокая
СТОИМОСТЬ – Строительство	~39 600 долл. США	~18 500 долл. США	~3 750–6 250 долл. США
СТОИМОСТЬ – Коэффициент vs. традиционное	4,7–7,9x	3,0–4,9x	1,0x
ПРОЦЕСС – Строительство	Подрядная организация	Смешанное	Самостроительство
ПРАВОВОЕ – Правовая основа	Руководящие принципы DNP	Судебные решения для коренных народов	ОТСУТСТВУЕТ

Из сравнения следует принципиальный вывод об инверсии нормативной логики: юридически несуществующее (Нуэва-Венесия) оказывается технически наиболее адаптированным; нормативно признанное (DNP) — технически неосуществимым для водного контекста. Данный парадокс составляет центральный аналитический результат исследования.

Дискуссия

Нормативная невидимость как политика исключения Результаты сравнительного анализа обнаруживают, что нормативная невидимость палафитных поселений не является случайным пробелом в законодательстве, а представляет собой системное исключение,

воспроизводящееся на нескольких взаимосвязанных уровнях правовой системы. Исследование выявляет три фундаментальных парадокса, подтверждающих этот вывод.

Парадокс 1: культурное признание vs. правовое исключение. В 2020 году серия почтовых марок «Народная архитектура» включила палафиты Съенаги-Гранде-де-Санта-Марта; с 2015 года ведётся подготовка заявки в ЮНЕСКО. Однако ни одно палафитное жилище не признано юридически. Государство воспекает палафиты как культурное наследие, одновременно отрицая их как легитимное жильё — противоречие, указывающее не на отсутствие знания, а на отсутствие политической воли к признанию.

Парадокс 2: защита воды в сельской местности vs. игнорирование сообществ над водой. Решение Т-418/2010 защищает доступ к воде в сельских зонах. Между тем именно те, кто обитает непосредственно над водой, оказываются исключёнными из сферы действия данной защиты. Конституционная норма о праве на достойное жильё (ст. 51 Конституции) формально универсальна, однако её операциональные механизмы — субсидии, кадастр, технические нормативы — системно предполагают твёрдую землю как единственное основание.

Парадокс 3: рыбак = крестьянин = земля. Действующее законодательство воспроизводит абсурдный силлогизм: рыбак приравнивается к крестьянину [8], крестьянин определяется через землю [11], следовательно, рыбак = земля. Данная логическая цепочка отражает принципиальное отсутствие правовой категории для субъекта, чьё производство и обитание связаны с водой, а не с землёй. Ни Закон 2219/2022 [8], ни Законодательный акт 01/2023 [11] не предусматривают обитание над постоянным водоёмом как легитимную форму существования.

Вода как одномерная юридическая концепция Действующее законодательство признаёт воду исключительно в двух измерениях: как ресурс — потребление, орошение, промышленное использование (Гражданский кодекс, ст. 674–685 [12]) — и как охраняемую экосистему (Рамсарская конвенция, ЮНЕСКО, природоохранное законодательство). Третье измерение — вода как обитаемая поверхность, то есть территория для палафитного строительства — юридически не существует ни в одном действующем нормативном акте. Этот концептуальный пробел не является следствием технической невозможности: один и тот же водоём фактически одновременно служит источником питьевой воды, охраняемой экосистемой и обитаемой территорией. Законодательство признаёт первые два качества и систематически отрицает третье [13; 19].

Под водой есть дно: фундаментирование как территориальная связь Принципиальное различие между палафитными сооружениями и плавучими конструкциями состоит в следующем: палафиты не плавают, а фундаментуются посредством свай, устанавливая постоянную связь с субаквальным грунтом. Данная связь пространственно ограничена (площадь, занимаемая сваями), постоянна (сваи зафиксированы на 15–25 лет) и технически верифицируема (допускает геопривязку). Именно это обстоятельство делает правовое исключение особенно значимым: речь идёт не об абстрактном использовании водной поверхности, а о конкретной территориальной связи с субаквальным дном, аналогичной по своей природе концессиям горнодобывающего освоения недр или концессиям использования прибрежных зон — обеим юридически признанным колумбийским правом [12; 19]. Нидерландская модель *Ruimte voor de Rivier* демонстрирует, что регулируемое сосуществование с водой технически и юридически достижимо при наличии дифференцированной нормативной базы и специализированных правовых инструментов [20]. Исследования Воличенко об архитектуре в условиях Крайнего Севера и вернакулярном урбанизме Центральной Азии подтверждают, что особые экологические условия требуют специализированных нормативных основ, а не редукции к универсальным стандартам [5; 21].

Институциональное противоречие: признание без жилья Институциональная структура усугубляет нормативное противоречие. AUNAP (Декрет 4181/2011 [14], Закон 2268/2022 [9]) регулирует кустарное рыболовство и располагает мандатом «улучшение условий жизни» рыбаков; DIMAR регистрирует суда и сертифицирует экипажи; Закон 1876/2017 [10] интегрирует рыболовство в агропромышленный сектор; Решение T-606/2015 [15] устанавливает, что основные права рыбаков — прожиточный минимум, труд, продовольственная безопасность — связаны с водными экосистемами. Государство, таким образом, формализует рыбака во всех производственных измерениях — разрешение AUNAP, регистрация судна DIMAR, страхование SEDEVEDA, налоговая регистрация DIAN — однако систематически отрицает формализацию его жилья над водой: без катастра, без субсидируемого жилья [17], без применимых норм NSR [16], без институции, несущей ответственность. Анализ программ AUNAP выявляет показательный структурный пробел: производственное продвижение (175–1.380 млн колумбийских песо на регион в год) охватывает суда, двигатели, промысловые снасти и накопительные центры, однако жильё отсутствует; социально-экономическая характеристика ПРООН (50.000 рыбаков, 5.249 млн песо) [3] включает доходы, здоровье и образование, но не жильё. Юридические концепции «прожиточный минимум», «качество жизни» и «условия жизни» неявно включают достойное жильё согласно конституционной юриспруденции и ЦУР, однако AUNAP не развивает жилищного измерения своего мандата. Результат: рыбак может работать легально над водой, но не обитать на ней.

Заключение

Проведённое исследование выявляет структурное противоречие в колумбийской нормативной базе применительно к палафитной архитектуре. Несмотря на то что государство признаёт культурную ценность этих поселений, оно материально исключает соответствующие сообщества посредством трёх механизмов: территориальных ограничений (DNP 2016 неявно запрещает строительство над водой [7]), невыполнимых требований (субсидируемое сельское жильё требует «земельный участок» [17]) и одномерной юридической концепции воды исключительно как ресурса (Гражданский кодекс, ст. 674–685 [12]), но никогда — как обитаемой поверхности. Анализ выявляет три фундаментальных нормативных противоречия. Во-первых, силлогизм рыбак = крестьянин = земля делает невидимыми субъектов, обитающих над водой [8; 11]. Во-вторых, стандартизация DNP 2016 исключает палафитную реальность посредством неадекватных технических спецификаций и экономически недоступного бюджета (118 млн vs. 15–25 млн традиционного строительства) [7]. В-третьих, двойной правовой пробел — закон определяет субсидируемое жильё без учёта архитектурных характеристик водной среды, тогда как NSR-10 предполагает твёрдую землю в качестве единственного основания [16] — оставляет палафиты в полном нормативном небытии.

Центральный концептуальный вклад исследования состоит в переформулировке юридического вопроса: не «может ли вода быть обитаемой?», а «может ли использование водной поверхности быть предоставлено в концессию для жилых целей, с признанием того, что палафитные сооружения фундаментальны к субаквальному дну?» Данное различие принципиально: палафитные сооружения устанавливают постоянную территориальную связь с грунтом посредством свай — связь, которая технически верифицируема, пространственно ограничена и юридически концептуализируема по аналогии с уже признанными правом концессионными инструментами [12; 19]. Нормативная невидимость палафитов отражает не техническую или юридическую невозможность, а системное отсутствие правовых инструментов, адекватных реальности обитания над водой. Как отмечает Сальдарриага, способы обитания представляют собой культурные конструкции, связывающие сообщество, территорию и архитектуру [18]; нормативная база должна

отражать это разнообразие, а не редуцировать его к единственной модели твёрдой земли. Колумбия располагает конституционным обязательством гарантировать право на достойное жильё (ст. 51 Конституции) — обязательством, которое до настоящего времени отрицается палафитным сообществам исключительно по причине проживания над грунтом, покрытым водой. Преодоление этого исключения требует не технических нововведений, а политической воли признать воду как обитаемое территориальное измерение и разработать соответствующие нормативные инструменты на всех уровнях правовой системы.

Литература

1. Фонсека Л., Сальдарриага А. Архитектура сельского жилья в Колумбии. Том I. Богота: COLCIENCIAS, 1984.
2. El Tiempo. Дети воды. 12 марта 2015. URL: <https://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-15384246> (дата обращения: 07.02.2026).
3. AUNAP; ПРООН. Соглашение о социально-экономической характеристике кустарных рыбаков рек Магдалена, Каука, Сан-Хорхе и Сину. Каламар, Боливар, 2021.
4. Медина-Гарсон Х., Артеага-Ботеро Х.А., Лопес-Перес К. Исследование вернакулярного палафитного жилья Большой Болотной Лагуны Санта-Марта // *Revista de Arquitectura-Bogotá*. 2022. Т. 24(2). С. 84–93.
5. Воличенко О.В. Вернакулярный урбанизм в Центральной Азии // *Project Baikal*. 2023. №3(77). С. 142–150.
6. Гомес Лопес А.В. Доиспанская архитектура в Колумбии // *Инновации и Инвестиции*. 2022. №12. С. 266–270.
7. Колумбия. Национальный департамент планирования (DNP). Руководящие принципы политики и национальная программа сельского жилья. Богота: DNP, 2016.
8. Колумбия. Конгресс Республики. Закон 2219 от 2022 года. Посредством которого устанавливаются основы для адекватного включения кустарных рыбаков в государственную политику // *Официальный вестник*. 2022. № 52.109.
9. Колумбия. Конгресс Республики. Закон 2268 от 2022 года. Посредством которого издаются нормы для гарантирования социальных льгот, ориентированных на коммерческих и натуральных кустарных рыбаков // *Официальный вестник*. 2022. № 52.115.
10. Колумбия. Конгресс Республики. Закон 1876 от 2017 года. Посредством которого создаётся Национальная система агропромышленных инноваций // *Официальный вестник*. 2017. № 50.461.
11. Колумбия. Конгресс Республики. Законодательный акт 01 от 2023 года. Посредством которого признаётся крестьянство субъектом прав // *Официальный вестник*. 2023. № 52.287.
12. Колумбия. Декретный закон 1400 от 1970 года. Гражданский кодекс. Статьи 674–685.
13. Колумбия. Конгресс Республики. Закон 2079 от 2021 года. Посредством которого издаются положения в области жилья и среды обитания // *Официальный вестник*. 2021. № 51.877.
14. Колумбия. Президентство Республики. Декрет 4181 от 2011 года. Посредством которого разделяются функции Incoder и MADR и создаётся Национальная администрация аквакультуры и рыболовства (AUNAP) // *Официальный вестник*. 2011. № 48.242.
15. Колумбия. Конституционный суд. Решение Т-606 от 2015 года. Докладчик: Хорхе Иван Паласио Паласио. Защита основных прав кустарных рыбаков Национального природного парка Тайрона. Богота, 2015.
16. Колумбия. Министерство окружающей среды, жилья и территориального развития. NSR-10. Колумбийский регламент антисейсмического строительства. Богота, 2010.
17. Колумбия. Конгресс Республики. Закон 1537 от 2012 года. Посредством которого издаются нормы, направленные на облегчение и стимулирование городского развития и доступа к жилью // *Официальный вестник*. 2012. № 48.467.
18. Сальдарриага Роа А. Как обитается среда обитания? Способы обитания // *Procesos Urbanos*. 2019. Т. 6(6). С. 22–33. DOI: 10.21892/2422085X.454.
19. Колумбия. Министерство окружающей среды, жилья и территориального развития. Декрет 1160 от 2010 года. Посредством которого частично регламентируются законы 3 от 1991 года и 1151 от 2007 года в отношении Национальной системы субсидируемого жилья // *Официальный вестник*. 2010. № 47.656.
20. Варгас Р. Малоэтажное плавучее жильё как модель устойчивого развития в условиях изменения климата: опыт Нидерландов // *Architecton: Известия вузов*. 2025. №4(91). URL: https://archvuz.ru/2025_4/7 (дата обращения: 07.02.2026).
21. Воличенко О.В., Огородников С.П., Абдо И.И.А. Архитектура жилых систем в условиях Крайнего Севера // *Проект Байкал*. 2024. Т. 21, №82. С. 145–153. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/82.2447.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ МИНСКА

В.В. Вашкевич¹, доцент, кандидат архитектуры, зав. кафедрой «Градостроительство»

¹*Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь*

Аннотация. В начале XXI века архитектурно-планировочная структура столицы Беларуси развивается в условиях дефицита свободных территорий для жилищного строительства. Эпоха формирования крупных жилых образований (районов, микрорайонов), располагаемых в границах города, заканчивается и наступает период выборочной реконструкции уже освоенных площадок. Сложная градостроительная ситуация размещения нового жилищного строительства, появление новых стандартов качества архитектурно-планировочных решений жилых образований существенно изменяют традиционные подходы к их формированию, требуя разработки новых методов организации жилой среды.

Введение

В статье раскрываются основные тенденции архитектурно-планировочной организации градостроительных жилых образований Минска на современном этапе его развития, который начался в 90-х гг. прошлого века и продолжается по настоящее время. Рассматриваемый период характеризуется резкими изменениями в градостроительной политике, существенными сдвигами в стратегии решения жилищной проблемы, новыми архитектурными и ландшафтными приемами обустройства микрорайонов и кварталов.

Особенности планировки и застройки жилых образований советского периода развития Минска хорошо изучены в работах В. Аникина [1], А. Воинова [2]. В связи с быстрой трансформацией всей архитектурно-градостроительной деятельности в начале 90-х гг. прошлого века теория отечественного градостроительства стала отставать от практики, перестали появляться обобщающие труды по жилищной тематике. Отдельные вопросы архитектурной и градостроительной организации жилых территорий Минска разработаны в публикациях К. Хачатрянц, К. Таберко [3, 4], Ю. Протасовой, Т. Рачкевич [5, 6]. Попытка обобщения сложившейся типологии жилых образований осуществлена автором совместно с В. Сысоевой в рамках обоснования генерального плана развития столицы, в котором предложены морфотипы жилой застройки и определены стратегии их реконструкции [7, 8].

В столице возникают новые микрорайоны, жилые комплексы с разными функционально-планировочными и архитектурно-художественными качествами. Многочисленные публикации в журналах, сети Интернет поверхностно и не всегда профессионально освещают различные вопросы жилищного строительства, поэтому исследования динамики этого процесса могут способствовать развитию, как теории градостроительства, так и практики проектирования жилых образований.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе изучения и систематизации исторических работ по вопросам градостроительства, жилищного строительства в Республике Беларусь. Для анализа жилой застройки привлекались исторические картографические материалы, схемы генеральных планов Минска и проекты детальной планировки его частей, геоинформационные ресурсы и средства дистанционного пространственного анализа. Архитектурно-планировочные особенности жилых образований изучались с помощью проектной документации, анализа фотографий, компьютерных визуализаций облика

застройки, а также натуральных обследований. Сравнительный анализ и метод графоаналитического моделирования позволили систематизировать типологию жилой застройки и обобщить градостроительные закономерности ее развития.

Основная часть

До конца 80-х гг. прошлого века столица БССР оставалась одним из самых быстро растущих городов СССР, поэтому строительство микрорайонов индустриальными методами занимало около 80% от всего объема возводимого жилья [9]. С образованием независимого государства Республика Беларусь в 1990 г. начался сложный период трансформации всей строительной отрасли. По всей стране и в Минске значительно снизились объемы ввода многоквартирного жилья и увеличились объемы коттеджного строительства. Районы коттеджной застройки возникают вблизи водно-зеленых зон города (по ул. Филимонова, на просп. Известий). Значительные объемы коттеджного строительства были возведены в пригородных поселках (Цна, Зацень и др.), которые позже были включены в черту города.

Строительство многоквартирной жилой застройки в городе замедлилось, но не остановилось. На свободных территориях продолжается возведение крупных жилых районов, проекты которых были разработаны еще в советский период (Малиновка, Сухарево, Уручье, Шабаны). Экономические трудности повлияли на площадь планировочного модуля жилых образований, которая резко сократилась. Больше уже не встречаются планировочные единицы площадью свыше 100 га, которые были характерны для жилых районов 70-х гг. прошлого века. Наиболее крупный микрорайон жилого района Малиновка занимает площадь 64 га, а площадь микрорайонов в жилом районе Сухарево колеблется от 25 до 30 га. В практику строительства жилых домов вернулись традиционные строительные и отделочные материалы (кирпич, штукатурка), декоративные элементы (башенки, карнизы), композиционные приемы (симметрия, замкнутость дворового пространства).

С 1996 г. начинается преодоление спада в жилищном строительстве столицы, ведутся активные работы по формированию перечисленных выше жилых образований. В 2000 году в южной части города начинается строительство жилого района Лошица. Выборочная застройка ведется в сложившихся кварталах города. В 2003 г. утверждается новый генеральный план развития столицы, в котором предполагался «постепенный вывод из массового употребления КПД как наследия прошлого» [10, с.7]. Изменился подход к проектированию жилых образований: вдоль основных магистралей размещаются индивидуально запроектированные дома, а по типовым проектам массовых серий строятся здания, расположенные внутри микрорайонов.

К крупным жилым образованиям, сформированным в новых градостроительных условиях, относятся жилой район Дружба (2006 г.), Каменная Горка (2008 г.), микрорайон Лебяжий-Ржавец (2010 г.). Структура этих планировочных образований предполагала не только строительство социального жилья, но и участки для коммерческой недвижимости. Так, жилой микрорайон Ржавец состоит из ряда разнородных кварталов, таких как жилые комплексы («Жемчужина», «Лазурит», «Браславский», «Гранд Кристал»), социального жилья, кварталов коттеджной и усадебной застройки. Продолжается традиция возведения районов малоэтажной многоквартирной и коттеджной застройки, которую размещают вблизи ландшафтных зон города (микрорайон Радужный).

В корректировке генплана города, утвержденной в 2010 г. предусматривалось вдвое увеличить объемы планируемого ежегодного жилищного строительства (до 1200 тыс. м²), которое могло быть осуществлено только за счет индустриальных методов строительства. Предполагалось освоить последнюю крупную свободную территорию, расположенную на севере города в границах МКАД, и осуществить строительство за ее пределами.

План масштабной урбанизации был остановлен Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 «О развитии городов-спутников», предусматривающим строительство жилья для минчан в Заславле, Логойске, Дзержинске, Руденске, Смолевичах.

Это привело к тому, что в 2016 г., при корректировке генерального плана объемы ежегодного ввода жилья сократились до 600 тыс. м². При этом приоритеты были отданы комфортности жилой среды, частным инвестициям и стратегии уплотнения сложившейся застройки. Отдельные реконструктивные мероприятия предпринимались и ранее. Так, в 2012 г. вблизи центра города, на месте снесенного исправительного учреждения, строится жилой комплекс «Каскад». В 2015 г. на территории аэропорта «Минск-1» начинается возводиться крупный жилой район Минск-Мир. В 2021 году президент Беларуси подписал Указ № 186 «О реализации инвестиционного проекта в г. Минске», который определил условия строительства экспериментального многофункционального жилого района «Северный берег» при участии иностранных инвесторов. Для его строительства в северной части столицы была отведена резервная свободная территория.

Таким образом, свободные территории для строительства оказались фактически исчерпаны и начались реконструктивные мероприятия по изменению функционального зонирования города. Для строительства жилых комплексов повышенной комфортности были изъяты участки потенциальных ландшафтно-рекреационных территорий (жилые комплексы «Олимпик Парк», «Левада», «Парк Челюскинцев», «Рахманинов»). Жилые комплексы («Гулливер», «Московский квартал» и др.) возводятся вдоль основных радиальных магистралей – ул. Притыцкого, пр. Дзержинского, на участках, ранее зарезервированных для общественных функций. Ряд жилых комплексов построен в срединной части города методами замещения кварталов усадебной и малоэтажной застройки («Столичный», «Гастелло») и уплотнения сложившихся жилых микрорайонов («Минский квартал», «Антоновский», «Вивальди», по ул. Ушакова, по ул. Ангарской).

Активное строительство началось в периферийной зоне города на территориях усадебной застройки, располагаемых вдоль планировочных осей, а также на площадках закрытых производственных объектов и военных частей. В условиях сноса усадебной застройки построены жилые комплексы «Колизей», «Квартал на Грушевке», «Грушевский посад», «Триумф» на проспекте Дзержинского. В крупном массиве поселковой застройки по улице Богдановича возведены жилые комплексы «Престиж», «4 сезона», «Аркадия». На площадке Минского фарфорового завода возник одноименный жилой комплекс, а на месте троллейбусного парка строится ЖК «Депо». В северо-восточной части города, на месте воинской части, формируется жилой район «Великий Лес», состоящий из семи микрорайонов, в которых построены жилые комплексы «Липень», «Лесной городок», «Мармелад».

Продолжаются процессы образования минской агломерации. В ближайшей пригородной зоне города возводятся коммерческие жилые образования (поселок «Солнечный», жилые районы «Новая Боровая», жилые комплексы «Пирс», «Озерцо», «Зеленая Гавань»). Площадки новых проектируемых крупных жилых районов («Зеленый Бор», «Колодищи-2») тяготеют к Национальному аэропорту и Китайско-белорусскому индустриальному парку. Строительство этих жилых образований сдерживает отсутствие инженерно-транспортной инфраструктуры. В первом городе-спутнике Минска Смолевичах ведется строительство двух микрорайонов для нуждающихся в улучшении жилищных условий минчан. При формировании этих жилых образований сочетаются индустриальные методы строительства с использованием современных колористических решений фасадов, новых приемов группировки домов и организации придомовых пространств.

По статистическим данным за 2025 г. в Беларуси возведено 3,2 млн. кв. м. жилья, при этом только третья часть (около 1 млн. кв. м.) построена для нуждающихся в улучшении жилищных условий; с финансовой поддержкой государства возведено около 0,6 млн. кв. м. жилья [11]. Это свидетельствует о дальнейшем развитии рынка коммерческого жилья, а значит нарастании конкуренции в сфере архитектуры, которая должна способствовать росту качества жилых образований.

Выводы

Анализ формирования жилой застройки Минска в структуре его планировки позволил выявить ряд особенностей ее архитектурно-планировочной организации.

1. В конце XX – нач. XXI вв. происходит освоение последних крупных площадок для строительства жилых районов, расположенных в границах Минской кольцевой автодороги. Первоначально застраивались жилые районы преимущественно для нуждающихся в улучшении жилищных условий, в последующие годы свободные участки передаются частным инвесторам для коммерческого строительства. В условиях отсутствия свободных территорий начинаются процессы реконструкции ткани города и формирования агломерации: кварталы жилья возводятся в городах-спутниках, а также в ближайшей пригородной зоне.

2. В сложившихся районах города осуществляются реконструктивные мероприятия: уплотнение сложившейся жилой застройки; замещение многоквартирными жилыми комплексами кварталов усадебной застройки, коммунально-производственных объектов, территорий спецназначения; изъятие озелененных и общественных территорий (трансформация функционального использования).

3. Возводимые с государственным участием микрорайоны и отдельные жилые группы представляют собой комплексную застройку, характеризующуюся использованием типовых проектов зданий, транспортными дворовыми территориями, стандартным ландшафтным благоустройством и оборудованием детских площадок.

4. Частные инвесторы возводят жилые комплексы, предоставляют более разнообразную типологию архитектурно-планировочных решений зданий при широком использовании технологии крупнопанельного домостроения; расширенный комплекс общественных помещений, надземные и подземные паркинги, бестранспортные дворовые территории, повышенный уровень их ландшафтного благоустройства. При формировании облика коммерческой застройки учитываются требования маркетинга, каждому жилому комплексу присваиваются имя, разрабатывается индивидуальный архитектурный стиль.

5. Анализ формирования жилых образований в новейшей архитектурно-градостроительной истории Минска свидетельствует о дальнейшей стратификации жилья по ценовому и социальному уровню. И если в прошлом повышенные стандарты применялись для отдельных квартир и зданий, то в настоящее время используются для территориальных объектов: жилых комплексов, микрорайонов и жилых районов.

Заключение

Если до конца XX в. жилая застройка Минска формировалась преимущественно микрорайонами, застроенными жилыми домами массовых серий, то в настоящее время выявилась тенденция увеличения объемов коммерческого жилья с повышенными потребительскими качествами. Наблюдается фрагментация жилой застройки на жилые комплексы и отдельные здания, относящиеся к разному уровню комфорта и ценового диапазона. Попытка размещения нового жилищного строительства в наилучших градостроительных и ландшафтных условиях приводит к застройке зеленых и общественных зон, что свидетельствует о недальновидной политике и несовершенстве системы управления пространственным развитием в городе.

Процесс формирования жилой застройки очень динамичен, требуется время для оценки применяемых архитектурно-планировочных решений и их влияния на облик города. Вместе с тем, строительство коммерческих жилых комплексов формирует новые стандарты качества жилой среды, придает разнообразие и уникальность архитектурной композиции города и является своеобразной площадкой для апробации новых технологий и архитектурных идей.

Литература

1. Аникин В.И. Жилой район крупного города (опыт Белоруссии). – М.: Стройиздат, 1987. – 192 с.
2. Воинов А.А. Жилищное строительство в Белорусской ССР: Учеб. пособие для архит. спец. вузов и техникумов - Минск: «Вышэйшая школа», 1980. – 224 с.
3. Хачатрянц, К. Градостроительные условия комфортности многоквартирных жилых образований в г. Минске / К. Хачатрянц, Е. Таберко // Архитектура и строительство. – 2011. – № 2. – С. 110-114.
4. Преобразование транспортно-пешеходной сети на жилых территориях крупных и крупнейших городов. Проблемы и пути их развития / К. К. Хачатрянц [и др.] // Техническое нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. – 2010. - № 6. - С. 26-30.
5. Рачкевич, Т. Е. Формирование внутренней структуры жилых образований / Т. Е. Рачкевич, Ю. А. Протасова // Архитектурное наследие Прибужского региона. Проблемы. Исследования. Тенденции развития: сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. Ф. Морозова. – Брест: БрГТУ, 2014. – С. 127-131.
6. Протасова Ю.А. Проектирование жилой среды: микрорайон или квартал? Теоретические основы формирования жилой среды / Протасова Ю.А., Рачкевич Т. Е. // Региональные архитектурно-художественные школы. 2017. – №1. – С. 23-28.
7. Вашкевич, В.В., Морфотипы жилых образований Минска Сысоева В.А.// Материалы междунар. конф. «Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития», Тюмень, 2022. – №2. – С. 289- 293.
8. Вашкевич, В.В. Градостроительные инструменты преобразования жилой застройки Минска / В.В. Вашкевич, В.А. Сысоева // Архитектура и строительство. – 2024. – №6. – С. 6-9.
9. Бон, Т. "Минский феномен" городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. М. Бон; [пер. с нем. Е. Слепович]. — Москва: РОССПЭН, 2013. – 413 с.
10. Колонтай А.Н. Новый Генеральный план Минска // Архитектура. Строительство. Дизайн – 2003. - №3. – С. 7–13.
11. В Беларуси за 10 месяцев 2025 года построили 33,7 тыс. квартир // Беларусь сегодня [Электронный ресурс] / Издательский дом «Беларусь сегодня». – Минск, 1998 -2026 – Режим доступа <https://www.sb.by/articles/v-belarusi-za-10-mesyatsev-tekushchego-goda-postroili-33-7-tys-novykh-kvartir.html>. – Дата доступа: 14.02.2026.

АРХИТЕКТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЖИЛОЙ СРЕДЫ ГОРОДА УФЫ

И.Д. Виденев¹, аспирант

¹ *Казанский Государственный Архитектурно-Строительный Университет, Казань*

Аннотация. В статье рассматривается архитектурно-пространственная идентичность города Уфы как многосложный и динамический феномен, формирующийся на пересечении исторических, культурных природно-ландшафтных и градостроительных факторов. Архитектурная идентичность жилой среды Уфы анализируется как один из ключевых инструментов устойчивого развития жилой среды, обеспечивающий преемственность, социальную востребованность и пространственную целостность города в условиях активной урбанизации.

Введение

В условиях глобализации и стремительной урбанизации вопрос сохранения архитектурной идентичности приобретает особую значимость как для научного сообщества, так и для практики градостроительного проектирования. Унификация архитектурных решений, тиражирование типовых жилых комплексов и ориентация преимущественно на экономические показатели нередко приводят к утрате локальных особенностей городской среды и снижению ее культурной и социальной ценности. (7, 11) [15].

Город Уфа – столица Башкортостана, региона с выраженной этнокультурной спецификой и сложной историей формирования застройки – сталкивается с необходимостью поиска баланса между современными требованиями к качеству жилой среды и сохранением традиций башкирской архитектурной культуры. Актуальность данной темы обусловлена интенсивным ростом жилищного строительства. По данным Росстата, в 2023 году в республике Башкортостан было введено в эксплуатацию около 2,8 млн кв. м значительная часть новой застройки формируется без учета локальной архитектурно-пространственной идентичности, что способствует утрате традиционных элементов и визуальной однородности городской среды. (9). Согласно исследованию Института этнологических исследований УФИЦ РАН (2022), лишь около 17% современных жилых комплексов Уфы содержит отдельные элементы башкирского культурного кода, причем в большинстве случаев они представлены в форме поверхностной стилизации. Вместе с тем социологические опросы демонстрируют устойчивый общественный запрос на сохранение идентичности: 68% респондентов считают важным присутствие этнокультурных мотивов в городской застройке, а 54% готовы платить на 5-10% больше за жилье, обладающие выраженными признаками локальной архитектурной традиции. (2, 5, 12).

Основной текст

Архитектурная идентичность жилой среды Уфы представляет собой сложную полиструктурную систему, сформированную в результате многовекового напластования пространственных слоёв и культурных кодов, закреплённых прежде всего в типологиях жилой застройки и организации повседневного пространства. Её ключевой особенностью является синтетический характер: в структуре жилых кварталов сосуществуют и взаимодействуют элементы традиционного башкирского зодчества, русской купеческой архитектуры XIX века, советской жилой застройки и современных глобализированных форм жилищного строительства (4,13). Данная многослойность не является механическим набором стилистических признаков, а формирует динамическое единство, в рамках которого каждый историко-культурный пласт сохраняет семантическую автономию, одновременно участвуя в формировании целостного образа жилой среды. Именно живая архитектура, как наиболее

массовый и повседневно воспринимаемый слой городской ткани, выступает основным носителем и транслятором архитектурной идентичности. Для Уфы как столицы многонациональной республики данный синтез является не только историческим наследием, но и ресурсной базой для проектирования современной жилой среды, способной отвечать требованиям устойчивого развития, комфортности и социальной устойчивости, не утрачивая культурной преемственности. В этом контексте принципиально важно не просто фиксировать существующую многослойность жилой застройки, но и управлять процессами трансформации культурного кода в новых жилых проектах. Ключевыми механизмами такой трансформации в жилой архитектуре выступает семантическая адаптация, материальная ревитализация и пространственная интеграция. (8). Семантическая адаптация предполагает трансляцию традиционных форм и образов, таких как: круговая композиция, характерная для юрты, орнаментальные мотивы башкирской культуры в современный архитектурный язык жилой застройки посредством абстракции, масштабирования и цифровой генерации паттернов, адаптированных к фасадным и просторным решениям многоквартирных и малоэтажных жилых домов. Материальная ревитализация основывается на интеграции традиционных для региона материалов (дерево, камень) с современными строительными и инженерными технологиями, включая термообработанную древесину, композитные фасадные системы и энергоэффективные ограждающие конструкции, что позволяет сочетать экологичность, долговечность и визуальную связь с локальной строительной культурой (3). Пространственная интеграция предполагает формирование жилых кварталов с учетом исторических осей и визуальных коридоров, в частности, сохранение и переосмысление связей жилой застройки с береговыми линиями рек Белая и Уфа при проектировании новых микрорайонов и реконструкции существующих жилых территорий.

Архитектурная идентичность жилой среды Уфы формируется не через отдельные “знаковые” объекты, а посредством устойчивой системы локальных пространственных паттернов – повторяющихся планировочных, конструктивных и декоративных элементов, сложившихся в результате длительной адаптации жилой застройки к природно-климатическим, социальным и этнокультурным условиям региона (11). Кодификация данных паттернов рассматривается как практический инструмент устойчивого развития жилой среды, позволяющий снизить уровень хаотичной застройки и повысить качество жизни за счёт укрепления связи архитектуры с локальными традициями (1,11). Архитектурно-пространственная организация системы жилой идентичности включает несколько уровней: пространственно-планировочный, отражающий ориентацию жилой застройки по рельефу, использование склонов и террасирования, формирование дворовых пространств замкнутого и полужамкнутого типа, а также визуальные коридоры, ориентированные на реки Белая и Уфа (14); конструктивно-материальный уровень, предполагающий использование местных материалов, традиционных типов кровель и адаптированных ремесленных приёмов; декоративно-символический уровень, включающий мотивы башкирского декоративно-прикладного искусства, природную цветовую палитру и пластические фасадные акценты; функционально-поведенческий уровень, отражающий многоуровневое использование придомовых пространств и баланс между приватностью жилых ячеек и соседским взаимодействием. Для системного сохранения и развития идентичности жилой архитектуры целесообразно формирование “атласа архитектурных кодов жилой среды” – нормативно-методологического инструмента, фиксирующего ключевые элементы уфимской жилой идентичности и допускающего их современную интерпретацию в новых проектах. (6).

Особое значение в формировании архитектурной идентичности жилой среды Уфы имеет ее природно-ландшафтная структура. Реки Белая и Уфа выступают не только природными объектами, но и структурообразующими элементами, определяющими пространственную логику размещения жилых кварталов, визуальные доминанты и сценарии повседневного использования общественных и рекреационных пространств (10). Их влияние проявляется на всех масштабных уровнях – от общей планировочной структуры до локальных общественных пространств и видовых точек. С момента основания Уфы в 1574

году речной каркас выполнял многофункциональную роль: формировал естественные границы, обеспечивал транспортные и торговые связи, а также определял направления развития уличной сети и размещения общественных центров. Историческая застройка концентрировалась вдоль берегов, формируя ритмичную структуру с чередованием общественных территорий. Данный пространственный паттерн является ключевым элементом архитектурной идентичности города и требует не только сохранения, но и актуализации в современных проектах. В современных условиях речной каркас Уфы сталкивается с рисками фрагментации прибрежных жилых территорий, утрату визуальных связей, между жилой застройкой и водой, деградации природных экосистем. Данные процессы трансформируют прибрежные зоны из факторов идентичности в зоны функционального конфликта, что противоречит принципам устойчивого развития жилой среды. (1).

Заключение

Таким образом, архитектурная идентичность жилой среды Уфы представляет собой динамический ресурс устойчивого развития, объединяющий историческое наследие, локальные пространственные паттерны и природно-ландшафтный каркас города. Многослойность жилой застройки, включающая традиционные, советские и современные пласты, не препятствует развитию, а формирует основу для культурной преемственности и адаптивности жилой среды. Кодификация локальных паттернов позволяет трансформировать абстрактное понятие идентичности в прикладной инструмент проектирования, обеспечивающий баланс между инновациями и традициями в жилой архитектуре. Актуализация речного каркаса как ключевого идентификатора жилой идентичности способствует формированию целостной модели городской среды, ориентированной на повышение качества жизни и устойчивое развитие Уфы в межрегиональном контексте.

Литература

1. Амирханов М. У., Иванов А. В. Устойчивое развитие городов: интеграция культурного наследия в градостроительство. — Москва: Архитектура-С, 2019. — 240 с.
2. Башкирский государственный университет. Лаборатория урбанистики. Социологический опрос «Отношение жителей Уфы к этнокультурным элементам в застройке»: отчёт / БГУ. — Уфа, 2023. — 48 с.
3. Васильев А. А. Материальная ревитализация в архитектуре: технологии и традиции // *Строительные материалы*. — 2021. — № 5. — С. 12–18.
4. Габдрафикова Л. Р. Городская культура Уфы конца XIX — начала XX века: этнокультурный синтез // *Этнографическое обозрение*. — 2018. — № 4. — С. 112–125.
5. Государственный комитет Республики Башкортостан по строительству и архитектуре. Концепция развития городской среды Уфы до 2035 года: проект. — Уфа, 2023. — 156 с.
6. Закирова Ю. А. Декоративно-прикладное искусство башкир: семантика орнамента. — Уфа: Гилем, 2017. — 192 с.
7. Коновалова Е. А. Урбанизация и культурная идентичность: стратегии сохранения локального в глобальной среде // *Городские исследования и практики*. — 2021. — Т. 6, № 2. — С. 45–60.
8. Кузнецов С. В. Пространственная интеграция исторических территорий в современную застройку: методы и кейсы // *Архитектура и строительство России*. — 2022. — № 1. — С. 34–41.
9. Росстат. Жилищное строительство в Российской Федерации, 2023 год: статистический сборник. — Москва, 2023. — 184 с.
10. Садыков Р. Ф. Речной каркас как фактор пространственной организации Уфы: история и современность // *География и природные ресурсы*. — 2020. — № 3. — С. 88–95.
11. Скалкин А. А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // АМІТ. 2018. №2 (43).
12. Уфимский научный центр РАН. Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева. Этнокультурные коды в современной городской среде Башкортостана: отчёт по НИР. — Уфа, 2022. — 64 с.
13. Халитов Н. Х. Традиционное зодчество башкир: архитектурно-пространственные принципы: дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / Халитов Наиль Хамитович. — Москва, 2 Newton — 456 с.
14. Шубенков М. В. Структурно-планировочные модели городов: адаптация к ландшафту. — Москва: Архитектура-С, 2016. — 320 с.
15. UN-Habitat. World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities. — Nairobi: United Nations Human Settlements Programme, 2022. — 256 p.

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА МОРСКИХ НАБЕРЕЖНЫХ В СТРУКТУРЕ ТУРИСТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ГОРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМОРСКОГО КРАЯ И ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

**А. Поян¹, старший преподаватель, член СМА
А.А. Вякина¹, магистрант**

¹ *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет по землеустройству", Москва*

Аннотация. Статья посвящена выявлению принципов формирования архитектурного образа морских набережных как ключевого элемента устойчивого развития туристских территорий с учетом их региональной специфики. На основе сравнительного анализа Приморского края и Запорожской области определены природно-климатические и градостроительные факторы, влияющие на архитектурную типологию. Разработана двухуровневая система универсальных и специфических принципов пространственной организации набережных. Предложены концептуальные проектные модели, апробирующие данные принципы. Обоснована необходимость контекстуального проектирования для формирования устойчивой среды.

Введение

Прибрежные территории являются своеобразными “воротами в город”, которые встречают прибывающих. В условиях активного развития внутреннего и въездного туризма набережные становятся точками роста для многих регионов. Стратегические программы, ориентированные на туристское развитие ставят задачу переосмысления их архитектурно-пространственной организации [1, 2]. В этом контексте набережная перестает быть инженерной конструкцией и становится местом притяжения горожан. Её эволюция от утилитарной линии берегоукрепления к полифункциональному рекреационному городскому пространству отражает общемировой тренд на приоритет публичных пространств [3, 4, 5].

Однако проектирование современных набережных в России часто носит фрагментарный характер, следуя универсальным шаблонам без учета специфики региональных контекстов. Архитектурные решения, подходящие для побережья Азовского моря, могут оказаться несостоятельными в условиях муссонного климата Японского моря для Дальнего Востока, и наоборот. Это приводит к созданию сред, уязвимых к климатическим воздействиям, слабо интегрированных в локальную идентичность и не реализующих свой полный рекреационный потенциал [6]. Таким образом, существует насущная потребность в выявлении системных принципов формирования набережных как актуального типа общественных пространств, адаптированных к контрастным условиям прибрежных морских туристских территорий.

Целью данного исследования является выявление универсальных и специфических принципов архитектурно-ландшафтной организации набережных для устойчивых туристских территорий на основе сравнительного анализа двух регионов: Приморского края и Запорожской области.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составил комплекс взаимодополняющих подходов, соответствующих сравнительному и типологическому характеру исследования:

Системный и сравнительный анализ: Применен для изучения теоретических основ, нормативной базы и лучших практик проектирования набережных. Сравнительный метод

является основным и использовался для сопоставления двух кейсов по единой схеме, включающей анализ природно-климатических условий, социально-демографических показателей, существующей планировочной структуры и туристского потенциала.

Средовой и контекстуальный подход: Позволил рассматривать набережную не как изолированный объект, а как часть городской и природной системы.

С помощью синтеза набор исходных данных был собран в целостную систему принципов и рекомендаций.

Использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ): В исследовании применялись ИИ-инструменты для первичного анализа научной литературы по заданным ключевым запросам; для проверки стилистической связности текстовых фрагментов авторского исследования. Важно подчеркнуть, что интерпретация данных, формулировка выводов, творческая и исследовательская составляющая работы оставались за автором. ИИ выступал в роли инструмента повышения эффективности обработки информации на подготовительных этапах работы.

Историческая эволюция приморской набережной как архитектурного элемента городской среды

Историческое развитие прибрежных городов демонстрирует сдвиг в восприятии и использовании линии набережной. На протяжении столетий она выполняла сугубо утилитарные или оборонительные функции, выступая в роли градообразующего, но закрытого рубежа [4]. В средневековых городах-портах она была производственным фронтоном, в эпоху классицизма стала парадной, но часто декоративной каменной оправой, остававшейся скорее визуальным фасадом, чем общественным пространством [5]. В индустриальную эру берег превратился в технический барьер, отделяющий городскую жизнь от акватории, делая воду недоступной как для рекреации, так и для эстетического восприятия. Однако в последние десятилетия, в рамках глобального процесса редевелопмента пост-индустриальных зон и роста ценности качества городской среды, происходит трансформация. Линейная инженерная конструкция эволюционировала в многослойный общественный организм [4].

Современная набережная перестала быть границей и стала местом интенсивной коммуникации, открытым к воде, многофункциональным и экологически ответственным. Это пространство, где совмещаются рекреация, культура, спорт [7]. Появляется архитектурно-типологическая задача: создать целостный архитектурно-градостроительный объект, чей образ способен стать идентификатором и ключевым активом туристского развития региона. Эффективность решения задачи неразрывно связана со способностью архитектурной мысли дать ответ на набор локальных условий. Сравнительный анализ двух контрастных регионов, Приморского края и Запорожской области, наглядно иллюстрирует этот тезис, демонстрируя, как природно-климатические, социокультурные факторы определяют типологию.

Сравнительный анализ факторов формирования среды в Приморском крае и Запорожской области

Приморский край представляет собой вызов, требующий от архитектуры стратегии адаптации к экстремальным условиям. Муссонный климат со штормовыми ветрами, высокой влажностью и частыми туманами диктует необходимость создания защищенных пространств [6, 8]. Сложный, часто крутосклонный рельеф бухт и мысов, характерный для побережья Японского моря, исключает простые плоскостные решения и требует работы с вертикальной организацией пространства. Дефицит обширных плоских территорий в сочетании с высокой плотностью исторической застройки актуализирует принцип компактности и многоуровневости [9]. Это предполагает использование террасирования, создание системы открытых и полужакрытых платформ-ярусов, связанных лестницами, пандусами и

переходами. Архитектурные объемы должны быть интегрированы в склон, используя его как естественную защиту от ветра. Форма зданий здесь будет приобретать обтекаемые, аэродинамические очертания, работая на рассеивание воздушных потоков. Ключевыми становятся материалы, устойчивые к агрессивному солёно-влажностному режиму: кортеновская сталь, специальные бетонные смеси, композитные конструкции.

Побережье Запорожской области, Азовское море, предлагает принципиально иной контекст и, соответственно, иную архитектурную логику. Умеренно-континентальный климат с жарким, засушливым летом, ветровой эрозией формирует запрос не на защиту, а на создание микроклиматического оазиса [10]. Пологий рельеф, обширные песчаные пляжи, например, в Приморске, задают возможность и необходимость горизонтального, протяженного развития. Архитектурная типология для этого региона должна развивать принципы «разрезанной» и «проницаемой» застройки. Основой рекреационной среды тут является ландшафтный парк, где архитектурные объекты становятся акцентами в природной ткани [8]. Ключевым формообразующим элементом выступает тень. Архитектура здесь собрана в виде систем пергол, протяжённых галерей, лёгких тканевых навесов. Широкое использование природных материалов способствует формированию образа экологичности и лёгкости. Здания часто проектируются как сквозные павильоны, стирающие границу между внутренним пространством и набережной, а их компоновка создает «зелёные коридоры» для обеспечения естественной сквозной вентиляции и борьбы с застоем горячего воздуха.

Система архитектурно-пространственных принципов

Этот фундаментальный контраст требует разработки не просто набора рекомендаций, а двухуровневой системы архитектурно-планировочных принципов. Универсальный уровень составляют три базовых принципа, задающих программу для любого современного общественного пространства у воды. Принцип многослойности заключается в проектировании сложного поперечного профиля набережной, в котором чётко разделены, но визуально и функционально связаны, променады, велосипедная дорожка, зоны тихого отдыха, активные спортивные зоны и экологические буферы [4]. Принцип полифункциональности состоит в интеграции в ткань набережной тщательно выверенного комплекса функций: от кафе и информационных центров до выставочных павильонов, детских площадок с водными элементами и амфитеатров, что обеспечивает её жизнеспособность вне зависимости от сезона и времени суток [7]. Принцип экологической реабилитации предписывает максимальный отказ от инженерных методов берегоукрепления в пользу природоподобных технологий: создание биоплато, «живых» берегов из растительности, что превращает инфраструктуру в элемент ландшафтного дизайна и улучшает экосистему [6]. Однако, данные методы не применимы для технических зон, яхтенных марин: причалов и пирсов и иных пространств, где типологически необходимо формирование вертикальной береговой линии.

Второй, контекстуальный уровень принципов переводят эти установки на язык архитектуры. Для Приморья сформулирован принцип структурной и пластической комплексности. Он реализуется через:

1. Ярусную композицию застройки, где здания ступенями спускаются к воде, формируя серию связанных видовых площадок.
2. Динамичную, скульптурную пластику крыш и навесов, которые работают как ветрорассекатели и одновременно создают выразительный силуэт.
3. Активное использование мостовых и вантовых конструкций для организации пешеходных связей над водой или между террасами, отсылая к морской инженерии и создавая узнаваемый образ.
4. Интеграцию в архитектурный облик «умных» инженерных систем: сбора и очистки ливневой воды, которые становятся видимыми элементами фасадов или малых форм.

Для Запорожской области формулируется принцип тектоничности и проницаемости [10]. С архитектурной точки зрения он выражается в:

1. Горизонтальной застройке, где низкие объёмы свободно размещаются среди растительности и не превалируют над ландшафтом.
2. Доминировании протяжённых горизонталей: пергол, навесов, маркиз, которые формируют основной ритм и масштаб пространства.
3. Сквозном проветривании зданий за счёт проницаемых планировок, перфорированных фасадов и решетчатых конструкций.
4. Использовании локальных, природных материалов, которые визуальное и тактильно связывают постройки с окружающим пейзажем.

Обзор международного опыта проектирования

Ценность и практическая проверка подобных принципов могут быть проиллюстрированы анализом международных архитектурных проектов, каждый из которых предлагает уникальный ответ на вызовы своего контекста и служит прототипом для возможных решений в исследуемых регионах. Рассмотрение концепции реконструкции порта в Бейруте (авторы: команда ЕИПП РФ) демонстрирует, как архитектура может стать инструментом работы с историческим наследием и формирования нового национального нарратива. Законсервированная руина силосной башни, превращенная в мемориал, и планировочная структура, основанная на арабской вязи, это пример «семантической архитектуры», где пространственная организация и форма несут глубокий культурный код [11]. Для Приморья, с его многослойной историей, и для Запорожской области, осваивающей свою идентичность, такой подход актуален как метод вплетения памяти места в современную ткань.

Проект Bassin 7 в Орхусе (Дания, бюро BIG и Gehl Architects) является примером архитектуры социальной инженерии. Принцип «публичное пространство первично» здесь реализован буквально: сначала была создана сеть общественных активностей: открытый бассейн Harbour Bath, деревянные павильоны, площади, и лишь затем вокруг этого каркаса сформировалась жилая застройка [12]. Архитектура здесь тактична и масштабна человеку. Этот опыт важен для обоих российских регионов, где часто наблюдается обратный подход: сначала возводятся коммерческие объекты, а общественные пространства являются их остаточным продуктом. Опыт проекта также выявил важность климатического микроанализа, так как высотная застройка создала проблемы с ветровыми потоками, что подчеркивает необходимость сочетания социальной проработки территории с биоклиматическим проектированием.

Район Западная гавань в Мальмё (Швеция) является примером архитектуры как открытой технологической экосистемы. Архитектурная форма здесь стала прямым следствием инженерного замысла: здания ориентированы для максимальной солнечной инсоляции, крыши сформированы для сбора воды, а набережная спроектирована как комплекс биологических очистных сооружений [12]. Этот подход предлагает готовую методологию для Приморья, где можно внедрять технологии борьбы с ливневыми стоками и ветрогенерации, и для Запорожской области, где актуальны системы пассивного охлаждения и солнечной энергетики, делая саму архитектуру витриной устойчивого развития.

Синтез теоретического анализа факторов, выведенных принципов и изучения передового опыта позволяет перейти к стадии конкретных архитектурных предложений-прототипов для каждого региона.

Концептуальные проектные предложения

Для Приморского края может быть предложена концепция «Террасного гидропарка». На сложном рельефе бухты формируется серия террас-платформ, частично опирающихся на сваи. Эти платформы, связанные системой лестниц, лифтов и легких мостиков, собирают разноуровневые функции: на нижних ярусах, максимально близко к воде, располагаются причалы для маломерных судов, открытые павильоны и кафе; на средних разместятся

выставочные и спортивные залы со стеклянными фасадами; а на верхних займут место смотровые площадки и рестораны. Вне яхтенных зон на территории создаётся полоса мелководий с водной растительностью, которая гасит волновую энергию и очищает воду.

Для Запорожской области ответом может стать концепция «Ленточного пляж-парка». Архитектурное вмешательство здесь минимально и подчинено логике ландшафта. Вдоль верхней линии пляжа прокладывается осевой маршрут из деревянного настила, который становится основой для всей инфраструктуры. Над настилом, с определённым интервалом, возводятся лёгкие павильоны-станции, выполненные из деревянного каркаса с тентовым покрытием. В каждом павильоне свой набор функций: информационный центр, прокат, кафе, детская комната, медпункт. Эти объёмы соединены между собой протяжёнными перголами, увитыми вьющимися растениями, создающими тенистую галерею. Между «осью» и морем территория организуется серия тематических зон: сад прибрежных трав, песчаный игровой ландшафт для детей, зона шезлонгов. Архитектура растворяется в ландшафте, а доминирующим элементом становится озеленение и ландшафт.

Заключение

Таким образом, формирование набережной как ядра туристской территории предстаёт не как задача стандартного благоустройства, а как комплексный архитектурно-ландшафтный проект по созданию нового типа публичной среды. Успех этого проекта зависит от чёткого понимания региональной специфики и её творческой интерпретации средствами современной архитектуры. Для Приморья это путь к созданию драматичного, технологичного и защищённого «морского фасада», архитектура которого ведёт диалог со стихией. Для Запорожской области формируется расслабленный и проницаемый «пляжный парк», где архитектура выступает скромным, но комфортным фоном для отдыха. Реализация такого индивидуального подхода позволит не только решить функциональные задачи развития туризма, но и подарить каждому региону сильный, аутентичный и запоминающийся архитектурный образ, способный стать его новой визитной карточкой в XXI веке.

Литература

1. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 20.09.2019 № 2129-р "Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года" (в ред. от 29.05.2025)
2. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 14.10.2021 № 2897-р "Об утверждении Концепции развития яхтенного туризма в Российской Федерации на период до 2030 года" (в ред. от 06.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – URL: <http://government.ru/docs/all/137076/> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Gehl, J. *Cities for People* / J. Gehl. – Washington: Island Press, 2010. – 288 p.
4. Фролов, С. С. Градостроительная реконструкция прибрежных промышленных территорий крупнейших городов: на примере г. Волгограда: автореф. дис. ... канд. арх.: 18.00.04 / Фролов Сергей Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.
5. Родина, Е. В. Принципы реконструкции исторической прибрежной территории Воронежа: дис. ... канд. арх.: 18.00.04 / Родина Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 1998. – 248 с.
6. Казанцев, П. А. Приемы формирования климатически устойчивой застройки береговой черты на примере мыса Фирсова, г. Владивосток / П. А. Казанцев, А. Н. Зварич, И. В. Пилипко-Осипович // Город 2024. Общество. Природа. Наука: материалы конференции. – Москва: Изд-во МАРХИ, 2025. – С. 31–37.
7. Печеник, М. Е. Принципы формирования объектов водно-парусного спорта, отдыха и туризма в прибрежных зонах акваторий: дис. ... канд. арх.: 05.23.21 / Печеник Мария Евгеньевна. – Москва, 2016. – 182 с.
8. Друзин, Я. Ю. Анализ зарубежного опыта проектирования стоянок маломерного флота / Я. Ю. Друзин, Е. А. Ерышева // Вестник Дальневосточного федерального университета. – 2017. – № 2. – С. 81–89.
9. Копьева, А. В. Особенности формирования стоянок маломерного флота в структуре города Владивосток / А. В. Копьева, Я. Ю. Друзин, Е. А. Ерышева // Архитектура и строительство России. – 2019. – № 3. – С. 42–47.
10. Малоян, Г. А. Основы градостроительства: планировка, застройка и реконструкция населенных мест / Г. А. Малоян. – Москва: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2019. – 280 с.

11. ЕИПП РФ. Beirut – living port : концепция реновации порта Бейрута / Единый институт пространственного планирования РФ [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://eipp.ru/beirut-living-port.html> (дата обращения: 14.02.2025).

10. Застройка береговой линии: десять европейских проектов // Neighborhood : [сайт]. - 19.03.2024. - URL: <https://neighborhood.lv/ru/real-estate/zastrojka-beregovoj-linii-desyat-evropejskih-proektov/> (дата обращения: 16.02.2026).

КРИТЕРИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ЦЕНТРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

В.Ю. Габов¹, аспирант
В.А. Габова¹, магистрант

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассмотрены и систематизированы критерии архитектурного проектирования туристских центров региональных кластеров. Целью работы является – разработка системы критериев и принципов архитектурного проектирования туристских центров, интегрированных в структуру региональных туристских кластеров. Объектом исследования выступает кластерный подход формирования предметно-пространственной среды туризма, предметом туристские центры. В основе исследования лежит системный анализ, включающий изучение теоретически основ кластерного подхода в туризме и архитектурного проектирования туристических центров. Сформирована система критериев, которая в дальнейшем может служить методической основой для проектирования туристских центров.

Введение

Быстрые темпы роста регионального туризма, поддерживаемые государственными программами и национальными проектами «Туризм и индустрия гостеприимства», «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (Утверждена Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р) связанные, в первую очередь, с целью экономического роста страны и ее регионов, а так же кластерного подхода к формированию туристско-рекреационной среды оказывают непосредственное влияние на архитектуру туристских центров, интегрированных в эти кластеры.

Только в 2025 году было выделено 8,5 млрд рублей единой субсидии для 82 регионов, так же представлено множество льготных программ в виде нулевых ставок НДС льготных кредитований. Все эти мероприятия направлены на развитие туристской деятельности и туристско-рекреационной среды, в которые входят: реконструкция и реставрация архитектурных объектов представляющих особую культурную и историческую ценность, как правило, объекты культурного наследия местного, регионального и федеральных значений; строительство новых туристско-ориентированных зданий и сооружений; развитие коммуникационной и инженерной инфраструктуры; создание межрегиональных проектов «Великий Алтай: в поисках Дао», «Восточное кольцо России», «Золотое кольцо России» и др.; повышения качества оказываемых услуг в сфере туризма; создание и развитие туристских кластеров, таких как «Русские берега» в Вологодской области и «Абрау-Утриш в Анапе». Особое место занимает развитие событийного туризма являющегося сильнейшим катализатором роста. Организация фестивалей, культурных и спортивных мероприятий, к примеру «Белый июнь» в Архангельске, «СольФест» в Сольвычегодске.

Концепция региональных кластеров в туризме, основанная на идеях экономической агломерации и сетевого взаимодействия [1], предполагает создание взаимосвязанных комплексов услуг, инфраструктуры и аттракций. Развитие регионального туризма оказывает влияние на формирование новой архитектуры туризма и сохранение существующей, как положительное, так и отрицательное. К положительному влиянию относятся: стимул для ревитализации и реставрации; формирование новой, контекстуальной архитектуры; повышение статуса и осознания ценности уникальной местной природной и архитектурной среды. К отрицательному влиянию относится: деградация существующей и формирование новой дисгармоничной архитектуры; «тематизация»; утрата аутентичности и функциональное вытеснение; рост цен на недвижимость; архитектурный диссонанс и

визуальный шум; экологическая и инфраструктурная нагрузка. Архитектурное проектирование таких центров выступает ключевым инструментом, обеспечивающим не только функциональность и комфорт для посетителей, но и устойчивое развитие территории, сохранение её идентичности и гармоничное включение в существующие социально-экономические и природные системы, тем самым, обозначая необходимость разработки системы критериев и принципов архитектурного проектирования туристских центров региональных кластеров.

Теоретическая основа

В данном разделе представлены основные положения, термины и определения касающихся темы исследования.

Согласно Федеральному закону от 24.11.1996 №132-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», туризм — это временные выезды (путешествия) граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях.

Под региональным кластером следует понимать совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций, объединенных в научно-производственные цепочки в одной или нескольких отраслях и получающих от кооперации синергетический эффект, выраженный в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации [2]

- Широкое толкование понятия «Туристский центр» предложено В. М. Котляковым и А. И. Комаровой: «Туристский центр; рекреационный район – место или целый регион, предназначенный для многоцелевого отдыха или туризма» [3].

Туристский комплекс – представляет собой градостроительное образование различного функционального профиля, состоящие из туристских учреждений, объединенных общим архитектурно-планировочным решением, общей пространственной композицией, организацией обслуживания [4].

Под туристским кластером понимается объединение инфраструктурных объектов, культурных пространств, отелей и сервисов в единую систему [5]

Критерии архитектурного проектирования – это требования, которые учитывают функциональные, конструктивные, эстетические и экологические аспекты создания концепции здания или сооружения. Отдельно каждое из этих требований не рассматривается, любой строительный объект — результат взаимосвязки всех составляющих.

В первую очередь стоит отметить тенденцию роста видов туристской деятельности поскольку она, хоть и неорганизованно, существовала с древних времен и насчитывала лишь несколько основных видов туризма. Сперва они включали деловой, паломнический и культурный туризм доступные лишь высшим слоям общества, так как требовались значительные средства. На сегодняшний день представлены десятки видов туризма, классифицированные по целям поездки, способу передвижения, и составу участников.

Целенаправленность туристского путешествия является основным классификатором разновидностей видов туризма. Выделяются следующие виды туризма: культурно-познавательный, спортивный, паломнический, лечебно-оздоровительный, санаторный, детский, научный, производственный, рекреационный, экотуризм и многие другие. Они в свою очередь определяют функционально-планировочное решение туристского центра, функциональную программу и в следствии оказывают влияние на объемно-пространственное решение.

Классификация по территориальному охвату. Согласно классификации ЮНВТО, выделяют три вида туризма по территории: внутренний – в пределах своей страны; въездной – путешествия нерезидентов внутри границ какой-либо страны; выездной – путешествие за

пределами своей страны. Они определяют масштаб охвата территории и формируют основные коммуникационные узлы на международном и региональном уровнях.

По способу передвижения выделяют следующие виды: пешеходный — включает пешие походы, треккинг, альпинизм, восхождения и прогулки по специально оборудованным маршрутам; автомобильный — предполагает передвижение на личном или арендованном транспорте; велосипедный — велотуризм объединяет физическую активность и мобильность, веломаршруты бывают как городские, так и сельские, а также горные; водный — охватывает широкий спектр направлений: круизы на лайнерах, прогулки на яхтах, рафтинг, дайвинг-сафари и даже речные прогулки; железнодорожный — позволяет посещать удалённые регионы, перемещаться между странами; воздушный — авиационный туризм используется для преодоления больших расстояний за короткое время, особенно востребован при международных поездках или в рамках междугородних туров; комбинированный — объединяет несколько способов передвижения в одной поездке. Они в свою очередь определяют коммуникационный каркас на всех иерархических градостроительных уровнях, обеспечивая связь доступность ко всем объектам туристской инфраструктуры.

По активности подразделяют на следующие виды: спортивный — участие в спортивных мероприятиях, таких как горные лыжи, сёрфинг, дайвинг, альпинизм и другие активные виды спорта; экстремальный — занятия экстремальными видами спорта, такими как бейсджампинг, рафтинг, парапланеризм и другие; приключенческий — путешествия по заповедникам и национальным паркам с целью наблюдения за дикими животными, экспедиционный туризм — участие в экспедициях, исследовательских походах и путешествиях в труднодоступные районы. Также влияет на функционально-планировочные решения туристских центров и градостроительные решения кластеров

По уровню влияния классифицируется на следующие уровни: локальный уровень представляющие отдельные туристские центры в виде здания, комплекса, городской зоны или самого города; региональный уровень в виде курортно-рекреационной зоны, региональной системы туристического маршрута, природно-рекреационные зоны, регионального центра, регионального кластера; глобальный уровень международной системы туристических маршрутов. Это позволит определить необходимое количество объектов и участников туристской деятельности.

Изученные теоретические основы позволяют выявить и обозначить основные критерии архитектурного проектирования региональных кластеров. В дальнейшем систематизировать их в единую систему.

Иерархия критериев и их взаимосвязь на региональном уровне

В данном разделе рассматриваются основные критерии архитектурного проектирования туристских центров региональных кластеров на основе выстроенной иерархии и их взаимосвязей.

Рассматривая кластерный подход к формированию туристско-рекреационной среды следует выстроить иерархическую систему критериев.

Первый уровень – стратегический. Он включает формирования концепции, которая в свою очередь определяет общие принципы дальнейшего комплексного развития туристского центра и самого регионального кластера. На данном уровне существуют следующие критерии:

Критерий кластерной интеграции, который включает в себя: идентификационный региональный дизайн-код, где архитектура туризма в первую очередь должна быть направлена на развитие региона сохраняя идентичность и уникальность местности и культуры региона; транспортно-логистическая связанность туристских центров; функциональная взаимодополняемость элементов кластера.

Критерий системности. Он отвечает за целостность предметно пространственной организации архитектурной среды, где учитывается возможность адаптации под иной

функции без последующего нарушения целостности системы, а также масштабируемости и этапности развития.

Критерий устойчивого развития, включающий экологическую сбалансированность и экономическую жизнеспособность.

Второй уровень – тактический. Здесь разрабатываются конкретные решения реализации стратегических критериев.

Функционально-технологический критерий, определяющий зонирование зданий и территории на основе маршрутов и логистических потоков, тем самым создавая технологически полноценную функционирующую инфраструктуру.

Социокультурный критерий, направленный на сохранение культурного наследия архитектуры и создание новой в национальной интерпретации, создание условий социальных взаимодействий для всех групп населения граждан.

Экологический критерий, основанный на принципе минимизации вмешательства в природные системы, использования биоклиматических принципов, а также органичной интеграции в природную среду.

Экономический критерий, устанавливающий рациональное использование и распределение ресурсов, управляемость и обслуживаемость комплекса с целью оптимизации жизненного цикла объектов.

Третий уровень – проектный. Здесь формируются конкретные проектные критерии формирования туристического кластера, объекта или комплекса.

Средовой критерий. Качественно-средовые параметры среды, которые соответствуют психологическому восприятию пространства и считыванию информации, выраженной в виде предметно-пространственной архитектурной среды.

Градостроительный критерий. Критерий, который используется в градостроительстве для оценки качества градостроительной деятельности, соответствия решений целям развития территорий на региональном и градостроительном уровнях.

Функционально-планировочный критерий. Этот критерий напрямую реализует стратегические цели кластера и тактические требования через конкретные архитектурно-планировочные решения.

Объемно-пространственный критерий – это параметр, который регулирует объемно-пространственные характеристики застройки или архитектурного решения.

Стилистический критерий – определение характерных черт и признаков будущей архитектуры.

Колористический критерий – отражает эстетическое воздействие цветовых сочетаний, их уравновешенность определенным количеством главных цветов, их светлотой и насыщенностью.

Экологический критерий – критерий, направленный на минимизацию ущерба природе, путем минимизации отходов, использования возобновляемых источников энергии и принципов зеленой архитектуры.

Конструктивный критерий – критерий связан с обеспечением прочности, устойчивости, долговечности и других технических характеристик конструкции проектируемого здания или сооружения.

Принципиальное значение имеет установление взаимосвязи между уровнями иерархической системы и их критериев.

Обозначенные уровни иерархической системы выстроены по принципу вертикальной взаимосвязи. Критерии образуют внутреуровневую горизонтальную связь (рис. 1).

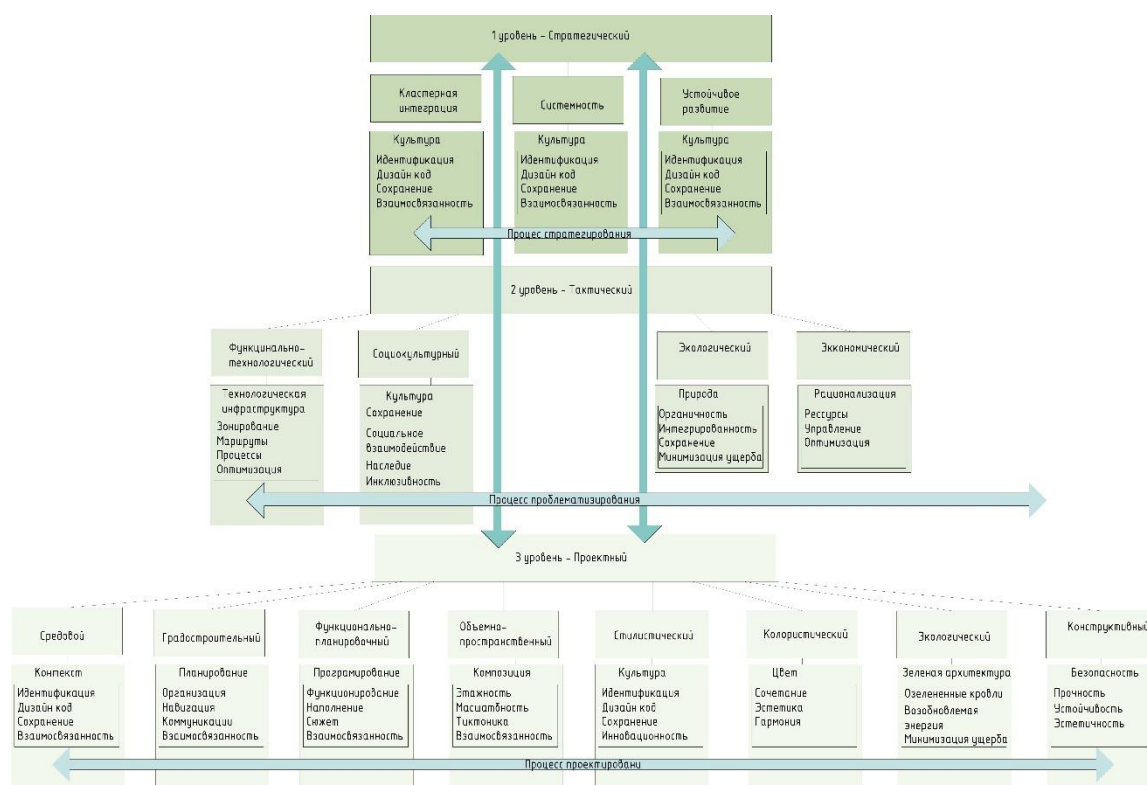

Рис. 1 Система критериев

Заключение

Изучены теоретические основы формирования региональных кластеров и туристских центров, атак же были выявлены уровни и критерии архитектурного проектирования туристических центров региональных кластеров.

Разработана система критериев и принципов архитектурного проектирования туристского центра интегрированного в структуру регионального кластера. Данная система критериев не является жестким нормативным документом, а представляет собой гибкий аналитический инструмент. Его применение требует предпроектного анализа, в ходе которого каждый критерий наполняется конкретным содержанием, исходя из особенностей региона, типа кластера и целевой аудитории. Сформированная система критериев, в дальнейшем, может служить методической основой для проектирования туристских центров в региональных кластерах.

Литература

1. Porter, Michael E. Clusters and the new economics of competition / Porter, Michael E // Vol. 76. No. 6. Boston: Harvard Business Review, 1998. С. 77-90.
2. Бабкин В.А. Особенности управления инновационным территориальным кластером / Бабкин В.А. // Вестник АГТУ / Сер.: Экономика. 2014. № 3. С. 39-45.
3. Котляков В.М. Туризм: природа - культура – путешествия / Котляков В.М., Комарова А.И. // [Электронный ресурс] : пятиязычный словарь: русский (с крат. дефинициями), английский, французский, испанский. - Москва, 2013 (2015). – С. 431
4. Покка Е.В. Современные тенденции формирования центров туризма в контексте развития туристских центров / Покка Е.В., Гафиятуллина А.Ф. // Известия КГАСУ / Казанский архитектурно-строительный университет. – Казань, 2020, № 2 (52), С. 146
5. Даниленко Н.Н. К вопросу о содержании понятия «туристский кластер / Даниленко Н.Н., Бурунцова Н.В. // Журнал региональная экономика: теория и практика / Байкальский государственный университет экономики и права. – г. Иркутск, 2013, № 33 (312), С. 45.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОКЗАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ. ДИКТАТ ПРОТИВОРЕЧИЙ

А.Л. Гельфонд^{1,2}, академик РААСН, доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования, главный научный сотрудник

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород

²Центральный научно-исследовательский институт Минстроя России, Москва

Аннотация. В статье рассматривается эволюция общественных пространств железнодорожных вокзальных комплексов. Согласно заявленной гипотезе в основе их архитектурного формирования лежит диктат противоречий, выступающих как бинарные оппозиции. На отдельных примерах отечественного и западноевропейского опыта анализируются доминирующие и сопутствующие функции помещений вокзалов с точки зрения критериев их соответствия понятию «общественное пространство». Статья сопровождается фотографиями зданий железнодорожных вокзалов и комплексов, выполненными автором настоящей статьи.

Статья выполнена в рамках ФНИ «Архитектура общественных пространств. История и современность», 2024–2026 гг., ЦНИИП Минстроя России.

Введение. Постановка проблемы

Актуальная тенденция архитектурного формирования общественных зданий последнего времени – трактовка их как общественных пространств – пространств общения и социальной активности. Одновременно развитие технологий, информатизация и цифровизация многих процессов подразумевает постоянное сокращение времени на оказание тех или иных услуг. Возникает неизбежное противоречие, которое не может не затронуть архитектурное решение объекта: с одной стороны, создание условий для возможности неспешного общения, с другой, – обеспечение возможности максимально быстрого достижения цели, минуя все сопутствующие «преграды». Такой подход относится, прежде всего, к крупным комплексам, среди которых особое место занимают железнодорожные вокзалы как важные коммуникационные узлы.

...Я очень часто езжу на поездах и вижу много железнодорожных вокзалов и транспортно-пересадочных узлов. Известно, что именно этим зданиям и сооружениям суждено формировать у приезжего первый образ города. И на это восприятие работает не только внешний вид, но и внутреннее устройство здания. И если по прибытии в город пассажира занимает, как правило, только транспортная доступность от вокзала до места назначения, то перед отъездом из города требования к вокзалу проявляются во всей полноте. Приехать заранее, быстро понять логистику выхода к поезду, воспользоваться хорошо оборудованным залом ожидания, помещениями питания, торговой зоной, где продаются «товары в дорогу» и памятные аутентичные сувениры. Впрочем, и по прибытии возможна востребованность помещений – инфо-боксы с картами города и обозначенными на них маршрутами, стойки информации. И уже на уровне пользователя возникают неизбежные вопросы, какие приемы должны превалировать в архитектурном формировании железнодорожных вокзальных комплексов (далее ЖВК):

- безадресные или идентичные;
- технологичные или образные;
- традиционные или новаторские;
- минимизированные или развернутые?

И если первый умозрительный ответ на эти вопросы складывается сразу: вероятно, в ЖВК должны присутствовать все эти оппозиции, то следующий уровень погружения в тему заставляет задуматься над целым рядом проблем:

- каким должно быть сочетание этих приемов;
- каков механизм перераспределения функций для обеспечения жизнеспособности комплекса;
- необходимо ли вокзалу быть общественным пространством или логичнее его трактовка как транспортно-пересадочного узла.

Попробуем найти ответы на эти вопросы, обратившись к анализу конкретных объектов из отечественной и зарубежной практики проектирования и строительства ЖВК.

Вокзал – ворота города

Известный посыл «вокзал – ворота города» подразумевает ряд композиционно-художественных приемов и ставит ряд вопросов:

- лицо-изнанка: ворота со стороны железнодорожных путей, ворота со стороны города с привокзальной площади;
- необходимость отражения идентичности места, или вокзал как проходная арка – безадресная форма как таковая.

«В Курске сравнение вокзала с городскими воротами или въездной триумфальной аркой уже не метафора, а прямое указание на один из организующих принципов объёмно-пространственной и функциональной структуры здания» [1].

Действительно, трехэтажный вокзал с полным набором помещений читается именно как здание-арка [2]. Анализируя план сооружения, необходимо отметить, что в симметричном компактном объеме функция разместилась согласно безупречной логике, предусмотрен принудительный график движения, что продиктовано предназначением объекта (рис. 1).

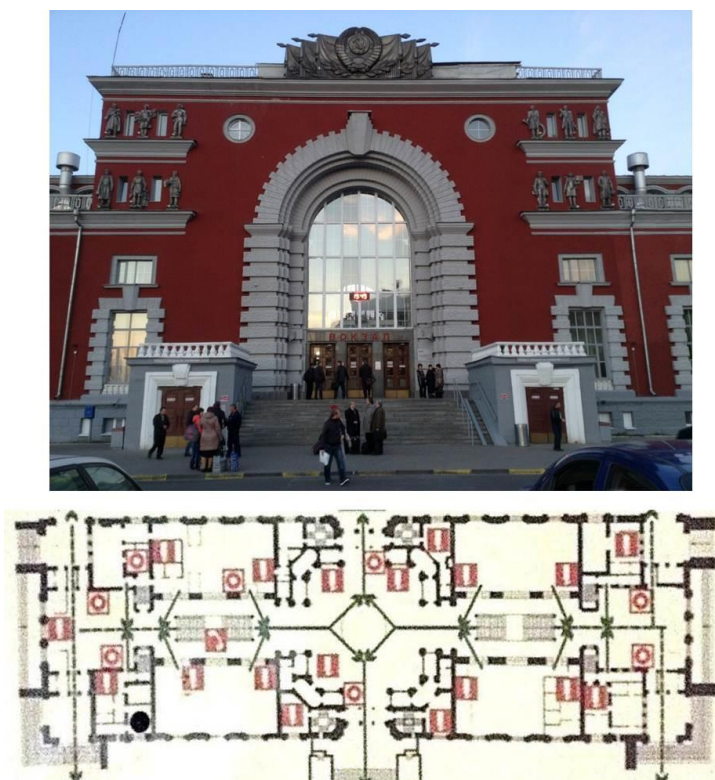

Рис. 1. Железнодорожный вокзал в Курске, арх. И.Г. Явейн, 1948–1952

В этой связи приведем слова А.В. Иконникова, который так определял функцию и форму архитектурного объекта: «...Функция – это весь комплекс решаемых архитектурой разносторонних задач, материально практических и информационных»; «...форма

архитектурного объекта выражает способ его организации и способ существования в контекстах среды и культуры». И далее расширял понятие архитектурной формы: «Можно выделить три тактики претворения технологии в предметную форму. При первой характер процесса производства входит в число источников ее замысла. Вторая концепция технологической формы основывается на образном выражении идеальной технологии, воплощенной какими-то иными средствами. Третья концепция сводится к исключению следов процесса из образного языка архитектуры. Она восходит к принципу универсальности формы, несущей смысловые значения, вне зависимости от назначения объекта, ее материала и способа осуществления» [3].

Продолжая анализ, остановимся на анализе примера из европейской практики проектирования и строительства.

Hauptbahnhof Lehrter Bahnhof в Берлине, архитекторы von Gerkan, Marg und Partner Architekten (gmp), 2006 – также здание-арка, точнее, две пересекающиеся во взаимно перпендикулярных направлениях арки (рис. 2). Это словно символизирует разделение транспорта и пешехода: одна арка служит воротами города для тех, кто подходит или подъезжает к зданию от центра города. Под другой проложены железнодорожные пути и проезжают поезда. Градостроительная ось север-юг германской столицы оставалась достаточно долго не восстановленной после второй мировой войны, что затрудняло организацию транспортных потоков в городе. Сооружение железнодорожного вокзального комплекса в самом центре города стало важной вехой для объединения разрозненных транспортных потоков восточной и западной его частей.

«Особенностью проекта стала концепция «гриба» (Pilzkonzept), предполагающая пересечение железнодорожных путей на разных уровнях, что кардинально изменило логистику всего города» [4].

Таким образом, на этом примере наглядно видно, как транспортный узел одновременно работает на Берлин и на его связь с другими городами страны. При этом необходимо отметить, что в данном случае, несмотря на выраженную направленную ось, перед ЖВК не формируется отдельная привокзальная площадь. Находящиеся в непосредственной близости правительственные здания переносят внимание на свои открытые общественные пространства.

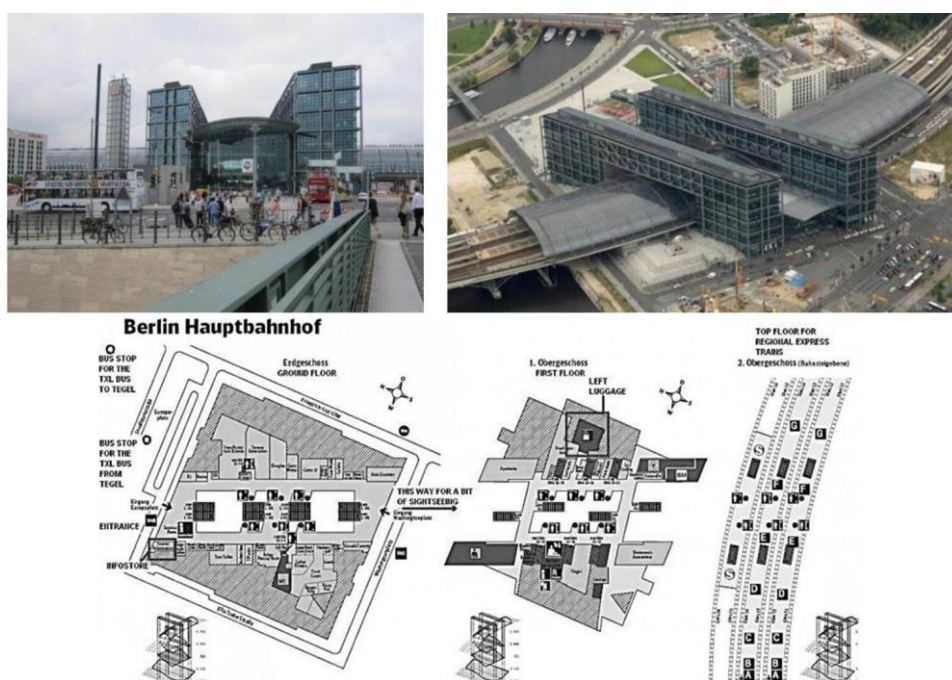

Рис. 2. Центральный вокзал в Берлине, арх. фон Геркан Марг и партнеры, 1995-2006

Привокзальная площадь как лицо города

Обращаясь к привокзальным площадям, рассмотрим железнодорожный вокзал в Орле, арх. С.А. Мхитарян, 1949–1950 гг. Со стороны железной дороги объект встречает пассажиров четырехколонным краснокирпичным портиком с белым штукатурным карнизом и капителями колонн. Со стороны города развернута привокзальная площадь, которую можно трактовать как единый архитектурный ансамбль. Коллонада входа на платформы на высоком цоколе из серого рваного камня, Дом культуры железнодорожников, невысокая окружающая застройка, наконец, анималистическая скульптура орла – символ города – все это придает месту колорит неспешного курортного города (рис. 3).

Вероятно, здесь уместно поговорить об «ощущении вокзала». Вокзал – это город, или уже не город? С одной стороны, вокзал – транзит, проходные ворота в «иную жизнь», с другой, – один из крупных общественных центров города. Причем, чем меньше город, тем значимее роль вокзала. Достаточно вспомнить фильм «Безымянная звезда». Вообще, железной дороге отведено место в целом ряде известных литературных произведений.

Так, И.А. Бунин писал в «Жизни Арсеньева» в 1927–1929 гг. о вокзале в Орле: «Случалось, я шел на вокзал. За триумфальными воротами начиналась темнота, уездная ночная глушь... Полевой зимний ветер уже доносил крики паровозов, их шипение и этот сладкий, до глубины души волнующий чувством дали, простора, запах каменного угля. ...Буфетная зала жарка от народа, огней, запахов кухни, самовара... В книжном вокзальном киоске было для меня всегда большое очарование...». Речь идет, конечно, о старом, не о сегодняшнем, здании, но описание носит для нас некий «типологический» характер.

Кстати, об актуализации функции, в 2023 году в бывшем помещении питания на железнодорожном вокзале в Орле открылся музей, экспозиция которого рассказывает об истории здания и станции, развитии железнодорожного транспорта в регионе, формировании Орловского железнодорожного узла.

Рис. 3. Привокзальная площадь в Орле

Вокзал - транспортно-пересадочный узел

Для настоящего времени характерно развитие всех видов коммуникаций, причем, как реальных, так и виртуальных. Сеть железнодорожных транспортных коммуникаций, включая скоростные участки, связывает многие города. С этой позиции, железнодорожные вокзалы образно уже не принадлежат своему городу, а являются узлами этой единой сети, формируемой по принципу единого информационного пространства. Конечно, появление транспортно-пересадочных узлов (ТПУ) продиктовано целым рядом актуальных социально-экономических, административно-управленческих и градостроительных посылов. И это задает приемы их архитектурного формирования. При их проектировании реализуется принцип антропонометрической безадресности, введенный в архитектурную науку в 2002-м году в докторской диссертации А.Л. Гельфонд «Деловой центр как новый тип общественного здания».

Так, Восточный вокзал, ТПУ Черкизово в Москве в течение целого ряда лет обслуживает поезда восточного направления, объединяет различные транспортные потоки. Его работа строится на принципах доступности, безопасности, информативности, комфортности, и в то же время у пассажиров возникает целый ряд вопросов к особенностям его объемно-пространственного решения:

- задуманный как транзитное пространство, он тесен для тех, кто здесь задерживается, причем это относится как к залам ожидания, так и к перронам и выходам на них;
- с образной точки зрения пассажир не может не почувствовать ностальгии по «дворцовой» архитектуре Ярославского и Казанского вокзалов российской столицы.

ТПУ трудно толковать как общественное пространство, несмотря на постоянное присутствие большого количества людей.

Вокзал как общественное пространство

Рассказав о тесноте, я не могу не обратиться к противоположной проблеме – огромные пустые пространства залов ожидания ЖВК. С одной стороны, они не соответствуют современным требованиям по организации графика движения пассажиров, с другой, – не пригодны для сдачи в аренду. Приведу примеры, железнодорожный вокзал в Челябинске, железнодорожный вокзал в Твери. На анализе последнего остановлюсь.

Старое здание Николаевского вокзала в Твери было построено в 1845–1848 гг. по «типовому проекту вокзала первого класса» архитектора Р.А. Желязевича. Новый железнодорожный вокзал, арх. М.А. Сатаев, В.И. Кузнецов, был построен в 1976 г. Традиционная композиция периода модернизма – сочетание высокой вертикальной башни и протяженного низкого параллелепипеда с темой восходящих волн на его фасаде – адресуется к одному из архетипов Твери – Старому Волжскому мосту (рис. 4). Значительные открытые площади зала ожидания позволили найти оригинальное решение для их использования: там разбита оранжерея, где собрано много видов различных растений. Необходимо отметить мозаичные панно из разноцветной смальты, которыми украшены стены зала ожидания. Художники А. Голубцов и А. Князев изобразили на них исторические сюжеты жизни Твери.

Произведения монументально-декоративного искусства, синтез искусств в зданиях ЖВК – отдельная важная тема в их трактовке как общественных пространств.

Рис. 4. Железнодорожный вокзал в Твери, арх. М.А. Сатаев, В.И. Кузнецов, 1976

Монументальным панно, выполненным художником В. Любимовым в технике византийской мозаики (1965–1971 гг.) украшены стены главного зала железнодорожного вокзала в Нижнем Новгороде, который был построен в середине 1960-х годов по проекту архитектора М.А. Готлиба. Пространственная композиция из вертикального и горизонтального объемов подчеркнута фронтальной композицией фасадов: горизонтальными членениями на башне и вертикальными – на призме. «Жесткость» фасада, выходящего на площадь Революции, смягчается Царским павильоном, архитектор Д.Н. Чичагов, 1896 г. Построенный для приезда императора на Промышленно-художественную выставку 1896 г., Царский павильон за годы существования вмещал разные функции: поликлинику, комендатуру, кассовый зал. В настоящее время, объект культурного наследия регионального значения, он служит парадной приемной для высоких гостей дороги.

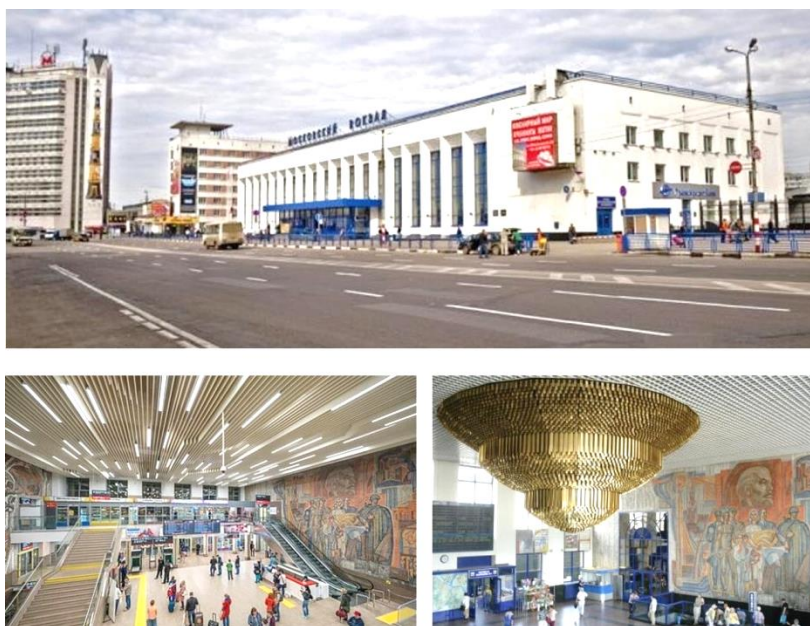

Рис. 5. Железнодорожный вокзал в Нижнем Новгороде, арх. М.А. Готлиб, 1965

Конечно, рассказывая о ЖВК как общественных пространствах, необходимо остановиться на арт-объектах, которые присутствуют в них как временные элементы. Так, с 1996 года центральное пространство вокзала в Нижнем Новгороде украшала люстра, ставшая его неким знаком-символом. В процессе реконструкции 2021 года она была демонтирована.

Летом 2018 года в центре зала ожидания железнодорожного вокзала в Цюрихе разместилось вязаное дерево-павильон, выполненное скульптором Эрнесту Нету. Под кроной ажурного шатра проходили разные общественные мероприятия. А ангел «Обуздание» скульптора Ники де Сен-Фаль «летает» под потолком зала много лет, являясь ангелом-хранителем пассажиров (Рис. 6).

Приспособление ЖВК для современного использования

Доминирующая функция обслуживания пассажиров во всех ее проявлениях дополняется в ЖВК рядом сопутствующих. Наряду с функцией питания характерно широкое распространение торговой функции (вокзал Термини в Риме, Казанский вокзал в Москве). Мы уже упоминали об организации музеев и оранжерей. Вероятно, в этой связи надо задуматься и о том, каким же может быть функциональное назначение вокзала после утраты им первоначальной родовой функции.

Самым известным примером приспособления здания вокзала для современного использования является, безусловно, музей Орсе в Париже, архитектор В. Лялу, 1900 г. Обслуживал города южного и юго-западного направления Франции, вокзал успешно работал до 1939 года. Затем до начала 1970-х гг. здание использовалось под разные цели, а в 1973-м году закрылось. Реконструкция здания под музей искусства XIX века (искусство 1848–1914 гг.) была завершена в 1986 г. по проекту архитектурного бюро АКТ, арх. П. Кольблок.

В качестве отечественного примера приспособления бывшего вокзала для современного использования приведу Ромадановский вокзал в Нижнем Новгороде. Построенный в 1904 г., он функционировал до 1974 г., обслуживая восточное направление. Железнодорожная ветка, проходившая вдоль берега Оки под высоким склоном, неоднократно подвергалась оползням, и в конце 1990-х объект был приспособлен под офисные функции (проект реконструкции архитекторы В.В. Зубков, Л.А. Зубкова, А.К. Бубнова, С.Ю. Любимов, И.Е. Кропивянская), в соответствии с которыми работает и сегодня.

Но в целом необходимо отметить, что функция вокзальных зданий меняется очень редко, характерна реконструкция с расширением, сохранением и реновацией старых зданий.

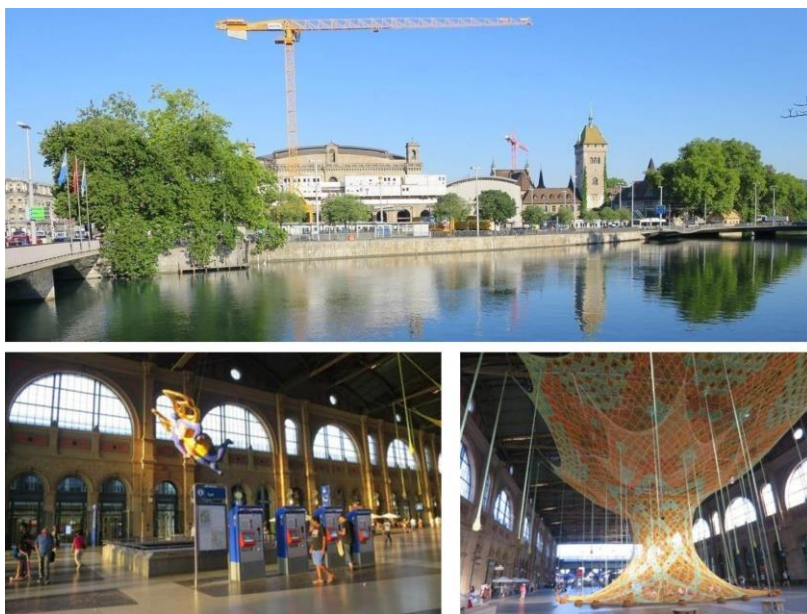

Рис. 6. Железнодорожный вокзал в Цюрихе (Швейцария), арх. Я.-Ф. Ваннер, 1871

Заключение

Рассмотрев общественные пространства железнодорожных вокзальных комплексов, приходим к ряду выводов:

1. В архитектуре вокзалов как крупных общественных зданий всегда отражались тенденции архитектуры своего времени, а также идентичные черты городов и поселений.
2. При реконструкции сложившихся комплексов происходит перераспределение доминирующих и сопутствующих функций, актуальным направлением является трактовка ЖВК как общественных пространств.
3. Главным противоречием при этом выступает необходимость организации полной системы обслуживания и необходимость нигде не задерживаться, ни на что не отвлекаться, максимально быстро достигать искомое место.
4. В ЖВК используется принудительный график движения, логистика предполагает возможность воспользоваться всей инфраструктурой комплекса по ходу движения.
5. Для общественных пространств железнодорожных вокзальных комплексов характерно применение произведений монументального искусства и временных арт-объектов.
6. ТПУ выступают как иной тип сооружения, рациональность их организации предполагает антропометрическую безадресность, трактуя их как звенья единой транспортной сети.

Литература

1. Явейн О.И. Архитектор Игорь Явейн. Полный каталог проектов. 1923–1980, САб. : изд-во TATLIN, 2020. - 480 с., ил. https://tatlin.ru/articles/vokzal_v_gorode_kurske
2. Гельфонд А.Л. О пространственной типологии зданий-арок// Academia. Архитектура и строительство. 2020, № 2, С. 47-60.
3. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре / А. В. Иконников. — М.: Стройиздат, 1986. — 288 с.: ил., С. 82-84.
4. Berlin Hbf Railway Station. История вокзала <https://www.kupibilet.ru/gid/germaniia/berlin/vokzal-berlin-hbf-railway-station>. Дата обращения 04.02.2026

ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ВИЗИТ-ЦЕНТРОВ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В.М. Голодный¹, аспирант

¹Волгоградский государственный технический университет, Волгоград
golodnyy.vladimir.1999@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к проектированию визит-центров особо охраняемых природных территорий. На основе зарубежного и отечественного опыта выявлены подходы формирования визит-центров. Разработаны архитектурно-пространственные схемы визит-центров особо охраняемых природных территорий различных архитектурно-пространственных типов. Выявлены современные подходы к проектированию визит-центров особо охраняемых природных территорий. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании и реконструкции существующих визит-центров особо охраняемых природных территорий.

Введение

Современные подходы к проектированию визит-центров особо охраняемых природных территорий предлагают широкий спектр инновационных решений, которые можно применить при создании визит-центров. Проекты могут включать в себя использование экологически устойчивых материалов, энергоэффективные системы, интерактивные выставки и мультимедийные технологии. Исследование особенностей проектирования визит-центров особо охраняемых природных территорий позволит определить наиболее эффективные и современные подходы к созданию визит-центров в природных и национальных парках. При проектировании и строительстве таких центров должно быть уделено внимание взаимодействию архитектуры с окружающей природной средой [1, 2].

Основной текст

Анализ мирового и российского опыта формирования визит-центров на охраняемых природных территориях позволяет выделить три ключевых архитектурных подхода, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый подход - контекстуально-интегративный. Его суть заключается в том, чтобы архитектура здания стала органичным продолжением ландшафта и отражала культурные особенности территории. Здания возводятся с использованием местных материалов (дерева, камня) а их формы часто заимствуются или переосмысляются с использованием традиционных строительных приёмов, характерных для региона. Яркими примерами в России служат визит-центр Кенозерского природного парка с отсылками к северному зодчеству и визит-центр карельского заповедника «Костумукшский», ключевыми особенностями которого являются компактность и отражение местной материальной культуры. В мировом опыте этому же принципу следуют музей «Фишинг Бридж» в американском Йеллоустоне с деревянными конструкциями и датский визит-центр «Хаммерсхус», каменные стены которого являются продолжением руин древнего замка.

Второй подход - климатически-адаптивный. При реализации этого подхода архитектура формируется в условиях противостояния экстремальным условиям среды. Проектирование отталкивается от сурового климата (арктических морозов, пустынной жары или тропической влажности). Используются проектирование современных и экологичных инженерных решений, модульных конструкций, обеспечивающих энергоэффективность зданий для комфортного пребывания посетителей. В России примером применения этого принципа является ямальский проект «Северное сияние» с модульной арктической

архитектурой и дагестанский визит-центр «Сарыкумские барханы», при проектировании которого учитывались особенности пустынного климата. За рубежом схожие принципы воплощены в проекте гренландского визит-центра «Исфьорд», спроектированном для полярного климата, и в индийском визит-центре в Гоа с открытыми пространствами для естественной вентиляции в тропиках [3, 4].

Третий, медиативно-нарративный подход основан на обеспечении комфорта посетителей и информирование о природных и культурных особенностях территории. Архитектурные особенности (панорамное остекление, пространственная организация маршрутов, символические формы) используются для акцентирования на ключевых объектах. Примером служит визит-центр природного парка «Ергаки», с остеклёнными фасадами, фокусирующими внимание на ландшафтных доминантах. Аналогичную функцию выполняет минималистичная архитектура центра у объекта Всемирного наследия «Стоунхендж», организующая восприятие территории, и форма китайского комплекса «Вест-Лайн Студио Куисуба», где архитектурный образ выражает этнокультурную идентичность.

Выявлены также общие современные подходы к проектированию визит-центров природных парков. Предложены оптимальные типы архитектурно-пространственной организации визит-центров для каждого выявленного современного подхода (рис 1).

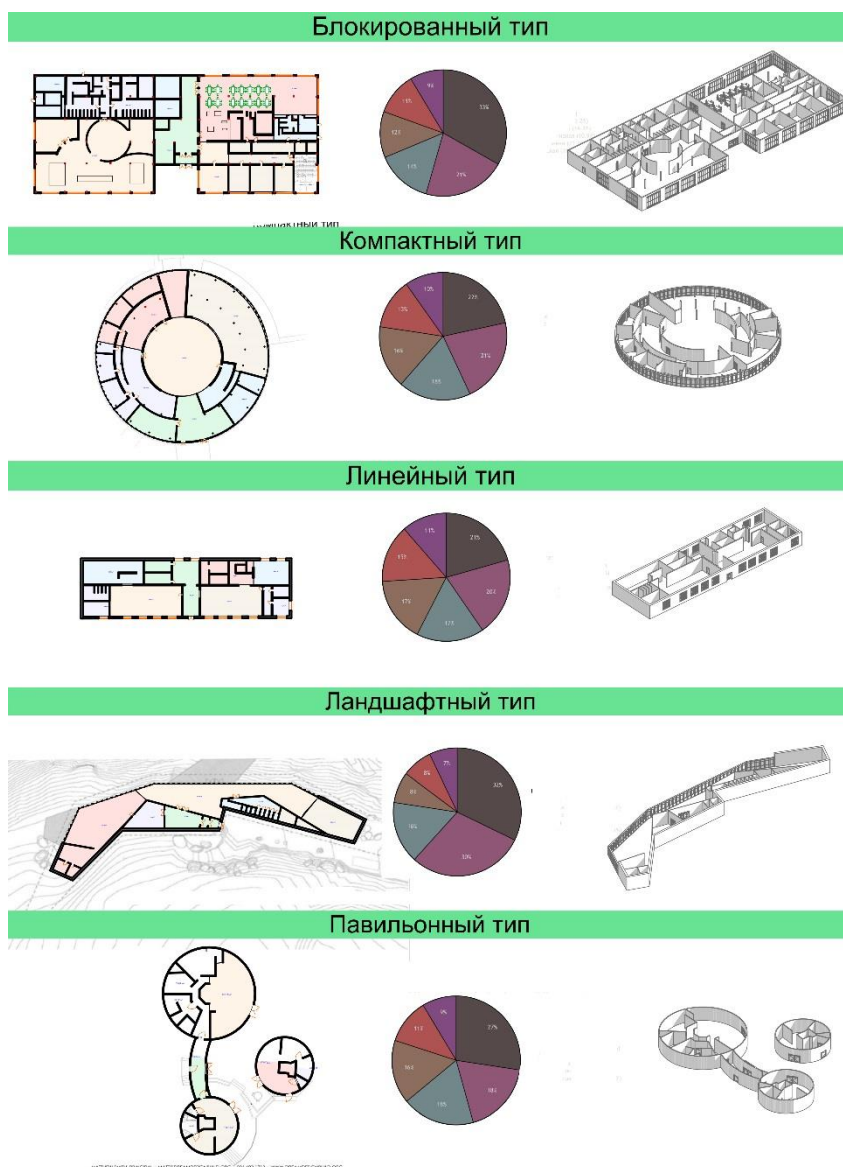

Рис. 1. Типы архитектурно-пространственной организации визит-центров

Подход гибкого и трансформируемого пространства ориентирован на создание адаптивной архитектурной среды. Его основа - проектирование многофункциональной, динамичной среды для разнообразных сценариев использования, таких как проведение лекций, временных выставок или массовых мероприятий. Ключевыми особенностями являются использование мобильных перегородок, трансформируемой мебели и модульной организации пространства. В рамках данного подхода наиболее эффективными являются два типа архитектурно-пространственной организации визит-центров. Компактный тип, сконцентрированный вокруг единого ядра, позволяет создавать универсальное многофункциональное пространство, где все основные помещения сосредоточены в центре, а остальное пространство по периметру может свободно видоизменяться. Павильонный тип, состоящий из нескольких модулей, имеет высокую степень адаптивности, где каждый самостоятельный блок может выполнять определённую функцию, а их комбинация меняется в зависимости от задач [5].

Подход экологической интеграции и целостности связан с взаимодействием архитектуры и ландшафта. Объект проектируется не как обособленный объём, а как часть природной системы. Реализация подхода достигается через использование панорамного остекления, создание буферных зон (террас, озеленённых крыш) и встраивание в рельеф территории. Наиболее эффективными могут быть ландшафтный и линейный типы архитектурно-пространственной организации визит-центров. Ландшафтный тип предполагает рассредоточение функций центра по нескольким объёмам, интегрированным в рельеф. Линейный тип эффективен на территориях с выраженным ландшафтным ориентиром, позволяя организовать непрерывную визуальную связь внутренних пространств с внешним окружением, где архитектурная ось становится частью образовательного маршрута.

Подход контекстуальной идентичности направлен на формирование уникального архитектурного образа, транслирующего его природные, исторические и культурные особенности. Достигается это за счёт применения местных материалов, интерпретации традиционных и учёта локальных климатических условий. В рамках данного подхода целесообразно применение блокированного и компактного типов архитектурно-пространственной организации визит-центров. Блокированный тип позволяет создавать сложную объёмную композицию, ассоциативно связанную с образом территории. Компоновка нескольких выраженных объёмов даёт возможность работать с масштабом и ритмом, отсылающими к природным или культурным особенностям. Компактный тип здания может являться доминантой и указывать на идентичность места.

Выводы

Исследование подходов к проектированию визит-центров природных и национальных парков позволило сделать следующие выводы. Комплексный анализ теоретических знаний о факторах, влияющих на формирование объёмно-планировочных и архитектурно-пространственных решений позволил выявить ключевые подходы к проектированию визит-центров природных парков (контекстуально-интегративный, климатически-адаптивный, медиативно-нарративный). В рамках реализации современных подходов могут применяться оптимальные типы архитектурно-пространственной организации визит-центров особо охраняемых природных территорий.

Литература

1. Астанин Д. М. Моделирование главной темы информационного визит-центра территорий экологического туризма (градостроительная апробация концепции социального поля П. Бурдые) // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2021. № 10. С. 68—80. DOI: 10.34031/2071-7318-2021-6-10-68-80.

2. Бойцова Д. В. Общие принципы формирования архитектуры туристических визит-центров при загородных парках // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2022. № 10. С. 59—69. DOI: 10.34031/2071-7318-2022-7-10-59-69.
3. Голодный, В. М. Эволюция архитектуры визит-центров природных и национальных парков / В. М. Голодный, Г. А. Птичникова // Социология города. – 2024. – № 3. – С. 46-60. – DOI 10.35211/19943520_2024_3_46.
4. Голодный, В. М. Архитектурные особенности визит-центров природных парков Волгоградской области. Концепция визит-центра природного парка "Волго-Ахтубинская пойма" / В. М. Голодный // Инженерный вестник Дона. – 2024. – № 9(117). – С. 571-582.
5. Голодный, В. М. Архитектурно-пространственные типы и модели визит-центров природных парков. Экспериментальное проектирование визит-центров природных парков Волгоградской области / В. М. Голодный // Инженерный вестник Дона. – 2025. – № 8(128). – С. 603-616.

КОНЦЕПЦИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В РАЗВИТИЕ ГОРОДА ТАГАНРОГА

Ю.В. Горгорова¹, доцент, кандидат архитектуры

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В концепции вовлечения архитектурного и градостроительного наследия в развитие Таганрога исторически ценные объекты рассмотрены комплексно в роли участников и драйверов городского развития. Рассмотрены вопросы их включения в городские пешеходные маршруты, способы организации актуальной для города инфраструктуры и другие. Определены основные направления преемственности в развитии архитектурно-градостроительного облика Таганрога, особенности формирования презентационных качеств архитектурно-пространственной среды города. Такой подход к развитию города будет способствовать повышению ценностных качеств места, сохранению архитектурного и градостроительного наследия для будущих поколений.

Введение

«Одним из важнейших условий устойчивого развития поселений Юга России является трансляция культурных значений среды в процессе формирования новых ценностей» [1]. Такая преемственность в развитии городов Юга и отражение их идентичности в архитектурно-пространственной среде позволит проявить «дух места», сделает эти города узнаваемыми туристами, будет способствовать появлению чувства малой Родины у жителей, отождествлению себя с определенной территорией, сохранению историко-культурного, архитектурного и градостроительного наследия города для будущих поколений.

Город Таганрог имеет статус исторического поселения², основанный в конце XVII столетия, и до настоящего времени не утратил цельности и единства своего архитектурно-художественного облика [2]. При развитии архитектурно-пространственной среды Таганрога важно не потерять эти ценные свойства и выработать стратегию, направленную на сохранение не единичных памятников, а на комплексное представление этих объектов, имеющих выдающуюся ценность, интегрировав историческую застройку в процессы городского развития и обновления. Этот подход отражает актуальные направления развития экономики культурного наследия и концепции развития исторических поселений³.

Уникальная планировка Таганрога, наличие рекреационных ресурсов, рельефа, взаимосвязь архитектурных доминант и градостроительных ансамблей, а также большое число объектов культурного наследия делают город узнаваемым и привлекательным для туризма. Природно-ландшафтные особенности Таганрога отражены в планировочной и объемно-пространственной структуре города, что придает художественную выразительность панораме города, открывающейся с Таганрогского залива. Наличие благоприятных природно-ландшафтных, историко-культурных условий и их сочетание с композиционными приемами, нашло отражение в архитектурно-пространственной среде, обогатило архитектурный и градостроительный облик Таганрога. Эти особенности необходимо учитывать при развитии города, подчеркивая и усиливая ценностные факторы места,

² Приказ Минкультуры России «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации» от 04.04.2023 № 839. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. –URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 10.01.2026)

³ Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года. Министерство Культуры Российской Федерации 2017 г. [Электронный ресурс]. –URL: <https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-po-razvitiyu-istoricheskikh-poseleniy-podderzhke-i-populyarizatsii-kulturnykh-i-turists/> (дата обращения 10.01.2026)

вызывающие интерес со стороны жителей и туристов с целью удовлетворения их оздоровительных, познавательных, спортивных и иных потребностей.

Методика исследования основана на анализе научных источников, натуральных обследований архитектурной среды Таганрога, опыте развития исторических городов, экспериментальных проектах, в том числе апробированных автором в рамках «Городских практик» (программы «Архитекторы.рф», реализованной в Таганроге в 2022 году).

Обеспечение преемственности в развитии архитектурно-градостроительного облика города Таганрога

Важнейшей задачей развития архитектурно-пространственной среды Таганрога является сохранение и акцентирование своеобразия архитектурного и градостроительного облика города, выраженного в планировочной структуре, морфологии и идентичности городских районов. Необходимо учитывать пропорциональные соотношения и приемы, свойственные южным городам, подчеркивая архитектурно-художественные особенности: характерные строительные и отделочные материалы, колористические и другие особенности.

Значимыми ансамблями улиц с ценной исторической застройкой, формирующими облик Таганрога, являются⁴:

- ансамбль застройки ул. Александровской от пер. Некрасовского до пер. Смирновского;
- ансамбль застройки ул. Греческой в пределах от пер. Редутного до пер. Малого Садового;
- ансамбль застройки переулка Итальянского в пределах от улицы Греческой до улицы К. Либкнехта;
- ансамбль застройки улицы Петровской в пределах от здания по ул. Петровской, 28 до здания по ул. Петровской, 104;
- ансамбль застройки улицы Фрунзе в пределах от переулка Украинского до пер. Смирновского;
- ансамбль застройки ул. Чехова в пределах от пер. Гарибальди до северо-западного полукружья Красной площади;
- ул. Петровская - Александровская/пер. Добровольский - Украинский.

Реставрация исторических ценных зданий и проведение комплексной реконструкции территорий с учетом охранных зон объектов культурного наследия позволит сохранить ценную архитектурно-пространственную среду города. В зависимости от степени морального и физического износа, а также исторической ценности зданий, возможны их сохранение и реновация под актуальные для города функции: гостиницы, торговля, общественное питание и другие. Для достижения целостности исторического городского контекста при формировании новой застройки могут быть сохранены и использованы существующие фасады зданий. При строительстве новых зданий на месте ветхого, малоценного фонда необходимо учитывать этажность и архитектурно-художественное решение окружающей застройки. Историческая застройка малой и средней этажности предполагает ограничение высоты, поэтому повышение этажности возможно в глубине квартала с учетом бассейнов видимости объектов. Создание «буферных» пространств и «пустот» между старым и новым зданиями, в виде курдонеров или атриумных пространств, а также наличие отступа нового здания от красной линии застройки, позволят нивелировать разницу масштабов между старыми и новыми зданиями, сделать отношения между существующими и возводимыми объектами более гармоничными.

Создание актуальной инфраструктуры предполагается за счет адаптации к современным и социальным потребностям исторической застройки [3]. Это возможно за счет

⁴ Постановление Администрации РО «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия исторической части г. Таганрога» от 19.02.2008 № 66. Официальный портал Правительства РО [Электронный ресурс]. –URL: <http://old.donland.ru/> (дата обращения 10.01.2026)

реновации существующих зданий, в том числе реконструкции чердачных пространств и создания мансардных этажей. Для сохранения облика ценной застройки недостающие функциональные блоки могут быть созданы в подземных уровнях, при необходимости связь между новыми и реконструируемыми объектами может осуществляться через подземные галереи. Для организации объектов инфраструктуры, требующих значительных площадей можно использовать подземное пространство под городскими площадями, где создать необходимые в центральной части города парковочные места, объекты туристической инфраструктуры, общественные туалеты или другие необходимые функциональные зоны. Такое размещение позволяет максимально сохранить исторически значимую архитектурную среду центральной части города, оставить пространство площадей для пешеходов, но при этом создать необходимые функциональные зоны. Также возможно осваивать подземные уровни территорий, образованные отступом зданий от красной линии застройки. В этих подземных пространствах можно размещать блоки, не требующие естественного освещения, или для освещения помещений, нуждающихся в естественном освещении, использовать фонари верхнего света и световоды.

Преимуществом в развитии архитектурно-пространственной среды связана с сохранением облика ценных городских пешеходных пространств, таких как Пушкинская набережная, Фламанский спуск, каменная лестница и ее подножие. Важно сохранить масштаб, вид и пропорции пешеходного пространства каменной лестницы, особенно со стороны набережной, исключая возможность размещения на заднем плане высотных зданий, которые могут визуальнo довлеть и нарушать масштабность этого сооружения.

Формирование презентационных качеств архитектурно-пространственной среды

Положительный имидж Таганрога следует формировать целенаправленно, учитывая особенности и точки восприятия зрителем образа города: путей, границ, узлов, районов и ориентиров [4], акцентируя достоинства архитектурно-пространственной среды и рассматривая возможные событийные сценарии. При повышении презентационных качеств архитектурно-пространственной среды Таганрога необходимо особое внимание уделять местам, которые участвуют в формировании первого знакомства туристов с городом: ближний и дальний силуэты, перспективные виды, открывающиеся со стороны въезда в город, в особенности там, где размещен въездной знак «Таганрог». В формировании первого впечатления о городе, участвуют транспортные узлы, их функциональность, композиция, перспектива, открывающаяся со стороны выходов из зданий вокзалов [5]. В настоящий момент перед зданием железнодорожного вокзала расположены временные торговые павильоны, фасады которых перенасыщены рекламой, диссонируют с существующей городской средой, нарушают цельность градостроительной композиции и формируют неблагоприятное первое впечатление о городе, которое не соответствует имиджу исторического поселения с объектами исторической, археологической и архитектурной ценности. Необходимость изменений территории вокзала связана не только с архитектурным обликом, но и с требованиями повышения комфорта и безопасности движения: организацией и разделением транспортных и пешеходных потоков, обеспечением требований к безбарьерной среде, созданием парковочных мест и максимальным сохранением озеленения территории Привокзального сквера, поскольку защита от перегрева важна для южного города.

Для повышения туристической привлекательности в Таганроге целесообразно благоустраивать существующие и создавать новые смотровые площадки, обеспечивающие обзор природных и урбанизированных ландшафтов. Необходимо учитывать виды, открывающиеся со смотровых площадок, поскольку эти места также являются местами знакомства туристов с городом, его ландшафтными и градостроительными особенностями. Существующие смотровые площадки расположены в сквере Петра I, Чеховской набережной, с каменной лестницы необходимо включать в туристический маршрут. Новые смотровые площадки, обеспечивающие обзор природных или ландшафтов и вид на историческую часть

города могут располагаться на верхних этажах высотных зданий, колесе обозрения, быть образованы перепадом рельефа. На смотровых площадках можно предусмотреть установку биноклей, направленных на территорию акватории и на значимые архитектурные и исторические объекты.

Для повышения презентационных качеств архитектурно-пространственной среды Таганрога целесообразно создавать новые и улучшать качество существующих пешеходных пространств, адаптируя их согласно современным требованиям комфорта, универсального дизайна, обеспечивая безопасность и непрерывность тротуаров. По примеру других исторических поселений, в части тротуара, примыкающей к фасаду здания, аутентичная брусчатка может быть сохранена или восстановлена, а в транзитной части, для удобства пешеходов уложено современное мощение, гармонирующее с исторической средой, или же в транзитной части улицы, для удобства пешеходов, брусчатка может быть сглажена.

Сеть городских пешеходных пространств целесообразно объединить непрерывным туристическим пешеходным маршрутом со сценарием, предусматривающим разнообразие, смену впечатлений у туристов и кульминацией в конце маршрута. Фрагменты маршрута могут быть тематическими, связанными с известными людьми (Александром I, И.К. Айвазовским, А.С. Пушкиным, Ф.Г. Раневской, А.П. Чеховым и другими), историей места и т.д. Историко-культурные туристические маршруты необходимо развивать, делать непрерывными, повышать комфорт и качество среды этих пространств, наполнять событиями, уникальными объектами, символами места и навигацией. В непрерывные пешеходные туристические маршруты необходимо включить пространства набережных, лестниц и спусков, фрагменты вышеперечисленных улиц, где расположены значимые объекты историко-культурного наследия и архитектурные ансамбли.

В Таганроге необходимо не только благоустраивать пешеходные пространства и повышать комфортность городской среды, но и проводить реновацию застройки, прилегающей к пешеходным пространствам с учетом тематического зонирования. Например, работая с фрагментом пешеходного пространства Комсомольского переулка (старые названия Широкий и Большой Кампенгаузенский переулок), ведущим от Центрального рынка к морю, необходимо предусмотреть тематическое зонирование улицы для отдыха жителей и гостей города. В пешеходной зоне в промежутке между улицами Р.Люксембург и К.Либкнехта целесообразно организовать сменную и постоянную выставочные экспозиции с уникальными материалами, связанными с культурой и историей места, а для проведения событийных мероприятий использовать пространство между улицами Энгельса и Шевченко.

В будущем при развитии территории, окружающей Комсомольский переулок, необходимо сохранять масштаб, характерный для южного курортного города, малую и среднюю этажность зданий, обрамляющих улицу, с возможным незначительным повышением этажности вглубь квартала. Значимым зданием, оказывающим влияние на развитие застройки, является дом бывшего купца Х.П. Кирсанова, расположенный на пересечении Комсомольского переулка с улицей Чехова. Целесообразно создание буферного пространства между ОКН и новой застройкой, дающего возможность плавного перехода масштаба между исторической и современной застройкой.

Проектировать новые здания и организовывать пространство Комсомольского переулка необходимо ориентируясь на туристический потенциал места. Так функциональное наполнение первых этажей зданий, которые будут в перспективе сориентированы на бульвар, должно быть рассчитано на идею презентации местной истории и культуры. В общественных пространствах необходимо предусматривать выставочные, образовательные площадки, творческие мастерские (в настоящий момент на данной территории существует мастерская Леванцовых), кроме того необходимо организовывать гостиницы, сувенирные лавки, кафе с открытыми террасами и т.д.

Особенный колорит южным городам придают рынки, которые посещают горожане, а в тёплый период года и многочисленные туристы. Поэтому предлагается продлить пешеходную часть Комсомольского переулка, который расположен с обеих сторон

Центрального рынка в Таганроге. Необходимо благоустроить эту транзитную часть, придав ей колорит южного базара, создав комфортные условия для прогулки туристов в условиях жаркого климата.

В последние годы в России различные культурные события становятся драйвером развития территорий. При создании событийных мероприятий могут быть задействованы пространства разных архитектурно-градостроительных уровней. Все зависит от масштаба события: могут устраивать карнавалы, ярмарки, праздничные шоу, активно вовлекая в эту игру здания, например, медиа-шоу с использованием фасадов. Пешеходные зоны, а также пространства городских площадей могут быть активно использованы для проведения в Таганроге событийных мероприятий разного уровня. Для этой цели подойдут пешеходные улицы, бульвары, набережная, парки и территория пляжа. Кроме вышеперечисленных перечисленных пешеходных зон, для этих целей возможно задействовать:

- ансамбль Красной площади (быв. Александровская) – ул. Чехова – пер. Красной – пер. Гоголевский – ул. Чехова;
- ансамбль Банковской площади (быв. Монастырская) – ул. Свердлова на пересечении с пер. Лермонтовским;
- ансамбль Площади Восстания (б. Ярмарочная)
- ансамбль площадь Восстания между ул. Фрунзе, ул. Октябрьской и пер. Смирновским. - Октябрьская площадь (б. Соборная)
- ансамбль Троицкой крепости.

Целесообразно создать пешеходную зону между колоннадой Торговых рядов в районе домов 98 и 98а по улице Чехова и сквером им. А.П. Чехова. В этой пешеходной зоне возможно расположить зоны отдыха и столики кафе, использовать её для проведения различных событийных мероприятий: театрализованных постановок, небольших уличных концертов, выставок, показов фильмов на открытом воздухе и других. Транспортное движение возле домов по улице Чехова 107, 109 и 111 необходимо сохранить.

Заключение и результаты

Трансляция идентичности города и сохранение преемственности в городском обновлении будут способствовать повышению ценностных качеств и привлекательности места, сохранению архитектурного и градостроительного наследия для будущих поколений. При вовлечении архитектурного и градостроительного наследия в развитие Таганрога исторический объект рассматривается не как отдельный ценный, но утратившими смысл, а комплексно и становится прямым участником и драйвером городского развития. Результаты данной научно-исследовательской работы прошли апробацию специалистами ООО «Научно-проектной организации «Южный градостроительный центр» при разработке Генерального плана муниципального образования «Город Таганрог» на период до 2045 года, утвержденного решением № 140 Городской думы города Таганрога 24 декабря 2025 года.

Литература

1. Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России (Его формирование и культурный потенциал) : специальность 18.00.01 : диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры / Есаулов Георгий Васильевич. – Москва, 2004. – 482 с.
2. Григорян М.Е. Архитектура Таганрога XIX - начала XX вв.: этапы стилевой эволюции и специфические особенности жилой застройки города : специальность 17.00.04 "Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура" : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Григорян Марианна Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2011. – 283 с.
3. Исмаилова Н.В., Садковская О.Е., Рундин Д.В. — Развитие города Таганрога как туристического центра// Урбанистика. – 2023. – № 4. – С. 78 - 98.
4. Lynch, К.А. The Image of the City / К.А. Lynch. - Текст: непосредственный. -Cambridge, 1960. - 194 p.
5. Горгорова Ю.В. Урбанистические аспекты формирования туристически привлекательного пространства городских улиц / Ю. В. Горгорова // Архитектура и современные информационные технологии. – 2025. – № 1(70). – С. 59-71. – DOI 10.24412/1998-4839-2025-1-59-71.

СЕТЬ КАЗЕННЫХ ВИННЫХ СКЛАДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В.А. Городничев, аспирант

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматриваются факторы возникновения комплексов казенных винных складов на территории Российской империи на рубеже XIX – XX вв. На примере Верхнего и Среднего Поволжья показано, что такие комплексы формировали единую равномерную сеть. Выполнена классификация главных производственных корпусов в зависимости от объема производства, выделены характерные черты их архитектурного облика.

Введение

Вторая половина XIX века в Российской империи стала временем масштабных перемен. Они коренным образом преобразовали как масштабы строительства, так и архитектуру Российской империи. Промышленный переворот, развитие капитализма выдвигали новые требования к строительству и типологии зданий и сооружений. В это время зодчие смогли освоить новые инженерные решения, а также найти отвечающий им новый архитектурный стиль. Изучение комплексов казенных винных складов (далее КВС) – это не только анализ объектов промышленной архитектуры, но и основа для понимания того, как строилась экономика и некоторые аспекты социальной жизни страны на рубеже XIX-XX вв. В статье рассматривается сеть КВС, сформированная на территории Верхнего и Среднего Поволжья.

Причины возникновения комплексов КВС

Своим появлением КВС обязаны видному государственному деятелю, министру финансов С.Ю. Витте, благодаря введенной им в 1894 г. винной монополии [1]. Это начинание стало одним из самых успешных финансовых проектов в истории Российской империи. Предпосылками для данного новшества стало желание государства упорядочить рынок алкоголя, а также улучшить его качество. Одной из причин введения винной монополии принято считать возросшие траты казны из-за строительства Транссибирской магистрали. Государственная монополия позволила избавиться от кабаков, вместо них открывались официальные государственные винные лавки. Реформа помогла повысить качество продаваемой алкогольной продукции. Спирт теперь очищался по единому стандарту: он ректифицировался и проходил очистку древесным углем. Для снабжения государственных винных лавок были запроектированы и построены комплексы КВС. Итогом данных мероприятий стала монополизация рынка в руках государства. Доходы бюджета увеличились на 25 процентов. Качество крепкого алкоголя (водки и спирта) заметно улучшилось [2].

Комплексы КВС Верхнего и Среднего Поволжья

Согласно районированию П.П. Семенова-Тян-Шанского, территория Верхнего и Среднего Поволжья объединяла десять губерний: Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимирская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская [3, 4]. Исторически эти губернии Центральной России были густонаселены. Здесь получили развитие земледелие и частное производство алкоголя. В торговом аспекте Поволжье исторически связывало северные губернии с южными посредством перевозок по Волге зерна и другого продовольствия. Обилие зерна, и как следствие, дешевого спирта делало регион

приоритетным для организации сети КВС. Их расположение и количество установлены по специальному изданию 1910 г. [5].

Комплексы КВС на территории Верхнего и Среднего Поволжья:

Тверская губерния: Тверь, Ржев, Кашин, Бежецк.

Ярославская губерния: Ярославль, Рыбинск.

Костромская губерния: Кострома, Галич, Юрьеvec, Ветлуга.

Нижегородская губерния: Нижний Новгород, Княгинин, Арзамас.

Владимирская губерния: Владимир, Муром, Александров, Шуя.

Казанская губерния: Казань, Чистополь, Чебоксары.

Симбирская губерния: Симбирск, Сызрань, Алатырь.

Пензенская губерния: Пенза, Нижне-Ломовск, Саранск, Краснослободск.

Самарская губерния: Самара, Кинель-Черкасск, Покровск, Бузулук, Бугульма, Мелекес, Николаевск, Новоузенск.

Саратовская губерния: Саратов, Петровск, Кузнецк, Балашов, Камышин.

Картографический анализ позволил установить, что перечисленные комплексы КВС формировали на территории Верхнего и Среднего Поволжья равномерную сеть (рис. 1).

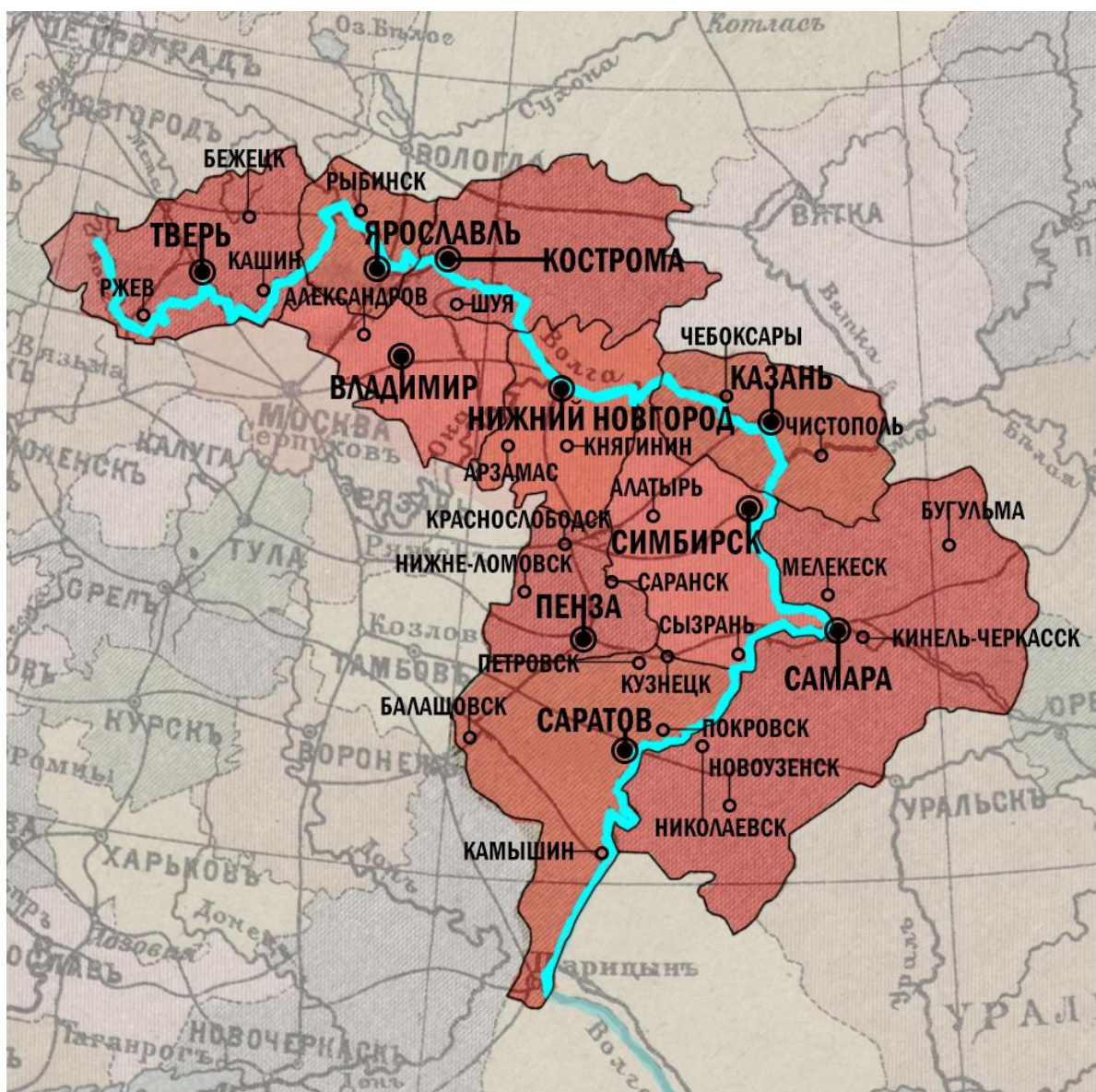

Рис. 1. Расположение КВС на территории губерний Верхнего и Среднего Поволжья

На территории одной губернии располагалось обычно от двух до четырех КВС; при этом один из них обязательно находился в губернском городе. В Самарской и Саратовской губерниях, где выращивание злаковых культур имело товарный характер, количество и концентрация КВС были выше: восемь в Самарской губернии и пять в Саратовской губернии.

Как правило, КВС строились на окраинах городов. Это были не просто склады-хранилища, а целые заводы по очистке спирта и изготовлению крепкой алкогольной продукции. Они представляли собой развитые комплексы, куда входили производственные, складские, жилые и хозяйственные постройки. Одним из главных критериев для размещения КВС было расположение вблизи магистралей: водных (реки) или сухопутных (железные дороги, большие тракты). Это обеспечивало экономию на транспортных расходах: как для подвоза сырья, так и доставки готовой продукции [6].

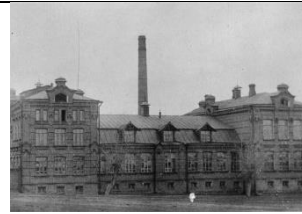

В зависимости от годовой производительности, КВС подразделялись на разряды и категории, которым соответствовали проекты повторного применения разных типов. Такие проекты составлялись, рассматривались и утверждались в техническо-строительной инспекции главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей в Санкт-Петербурге [5]. В 1897-1898 гг. было разработано семь типов проектов. Такая организация проектирования сообщала комплексам КВС единство образно-стилевых характеристик. Рассмотрим их архитектурные решения.

В российской архитектуре второй половины XIX в. получил широкое распространение так называемый «кирпичный стиль». Теоретическое обоснование этого рационалистического направления в архитектуре эклектики было изложено в работе А.К. Красовского «Гражданская архитектура. Части зданий» (1851). Согласно его концепции, главными источниками художественных форм должны были выступать строительные материалы, инженерные конструкции и технические устройства. Условиями для формирования новой эстетики стало распространение новых типов зданий. Обширные большепролетные пространства железнодорожных вокзалов, универмагов, музеев и других общественных зданий требовали новых архитектурных решений. Архитектурные формы было необходимо адаптировать к современным реалиям. Этому способствовало также внедрение новых технологий и конструкций в строительстве. Основной стеновой материал – красный кирпич – стал важным средством художественной выразительности. Кроме того, этот долговечный, эстетичный, а главное, пожаробезопасный материал, как нельзя лучше подходил для задач проектирования и строительства промышленных объектов. Фасады зданий в «кирпичном стиле» дополнительно не штукатурились и не красились, что экономило время и средства. В стране было создано множество кирпичных заводов, которые наладили выпуск кирпича стандартных размеров в необходимых объемах.

Важнейшей особенностью «кирпичного стиля» было эстетическое осмысление свойств лицевой краснокирпичной кладки. Характерные черты «кирпичного стиля» определялись конструктивно-технологическими качествами самого материала. Узорчатый рисунок кладки создавался ступенчатым напуском кирпичей [7]. Ширина проемов определялась конструкцией перемычек – клинчатых или лучковых. Для увеличения несущей способности простенков снаружи устраивались пилястры с декоративными нишами. Венчающие карнизы большого выноса, защищавшие стены, подчеркивались зубцами, фестонами, языками [8]. Очень показательно, что первоначально «кирпичный стиль» называли «казенным» (связывая с государственным строительством) или «фабричным» (указывая на его происхождение от производственных и складских зданий).

КВС, построенные на территории Верхнего и Среднего Поволжья, классифицированы по архитектурному решению главного производственного корпуса, которое выбиралось, как правило, в соответствии с производственной мощностью склада (табл. 1). Отметим, что попытки классификации КВС уже предпринимались, например, в работах донбасских исследователей А.В. Губанова и С.А. Борознова [6].

Таблица 1 – Типы производственных корпусов КВС на территории Верхнего и Среднего Поволжья

Номер типа	Общий вид	Особенности архитектурного решения	Размещение, количество	Производ. мощность
1		Объём здания трехэтажный, симметричный, Т-образной конфигурации в плане с выраженными ризалитами на флангах главного фасада. Ось симметрии фасада подчеркнута незначительно выступающим центральным ризалитом.	Нижний Новгород, Ярославль 2	600 тысяч ведер
2		Объём здания двухэтажный, асимметричный, имеет П-образную конфигурацию в плане. Композицию главного фасада формирует крупный трехэтажный объём с одной стороны и небольшой ризалит с другой.	Саратов 1	500 тысяч ведер
3		Объём здания трехэтажный, имеет прямоугольную в плане конфигурацию с повышенными боковыми объёмами. Особенностью главного фасада является дисимметрия, созданная различиями в решении боковых ризалитов.	Владимир, Казань, Кострома, Рыбинск, Тверь 5	400 тысяч ведер
4		Объём здания имеет переменную этажность (один-три этажа) и Г-образную конфигурацию в плане. Главный фасад ассиметричен. Сильный угловой акцент создают два повышенных ризалита – на главном и боковом фасадах.	Алатырь, Балашов, Бежецк, Княгинин, Нижний Ломов, Пенза (?), Петровск, Ржев, Саранск, Шуя, Юрьевец 11	300 тысяч ведер
5		Объём здания имеет переменную этажность (один-три этажа) и Г-образную конфигурацию в плане. Четырёхчастный главный фасад ассиметричен по композиции, повышенные части чередуются с пониженными.	Александров, Арзамас, Галич, Кузнецк, Кашин, Краснослободск, Муром, Мелекес, Симбирск, Сызрань, Чистополь 11	200 тысяч ведер
6		Объём здания двухэтажный, имеет Г-образную в плане конфигурацию. Особенностью главного фасада является дисимметрия, созданная различиями в решении повышенных боковых ризалитов.	Бугульма, Бузулук, Ветлуга, Камышин, Кинель-Черкассы, Чебоксары 6	150 тысяч ведер
7		Объём здания имеет переменную этажность (один-два этажа) и Г-образную конфигурацию в плане. Ассиметричная композиция главного фасада задана небольшим выступом в левой части, фланги фасада понижены.	Николаевск, Новоузенск (?) 2	100 тысяч ведер

Заключение

На основе анализа сети КВС на территории Верхнего и Среднего Поволжья необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Типовое проектирование: КВС строились по архитектурным проектам повторного применения, для быстрого строительства по всей территории страны. Также это обеспечивало архитектурное единство всех комплексов КВС. При этом большое количество проектов для складов разной мощности обеспечивало разнообразие их архитектуры. Так, на территории Верхнего и Среднего Поволжья представлены семь типов производственных корпусов, примененных в 38 комплексах. Лишь два комплекса (Самарский КВС № 1 и Покровский КВС № 3) возведены по особым проектам.

2. Системный подход к организации работ: КВС были не просто складами готовой продукции, а полноценными предприятиями с полным циклом производства, включая подготовку и очистку спирта, розлив и упаковку готовой продукции. КВС были организованы в единую сеть, что обеспечивало как быстроту подвоза сырья производителями, так и распределение по казенным винным лавкам.

3. Рационализм и эстетичность: архитектура КВС был выдержана в «кирпичном стиле», это позволяло сочетать быстрые темпы строительства (без штукатурки и последующей окраски фасадов), эстетику рационализма, заботу о престиже государства.

4. Транспортная эффективность: выбор мест для возведения на окраинах городов, вблизи судоходных рек, вблизи железных дорог позволила существенно сократить транспортные расходы и эффективно интегрировать КВС в экономическую структуру губерний.

5. Социально-экономическое значение: осуществление винной монополии и создание сети КВС увеличили доходы бюджета Российской империи на 25 процентов, позволили государству установить полный контроль над рынком крепкой алкогольной продукции, что сильно сократило продажи суррогатного алкоголя. Реформа позволила максимально эффективно использовать мощности аграрного сектора и производственные объемы производителей спирта-сырца для работы КВС.

Литература

1. Фридман М. И. Винная монополия. В 2-х томах. Т. 2. Винная монополия в России. Петроград : типография «Правда», 1916. VII, 627 с.
2. Ячменев Г. Г. История винной монополии в России (финансово-правовой аспект) // Исполнительное право. 2010. № 2. С. 22-32.
3. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 6. Москва и Московская промышленная область. Ч. 2. Московская промышленная область. Санкт-Петербург : издание товарищества М.О. Вольф, 1899. 324, III с.
4. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. Санкт-Петербург : издание товарищества М.О. Вольф, 1901. 305, III с.
5. Список казенных винных складов / Министерство финансов. Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Техническо-строительная инспекция. Санкт-Петербург : типо-литография К.Л. Пентковского, 1910. XV, 1029 с.
6. Губанов А. В., Борознов С. А. К вопросу изучения типов объемно-пространственных решений казенных винных складов в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ПНИПУ. Строительство и архитектура. 2014. №1. С. 16-32.
7. Лисицына А. В., Реймова А. Ж. Проект архитектурной реновации комплекса казенного винного склада в Муроме // Уваровские чтения – XII : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Уварова. Муром, 24-26 апреля 2024 г. / под ред. И.В. Пожарской. Выкса, 2025. С. 204-211.
8. Бубнов Ю. Н. Архитектура Нижнего Новгорода середины XIX – начала XX века. Нижний Новгород : Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. 176 с.

МАЛОЭТАЖНЫЕ МНОГОКВАРТИРНЫЕ ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РОССИИ

К. В. Грошева¹, магистр 2 года обучения
И. М. Кулешова¹, доцент, доцент кафедры архитектуры жилых и общественных зданий

¹*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Рассмотрены этапы развития малоэтажного строительства в России, а также приведена характеристика малоэтажных жилых комплексов и поселков: по размещению, этажности, классу жилья, комфортности, типам домов и застройки.

Ключевые слова: жилые малоэтажные комплексы, малоэтажная застройка, структура малоэтажных жилых домов.

Введение

Обеспечение доступным жильем семей со средним и малым достатком является целью государственной политики, и одним из важных направлений является развитие строительства малоэтажного жилья, как наиболее дешевого и комфортного [1]. Строительство малоэтажных жилых комплексов возможно в разных градостроительных условиях, преимущественно в периферийных районах крупнейших и крупных городов, в больших, средних и малых поселениях и может стать преимущественным типом городской и сельской застройки. Малоэтажная жилая застройка в зависимости от градостроительного размещения применяется разной этажности – в сельской местности до 3 этажей, в городской - 4-х–этажная. В малоэтажную жилую застройку включаются дома многоквартирные секционные и смешанного типа (блокировано-галерейные, коридорно-секционные, галерейно-секционные), блокированные и индивидуальные. По градостроительным условиям малоэтажную застройку разделяют на городскую – высокоплотную застройку, пригородную, сельскую. Экономические и маркетинговые исследования утверждают, что малоэтажная застройка может быть экономически выгодной, если обеспечена инженерными сетями, транспортом, индустриальной базой домостроения, культурно-бытовым обслуживанием, рабочими местами. Демографическая ситуация в стране неблагоприятная, необходимо стимулировать рождаемость и создавать условия для воспитания детей, для этого малоэтажная застройка является наиболее комфортной.

В странах Европы на окраинах городов активно строятся малоэтажные жилые комплексы высотой от 3 до 4 этажей. Малоэтажное жильё популярно благодаря тому, что его проще и дешевле строить, оно находится в гармонии с природой, не нарушает природный ландшафт. В США малоэтажное строительство зданий до четырёх этажей составляет 92% всего объема и является основным видом строительства. В Канаде в последние годы таунхаусы активно вытесняются более плотной застройкой, которая получила обобщённое название urban townhouse («городской таунхаус») [2].

В России малоэтажное жильё составляет небольшой процент от общего объема строящихся жилых домов, что говорит о недостаточном применении. В общем количестве малоэтажной застройки преобладает индивидуальное строительство, индустриальное малоэтажное многоквартирное жильё практически не строится. В настоящее время складываются качественно новые условия и предпосылки для решения проблемных вопросов развития малоэтажного жилищного строительства: появляются новые технологии индустриального строительства, позволяющие значительно его удешевить. Существует также и немаловажная проблема с выбором земель под малоэтажную застройку. Этот вопрос не имеет законодательного обеспечения, не определены территории для больших объемов

малоэтажного строительства новых жилых районов и микрорайонов. Для массового применения малоэтажных многоквартирных домов необходимо выработать социально-функциональные основы архитектурно-планировочных решений; типы домов и квартир для разных социальных групп населения, необходимое обслуживание, основы построения серий типовых проектов. Малоэтажные жилые комплексы становятся все более актуальными из-за ряда преимуществ, которые они представляют: создают уютную и комфортную среду для проживания, что особенно важно для семей с детьми, пожилых людей. В целом, учитывая все вышеперечисленные факторы, можно сделать вывод об актуальности малоэтажных жилых комплексов и их возрастающей популярности среди потребителей.

Анализ исторического опыта жилищного строительства в России позволил выявить этапы формирования малоэтажного жилища и его место в отечественной практике:

1 этап - становление. В период XVII–XIX вв. основной вид малоэтажного жилья – дома усадебного типа для одной семьи. Первые типовые проекты многоквартирных **домов. Доходные дома.** В первой четверти 18 века в Россию были завезены проектные альбомы из Голландии и Франции, в которых архитектор Доминико Трезини предлагал своё видение жилых домов для населения с разным достатком. На основе этих альбомов был разработан ряд проектов жилых домов, которые делились по сословному признаку: дома для «подлых» (солдаты, рабочие, мелкие служащие, чиновники), для «зажиточных» (купцы) и для «именитых» (дворяне). Дома различались по планировке и архитектурному облику. Дома для «подлых» и «зажиточных» чаще всего были одноэтажными. Дома «именитых» имели два этажа и более выразительный архитектурный облик. Застройка улиц была регулярной [3]. В начале 19 века большое внимание было уделено развитию комфортабельного многокомнатного городского дома для одной семьи - особняка. В 1809–1812 годах была разработана и издана серия проектных альбомов под руководством архитектора Стасова В. П. В альбомах представлено около 200 предложений по строительству жилья разной этажности для возведения как в городской, так и в сельской местности. Были предложены решения для одноэтажных, одноэтажных с выделенным двухэтажным центром, двухэтажных и трёхэтажных жилых зданий. Некоторые проекты одноэтажных зданий были рассчитаны на возведение в загородных условиях. В 1812 году в альбомы были включены образцовые фасады проектов трёх- и четырёхэтажных домов «для отдачи внаймы по квартирам», то есть доходных домов, первые этажи которых обычно отводились под лавки [4].

2 этап – изменение социальной концепции жилища. 1917–1930 гг. - формирование нового типа массового жилья. Было заложено разделение на типы по социальному и материальному уровню, по профессиональному и заложены основы разделения по разделения на городской и сельские типы. Появились коммунальные квартиры. В эти года малоэтажное жильё было самым распространённым на территории городов и сельских поселений. Преобладающим типом застройки в городах и сельских поселениях - малоэтажное индивидуальное и блокированное жильё. Одним из типов застройки в 1920-е годы были «дома переходного типа» от традиционных секционных квартирных домов к домам-коммунам [4]. В них предусматривались помимо семейных квартир минимальные жилые ячейки и частичное обобществление домашнего хозяйства.

3 этап. Основное строительство в период 1955–1960 годов было основано на промышленном домостроении — сооружении серийных, в основном пятиэтажных домов с квартирами для заселения одной семьёй (городская застройка). Наиболее распространёнными были серии К-7, 1- 464, 1-335. В сельской местности строились одно-, двухэтажные многоквартирные дома по типовым проектам. Такой подход позволял значительно снизить себестоимость строительства и ускорить ввод жилья в действие [4,5]. Квартиры были компактными, для компенсации небольших квартир устраивали просторные дворы, оборудованные зонами отдыха, детскими площадками, предприятиями общественного обслуживания.

4 этап. В 1960–1980 года приоритетом в строительстве стало удобство и комфортность жилья. В подходах к формированию жилища этого периода произошли

следующие изменения: начали учитывать демографию населения, появились одно- и двухкомнатные квартиры разных размеров, стало больше трёх- и четырёхкомнатных квартир, для одиночек строили дома-общежития коридорного типа и малосемейки. Для экономии на коммуникациях и материалах дома стали строить длиннее, по 6–8 подъездов. Основные типы застройки в городах – улучшенные крупнопанельные 5-9 этажные дома (основные серии 111-83, 121, 90, 1-ЛГ-602 в Ленинграде, П-44 в Москве); точечные дома повышенной этажности 12-16 этажей и выше (строились по индивидуальным проектам или улучшенным типовым сериям П-18 серии П-68). Основные типы застройки в сельской местности – многоквартирные дома с 2-3-мя этажами, и одноквартирные и блокированные дома по типовым проектам и индивидуальные самодельного строительства [6].

5 этап. С 1993 года на строительном рынке наблюдается активный рост малоэтажного строительства. Основной тип застройки – индивидуальное жилое строительство самодельной застройки и небольшое количество блокированных домов, строящихся строительными фирмами. В период с 2003 по 2007 года объём ввода малоэтажного жилья составил 40,1 %, в 2009–2010 годах процент ввода малоэтажного жилья увеличился до 54% [7].

С конца 2003 года рост доходов населения и развитие ипотечного кредитования способствовали выходу на рынок загородной недвижимости покупателей с уровнем дохода выше среднего, что потребовало изменить подходы и масштабы строительства. Сначала в Москве, а потом и в других городах стали возникать малоэтажные коттеджные поселки, состоящие из индивидуальных жилых домов, блокированной застройки. С 2010 года на пригородных территориях всё больше строилось посёлков не с индивидуальными, а с многоквартирными домами высотой 3–4 этажа. Они были ориентированы на постоянное проживание активной части населения, как правило без соответствующего обслуживания.

В общем количестве индустриального жилища малоэтажное жильё составляет не более 12% от общего объёма [8,9]. По итогам 2023 г. в Ростовской области было сдано 2,96 млн кв. м жилья, рост к 2022 г. составил 9,6%. При этом на долю многоквартирного жилищного строительства в этой цифре приходится лишь 1,22 млн кв. м и это меньше, чем было в 2022 г. Весь остальной объём – 1,74 млн кв. м – пришёлся на индивидуальное жилищное строительство. В этот период были построены малоэтажные жилые комплексы Спутник ЖК Поляна на ул. Обсерваторной, эконом-класса, коттеджный посёлок «Голландская деревня», ул. Орбитальная, в застройке которой есть блокированные дома, ЖК «Любушкино», Мачтовая ул., д. 3, 5, 7 Жилой комплекс «Зелёный квартал», Туроверова пер., д. 1/14 ЖК «Донской», ул. Батуриная, д. 163, 165, 167, таунхаус, 5-я Залповая улица, ЖК «Итальянский дворик», Свердловская ул., д. 81, таунхаус, 3-й Июльский переулок.

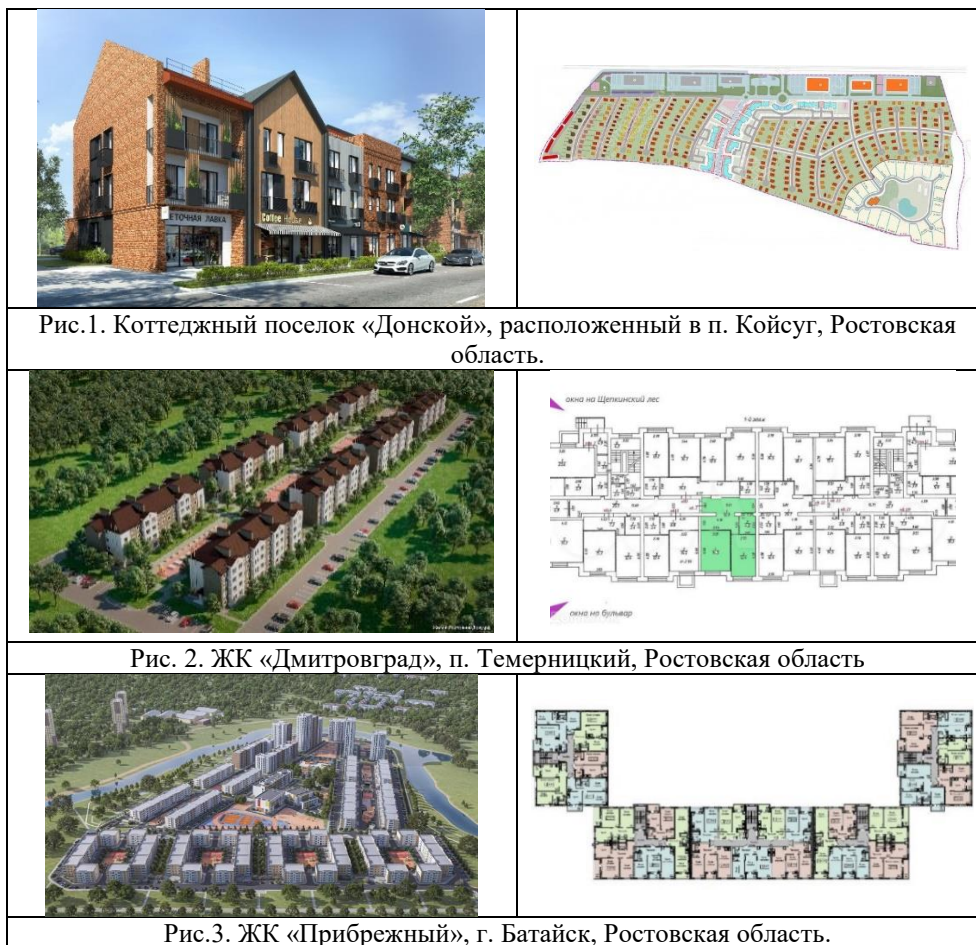
Малоэтажная жилая застройка определяется нормами проектирования как жилая застройка этажностью до трёх-четырёх этажей. В малоэтажную жилую застройку включаются секционные и других типов многоквартирные дома, блокированные и одно-, двухквартирные индивидуальные жилые дома. Этажность определяется местом применения – так, например, по ПЗЗ Ростова-на-Дону малоэтажная жилая застройка как вид разрешённого строительства определяется как многоквартирная застройка до 4 этажей, (включая мансардный), с обслуживанием во встроенных, пристроенных и встроенно-пристроенных помещениях, если общая площадь таких помещений не превышает 15%. Блокированная жилая застройка определена как блокированная одной или двумя стенами с другими домами и имеющая отдельный выход на земельный участок, предназначенный для разведения декоративных культур, размещения гаражей и автостоянок, детских и спортивных площадок, площадок для отдыха, этажностью от 1 до 3 этажей.

Проблема развития малоэтажного многоквартирного жилья тесно связана с задачами размещения малоэтажной застройки в разного типа поселениях. Главной проблемой является отсутствие и выделение земельных участков, особенно при массовой комплексной застройке, социального жилища практически нет, объёмы вводимого жилья составляют в основном

коммерческое на принципе обеспечения предельной доходности, что ухудшает рекреационные и экологические качества жилой застройки;

В Ростове-на-Дону наиболее быстро развивается строительство малоэтажных домов на землях садоводческих товариществ. Эти земли имеют один существенный недостаток – неразвитость коммунальной и социальной инфраструктуры. Это касается, прежде всего, отсутствия подъездных путей надлежащего качества (асфальтное покрытие, ширина проезда и т. д.).

Малоэтажные многоквартирные жилые комплексы массово строятся в пригородной зоне -поселок Донской (рис.1), ЖК «Дмитровград», поселок Темерницкий, Ростовская область (рис.2), ЖК «Прибрежный», Батайск (рис.3) и др. В основном это поселки комфорт-класса.

Малоэтажные жилые комплексы в России тоже располагают в пригодных зонах крупных городов. Примерами таких комплексов могут служить Коттеджный поселок «Новое Ступино», являющийся городом-спутником Москвы (рис.4), коттеджный посёлок «Сколково town» расположен в Одинцовском районе Московской области, в посёлке Трёхгорка (рис.5), Лофт-квартал STUDIO 12, жилой комплекс бизнес-класса, расположенный в районе «Марьяна Роща» Москвы (рис.6); ЖК «Голландский квартал» — малоэтажный микрорайон комфорт-класса, расположенный в подмосковном городе Ивантеевка (рис.7), ЖК «Светлый мир „БиоПолис“» — малоэтажный проект комфорт-класса в Московской области (рис.8), ЖК «Сказка» в поселке Мещерино в 17 км от Москвы (рис.9), ЖК «Lake House» в Выборгском районе Санкт-Петербурга - бизнес-класса (рис.10), поселок городского типа «Доброград», расположенный у деревни Горожёново, Владимирской области, комфорт-класса (рис.11) и др.

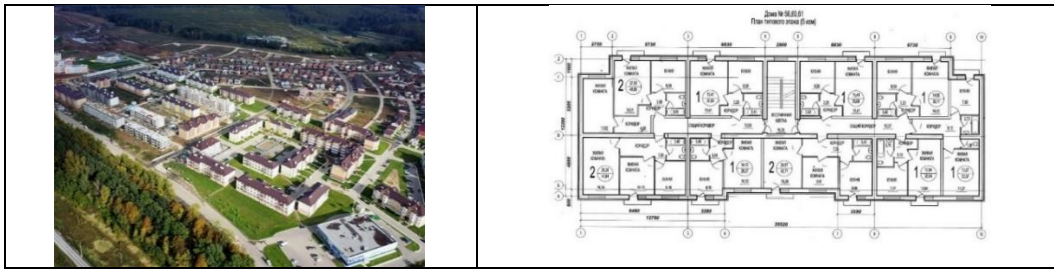

Рис.4. Коттеджный поселок «Новое Ступино». г. Москва, Московская область.

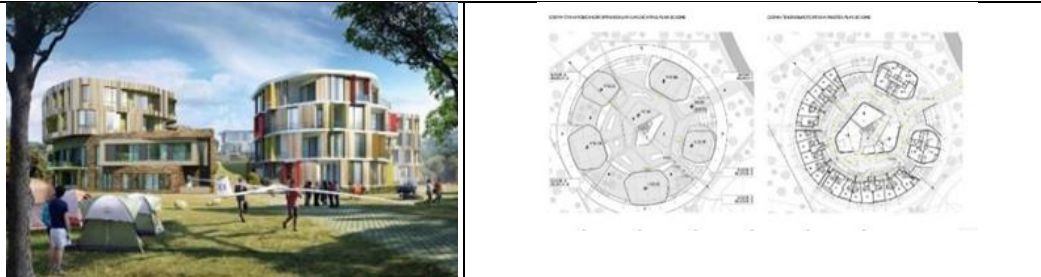

Рис.5. Комплекс таунхаусов «Сколково». Конкурсный проект. Москва, Россия.

Рис.6. Лофт-квартал STUDIO 12. г. Москва, Россия

Рис. 7. ЖК «Голландский квартал». Ивантеевка, Московская область, Россия.

Рис.8. ЖК «Светлый мир «БиоПолис». Поселок Мещерино, Московская область, Россия.

Рис.9. ЖК «Сказка». Село Павловская Слобода, Московская область, Россия.

Рис.10. ЖК Lake House, г. Санкт-Петербург, Россия.

Рис. 11. Доброград. Расположен у деревни Гороженево, Владимирской области, Россия.

Выводы

1. Выделено 5 этапов развития малоэтажного строительства в России.

Анализ жилой застройки в поселках показал:

1. Объединяющим свойством этих поселков является преимущественно многоквартирная застройка домами из 3-4 этажей, при включении кварталов с блокированной 2-этажной и индивидуальных жилых домов.

2. По качественным показателям преобладает застройка комфорт-класса, встречается бизнес-класс и эконом-класс.

3. По типологии жилых домов – преобладают секционные жилые дома, блокированные, индивидуальные дома.

4. Типы застройки секционными домами- квартальная, групповая, линейная

5. Типы застройки блокированными домами – групповая тупиковая и линейная.

6. Типы секций – одно-двух и многоквартирная -из 3-5 секций.

7. В секции - от 4 до 10 квартир на этаже, тип коммуникации -коридорная, галерейная.

8. Общественное обслуживание представлено магазином, рестораном, оздоровительным центром, входной группой.

9. Парковочные пространства -открытого типа.

Литература

1. Национальный проект «Жилье и городская среда» | Минстрой России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 25.06.2025).

2. Савченко Е. С., Ирманова Е. В. Зарубежный опыт формирования малоэтажной энергоэффективной, экологически безопасной жилой застройки //Матрица научного познания. – 2021. – №. 6-1. – С. 362-366.

3. Образцовые проекты жилых домов в России конца XVII – начала XIX в [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://architecturalidea.com/architecture-blog/obrazcovye-proekty-zhilykh-domov-v-ross/> (дата обращения: 26.06.2025)

4. Гладких А. А. Проекты «образцовых» жилых домов ДА Трезини в Санкт-Петербурге //Приволжский научный вестник. – 2015. – №. 6-1 (46). – С. 32-35. (дата обращения: 26.06.2025)

5. Семиколенова Т. Э. Малоэтажное социальное жилище в России //инновационный потенциал развития науки в современном мире: технологии, инновации, достижения. – 2022. – С. 87-96.

6. Век стандартов: история типовой застройки России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pr-flat.ru/blog/kak-vygodno-i-bystro-prodat-svoyu-kvartiru-v-ekaterinburge/> (дата обращения: 26.06.2025)

7. Саврадым В. М., Шулекина Е. Н. Перспективы развития малоэтажного строительства как приоритетного направления отрасли жилищного строительства //Иновации и инвестиции. – 2021. – №. 6. – С. 208-213.

8.Бондаренко В. И. Нужна системная реформа в малоэтажном строительстве жилья/ Бондаренко В. И. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ardexpert.ru/article/15638> (дата обращения: 25.06.2025).

9.Минстрой Ростовской области выбрал два участка под малоэтажное КРТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://south.vedomosti.ru/south/articles/2024/07/03/1047632-minstroj-rostovskoi-oblasti-vibral-dva-uchastka-pod-maloetazhnoe-kr?from=copy_text (дата обращения: 25.06.2025)

ТИПОЛОГИЯ АРКТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА XXI ВЕКА: МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Д.В. Девятков¹, аспирант

¹ *Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва*

Аннотация. Статья посвящена поиску новой парадигмы проектирования арктического жилища в условиях климатических и геополитических вызовов. Рассматривается противоречие между унифицированными технологическими решениями и потребностью в локальной идентичности. На основе сравнительного анализа техноцентричных и средовых концепций предложен алгоритм предпроектного анализа, объединяющий биоклиматическое моделирование, кодирование «контекста места», интеграцию современных технологий и семантическую верификацию. Обосновывается переход от индустриального стандарта к гуманизированной, культурно обусловленной архитектуре Севера.

Введение

В XXI веке Арктика перестаёт восприниматься исключительно как ресурсная база и новая территория освоения. Глобальные климатические изменения и геополитические процессы требуют переосмысления подходов к организации жизни на Севере. Актуальность темы обусловлена противоречием между унифицированными технологическими решениями, привносимыми извне, и потребностью человека в уникальной, культурно обоснованной и комфортной среде обитания. Цель работы — на основе анализа современных исследований сформировать алгоритм проектирования, объединяющий глобальные технологии энергосбережения и локальную культурную идентичность. Современное арктическое жилище должно стать результатом диалога между «глобальной технологией» (энергоэффективность, новые материалы) и «локальной традицией» (учет истории и ландшафта).

Методы исследования

В работе применен метод сравнительного архитектурного анализа. Были сопоставлены две группы теоретических моделей:

1. Техноцентричная модель (критически рассматриваемая в работах П. Хеммерсама и сборнике *Arctic Perspective*), где климат воспринимается как противник, а архитектура — как герметичное убежище.

2. Средовая (идентичная) модель (Г.В. Есаулов, В.Д. Акишева), рассматривающая город как продолжение ландшафта и культуры.

Исследование базируется на системном подходе «природа-культура-архитектура», позволяющем рассматривать жилой объект не изолированно, а как элемент сложной системы связей между климатическим комфортом и семантикой места.

Проблематика: от индустриального стандарта к поиску смыслов

Исторически формирование архитектуры в Арктике, особенно в советский период, шло по пути «экстенсивной урбанизации». Как отмечает С. Прокопова, крупные городские центры создавались как стратегические форпосты для продвижения промышленности. Это привело к тому, что города становились «плановыми» образованиями, где архитектурная среда часто игнорировала контекст, представляя собой попытку перенести нормы средней полосы в экстремальные условия или создать изолированные «города под куполом» [4].

П. Хеммерсам в своей работе «*Arcticness and the Urbanism of the North*» критикует понятие «арктичности» как маркетингового бренда. Он утверждает, что погоня за

визуальной экзотикой часто маскирует реальные проблемы городской ткани. Арктические города, по его мнению, не должны рассматриваться как исключения; это «обычные города», функционирующие в специфических условиях [9]. Следовательно, типология жилища должна эволюционировать не в сторону футуристических капсул, а в сторону гуманизации пространств, защищенных от ветра, но открытых солнцу и социальному взаимодействию.

Ключевую роль в теоретическом осмыслении выхода из этого кризиса играют работы Г.В. Есаулова. Он утверждает, что глобализация, порождая унификацию, заставляет искать аллюзии, присущие конкретным территориям, как воплощение «духа места». Автор считает, что проблема идентичности в архитектуре — это поиск механизмов, способствующих сохранению «стабильного», наследуемого образа [8]. Г.В. Есаулов подчеркивает, что архитектура должна отвечать на запрос трансляции традиций. Идентичность не является застывшей формой; она формируется на стыке исторически сложившейся застройки (наследия) и современных вызовов. Это процесс, где «город как картина мира» отражает ценностные смыслы общества в конкретный исторический период [10]. Именно разрыв между «вневременной» технологией и исторической памятью места является главной проблемой типового строительства на Севере.

Идентичность, ландшафт и бренд места: пути решения

Преодоление отдалённости архитектуры возможно через включение жилища в широкий контекст «природа-культура-архитектура». В.Д. Акишева на примере Архангельска доказывает, что идентичность неразрывно связана с ландшафтом. Расположение в дельте реки и использование дерева (рис. 1) как основного материала веками формировали уникальный код города. Современное жилище теряет эту связь, используя бетон и стекло без учета региональной специфики. Возвращение к идентичности подразумевает не копирование форм изб, а переосмысление работы с деревом и силуэтом здания в контексте северного неба и рельефа [1].

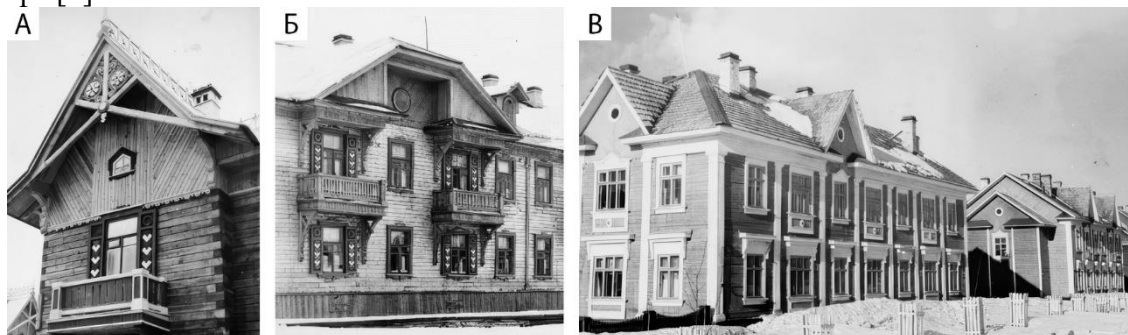

Рис. 1. Многоквартирные дома города, построенные в Архангельске в советский период: а, б) декоративное оформление деревянных жилых зданий в поселках лесозаводов Архангельска. 1930 – 1950 гг.; в) 12-ти квартирный жилой дом в квартале № 162 для Северного морского пароходства, 1953 г. (Автор В. Д. Акишева)

Однако идентичность — это не только физическая среда, но и семантика. Г.Г. Гурьянова на примере Салехарда показывает, как город меняет свои статусы (острог — торговое место — административный центр), каждый из которых оставляет свой след в структуре жилой среды. Современный арктический город вынужден конструировать свою идентичность заново, балансируя между исторической памятью (например, образ «деревянного города») и статусом современной столицы региона [3].

Рис. 2. Биосфера Фуллера (Павильон США на Экспо-67, построен в 1967 году в Монреале).

Зарубежный опыт, представленный в исследовании П. Хеммерсам, критикует увлечение футуристическими, но оторванными от реальности проектами (как купола Б. Фуллера, рис. 2), предлагая взамен открытые инфраструктуры и мобильные технологии, которые усиливают автономию жителей и их связь с землей [5]. Важным аспектом является отказ от восприятия арктических городов как «исключений». Ц. Ма и А. Риццо предлагают концепцию «Arctic-tecture», рассматривая северные поселения как «обычные города» (ordinary cities), которые сталкиваются с общемировыми проблемами (мобильность, старение населения), но в специфическом климате. Устойчивое развитие жилища здесь должно опираться не на героическое преодоление природы, а на «мягкую» адаптацию и создание комфортных общественных пространств, защищенных от ветра и холода [6].

Н.Г. Благовидова и О.А. Иванова, рассматривая новые города-столицы, отмечают, что формирование образа (бренда) территории невозможно без учета семантических слоев. Архитектура жилища должна становиться частью этого бренда, отражая не только функциональность, но и символический капитал места [9]. При этом, как показывают Е.В. Барина и О.А. Иванова, для прогнозирования развития таких сложных систем сегодня могут применяться даже методы искусственного интеллекта (нейросети) [2], позволяющие учесть множество слоев идентичности при моделировании городской ткани [7].

На основе синтеза изученных подходов предлагается теоретический алгоритм предпроектного анализа для арктического жилища. Данный алгоритм призван устранить разрыв между технологией и традицией, и состоит из четырех этапов (рис. 3): биоклиматического моделирования, кодирования идентичности, технологической интеграции и семантической верификации.

На первом этапе определяется объемно-пространственная структура объекта, диктуемая климатом и окружением среды, в отличие от традиционного подхода, где форма здания первична, а защита от климата обеспечивается инженерными системами. Полученная на первом этапе «биоклиматическая заготовка» дополняется культурными смыслами на втором этапе. Базируясь на концепции Г.В. Есаулова об «экологии культуры» [6], происходит выявление кода места. На третьем этапе происходит «вживление» глобальных технологий в локальную форму. Финальный этап контроля качества проектного решения показывает обратную связь населения на реализованные проекты.

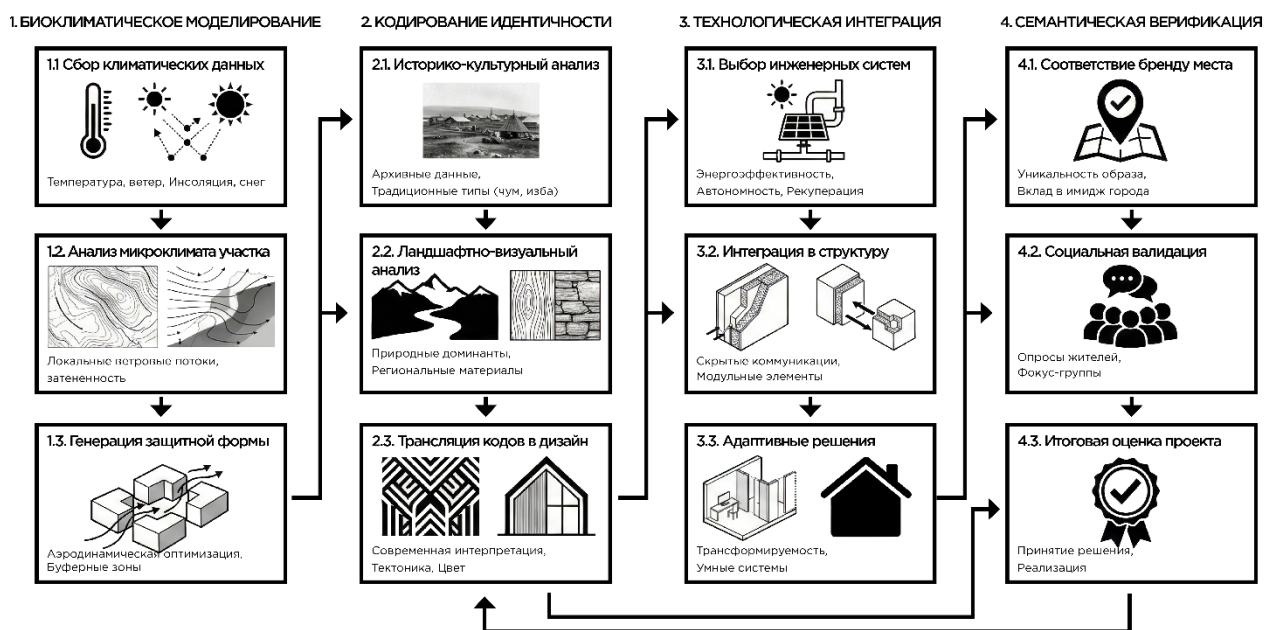

Рис. 3. Схема алгоритма проектирования Арктического жилища.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что эпоха унифицированного индустриального домостроения в Арктике, осуществлявшегося без учёта природного, климатического и социокультурного контекста, продемонстрировала свою несостоятельность в долгосрочной перспективе, сформировав среду, нуждающуюся в гуманизации и переосмыслении принципов её организации. В этой связи для городов российской Арктики представляется необходимым переход к архитектурно-градостроительному подходу, ориентированному на локальную идентичность и биоклиматические характеристики территории, что предполагает отказ от прямого заимствования и механического воспроизведения южных типологических образцов и утверждение проектной парадигмы, в рамках которой ветер, снег и свет рассматриваются не исключительно как агрессивные внешние воздействия, а как полноправные формообразующие факторы пространственной и композиционной структуры.

Предложенный алгоритм, последовательно связывающий биоклиматический анализ с выявлением культурных смыслов, позволяет создавать устойчивую архитектуру, которая является «своей» для жителя и «современной» для мира.

Литература

1. Акишева, В. Д. Региональные особенности архитектурно-планировочной идентичности Архангельска в концепции «природа-культура-архитектура» / В. Д. Акишева // *Architecture and Modern Information Technologies*. — 2025. — № 1(70). — С. 189–205.
2. Баринова Е. В., Благовидова Н. Г., Иванова О. А. Идентичность и (сто) личность. Поиски методов и подходов // *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 08–12 апр. 2024 г.)*. — М. : Московский архитектурный институт, 2024. — С. 332–337.
3. Благовидова, Н. Г. Семантический аспект формирования идентичности архитектурно-пространственной среды новых городов-столиц. Часть 2. Преемственность и идентичность / Н. Г. Благовидова, О. А. Иванова // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2024. — № 1. — С. 147–158.
4. Гурьянова, Г. Г. Идентичность арктического города (на примере Салехарда) / Г. Г. Гурьянова // *Культура и цивилизация (Culture and Civilization)*. — 2023. — Т. 13, № 9А. — С. 186–195.
5. Есаулов, Г. В. Об идентичности в архитектуре и градостроительстве / Г. В. Есаулов // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2018. — № 4. — С. 12–18.
6. Есаулов, Г. В. От экологии культуры к идентичности месту и времени / Г. В. Есаулов // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2025. — № 4. — С. 15–23.

7. Прокопова С. М. Адаптация или имитация: поиск комфортной среды арктических городов // Городские исследования и практики. — 2025. — Т. 10, № 1. — С. 68–86. — DOI: <https://doi.org/10.17323/usp101202568-86>
8. Arctic Perspective Cahier No. 1: Architecture / ed. by Andreas Müller. — Hatje Cantz, 2009. — 150 p.
9. Hemmersam, P. Arcticness and the Urbanism of the North / P. Hemmersam // Arctic Yearbook. — 2021.
10. Ma, J. «Arctic-ecture»: Teaching Sustainable Urban Planning and Architecture for Ordinary Arctic Cities / J. Ma, A. Rizzo // Urban Planning. — 2024. — Vol. 9, Art. 8298. — P. 1–18.

АРХИТЕКТУРНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩА ДЛЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНЫХ СЦЕНАРИЕВ ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ

А.С. Долженко, независимый исследователь

Аннотация. В статье рассматривается архитектурная устойчивость перспективного типа временного жилища¹ для чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации на примере сборно-разборного жилища из трансформируемых самонесущих панелей в условиях различных сценариев энергообеспечения. Цель исследования заключается в оценке сохранности типологических и пространственных характеристик архитектуры при изменении энергетических условий эксплуатации. Показано, что вариативность сценариев энергообеспечения не приводит к изменению архитектурного типа временного жилища и проявляется преимущественно на уровне адаптационных и эксплуатационных решений. Полученные результаты подтверждают архитектурную устойчивость перспективного типа в условиях чрезвычайных ситуаций.

Введение

В условиях роста числа чрезвычайных ситуаций и увеличения ущерба [1] от реализации разрушительных проявлений стихийных бедствий возрастает роль временных жилищ как ключевого элемента системы расселения и жизнеобеспечения пострадавшего населения. Архитектура временного жилища в таких условиях должна обеспечивать не только оперативность развертывания, безопасность и достаточный уровень комфорта, но и способность сохранять свои функциональные и пространственные характеристики при изменении внешних факторов эксплуатации.

В зависимости от условий размещения временных жилищ, их удалённости от источников генерации, трансформаторных подстанций или линий электропередач, а также масштаба чрезвычайной ситуации, доступных мощностей и экономической целесообразности могут использоваться различные сценарии энергообеспечения.

Это может быть централизованное подключение, автономная генерация на уровне поселения и полностью автономное энергообеспечение отдельных жилых единиц.

В этой связи целесообразно проанализировать архитектурную устойчивость перспективного типа временного жилища в условиях вариативных сценариев энергообеспечения. Под архитектурной устойчивостью в данном контексте понимается способность архитектурного типа сохранять типологическое ядро и пространственную организацию.

В рамках настоящей статьи не рассматриваются вопросы проектирования внутренних систем электроснабжения и инженерного оборудования, климатической адаптации и конструктивной вариативности ограждающих элементов, обусловленные региональными условиями размещения, не проводится сравнительный анализ различных типов временных жилищ. Исследование ограничено рассмотрением одного перспективного типа временного жилища на примере сборно-разборного жилища из трансформируемых самонесущих панелей [2], что позволяет сосредоточиться на выявлении границ архитектурной устойчивости данного типа без расширения предмета исследования.

В ряде научных публикаций энергообеспечение зачастую рассматривается как инженерно-техническая задача, тогда как его влияние на типологические и пространственные характеристики архитектуры жилища остаётся недостаточно изученным и требует отдельного анализа.

¹ Перспективный тип временного жилища - в рамках исследования рассматривается как архитектурное решение, не получившее практического распространения на сегодняшний день, но обладающее типологическими и эксплуатационными преимуществами.

Основной текст

Решение о формировании временного поселения принимается с учётом масштаба чрезвычайной ситуации [3], предполагаемой продолжительности размещения эвакуированного населения, удалённости территории от постоянного жилищного фонда и возможностей существующей инфраструктуры. Как правило, организация временного поселения является целесообразной [Табл. 1] при размещении не менее 50 человек, тогда как при меньшем количестве пострадавших используется адресное размещение в специализированном жилищном фонде².

Таблица 1 – Классификация чрезвычайных ситуаций по масштабу и оценка целесообразности формирования временных поселений

Характер ЧС	Границы территории ЧС	Кол-во пострадавших [чел.]	Материальный ущерб [млн. руб.]	Оценка целесообразности формирования временного поселения
Локальная	Не выходит за пределы территории организации (объекта)	до 10	до 0,376	Низкая
Муниципальная	Не выходит за пределы территории одного муниципального образования	до 50	до 18,81	Низкая
Межмуниципальная	Затрагивает территорию двух и более муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов, расположенных на территории одного субъекта РФ, или внутригородских территорий города федерального значения	до 50	до 18,81	Низкая
Региональная	Не выходит за пределы территории одного субъекта РФ	от 50 до 500	от 18,81 до 1881	Высокая
Межрегиональная	Затрагивает территорию двух и более субъектов РФ	от 50 до 500	от 188,1 до 1881	Высокая
Федеральная	Не выходит за границы РФ	от 500	от 1881	Высокая

В зависимости от масштаба ЧС и продолжительности проживания пострадавших первично определяется сценарий энергообеспечения, как правило до 250 человек и сроке эксплуатации до 6 мес предусматривается устройство автономных инженерных систем [4], свыше 250 чел. целесообразно централизованное подключение. При этом автономные системы могут обеспечивать генерацию как на уровне поселения, так и быть полностью децентрализованными.

² К помещениям фонда в соответствии со ст. 92 Жилищного кодекса Российской Федерации относятся: служебные жилые помещения, жилые помещения в общежитиях, жилые помещения маневренного фонда, жилые помещения в домах системы социального обслуживания населения, а также жилые помещения фондов для временного поселения вынужденных переселенцев, лиц признанных беженцами и для социальной защиты отдельных категорий граждан.

Наряду с численностью размещаемого населения и продолжительностью эксплуатации существенную роль играют территориальные условия для размещения временных жилищ: ее удалённость от объектов генерации и существующих центров питания — электростанций, распределительных подстанций и сетей высокого, среднего и низкого напряжения, а также наличие свободной трансформаторной мощности и пропускной способности линий электропередач. Расположение временного поселения по отношению к энергетической инфраструктуре определяет технически реализуемую конфигурацию присоединения, длительность³ и уровень финансовых затрат.

В зависимости от условий применяются различные схемы электроснабжения: присоединение к источнику генерации через распределительный узел с последующей трансформацией напряжения до необходимого уровня; подключение через понижающие подстанции соответствующего класса напряжения либо через подстанции глубокого ввода[5]; автономная генерация; формирование локальных микросетей (микрогридов)[6] с распределённой генерацией, накопителями энергии и системой автоматического ввода резерва, функционирующих в изолированном или параллельном режиме с внешней сетью.

В практике автономного энергоснабжения применяются различные технические решения, основанные как на использовании возобновляемых, так и не возобновляемых источников энергии, а также на их комбинированном сочетании [7]. В их числе могут быть дизельные, бензиновые, газопоршневые и газотурбинные установки, а также системы, использующие энергию ветра, солнечного излучения, воды и геотермальных ресурсов. Значительные перспективы у кинетической архитектуры [8], однако, выбор конкретной электроэнергетической системы представляет собой самостоятельную инженерную задачу и определяется, прежде всего, безопасностью, оценкой надёжности автономной генерации, условиями размещения и эксплуатации, а также расчётом технико-экономических показателей. С учётом широкой географии потенциального размещения временных поселений и чрезвычайной срочности их создания, очевидно, что проектные решения автономных энергетических систем должны обладать мобильностью, природно-климатической универсальностью, обеспечивать оперативный монтаж и запуск, а также быть рассчитаны на длительную эксплуатацию в режиме круглосуточного потребления⁴.

В архитектурной теории [9] типологические признаки здания или сооружения рассматриваются как совокупность устойчивых пространственных и структурных характеристик, формирующих архитектурное ядро и сохраняющихся при изменении условий функционирования. Таким образом, для оценки архитектурной устойчивости рассматриваемого типа временного жилища целесообразно осуществить сопоставление его типологических, а также архитектурно-планировочных и объёмно-пространственных характеристик с ранее рассмотренными сценариями энергообеспечения. В целях систематизации результатов и удобства анализа сформирована матрица характеристик [Табл. 2], отражающая степень их сохранности либо изменения.

³ Согласно ПП РФ от 26.08.2013 № 737 сроки временного технологического присоединения дифференцируются по мощности и условиям подключения: 15 р.д. — для передвижных энергопринимающих устройств мощностью до 150 кВт при расстоянии до сетей требуемого класса напряжения не более 300 м; 6 мес. — при присоединении к сетям до 20 кВ включительно и расстоянии до 300 м в городах и ПГТ либо до 500 м в сельской местности; 1 год — при мощности менее 670 кВт, если более короткие сроки не установлены инвестиционной программой сетевой организации или соглашением сторон; 2 года — при мощности 670 кВт и выше, если иные сроки (но не более 4 лет) не предусмотрены инвестиционной программой или соглашением сторон.

⁴ Энергетические системы могут предполагать накопление энергии с заданным режимом отпуска.

Таблица 2 – Матрица оценки архитектурной устойчивости временного жилища при различных сценариях энергообеспечения

Группа характеристик	Характеристики типа	Централизованное подключение	Автономная генерация на уровне поселения	Полностью автономное энергообеспечение
Типологическая	Трансформируемая сборно-разборная архитектурная структура	Сохраняется	Сохраняется	Сохраняется
	Самонесущая структурная схема	Сохраняется	Сохраняется	Сохраняется
	Модульность формирования жилищ	Сохраняется	Сохраняется	Сохраняется
	Архитектурная мобильность и быстровозводимость	Сохраняется	Сохраняется	Уменьшается ⁵
Архитектурно-планировочная и объемно-пространственная	Планировочная структура жилой единицы	Сохраняется	Сохраняется	Меняется
	Функциональная зонированность	Сохраняется	Сохраняется	Меняется
	Объемно-пространственная организация жилой единицы	Сохраняется	Сохраняется	Меняется
	Пространственная структура поселения	Плотная/Компактная застройка	Группировка вокруг энергетического узла	Свободное/ Рассредоточенное размещение

Анализируя полученные результаты для сборно-разборного жилища из трансформируемых самонесущих панелей, следует отметить, что его архитектурная организация определяется совокупностью устойчивых типологических характеристик, включающих трансформируемую сборно-разборную архитектурную структуру, самонесущую конструктивную схему и модульность формирования жилищ. Указанные характеристики сохраняются при различных сценариях энергообеспечения и формируют архитектурное ядро рассматриваемого типа. Архитектурная мобильность и быстровозводимость в целом также сохраняются, однако при полностью автономном энергообеспечении могут частично снижаться вследствие необходимости интеграции дополнительных элементов энергетической инфраструктуры. При этом архитектурно-планировочная и объемно-пространственная организация жилой единицы в условиях централизованного и поселкового автономного энергоснабжения остаётся неизменной, тогда как при полностью автономном режиме допускает адаптационные изменения, как планировочной структуры и функционального зонирования, так и объемно пространственной организации жилой единицы.

Выводы

Проведённое исследование показало, что с учётом наиболее вероятных масштабов временных поселений и широкой географии размещения на территории России при возникновении чрезвычайных ситуаций сборно-разборные жилища из трансформируемых самонесущих панелей характеризуются архитектурной устойчивостью по отношению к различным

⁵ В связи с более сложными инженерно-техническими решениями и увеличением номенклатуры изделия. Дополнительный модуль или помещение для генерации/резервирования эл. энергии.

сценариям энергообеспечения. Различия проявляются преимущественно в особенностях пространственной организации поселения, однако, при этом не приводят к трансформации типологических характеристик.

Литература

1. Долженко, А.С. Предпосылки формирования архитектуры временных жилищ для зон чрезвычайных ситуаций Российской Федерации / А. С. Долженко // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2023. – № 8. – С. 98-109. – DOI 10.34031/2071-7318-2023-8-8-98-109. – EDN NQJZVM.
2. Долженко А.С. Факторы транспортируемости в архитектуре временного жилища для территорий ЧС / А.С. Долженко // Современное строительство и архитектура. — 2025. — №9 (64). — URL: <https://modern-construction.ru/archive/9-64-2025-september/10.60797/mca.2025.64.2> (дата обращения: 15.02.2026). — DOI: 10.60797/mca.2025.64.2
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://government.ru/docs/all/59949/> (Дата обращения 12.02.2026)
4. ГОСТ Р 22.3.18–2021. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Пункты временного размещения населения, пострадавшего в чрезвычайных ситуациях. Общие требования. Приемка в эксплуатацию. [Электронный ресурс]. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/74541> (дата обращения 09.02.2026).
5. Федотов А. И., Наумов О. В., Чернова Н. В. Проектирование городских электрических сетей: учеб. пособие. — Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2015. — 108 с.
6. Uddin M., Mo H., Dong D., Elsayah S., Zhu J., Guerrero J.M. Microgrids: A review, outstanding issues and future trends // *Energy Strategy Reviews*. — 2023. — Vol. 49. — Article 101127. — DOI: 10.1016/j.esr.2023.101127.
7. Кривенко, Татьяна Витальевна. Развитие моделей и методов оценки надежности автономных систем генерации, использующих возобновляемые источники энергии: автореферат дис. ... кандидата технических наук: 05.14.02 / Кривенко Татьяна Витальевна; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т]. - Красноярск, 2018. - 22 с.
8. Сапрыкина Н.А. "ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АДАПТИВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КИНЕМАТИЧЕСКОЙ МОДИФИКАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ОБИТАНИЯ" *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 4 (53), 2020, pp. 34-56. doi:10.24411/1998-4839-2020-15302
9. Гельфонд, А.Л. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: Учеб, пособие. — М.: Архитектура-С, 2006. — 280 с. ISBN 5-9647-0099-3

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ ОСТАНКИНО В 1920-Е – 1930-Е ГГ.

А.А. Дронова¹, аспирант

¹*Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Москва*

Аннотация. Период 1920-1930-х годов в развитии Москвы является одним из важнейших этапов трансформации города. В статье рассматривается история преобразования градостроительной планировки территории Останкино, в 1920-е гг. вошедшей в состав города Москвы. В градостроительной перепланировке исследуемой территории отразились несколько важных концепций 1930-х гг. характерных для градостроительства социалистического государства. На основании исторических материалов проводится анализ изменения застройки и ландшафта из сельского в урбанизированный. Включение окрестностей усадьбы Останкино в состав города Москвы сформировало основу для дальнейшего развития района в последующие десятилетия. В данной статье рассматривается развитие локального участка застройки севера Москвы – территория, окружающая Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ), преобразование Останкинской улицы и села Алексеевское с прилегающими территориями, впоследствии вошедшими в состав современной Москвы в 1920-1930-е годы.

Введение

Современный район Останкино на севере города Москвы представляет собой противоречивый конгломерат архитектуры XVIII в., застройки советского периода, современной архитектуры XXI в. В начале XX в. территория усадьбы Останкино не входила в границы города, её ландшафт был сформирован главным образом старинной усадьбой «Останкино» и окружающими её сельскими поселениями и церквями. В последующие годы ситуация коренным образом менялась. Исследуемая территория за достаточно короткий срок пережила сильную трансформацию. Учитывая социальный и политический контекст, развитие градостроительной политики в Москве в середине XX века, аналитика становится особенно интересной. Единство разнородной архитектуры характерно для любого современного большого города и в этом контексте встают все новые вопросы сохранения историко-культурного наследия, определения принципов гармоничного развития городской агломерации, развитие территорий современных районов.

Север Москвы характеризуется крупными реализованными проектами советского периода, ансамблевой застройкой жилых кварталов 1950-х гг., комплексом Северного речного вокзала с прилегающим парком 1930-х гг. и ансамблем Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1930-1950-х гг.

Предтечей таких глобальных проектов явилась урбанизация территорий, включенных в границы города Москва в 1920-1930-х гг.

Основной текст

Село Алексеевское, расположенное на старинной дороге, соединявшей Москву и Ярославль, на северо-востоке от города вошло в состав Москвы в 1917 году. Причины включения данных территорий в черту города было несколько, но наиважнейшим было наличие на указанных территориях развитого промышленного производства и уровня необходимой урбанизации, которые позволяли расширять границы Москвы в связи с ростом городского населения и другими экономическими факторами.

Анализируя исторические архивные материалы и карты исследуемой территории очевидно, что деревни, расположенные вокруг усадьбы Останкино, можно условно

классифицировать как расположенные на главной дороге и приусадебные (условно) расположенные на отдалении от главной дороги (Троицкой дороги, позднее Ярославском шоссе) (Рис. 1). В конце XIX века в Алексеевском была построена Алексеевская водоподъемная станция (современный памятник архитектуры модерна), которая являлась важным объектом городской инфраструктуры и знаковым элементом урбанизации территории.

Рис. 1. Окрестности Останкино. Расположение поселений и усадеб. 1920-е гг.

Урбанизация затрагивала не только сельские поселения и деревни, но и усадьбу Останкино и прилегающий к ней парк, довольно большой территорией, переходящей в лесной массив (Рис. 2). Такие преобразования характерны для многих парковых и усадебных территорий в 1920-е гг. в Москве и других городах СССР. Так, в 1917 году в пейзажном парке усадьбы были разбиты участки под организацию теплиц, а сам парк частично использовался для частной типовой жилой застройки [1]. В 1930-е годы парк стал общедоступным и получил название ПККиО им. Ф. Дзержинского. Типологическая концепция парка как общественного пространства была сформирована в 1920-х гг. в рамках концепции соцгорода, как новый тип городских общественных пространств, созданных для досуга советских людей после рабочего дня. Парк культуры являлся одной из составляющих нового быта людей наряду со столовыми, яслями, фабриками-кухнями и др. [2] Ландшафтный усадебный парк претерпел изменения, в нем появились новые элементы планировки делающие его более адаптивным для концепции парка культуры, но его исторические участки с старинными деревьями все же максимально сохранились и сохраняются до настоящего времени.

Рис. 2. Останкино. Лес за парком. 1913 г.

Трансформация Останкина предполагала лучшую транспортную доступность к застраиваемой приусадебной территории. Преобразование Останкинской улицы и устройство новой планировочной структуры с ровной сеткой улиц предполагало типовую малоэтажную жилую застройку. Трасса 1-й Останкинской улицы соединялась с ул. Большой Алексеевской (старой дорогой) в районе бывшей деревней Алексеевская. Наблюдалась контрастность в планировочных структурах и общем ландшафте между новой и старой застройкой. Транспортная доступность, единообразие и качество застройки состоялось только к 1930-м годам. К 1937 году исследуемая территория была уже достаточно сформирована, пространства с сугубо сельским ландшафтом существенно урбанизированы. В 1937 году лесные окрестности усадьбы выбраны в качестве участка для строительства нового значимого Московского проекта Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, что окончательно сформировало структуру исследуемой территории и идеологически придало ей особенное значение.

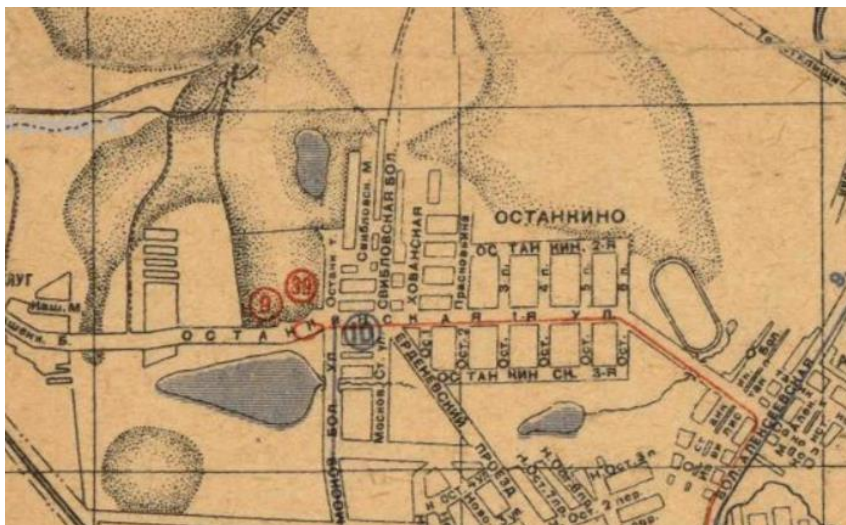

Рис. 3. Останкино. Карта Москвы. Схема перепланировки Останкинской ул. 1930-е гг.

Возможно предположить, что такая «подготовка» территории и освоение ее в новом социальном и градостроительном контексте сыграло немаловажную роль в утверждении местоположения будущей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1930-х гг.

В результате проведенного конкурса был выбран участок с достаточно сложным рельефом, но прежде никогда не застроенный. [3] Открытие ВСХВ получило огромную огласку в СССР и за рубежом, явилось одним из главных событий 1939 г. Транспортное сообщение осуществлялось специально запущенными троллейбусными маршрутами и буквально соединяло центр Москвы (политический и социальный) с новым значимым объектом. Кроме самих выставочных павильонов, экспозиции экспериментальных сельскохозяйственных полей и прочего здесь были размещены дополнительные объекты инфраструктуры: гостиницы, где могли останавливаться участники выставки (строго по специальным приглашениям). Северная часть ВСХВ, где были расположены участки и павильоны для отдыха посетителей сохраняли рекреационное назначение, учитывая расположение на исторических усадебных прудах и приближенность к лесу (позднее Ботаническому саду). У юго-западных границ Выставки продолжалась урбанизированная застройка.

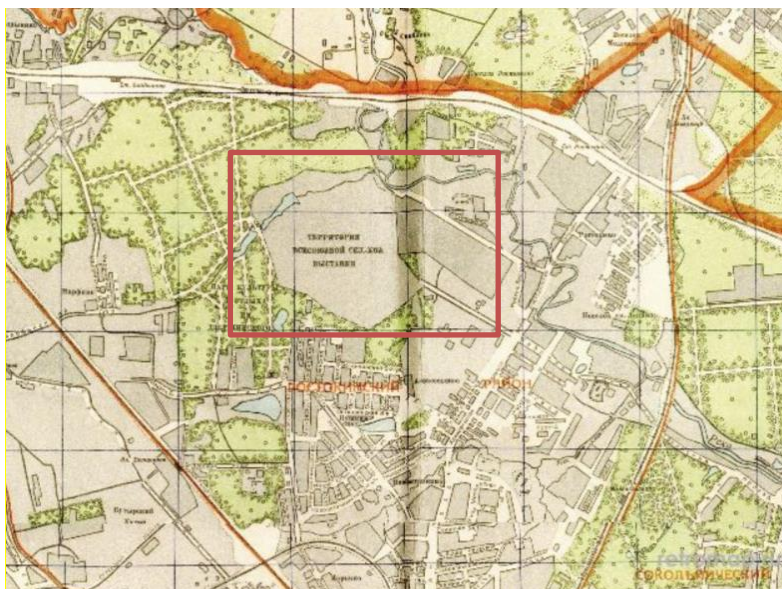

Рис. 4. Фрагмент карты Москвы. 1939 г.
 - местоположение ВСХВ в составе Ростокинского района Москвы.

Заключение

Пример развития исследуемой территории и преобразования её планировочной структуры является одним из ключевых в понимании развития Москвы в целом и ее градостроительной политики в 1920-1930-х гг. Довоенное время породило глобальные проекты и градостроительные концепции, активно преобразовывалась Москва как столица нового социалистического государства. Принципы градостроительного планирования и урбанизации исследуемой территории создали условия для дальнейшего развития района вплоть до XXI века. Сформированный процент озеленения Останкино преимущественно сохраняется до настоящего времени и район считается одним из самых озелененных в городе. Дальнейшее градостроительное развитие изменило степень антропогенной нагрузки, но продолжает сохранять сочетание административного центра, жилых массивов и парковых элементов территории.

Литература

1. Слепнев М.А., Рязанцев А.А. Обеспечение устойчивого развития городского парка-усадьбы «Останкино» г. Москвы // Вестник МГСУ / Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ). – Москва, 2021. – Том 16. Выпуск 9 – С. 1115 – 1123.
2. Лупина Е.А. Парки культуры и отдыха 1920-1930-х годов в политическом и художественном пространстве советской эпохи. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – Химки, 2023. №6 (116). С. 47-52.
3. Ткаченко С.Б. Градостроительные эффекты проведения и реализации конкурсов на создание ВСХВ // АМІТ / Московский архитектурный институт (государственная академия). – Москва, 2015. № 2. – С. 1-16
4. Зодчие Москвы. Кн. 2 / сост. М.И. Астафьева-Длугач, Ю.П. Волчок, А.М. Журавлев. – М.: Московский рабочий, 1988. – 368 с.
5. Олтаржевский В.К. Практика. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка // Архитектура СССР. – Москва, 1936. - № 1. – С. 22-29.
6. Лежава И.Г. Преобразование города. // Academia. Архитектура и строительство -Москва, 2016. - № 4. – С. 95-102.

АРХИТЕКТУРА СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ ЗА РУБЕЖОМ

Е.С. Духанина¹, доцент кафедры архитектуры

¹ *Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
имени А.Д. Крячкова, Новосибирск*

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции в развитии культурных центров в крупнейших городах, их архитектурные особенности и роль в городской жизни. Рассматриваются влияние пандемии на изменение функций культурных центров и формирование тенденции к созданию многофункциональных и универсальных пространств. Также освещаются различия в функциях и функциональном наполнении культурных учреждений в разных странах, их важность в социальном объединении и сохранении наследия. В результате анализа современных проектов культурных центров за рубежом отмечено развитие рекреационной функции центров, активное использование ландшафта в проектах, внедрение современных высокотехнологичных решений за счет эффективных объемно-планировочных решений.

Введение

Современные крупные города представляют собой сложные системы, где культура играет ключевую роль в их развитии и устойчивости. Она служит драйвером социализации, привлечения туристов, создания рабочих мест и формирования идентичности городских сообществ. С 2010-ых годов наблюдался активный рост числа культурных учреждений в крупных городах мира – культурных и общественных центров, музеев, библиотек и театров, что свидетельствовало о расширении культурной инфраструктуры. Однако пандемия COVID-19 значительно сократила деятельность культурных центров, сформировав тенденцию к универсальности и многофункциональности таких пространств. Сейчас идет активное восстановление сектора через строительство новых объектов и реновацию существующих.

С 2012 года Всемирный культурный форум городов (ориг. - WORLD CITIES CULTURE FORUM) ведет масштабное исследование в 40 крупных и крупнейших городах мира о состоянии культуры и ее роли в городском планировании. Отчеты Всемирного форума городов показывают, что за последние 25 лет развитие культурных центров идет быстрыми темпами. В то же время, в зарубежных мегаполисах преобладает частная собственность на культурные объекты. В странах с высокой степенью имущественной свободы зачастую инвесторы и руководители будущего культурного центра активно участвуют в разработке и реализации строительных проектов, что способствует появлению разнообразных и уникальных архитектурных решений.

Современные культурные центры в крупных городах также сталкиваются с вызовами экологической и социальной ответственности. В условиях концепции устойчивого развития такие объекты должны быть долговечными, технологичными, не вредить окружающей среде.

Эти тенденции подчеркивают важность культуры как движущей силы, которая помогает городам адаптироваться к современным вызовам и формировать будущее городской среды.

Материалы и методы

В статье рассмотрены данные исследования Всемирного культурного форума городов, изучены тенденции развития учреждения культуры в крупных и крупнейших городах мира. Также проведен анализ архитектурных проектов культурных центров за рубежом, построенных за последние 20 лет, что позволило сформировать особенности архитектуры современных культурных центров.

Результаты исследования

В широком смысле, культурный центр, согласно Кембриджскому словарю¹⁰, это место, где происходит определённая деятельность, связанная с музыкой, искусством, театром, литературой и т. д. Это определение акцентирует внимание на функции центра как пространства для проведения культурных мероприятий и активных форм культурного обмена, организации культурного досуга населения.

Также зарубежные исследователи подчеркивают важность культурных центров в социальном объединении и сохранении культурной идентичности. Культурный центр можно определить как место встречи людей, разделяющих общую цель сохранения своего культурного наследия, предоставляющее возможности для проведения различных мероприятий, направленных на повышение культурной осведомленности и самовыражения. [6]

В разных странах степень поддержки культуры и организации досуга различна. В Европе ключевое направление – духовное развитие личности, в США – развлекательная функция культуры. [1] В Китае приоритет – сохранение наследия, культурное образование и популяризация культуры с целью повышения качества жизни. [2] За последние 20 лет в Китае было построено множество театров, музеев, библиотек и центров искусств, которые стали доступны для широкой аудитории.

В международной практике культурные центры – многофункциональные пространства, объединяющие в себе несколько функций. Их основу составляет знакомство и изучение местной культуры и наследия, а также организация культурной и общественной жизни. В дополнение к основной функции, такие центры часто включают музеи, галереи, театры, концертные залы и библиотеки. Иногда в них размещают спортивные или рекреационные комплексы, создавая баланс между духовным и физическим развитием, а также расширяя возможности для активного отдыха и повышения качества городской жизни.

Таким образом, культурные центры бывают разной вместимости, их архитектурные и функционально-планировочные решения обоснованы приоритетами локального сообщества, местным культурным и историческим аспектом, уникальным назначением и функцией. К наиболее распространенным типам культурных зданий относятся: культурные и общественные центры, музеи и художественные галереи, театры и концертные площадки, библиотеки.

Культурные центры и общественные центры

Культурные центры и общественные центры – это многофункциональные здания, предназначенные для содействия культурному обмену и вовлечению сообщества в культурную жизнь города или страны. Эти здания предоставляют членам городского сообщества пространство для встреч, обучения, общения и участия в культурных мероприятиях.

При создании культурных центров архитекторы часто обращаются к истории региона или его природе. Такой подход помогает придать зданию уникальность и смысловую связь с местом его расположения. Например, в проекте Культурного комплекса Кванъян в Южной Корее за основу архитектурной идеи здания была взята история региона. Культурный комплекс Кванъян (Рис. 1) – это общественное пространство, органично вписанное в повседневный ландшафт Кванъяна, промышленного города, известного своим сталелитейным производством. Форма культурного центра имеет сложную изогнутую геометрию, изогнутые стальные поверхности одновременно создают скульптуру и функциональную структуру. [5] В пространственном отношении проект разделен на следующие зоны: общественная площадь (атриум) на первом этаже, образовательный центр, расположенный вокруг атриума и общей лестницы на втором этаже, и выставочное пространство на третьем этаже.

¹⁰ Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Рис. 1. Архитектура Культурного комплекса Квангъян, Южная Корея

Концепцию использования местных традиционных материалов также можно увидеть в проекте Художественного центра Red Stone Formation в Китае.

Важной составляющей при разработке проектов культурных центров является ландшафт и интеграция здания в городской или природный контекст. В ряде случаев, когда ландшафт ярко выраженный или имеет весомое значение, он становится основообразующим фактором при формировании концепции здания. Ландшафт можно использовать для оптимизации высот, располагать здания по уровням, а можно использовать его в качестве рекреационных общественных пространств, которые служат не только как дополнительные площадки для функций центра, но и способствуют развитию городской среды и созданию комфортных условий для посетителей и жителей города. Этот прием используется в проекте Культурно-спортивного центра Динчжоу в Китае. Это большой комплекс, включающий в себя пять основных зданий: театр, культурный центр, стадион, фитнес-центр и выставочный центр. В проекте используется интегрированный подход к планировке территории. Обтекаемая форма здания, где-то доходящая до земли, объединяет центральную парковую зону с небольшими пешеходными маршрутами, что создает образ интеграции города и парка, идеально соответствующий экологической концепции города Динчжоу. [3]

В проекте расширения Центра исполнительских искусств имени Кеннеди, США (арх. Архитектурное бюро Стивена Холла, 2019 г.) новые помещения расположены по большей части под землей, а ландшафт служит зеленой крышей над внутренними помещениями. В этом проекте ландшафт выступает как дополнительное общественное пространство для событий Центра, а павильонная застройка позволила сохранить виды на окрестности из внутренних помещений.

Музеи

Музеи – это здания, предназначенные прежде всего для хранения, экспонирования и исследования различных объектов, отражающих историческую, художественную, научную или культурную ценность. Он служит центром образования, просвещения и сохранения культурного наследия для общества.

При проектировании музеев архитекторы учитывают культуру и историю региона, создавая пространство, отражающее наследие и эпоху. Музеи имеют сложную планировочную структуру, обеспечивающую комфорт посетителей и безопасность экспонатов. В крупных городах музеи часто объединяют с научными и образовательными учреждениями, внедряют культурно-образовательные и развлекательные функции.

Среди последних проектов крупных музейных комплексов можно назвать Большой Египетский музей в Гизе. В основе архитектурного образа музея – пирамиды. Музей имеет вытянутую по горизонтали форму, которая по визуальной оси совпадает с расположением трех пирамид, отчего пирамиды воспринимаются как часть самого музея.

Примером сочетания технологий и символической архитектуры можно назвать Национальный музей Зайеда в Абу-Даби, ОАЭ. Форма здания, прежде всего, отвечает задаче поддержания жизни в пустынной среде и сильным культурным традициям ОАЭ, однако также «крылья» в образе архитектуры центра символизируют любовь шейха Зайеда к традиционному виду спорта – соколиной охоте (Рис. 2). Музей имеет сложную внутреннюю структуру. Основными являются шесть галерей, четыре из них выполнены в форме капсул и оформлены в соответствии с определенной тематикой, две галереи с постоянным выставочным пространством расположены на первом этаже рядом с входами в музей, а также пространством для временных выставок, рестораном высокой кухни и кафе. [7]

Рис. 2 Национальный музей Зайеда в Абу-Даби, ОАЭ

Театры и концертные площадки

Театры и концертные залы – это культурные здания, предназначенные для проведения различных видов исполнительского искусства, включая музыку, танцы и театральные постановки. Эти здания предоставляют пространство для артистов, чтобы продемонстрировать свои таланты, и для зрителей, чтобы они могли соприкоснуться с исполнительским искусством.

Часто именно геометрия зала определяет основные объемы театра или концертного комплекса, однако интересным примером с точки зрения архитектуры можно назвать Большой театр Наньтун в Китае. Большой театр Наньтуна имеет пять зрительных залов, включая Детский театр, Драматический театр, Оперный театр, Концертный зал и Театр-студию. [4] Театр расположен на берегу озера Цзилан в районе Чунчуань города Наньтун и имеет волнистую форму, каждый изгиб обрисовывает контур зала. Главный вход обращен к озеру, со стороны озера волнистая крыша тянется вдоль берега, создавая плавную границу между водой и городом. (Рис.3)

Рис.3 Большой театр Наньтун в Китае

Библиотеки

Библиотека – это многофункциональное здание или сооружение, предназначенное для хранения, обработки и предоставления в пользование бумажных и цифровых материалов и других информационных ресурсов, а также для проведения образовательных и культурных мероприятий.

Сегодня библиотеки по всему миру подвержены трансформации и переосмыслению своей роли в городском сообществе. Выходя за рамки традиционной модели библиотеки, ориентированной на обучение посредством чтения и работы с различными источниками материала, сегодня это важные культурные и социальные центры, в которых очень развита образовательная и коммуникативная функция. Эти изменения, касающиеся новых функций и тенденция к универсальности пространства библиотек, повлекли за собой новые подходы к проектированию библиотечного пространства как культурного городского центра.

Примером такой прогрессивной библиотеки можно назвать Ливерпульский городской центр и библиотеку Йелламунди. Спроектированная для обслуживания весьма разнообразного сообщества, испытывающего социально-экономическое неравенство, эта современная библиотека служит важной социальной инфраструктурой города. Популярные традиционные функции библиотеки, включая работу с книгами и обучение в формальном читальном зале, дополняются творчеством и технологическими программами, повышающими цифровую грамотность и внедряющими инновации. Библиотека Йелламунди имеет изогнутую форму, на создание которой архитекторов вдохновило течение близлежащей реки. Форма напоминает «водоворот», вокруг которого организовано уличное общественное пространство. Здание имеет большое количество круглых окон, из-за чего создается ощущение слияния с окружающей городской средой, чего нет в традиционных библиотеках.

Заключение

Здания культурных центров в зарубежной архитектуре часто задумываются как многофункциональные, предоставляя пространства для творческой и культурной деятельности, концертов и выступлений, выставок, образовательных мероприятий и общественных собраний. Можно выделить следующие особенности архитектуры культурных центров за рубежом:

1. снижение жесткой функциональной дифференциации культурных учреждений и интеграция культурно-досуговых функций в деятельности каждого учреждения;
2. развитие рекреационной функции центров за счет создания общественных пространств для отдыха как внутри центра, так и на открытом воздухе;
3. внедрение в сферу культуры цифровых технологий и сервисов;
4. обеспечение экологической безопасности зданий и внедрение современных высокотехнологичных решений;
5. поиск уникального решения при разработке каждого проекта, обращение к местной культуре, истории, традициям в поисках архитектурного образа здания центра;
6. активное использование ландшафта, создание дополнительных общественных городских пространств за счет планировки территории;
7. преобладание центрического или павильонного объемно-планировочного типов здания.

Литература

1. Кузнецова, И.В. Социально-культурная работа за рубежом : учеб. пособие / И.В. Кузнецова ; ТГАКИ. -Тюмень: Изд-во РИЦ ТГАКИ, 2009.- 179 с.
2. Цзяци, Бай. Традиции и новации в управлении культурно-досуговой сферой в Китае / Бай Цзяци // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №6. – с.75-84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-novatsii-v-upravlenii-kulturno-dosugovoy-sferoy-v-kitae> (дата обращения: 26.01.2026)
3. Dingzhou Cultural and Sports Center / THAD. [Электронный ресурс] URL: <https://www.archdaily.com/1031358/dingzhou-cultural-and-sports-center-thad> (дата обращения: 27.01.2026)

4. Nantong Grand Theatre / BIAD. [Электронный ресурс] URL: https://www.archdaily.com/1025699/nantong-grand-theatre-biad?ad_source=search&ad_medium=projects_tab (дата обращения: 27.01.2026)
5. Park1538 Gwangyang Cultural Complex / UnSangDong Architects + POSCO A&C. [Электронный ресурс] URL: <https://www.archdaily.com/1032629/park1538-gwangyang-cultural-complex-unsangdong-architects-plus-posco-a-and-c> (дата обращения: 27.01.2026)
6. Sylvanus Musa Hassan. Application of cultural and traditional features in the design of cultural centres / Sylvanus Musa Hassan // ARCHISEARCH. International Journal of Architecture & Environment, 2014 – Vol. 4, Issue 1. – P.22 -34
7. Zayed National Museum / Foster + Partners. [Электронный ресурс] URL: https://www.archdaily.com/1036641/zayed-national-museum-foster-plus-partners?ad_source=search&ad_medium=projects_tab (дата обращения: 26.01.2026)

АРХИТЕКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПРИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Репина¹, профессор, кандидат архитектуры
Н.А. Ермилов¹, аспирант

¹*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Москва*

Аннотация. В статье раскрываются архитектурно-типологические решения при музеефикации антропологического наследия в структуре формирования новых общественных пространств-палеоантропологических археологических парков. Цель исследования заключается в выявлении новых архитектурных особенностей экспонирования палеоантропологического наследия. Методология исследования базируется на сравнительном и типологическом анализе мировых и отечественных примеров сооружений. В результате исследования сформированы типы архитектурных решений и выявлены особенности проектирования музейных пространств с палеоантропологическим компонентом.

Введение

Музеефикация антропологического наследия ставит перед собой предельно сложную задачу, находящуюся на стыке археологии, архитектуры и музеологии. Археологическое наследие включает в себя материальные свидетельства древнего человека: орудия труда, сооружения, предметы быта и т.п. Антропологическое наследие включает в себя останки и биологические данные древнего человека, что усложняет задачу экспонирования и хранения. Такое наследие свидетельствует об историко-культурном и эволюционном процессе человека. Архитектура в данном случае регулирует этическую и мемориальную нагрузку на человека, выступает инструментом и регулятором дистанции и восприятия антропологического материала посетителем.

Палеоантропологические памятники — это отражение уникальных знаний о биологической эволюции, духовной культуре и адаптации человека к среде обитания. Благодаря этим находкам мы можем свидетельствовать о существовавших в то время символических формах культуры и формировании первых погребальных обрядов и ритуалов. Наглядно продемонстрировать развитие древнего человека может пример верхнепалеолитической стоянки Сунгирь во Владимире, открытая советским археологом О.Н. Бадером в 1955 году. Высокая ценность объекта заключается в сохранившемся уникальном антропологическом материале возрастом 25-35 тыс. лет. [1] Данная находка позволяет извлекать ДНК и проводить комплексные генетические и биомолекулярные исследования. Кроме того, погребения богаты на наличие орудий труда (копья, созданные из выпрямленного бивня мамонта) и погребальных нарядов, состоящих из свыше 75 тысяч бусин из бивня мамонта, что говорит о развитом мастерстве, навыках сложной технологической обработки материалов и наличии развитых духовных форм культуры. Пример стоянки Сунгирь отражает острый вопрос чувствительности архитектурного экспонирования антропологического наследия. Находки древнего человека были изъяты из места обнаружения, возник разрыв объекта с контекстом. Возникает проблематика поиска моделей и подходов музеефикации и экспонирования палеоантропологического наследия, позволяющая сохранить подлинный контекст обнаружения и стратиграфию находок.

Существующая сложившаяся традиционная практика музеефикации палеоантропологического наследия предполагает перенос объекта археологии с содержанием палеоантропологического компонента из контекста обнаружения с целью экспонирования в

уже существующем или специально сооруженном конкретно под найденный объект музейном пространстве. При таком подходе нарушается стратиграфия находок и теряется связь с контекстом обнаружения. [2]

Проблема заключается в отсутствии сформированной типологии палеоантропологических археологических парков и недостаточной разработанности архитектурно-градостроительных и экспозиционных решений, учитывающих научную ценность останков древнего человека, специфику изучения материала, хранения и этические аспекты их экспонирования и представления широкой аудитории.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования новых музейных пространств на месте обнаружения палеоантропологических находок с последующим выделением находок как основного смыслообразующего ядра архитектурной организации. В связи с этим возникает процесс пересмотра и исследования существующих архитектурных решений, удовлетворяющие требованиям этики экспонирования, сохранности объектов и научно-достоверной выверенной экспозиции.

Цель исследования обусловлена сложившимся архитектурно-типологическим разрывом архитектурных решений экспонирования палеоантропологического наследия и предлагает архитектурные особенности для формирования новых музейных пространств.

Материалы и методы

Методологическая база исследования основана на междисциплинарном подходе, включающего в себя разделы архитектурной типологии, музеологии, археологии и антропологии. Эмпирическая база исследования охватывает отечественные и зарубежные практики музеефикации палеоантропологического наследия, в том числе и этические документы по работе с такими объектами.

Основная часть исследования состоит в выявлении типологических особенностей архитектуры музейных объектов с содержанием в составе экспозиции палеоантропологических объектов. Для выявления уже сложившихся устойчивых примеров архитектурных решений и особенностей построения экспозиции был произведен сравнительный анализ существующих археологических парков под открытым небом и музеев, построенных на месте обнаружения археологических находок.

Объектом исследования являются палеоантропологические памятники как основа формирования специализированных археологических музейных пространств в структуре палеоантропологического археологического парка. Предмет исследования: архитектурные особенности их формирования.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы:

1. Типологический метод: Структурированы существующие формы музеефикации археологического и палеоантропологического наследия с акцентом на архитектурную типологию зданий и сооружений. Основной упор сделан на выявление устойчивых новых типологических архитектурных признаков музея в структуре палеоантропологического археологического парка.

2. Сравнительно-аналитический метод: Произведено сравнение отечественного и зарубежного опыта архитектурных решений при музеефикации археологических объектов на месте обнаружения. Изучаются отличия в подходах в сохранении культурного слоя, выстраивания маршрута посетителей, включения окружающего ландшафта в экспозицию. [3]

3. Метод анализа нормативной базы: Изучены правовые и законодательные документы в области археологии, регулирующие экспонирование, хранение и презентацию палеоантропологических объектов. Такие объекты рассматриваются как часть археологических коллекций, требующих особого хранения и учета требований сохранности предельно чувствительных к колебаниям микроклимата материалов. [4]

4. Этический метод экспонирования палеоантропологического наследия: При работе были учтены международные и отечественные стандарты демонстрации палеоантропологических останков в музейной среде. Экспозиция выстраивается с

соблюдением научной достоверности, уважении к контексту обнаружения и происхождения находок. Данные требования непосредственно влияют на формирование архитектурных решений и выстраивание экспозиционного пространства, а также меры взаимодействия посетителей с экспонатами.

5. Пространственный анализ: Изучены архитектурные средства формирования эмоциональной дистанции и восприятия палеоантропологических объектов. Среди таких средств можно выделить: масштаб, последовательность помещений, световые решения, использование в структуре экспозиции подземных пространств и глубина зрительного контакта.

6. Проектный метод: Выявленные атрибуты формируют обобщенную архитектурную модель археологического музея в структуре палеоантропологического археологического парка с учетом требований к хранению, репрезентации и изучению.

Вышеперечисленные методы способствуют рассмотрению палеоантропологического музея и археологического парка в целом как нового объекта архитектурной типологии, где соединены задачи по сохранению стратиграфии находок, организации научной работы с антропологическим материалом, формированию этически выверенной экспозиции и созданию пространства, отражающего природный и культурный контекст эпохи. В отличие от традиционных археологических парков, где экспонируемый объект фиксируется вокруг материальных следов культурной деятельности человека, в центре палеоантропологического парка сам древний человек как археологический объект, обладающий исключительной научной ценностью. [5]

Результаты исследования

В ходе исследования отечественной и зарубежной практики музеефикации систематизированы существующие архитектурные решения при музеефикации палеоантропологического наследия. Определены следующие факторы, влияющие на архитектурные решения: характер антропологического материала, подходы к сохранению на месте обнаружения, степень сохранности контекста обнаружения, характер архитектурного объема и метод взаимодействия посетителей с экспонируемым объектом.

Анализ существующих музеев с палеоантропологическим компонентом (где он играет как ключевую экспозиционную роль, так и второстепенную как дополнение к основной экспозиции) позволил выявить закономерности, в результате которых сформирована типологическая таблица архитектурных решений при музеефикации палеоантропологического наследия. В таблице 1 обобщены основные типологические модели планировочной организации и архитектурных особенностей.

Таблица 1- Типологические модели архитектурных решений при музеефикации палеоантропологического наследия.

Вид модели	Метод экспонирования	Архитектурные решения	Подход к экспонированию палеоантропологического объекта	Степень эмоционального взаимодействия посетителя с объектом	Примеры
Музейная	Находки перенесены в музей	Традиционный архитектурный объем общественного сооружения под музейные нужды	Представлен подлинник	Выстроена дистанция между посетителем и объектом	Государственный Эрмитаж, Россия

На месте обнаружения	На месте обнаружения	Освоение подземного пространства	Представлен подлинник	Мемориальное ощущение и погружение в контекст	Археологический парк Павлов, Чехия
Репликационная	Демонстрация высокоточных копий объекта	Реконструкция контекста обнаружения в музейном объеме	Подлинник находится в хранилище	Акцент на образное восприятие объекта	Владими́ро-Сузда́льский музей-заповедник, Россия
Ландшафтно-мемориальная	Акцент на окружающей среде/контексте обнаружения	Археологический парк под открытым небом	Гипсовые слепки, выполненные в пустотах пепла после извержения Везувия	Мемориальное ощущение	Археологический парк Помпеи, Италия

Представленные модели в Таблице 1 отражают варианты включения палеоантропологического объекта в музейную среду. К традиционным способам музеефикации относятся архитектурные решения в виде демонстрации в музейной среде, где подлинный объект изымается из контекста обнаружения и переносится в музейное пространство. Сравнительно новый подход музеефикации это архитектурные музеи в составе археологического парка, ориентированные на сохранение и демонстрацию находок на месте обнаружения. В таком случае здание выступает защитной оболочкой памятника археологии и носит второстепенный характер.

Переход от витринного экспонирования к музеефикации на месте обнаружения сопровождается вариативностью архитектурных решений в зависимости от места расположения археологического парка (в черте города, на периферии, за городом). Отсутствие систематизированной типологии архитектурных моделей для палеоантропологического наследия приводит к более частому переносу находок в музейное пространство или вовсе в хранилище, что делает экспонирования на месте обнаружения затруднительным.

С целью определения архитектурных средств для обеспечения корректного экспонирования палеоантропологического объекта был проведен анализ архитектурных приёмов. Было выявлено, что архитектура выполняет роль медиатора: регулирует степень контакта взаимодействия и восприятия посетителя и антропологического объекта, создает необходимую атмосферу в зависимости от характера находки. Выявлены следующие пространственные средства для формирования достоверно выверенной экспозиции: масштаб, свет, последовательность экспозиционных пространств и использование подземных пространств. Результаты анализа отражены в Таблице 2.

Таблица 2- Архитектурные приемы экспонирования палеоантропологического наследия

Архитектурный прием	Функция	Эмоциональный эффект	Цель
Освоение подземного пространства	Сохранение контекста и стратиграфии обнаружения	Эффект полного погружения в контекст	Интеграция здания в ландшафт
Световые решения	Подсвечивание основных объектов	Сакральность и драматургия восприятия, фокусирование на главном	Ритмичность экспозиции
Последовательность экспозиционных пространств	Управление восприятием аудитории, последовательность получения информации	Нарратив и последовательность эмоционального погружения	Сценарное выстраивание маршрута

Масштаб	Регулирование объема помещений	Давление, воодушевление, созидание и т.п.	Регулирование эмоционального восприятия за счет пропорционального соотношения помещений и значимости экспонируемых объектов
Ландшафтная реконструкция	Пространственная модель обитания древнего человека, реконструкция флоры как экспозиционного инструмента, масштабирование экспозиции за пределы музейного объема.	Эффект присутствия и наблюдения	Погружение зрителя в контекст жизни и быта древнего человека

Архитектурные примы в таблице 2 демонстрируют, что для показа палеоантропологического наследия возможно комбинирование архитектурных приемов в зависимости от цели эмоционального вовлечения посетителя в контекст и характера археологического объекта. Сценарий восприятия контролируется за счет последовательности экспозиционных пространств, масштабов залов, регулирования освещения и освоения подземного пространства. Новую важную роль при организации палеоантропологического археологического парка играет создание верхнепалеолитического сада. Архитектурная организация природной среды эпохи палеолита позволяет увеличить экспозиционное пространство выведя его за пределы музейного помещения, тем самым формируя объемно-пространственную модель обитания древнего человека. В таком случае ландшафт выступает самостоятельным архитектурным приемом, способствуя эмоциональному погружению и увлечению научному потенциалу объекта археологии.

Типологический анализ выделил следующие архитектурные особенности музея в структуре палеоантропологического археологического парка:

1. Включение подземного объема или полуподземного пространства при музеефикации.
2. Разветвленная система маршрутов посетителей, для выполнения научных и культурно-досуговых функций. [6]
3. Интеграция научно-исследовательских лабораторий по изучению палеоантропологического наследия.
4. Регулирование эмоционального восприятия путем автоматизации световой среды.

Вышеперечисленные данные формируют обобщенную типологическую модель нового вида музея в структуре нового типа археологического парка-палеоантропологического археологического парка. В данном контексте архитектурные решения рассматриваются как совокупность взаимосвязанных параметров: пространственной конфигурации помещений, конструктивных решений, сценария экспозиции и норм этики экспонирования.

Заключение

В ходе исследования установлено, что отсутствие сформированной типологии палеоантропологических парков и реализованных проектов в России и мире создаёт значительный типологический разрыв в современной практике музеефикации. Это открывает возможности для разработки перспективных архитектурно-градостроительных и экспозиционных решений, учитывающих специфику работы с антропологическими и органическими останками, а также необходимость их этичного и научно достоверного представления.

Предложенная авторская концепция экспонирования на месте обнаружения кардинально отличается от традиционной музейной модели и требует особенных архитектурных решений. Предполагается создание многофункционального комплекса, включающего научные антропологические лаборатории, мемориальные пространства, реконструированные ландшафтные зоны и образовательную инфраструктуру. Важным направлением развития является интеграция в международную сеть антропологических музеев и научных центров, обеспечивая постоянный обмен результатами исследований и экспозиционными решениями.

Особое значение придаётся применению современных технологий экспонирования: голограмм, 3D-реконструкций, дополненной реальности как инструментов, позволяющих показать образ древнего человека и среду его обитания без нарушения этических норм. При этом включение тематических маршрутов и реконструкций палеоландшафтов позволит дополнить научное содержание парка эмоциональным и визуальным восприятием.

Ожидаемые результаты реализации подобного проекта включают:

1. Сохранение уникальных палеоантропологических объектов и их культурного контекста;
2. Создание высокотехнологичной исследовательской базы, работающей в открытом режиме для общества;
3. Формирование новых культурно-туристских проектов мирового уровня;
4. Расширение междисциплинарного взаимодействия между археологией, антропологией, палеоэкологией и музеологией.

Палеоантропологический археологический парк является перспективным направлением для развития музейно-экспозиционной и научно-исследовательской инфраструктуры, способное объединить в себе функции охраны, изучения и популяризации уникального антропологического наследия.

Литература

1. Бадер, О. Н. Палеолитическая стоянка Сунгирь. – М.: Наука, 1978. – 288 с.
2. Бадер, О.Н. Музеефикация археологических памятников / О.Н. Бадер // Советская археология. — 1978. — № 3. — С. 138-153.
3. Антюфеева, О. А. Археологические парки и музеи под открытым небом : учеб. пособие / О. А. Антюфеева, Г. А. Птичникова. – М ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 224 с.
4. Воробьева С.Л. Правовое регулирование приема археологических коллекций в музеях Российской Федерации // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат. XII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых /отв. ред. Э.В. Камалеев. —Уфа, 2018. —С. 40–48.
5. Ермилов, Н. А. Особенности формирования археологических парков на периферии крупных и средних городов европейской части России (на примере верхнепалеолитической стоянки «Сунгирь» и городища «Городок» г. Владимир) / Н. А. Ермилов; науч. рук. Е. В. Полянцев // Наука, образование и экспериментальное проектирование: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов 7–11 апр. 2025 г. – Москва : МАРХИ, 2025. – Т. 2. – С. 555.
6. Каменский, С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках, автореф. дисс. канд. культ.: 24.00.01 / Каменский Сергей Юрьевич. — Екатеринбург, 2009. — 24 с.

ЦЕНТРЫ АДАПТАЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Т.И. Житпелева¹, старший преподаватель

¹Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва

Аннотация. В данной статье на основе медицинских исследований выявляются различия между реабилитацией, абилитацией и адаптацией детей с ОВЗ, которые влияют на функциональное наполнение соответствующих объектов социальной инфраструктуры. Также в тексте приведены результаты анализа существующих объектов, обеспечивающих процесс адаптации для детей с ОВЗ. На основе этих результатов объясняется необходимость введения обобщающей типа зданий «центр адаптации для детей с ограниченными возможностями здоровья» и формируется проблематика. В заключении раскрываются возможные дальнейшие направления исследования.

Введение

В данной статье представлена информация собранная и проанализированная в рамках исследования объектов социальной инфраструктуры для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Целью данного исследования является формулирование принципов проектирования обучающих и игровых пространств в специализированных объектах для детей с ограниченными возможностями здоровья и выявление архитектурных приемов, которые им соответствуют и подходят тем или иным группам детей с ОВЗ. Интерес к данному вопросу вызван существующими проблемами организации среды внутри объектов социальной инфраструктуры, обеспечивающих абилитацию и адаптацию детей с ограниченными возможностями здоровья.

Основной текст

На сегодняшний день Росстат ежегодно фиксирует неуклонный рост числа детей-инвалидов. На начало 2025 года их количество составило примерно 780 тысяч человек, то есть почти 2,5% от общего числа детей в России [1]. При этом данные о количестве детей с ограниченными возможностями разнятся в зависимости от источников, но в любом случае их число составляет не менее 4%.

Федеральный закон № 273-ФЗ определяет детей с ограниченными возможностями здоровья как «детей-инвалидов, либо других детей в возрасте от 0 до 18 лет, не признанных в установленном порядке детьми-инвалидами, но имеющими временные или постоянные отклонения в физическом и (или) психическом развитии и нуждающимися в создании специальных условий обучения и воспитания». То есть для успешной интеграции в общество детей с ОВЗ необходимо создание учреждений, в которых они могут получить комплексную психолого-педагогическую поддержку.

На сегодняшний день в отечественной архитектурной практике наибольшее внимание уделено проектированию объектов реабилитации, в которых предоставляется комплекс мероприятий, направленных на восстановление утраченных функций организма и социальную адаптацию человека после болезни, травмы, операции или других нарушений [2]. В случае детей с ОВЗ чаще всего речь идет о врожденных, а не приобретенных патологиях. В связи с этим в медицинских и психолого-педагогических исследованиях к детям с ограниченными возможностями применяют термин «абилитация», которую Л. О. Бадалян определял как «систему лечебно-педагогических мероприятий, имеющих целью предупреждение и лечение тех патологических состояний у детей раннего возраста, еще не

адаптировавшихся к социальной среде, которые приводят к стойкой утрате возможности трудиться, учиться и быть полезным членом общества»¹.

Действительно множество медико-психологических исследований подтверждают, что успех абилитационных мероприятий напрямую зависит от возраста пациента, когда они были начаты. Основываясь на этом тезисе были введены изменения в существующие своды правил (например, Изменение №1 к СП 141.13330.2012 «Учреждения социального обслуживания населения. Правила расчета и размещения» и Изменение №1 к СП 149.13330.2012 «Реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Правила проектирования»), благодаря которым в разных городах России были открыты объекты абилитации. Тем не менее, анализ существующих объектов, которые предлагают услуги абилитации показывает нехватку государственных учреждений и соответственно немалое количество частных организаций, предоставляющих те же услуги, но носящих абсолютно разные наименования. Также следует отметить, что все эти объекты не ограничиваются ранним детским возрастом. В своей диссертации Каспер Н. В. предполагает, что отсутствие в предыдущие десятилетия системы абилитационной помощи детям стало причиной большого количества детей старшего возраста, которым необходима абилитация. И заключает, что «новая система (абилитационной помощи) должна стать одним из средств профилактики инвалидности, а потребность в абилитации взрослых людей минимизироваться» [3].

В то же время столь оптимистичные предположения опровергаются рядом медицинских и психолого-педагогических исследований² [4, 5], которые демонстрируют, что во всех группах детей с ОВЗ есть те, кому, несмотря на раннюю абилитацию, необходимы особые психолого-педагогическая помощь, оздоровление, социально-бытовая адаптация и культурное развитие в более старшем возрасте (в некоторых случаях даже за границей 18 лет). То есть они нуждаются не только в абилитации, но и в адаптации, то есть «постоянном процессе активного приспособления индивида к условиям социальной среды» [6], которое возможно благодаря комплексу лечебно-педагогических мероприятий.

В связи с этим в рамках данного исследования предлагается ввести термин «центр адаптации для детей с ограниченными возможностями здоровья», обозначающий объект социальной инфраструктуры для детей с ограниченными возможностями здоровья от 0 до 18 лет, в котором проводится комплекс мер (педагогических, воспитательных, социальных, психологических и медицинских) для обеспечения постоянного процесса активного приспособления индивида к условиям социальной среды (т.е. в зависимости от возраста или состояния адаптации или абилитации). Таким образом, к данному типу объектов можно отнести:

- семейные центры (например, учреждения «Мой особый семейный центр»);
- детские социальные центры;
- центры дневного пребывания для детей с ОВЗ и детей-инвалидов;
- детские адаптационные центры;
- центры психолого-педагогической помощи;
- и другие.

Все эти учреждения включают в себя блок психолого-педагогической помощи, блок социально-бытовой адаптации, досуговый блок. В зависимости от площади объекта также могут присутствовать спортивный блок, медицинский блок, предоставляющий базовый набор процедур, а также блок дневного пребывания. Таким образом, можно утверждать, что центры адаптации – это объекты ближней доступности, нацеленные на временное пребывание детей в течение дня и удовлетворении их потребностей в учебе, дополнительных занятиях, досуге, работе с психологами и дефектологами, базовых медицинских процедурах и

¹ Бадалян, Л. О. Невропатология: учебник /. – 7-е изд., испр. – М. : Академия, 2012. – С. 400.

² Холодов, Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта: учебное пособие / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – Москва: Академия, 2007.

т.д. (т.е. комплексе мероприятий, обеспечивающих абилитацию и адаптацию). Это не медицинские учреждения, но специализированные комплексы для обучения и социализации детей с ограниченными возможностями, которые дают им возможность развиваться наравне со сверстниками с целью их дальнейшей интеграции в общество.

Для повышения качества адаптационных мероприятий архитектурная среда объектов адаптации должна соответствовать потребностям и особенностям детей с ОВЗ [7]. Для понимания профилей пользователей было проанализировано медицинские и психолого-педагогические исследования, касающиеся семи групп детей с ограниченными возможностями здоровья (задержка психологического развития, нарушения интеллекта, нарушения речи, нарушения опорно-двигательного аппарата, нарушения зрения, нарушения слуха и расстройства аутистического спектра). В результате чего было выявлено, что совместное использование пространств некоторыми группами детей с ОВЗ, может осложнять прохождение программ адаптации. Например, у детей с нарушением зрения слух является ведущим органом восприятия и соответственно на этапах, когда ребенок еще недостаточно им владеет, совместное пребывание с более шумными группами детей (гипочувствительные аутисты, дети с нарушением опорно-двигательного аппарата) может существенно снизить успех занятий.

Также был проведен анализ существующих объектов, подходящих под тип «центр адаптации», и выявлены архитектурные недостатки, которые могут прямо или косвенно неблагоприятно влиять на качество обучения детей с ОВЗ. Были рассмотрены государственные учреждения (объекты комплекса «Мой особый семейный центр») и частные организации (нейрологопедический центр «Дыши легко», семейный центр «Лига мечты», центр реабилитации «Наш солнечный мир» и другие). В результате были выявлены следующие архитектурные проблемы:

- наличие визуального шума (обилие декоративных элементов и объектов, не несущих учебной или игровой нагрузки, которые мешают/могут мешать восприятию пространства и ориентированию в нем);

- несоответствие цветовых решений (обилие цветовых решений в одном пространстве; отсутствие выраженных объектов для ориентирования; использование ярких цветов в зонах отдыха и т.д.)

- отсутствие акцентов (единообразие пространств, либо сумбурность организации помещений; сложность ориентирования)

- отсутствие зонирования

- визуальная режимность объектов.

Также к «условным» недостаткам можно отнести совместное использование пространств одновременно всеми группами детей с ОВЗ, что, во-первых, потенциально создает дополнительные психологические сложности при одновременном нахождении рядом детей, особенности которых могут мешать друг другу. А во-вторых, влечет за собой затруднения в качественной организации среды, которая одинаково комфортно воспринималась бы детьми с любыми нарушениями.

Заключение

Основываясь на уже проведенных исследованиях, далее предполагается:

- дополнить профили пользователей и на их основе создать матрицу возможности создания пространств совместного пользования»;

- на основе полученной матрицы уточнить виды центров адаптации;

- основываясь на профиле пользователей и исследованиях в области нейроархитектуры и проектирования пространств для детей с ограниченными возможностями здоровья, выявить принципы проектирования для центров адаптации и других объектов социальной инфраструктуры, обеспечивающих абилитацию детей с ограниченными возможностями

- для каждой группы детей с ОВЗ разработать матрицы объемно-пространственных и архитектурных решений, соответствующих выведенным принципам.

Предполагается, что результаты данного исследования в дальнейшем можно будет использовать для проектирования новых центров адаптации и абилитации для детей с ограниченными возможностями и реорганизации существующих. Применение выявленных принципов поможет создавать комфортную обучающую среду для разных групп детей с ОВЗ для раздельного и совместного использования.

Литература

1. Щербакова, Е. М. Инвалиды в России, 2025 год / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly: сайт – Опубликовано 27 мая 2025 г. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom04.php> (дата обращения: 17. 10. 2025)
2. Реабилитация. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/rehabilitation> (дата обращения 23. 07. 2025)
3. Каспер, Н. В. Архитектура объектов абилитации детей раннего возраста: специальность 05.23.21: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Каспер Наталья Валерьевна; Государственный университет по землеустройству. – Москва, 2018. – С. 7.
4. Горьков, С. Д. Особенности психического развития детей с интеллектуальной недостаточностью / С. Д. Горьков, Ж. Г. Гаранина // Северный регион: наука, образование, культура. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 32–37. – URL: <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-3-3>.
5. Немкова, С. А. Психологические аспекты комплексной медико-социальной реабилитации детей-инвалидов с церебральным параличом / С. А. Немкова, О. И. Маслова, Г. А. Каркашадзе, А. М. Мамедъяров // Педиатрическая фармакология. – 2013. – № 2 Том 10. – С. 107-116.
6. Криводонова, Ю. Е. К вопросу о личностных особенностях и адаптации слепых и слабовидящих граждан / Ю. Е. Криводонова // Самарский научный вестник. – 2013. – № 1(2). – С. 28-31.
7. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – Москва: Смысл, 2001.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АРХИТЕКТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕНОВАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ НА ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ

Н.С. Здор¹, аспирант

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В работе рассмотрены архитектурно-экологические принципы для реновации промышленных зданий на прибрежных территориях городов Юга России, учитывающие климатические и градостроительные особенности. Автором предлагается система из шести взаимосвязанных принципов: климатический, конструктивный, материально-технологический, эколого-ландшафтный, функциональный и социально-экономический. Каждый из них ориентирован на повышение адаптивности зданий к условиям региона, снижение экологической нагрузки и усиление связи с городской и природной средой. Проведённый теоретический анализ формирует основу для проектных стратегий, способствующих интеграции реновируемых объектов в устойчивую урбанистическую структуру.

Введение

В условиях трансформации промышленных территорий, исчерпавших своё первоначальное назначение, возрастает необходимость разработки комплексных архитектурных подходов, обеспечивающих не только функциональное обновление, но и устойчивое встраивание объектов в современную городскую ткань [1, 2]. Особенно остро эта проблема стоит для прибрежных промышленных зон городов Юга России, обладающих специфическими климатическими, градостроительными и социокультурными условиями [3].

На протяжении XX века прибрежные территории активно застраивались объектами тяжёлой и портовой промышленности. Сегодня многие из этих зданий утратили своё назначение, но сохраняют архитектурный потенциал и стратегически важное положение в структуре города [4]. Реновация подобных объектов представляет собой не просто реконструкцию, но процесс, направленный на переосмысление функций, создание новых городских сценариев, сохранение культурного кода и интеграцию экологических решений.

Новизна работы заключается в определении шести базовых архитектурно-экологических принципов реновации, выведенных на основе анализа климатических и пространственных особенностей Юга России, а также в разработке дифференцированных подходов к проектированию в условиях умеренного и субтропического поясов.

Цель исследования - определить и структурировать основные принципы архитектурно-экологической реновации прибрежных промышленных зданий, применимые к условиям Юга России, и разработать архитектурные рекомендации, обеспечивающие устойчивость и культурную преемственность этих территорий. Задачи исследования:

- Изучить исторические и современные подходы к реновации промышленных объектов.
- Проанализировать градостроительные, климатические и экологические особенности прибрежных зон Юга России.
- Систематизировать архитектурно-экологические принципы, применимые к реновации.

Методика исследования основана на анализе научной литературы, нормативных, методических источников и экспериментальных проектах.

Основная часть

Реновация промышленных территорий является одним из актуальных направлений архитектурной и градостроительной практики с конца XX века. В международной практике известны примеры преобразования портовых и фабричных зданий в общественные пространства: Hafen City в Гамбурге, Hunter's Point South Waterfront Park в Нью-Йорке, Canal Hub 1958 в Шэньчжэне [6, 7]. Во всех этих случаях объектом реновации становились не только здания, но и их связи с водой, городскими маршрутами, ландшафтом.

В России реновационные проекты стали активно развиваться в начале 2000-х годов, но основной фокус долгое время был сосредоточен на московском и петербургском контексте: Красный Октябрь, Севкабель Порт, Суперметалл [5]. Юг России в этом отношении остаётся недостаточно исследованной территорией. Однако такие объекты, как Парамоновские склады, порт в Ростове-на-Дону, заводы в районе Сочи и промышленные зоны Туапсе, обладают высоким потенциалом для преобразования.

Сравнительный анализ показал, что успешная реновация требует учёта локального климата, исторического контекста, состояния конструкций, а также вовлечения сообщества. На этой основе формируются архитектурно-экологические принципы, способные обеспечить комплексное и устойчивое преобразование.

Гипотеза исследования заключается в том, что комплексная архитектурно-экологическая реновация прибрежных промышленных объектов является инструментом устойчивого развития городов, обеспечивающим интеграцию исторически сложившихся промышленных зданий и территорий в современную городскую среду. В совокупности они позволяют создать адаптивные, энергоэффективные и культурно интегрированные архитектурные решения, соответствующие условиям как умеренного, так и субтропического климата.

В результате анализа прибрежных промышленных зон южных городов России таких, как Ростов-на-Дону, Астрахань, Волгоград, Сочи, Новороссийск и Туапсе, выявлены шесть ключевых принципов, определяющих успешность архитектурно-экологической реновации. Каждый из них учитывает региональные условия, типологию промышленных объектов, климатические пояса и современные требования к устойчивому архитектурному проектированию.

Климатический принцип

Климатические условия Юга России варьируются от умеренно-континентальных до влажных субтропиков, что определяет специфику архитектурных решений. Учитывая специфику климата, необходимо не только адаптировать фасадные системы, но и развивать методы микроклиматического моделирования. Эффективной практикой является создание теневых буферов с помощью лёгких архитектурных форм (навесы, перголы, решётчатые экраны), использование отражающих покрытий кровель и фасадов, а также интеграция пассивных солнечных технологий. В реновируемых объектах допустимо использование двойной оболочки фасада, внешнего защитного экрана и внутреннего утеплённого слоя с вентиляционным зазором, способствующим отводу влаги и избыточного тепла. В условиях субтропиков применение водных зеркал и системы охлаждающих зелёных насаждений вблизи фасадов усиливает эффект естественного климатического комфорта. В умеренном климате (Ростов, Волгоград, Астрахань) необходимо учитывать резкие перепады температур, сильные ветра и инсоляцию. Эффективными решениями могут стать:

- Вентилируемые фасады с теплоотражающим слоем;
- Двойное и тройное остекление;
- Теплоаккумулирующие стены из кирпича или газобетона;
- Компактные формы зданий с минимизированными теплопотерями;
- Навесные экраны, защищающие от ветровой эрозии.

В субтропиках (Сочи, Туапсе, Новороссийск) в приоритете борьба с перегревом, высокой влажностью и атмосферной коррозией:

- Зелёные стены и кровли с системой орошения;
- Солнцезащитные ламели, аркады, навесы;
- Светлые фасадные покрытия и гидрофобные материалы;
- Архитектурные продухи, способствующие естественной вентиляции.

Во всех климатических сценариях обязательна ориентация фасадов и оконных проёмов с учётом розы ветров и инсоляции, что обеспечивает микроклиматический комфорт и снижает нагрузку на инженерные системы.

Конструктивный принцип

Планировочная трансформация подразумевает не только деление цехов на блоки, но и формирование новых общественных ядер, атриумов, амфитеатров, галерей. Изменение логистических путей (например, бывших транспортных рампы) под пешеходные маршруты позволяет органично вписать здания в городскую ткань. Также целесообразно проектировать сквозные оси, связывающие внутреннее пространство с парковой зоной или набережной. Важным направлением является синтез функций. Например, сочетание экспозиционного зала с пространством для лекций или интеграция коворкинга в структуру бывшего производственного этажа с сохранёнными конструкциями. Промышленные здания, как правило, обладают специфическими конструкциями: увеличенным шагом колонн, высокими пролётами, крупными каркасными системами. Эти особенности требуют особого подхода к планировке. Ключевые приёмы включают:

- Усиление железобетонных и металлических каркасов для новых функций;
- Частичный демонтаж перекрытий для создания атриумов и «второго света»;
- Внедрение антресолей, технических этажей, модульных вставок;
- Организация новых входных групп, лестничных ядер, променадов;
- Использование вертикального зонирования: первый этаж - публичный, верхние этажи - рабочие и жилые пространства;
- Интеграция систем солнечных панелей, ветрогенераторов, устройств сбора дождевой воды в конструктивную структуру здания.

Материально-технологический принцип

Реновация должна опираться не только на выбор устойчивых материалов, но и на принципы адаптивной сборки. Панели стен или фасадов могут монтироваться с минимальным вмешательством в несущую структуру, что обеспечивает возможность их замены или технической модернизации. Важной задачей является использование «умных» строительных решений: фасады с солнцезащитным стеклом, адаптивное освещение, системы мониторинга влажности и температур, а также современных биоматериалов, таких как переработанный пластик, стабилизированная древесина и текстильные мембраны. Рекомендуемые решения:

- Использование вторичных и переработанных строительных материалов: кирпич, бетон, стекло;
- Применение натуральных утеплителей (пробка, целлюлоза, льняные плиты), не подверженных разрушению;
- Монтаж навесных конструкций, которые легко заменить или демонтировать;
- Интеграция систем сбора и фильтрации дождевой воды;
- Использование солнечных панелей, рекуператоров, геотермального отопления;

Эколого-ландшафтный принцип

Принцип предусматривает не только озеленение, но и восстановление утраченных природных связей, а именно воссоздание прибрежных биотопов: камышей, береговых трав, песчаных отмелей, позволяющих формировать буферные экозоны. Здания нужно встраивать в рекреационные маршруты через устройство кровельных садов, смотровых площадок, наружных лестниц и платформ. Для создания устойчивой среды использовать технологии биофильтрации, дренажа и сбора дождевой воды, а также террасирование на склонах. Элементы ландшафта (например, подпорные стены или лестницы) проектировать с учётом сезонной трансформации: весеннего половодья, летней засухи и зимних ветров. Эстетическая роль промышленных объектов (трубы, колонны, фермы) усиливается путём их адаптации в качестве скульптурных или арт-объектов в пейзаже. Интеграция реновируемых промышленных зданий в природный ландшафт и городскую среду это одна из ключевых задач устойчивого проектирования. В прибрежных городах Юга России данный принцип особенно актуален в контексте восстановления разрушенных экосистем и усиления рекреационного потенциала. Основные решения:

- Восстановление литоральной зоны, растительности, устройство зелёных буферов из местных видов (ива, платан, акация, камыши);
- Создание парков и набережных на месте бывших промышленных территорий;
- Террасирование зданий, устройство видовых площадок на крышах, амфитеатров;
- Создание сквозных маршрутов через здания, общественные проходы к воде, визуальные и функциональные порталы;
- Организация естественного водоотведения, применение сухих ландшафтов, внедрение плавающих зелёных платформ;

Функциональный принцип

Пространства должны быть способными к быстрой трансформации без разрушения базовой структуры. Пространства реновируемых зданий проектируются без жёсткой привязки к конкретной функции: бывшее промышленное здание может быть трансформировано в галерею, кафе, библиотеку с помощью мобильных модулей, системой направляющих перегородок. В случае промышленных объектов принцип означает не только смену назначения, но и формирование новых сценариев использования, способных адаптироваться к меняющимся условиям и потребностям общества. Ключевые положения:

- Функциональное зонирование: нижние этажи - общественные функции (музеи, кафе, лектории), верхние - рабочие (офисы, мастерские), промежуточные - гибкие пространства;
- Модульные планировки, трансформируемые перегородки, мобильные объекты;
- Широкое использование остекления, лёгких перегородок, панелей, обеспечивающих как приватность, так и визуальную связанность;
- Интеграция амфитеатров, выставочных пространств, коворкингов;

Социально-экономический принцип

Социально-экономический принцип определяет архитектурные условия, при которых реновируемое промышленное здание становится новым элементом городской экономики и социальной структуры. Он фокусируется не на сценариях использования, а на пространственных стратегиях, обеспечивающих долгосрочную экономическую жизнеспособность и интеграцию в повседневную городскую жизнь. Архитектура выступает инструментом территориальной активации, формируя среду, способную создавать

непрерывное социальное взаимодействие и диверсифицированную экономическую деятельность. Ключевые положения:

- Архитектурная адаптивность, продуманные сценарии для временного, сезонного и событийного использования;
- Сохранение индустриальной идентичности как экономического ресурса: поддержание масштаба, структурного ритма, материальной аутентичности и технологических следов для укрепления имиджа места и повышения туристической привлекательности;
- Инклюзивная пространственная организация: безбарьерное перемещение, визуальная прозрачность, интуитивная навигация и социально безопасная среда;

Заключение и результаты

Проведённое исследование позволило выявить шесть комплексных принципов реновации, где каждый из них учитывает не только особенности климат региона, но и специфику индустриального наследия, необходимость в энергоэффективности, адаптивности, экологичности и социальной открытости архитектурной среды:

- Климатический принцип позволяет адаптировать здания к различным климатическим зонам Юга России, минимизируя теплотери и перегрев, а также повышая уровень естественной вентиляции и освещённости;
- Конструктивный принцип обеспечивает функциональное зонирование и пространственную гибкость, позволяя интегрировать современные технологии и модули в исторические здания;
- Материально-технологический принцип способствует снижению строительных отходов и затрат за счёт использования вторичных и экологических материалов, а также внедрения архитектуры длительного жизненного цикла;
- Эколого-ландшафтный принцип обеспечивает включение реновируемых объектов в природную и городскую среду, формируя устойчивые экосистемы и комфортные рекреационные пространства;
- Функциональный принцип позволяет создавать многофункциональные, трансформируемые пространства, адаптируемые под потребности современного общества и обеспечивающие долгосрочную эксплуатационную ценность объектов;
- Социально-экономический принцип направлен на формирование архитектурной среды, способной создавать устойчивую социальную активность и экономическую жизнеспособность объекта в долгосрочной перспективе.

Обобщённые принципы реновации апробированы на проекте формирования туристско-рекреационного кластера «Южный Риф» в Адлерском районе города Сочи, представляя собой комплексную модель архитектурно-экологической реновации прибрежной промышленной территории, ориентированную на интеграцию ранее фрагментированного и экологически уязвимо пространства в структуру современного города-курорта. Проект демонстрирует практическую реализацию системного подхода к преобразованию прибрежных промышленных зон Юга России с учетом природно-климатических, ландшафтных, градостроительных и социально-экономических факторов.

Литература

1. Родина Е.В. Принципы реконструкции исторической прибрежной территории Воронежа // Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, г. Санкт-Петербург, 1998. С. 248.
2. Мамлеев О. Реновация исторических производственных зданий и их адаптация в городской среде // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2001. №1. С. 21-27.
3. Кудрявцева С.П., Бесчастнова О.В. Архитектурная интеграция промышленного объекта в городскую среду г. Астрахани // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2017. № 2 (20). С. 33–38.
4. Фролов С.С. Градостроительная реконструкция прибрежных промышленных территорий крупней-

ших городов (на примере г. Волгограда) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. г. Санкт-Петербург, 2005.

5. Телепнева О.А. Регенерация уникальной промышленной среды сложившегося мегаполиса (на примере г. Москвы) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. г. Москва, 2019.

6. Гельфонд, А.Л. Архитектурные аспекты преобразования бывших портовых территорий // Academia. Архитектура и строительство. – 2022. – № 3. С. 40–50.

7. Чайко, Д. С. Современные методы интеграции и приспособления промышленных объектов в городскую среду / Д. С. Чайко, П. В. Романов // Актуальные проблемы современной науки. – 2023. – № 1(130). – С. 17-21. – EDN РКQПН.

СВЕТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПРАЗДНИКА. ПОДХОДЫ, АЛГОРИТМЫ И ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ СВЕТОУРБАНИСТИКИ

Г.А. Птичникова¹, профессор, доктор архитектуры
А.В. Казакова¹, магистр, ассистент

¹*Институт архитектуры и строительства ВолгГТУ, Волгоград*

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к проектированию праздничного освещения городских пространств. В работе представлен обзор ведущих российских проектных организаций (таких как BLACKRAYS, Dreamlaser, «Сила света», IT-группа «Открытие» и других), раскрывающий их уникальную специализацию — от 3D-мэппинга и лазерных шоу до создания иммерсивных и интерактивных сред. На основе изучения их методологии выделен универсальный семиэтапный алгоритм создания световых решений — от анализа территории и концепции до реализации и оценки результатов. Особое внимание уделяется цифровому инструментарию светодизайнера: программному обеспечению для инженерного расчета (DIALux evo), фотореалистичной визуализации (3ds Max, Blender), программирования динамики (MadMapper, grandMA) и симуляции шоу (Derence²). Описаны технические средства, задействованные в ключевых приемах: проекционном оборудовании, лазерных установках, светодиодных экранах и системах управления. Итогом исследования стали сформулированные основополагающие принципы современного праздничного освещения.

Введение

С наступлением праздничного периода происходит трансформация визуального облика городской среды. Данное преобразование представляет собой не стихийное размещение световых элементов, а результат целенаправленной проектной деятельности специалистов в области светодизайна и светотехники. В современном контексте праздничное освещение эволюционировало в высокотехнологичную дисциплину — светоурбанистику, где каждая световая инсталляция проектируется как компонент целостного сценарного развития городского пространства. Выбор решений зависит от множества факторов: от масштаба и тематики праздника до исторического контекста и архитектурных особенностей пространства. В этом процессе ключевую роль играют проектные организации, каждая из которых привносит на рынок уникальный опыт, технологии и философию. Их подходы и инструментарий определяют, как будет выглядеть и чувствоваться праздничный город.

Основной текст

Портреты лидеров рынка

Сегодня в России сформировалось динамичное сообщество компаний, специализирующихся на сложном светоурбанистическом проектировании.

Одним из пионеров в области фасадного видеомэппинга — технологии создания сложных проекций на объемные объекты — является студия BLACKRAYS. Их мастерство заключается в умелом сочетании света и тени, что позволяет «оживлять» фасады, превращая их в динамичные картины. Ярким подтверждением их профессионализма стал масштабный проект подсветки Кафедрального собора на острове Канта в Калининграде. История компании Dreamlaser — это путь от студенческой инициативы до лидера российской и международной индустрии лазерных шоу. Более 4000 реализованных проектов и сотрудничество с глобальными брендами, такими как Mercedes и IBM, говорят сами за себя. Помимо масштабных шоу, команда создала целое мультимедийное арт-пространство «ЦЕХ». Не менее впечатляющими проектами славится студия Nomapping, организовавшая, например, зимний фестиваль Ford с 3D-маппингом на 18-этажное здание. Это демонстрирует

способность компании работать с гигантскими городскими объектами как с холстами. Отдельного внимания заслуживает трансформация IT-группы «Открытие». Начав с поставок оборудования, компания совершила закономерный рывок в создание комплексных мультимедийных решений. Сегодня она оснащает концертные залы и музеи, а ее работа для Центра Дианы Гурцкой в Москве — сенсорная комната с полимодальным воздействием — показывает, как световые технологии могут служить социально значимым целям. На международной арене уверенно представлена студия «Сила света», имеющая офисы в Москве и Нью-Йорке. С 2010 года она реализует сложнейшие проекты 3D-маппинга, а ее знаковым достижением стала грандиозная световая постановка на Останкинской телебашне после реконструкции. В нише иммерсивных инсталляций, полностью погружающих зрителя в другую реальность, специализируется студия «Луна Парк». Ее работы, например, рор-ур-выставка для «Роснано» в метро, доказывают, что праздничный свет может создавать уникальные смысловые Компания «Передовые Мультимедийные Технологии» (ПМТ) десятилетие фокусируется на инновационных решениях для выставок и музеев, создавая, в частности, многофункциональные модульные пространства для корпоративных клиентов. Широкий спектр услуг — от создания контента до организации шоу — предлагает студия «Дизайн Досье», работающая как над визуализацией архитектурных объектов, так и над интерактивными инсталляциями для международных выставок. В области интерактивного дизайна и проекционных технологий активно работает студия Radugadesign, обновившая, например, графическое сопровождение на стадионе «Газпром Арена» в Санкт-Петербурге. Завершает этот обзор компания L-zone, выступающая ключевым поставщиком технического обеспечения для мероприятий самого высокого уровня, включая чемпионаты мира и Европы.

Несмотря на различие в специализации, методология работы этих лидеров рынка подчиняется единой логике. Проанализировав их подходы, можно вывести универсальный алгоритм создания праздничного освещения.[1]

Этапы проектирования праздничного освещения

Создание гармоничной световой среды — процесс, требующий системности. Он разбивается на семь последовательных этапов:

1. Анализ территории и выявление видовых точек. Это фундамент будущего проекта, который закладывается при изучении карт и выходе на местность. Специалисты фиксируют архитектурные доминанты, рельеф, существующую инфраструктуру и определяют ключевые «сцены»: парадные фасады, пешеходные маршруты и панорамные точки.

2. Анализ типа праздника. Здесь свет наполняется смыслом и эмоцией. Важно понять природу события: народный ли это праздник с вековыми традициями или современный фестиваль. Определяются его масштаб, целевая аудитория, символика и желаемый эмоциональный тон — от лирического до карнавального.

3. Определение целей и задач. Творческая идея переводится в измеримый план. Стратегические цели — создать атмосферу, усилить идентичность места, обеспечить безопасность — конкретизируются в тактические задачи: подсветить конкретные объекты, организовать инсталляции, обеспечить заданный уровень освещенности.

4. Выбор свето-цветовых решений. Это технико-художественный перевод концепции. Определяется палитра (теплый белый для уюта, динамичные RGB для энергии), тип динамики (статика или сложные сценарии) и подбирается оборудование: от классических гирлянд до современных проекторов.

5. Разработка концепции. Наступает синтез: все исследования и решения объединяются в целостный документ с яркой идеей-названием, зонированием территории, визуализациями (3D-рендерами) и генеральным планом с технико-экономическим обоснованием.

6. Реализация концепции. Проект воплощается в жизнь через рабочее проектирование, производство, монтаж и пусконаладку. Критически важны координация с городскими службами и программирование световых контроллеров.

7. Оценка результатов. Финальный этап служит для сбора опыта. Он включает технический мониторинг, социологические опросы, экспертную и медиа-оценку. Итог — отчетное досье с рекомендациями для будущих проектов.[2]

Этот четкий алгоритм, однако, был бы невозможен без современного цифрового инструментария, который превращает светодизайнера в режиссера городского спектакля.

Цифровая кухня светодизайнера: ПО и технологии праздничного освещения

Современная светурбанистика — это симбиоз искусства и высоких технологий. Каждый этап проектирования поддерживается специализированным программным обеспечением.

Анализ и концепция (пре-визуализация): на заре создания идеи используются инструменты для быстрого эскизирования и «световой драматургии» — Adobe Photoshop, Illustrator, а также SketchUp с плагинами для первичной визуализации.

Инженерное моделирование: здесь в игру вступают мощные расчетные программы — отраслевые стандарты DIALux evo, AIGI32 или Relux. Они позволяют с математической точностью смоделировать будущее освещение, подобрать оборудование и рассчитать все параметры, включая энергопотребление и слепящий эффект.

Фотореалистичная визуализация: чтобы заказчик и горожане увидели проект до его реализации, создаются рендеры и анимации в 3ds Max (с Corona или V-Ray) или в набирающем популярность бесплатном Blender. Для быстрых и эффектных прогулочных роликов идеально подходят Lumion и Twinmotion.

Проектирование динамики: «оживление» света, программирование сценариев для медиафасадов и сложных инсталляций — зона ответственности специализированного ПО. Для видеомэппинга это MadMapper или TouchDesigner, для программирования светодиодных систем — Pangolin или ColorKinetics Studio. Синхронизацией всего шоу, включая свет, лазеры и проекции, управляют виртуальные «пульты» — grandMA3 onPC или Avolites Titan.

Симуляция шоу: перед запуском весь праздничный сценарий можно отрепетировать в цифровом двойнике города с помощью Derence² или Capture. Это позволяет избежать ошибок и идеально синхронизировать все элементы.

Этот цифровой конвейер управляет не менее впечатляющим арсеналом физического оборудования, выбор которого напрямую зависит от художественного приема.[3]

Технический арсенал: оборудование для разных световых приемов

Каждый художественный прием требует своего «инструмента».

- 3D-мэппинг (проекции на фасады): основа — сверхъяркие лазерные проекторы (от 20 000 люмен). Управляет ими комплекс из медиасерверов (Plexera) и ПО для точной «привязки» изображения к рельефу здания.

- фейерверк: помимо самих зарядов, используются компьютеризированные системы запуска (FireOne, Cobra), позволяющие синхронизировать пиротехнику с музыкой вплоть до миллисекунды.

- лазерные установки: мощные RGB-лазеры, управляемые через гальванические сканеры, рисуют в небе сложные фигуры. Их работой руководит специализированное программное обеспечение, такое как Pangolin Beyond, с обязательными системами безопасности.

- световые экраны: гибкие, прозрачные или кабинетные LED-экраны различных шагов пикселя. Их «мозг» — видео-контроллеры (NovaStar, Brompton), которые преобразуют видеосигнал для бесшовного отображения на гигантском полотне.

- световые инсталляции и иллюминация: светодиодные неоновые шнуры, адресные ленты, гирлянды. Для создания сложных эффектов «бегущего огня» используются программируемые SPI- или DMX-контроллеры.

Объединяет это разнообразие в единый ансамбль центральная система управления на базе протоколов DMX512, Art-Net и временного кода (Timecode), которая превращает сотни приборов в послушный оркестр, играющий по партитуре светового сценария. Именно

синхронная работа этого комплекса позволяет воплотить в жизнь ключевые принципы современного праздничного освещения.

Принципы и приемы: философия света в городской среде

Опираясь на опыт ведущих студий, можно сформулировать основополагающие принципы, которые делают праздничное освещение гармоничным, безопасным и запоминающимся.

1. Вижу цель — не вижу препятствий. Освещение должно быть разнообразным и динамичным, чтобы создавать интересные визуальные эффекты. Например, можно использовать движущиеся световые проекции, световые фонтаны или подвижные светодиодные конструкции. Современные технологии позволяют запрограммировать целые световые сценарии.

2. Безопасность — это новый чёрный. Самый яркий праздник меркнет, если он неудобен или потенциально опасен. Безопасность конструкций, надёжность монтажа и устойчивость к вандализму и погоде — не технические детали, а обязательные условия. Праздничное освещение должно быть не только красивым, но и функциональным. Например, необходимо обеспечить достаточное освещение пешеходных зон и улиц для безопасного передвижения горожан в тёмное время суток.

3. Не навреди, но улучши. Город — это сложный организм, и праздничный свет должен быть не инородным украшением, а акцентом, подчёркивающим его естественную красоту и не нарушающим экологию. Этот принцип требует глубокого уважения к контексту. Этот принцип диктует отказ от светового загрязнения (засветки ночного неба) через использование точных, направленных прожекторов и экранов. Выбор энергоэффективных технологий и перерабатываемых материалов — это не дань моде, а ответственность перед городом и его будущим.

4. Ты — режиссёр этого света. Самые запоминающиеся городские события — это те, где горожанин становится не зрителем, а соучастником. Этот принцип превращает освещение в инструмент для диалога. Интерактивные инсталляции могут реагировать на шаги, хлопки, касания, меняя паттерны и цвета. Целые фасады могут становиться гигантскими экранами, на которые проецируются рисунки или послания, отправленные жителями через мобильное приложение. Такое вовлечение создаёт сильное эмоциональное присвоение: «этот праздник — частично мой, потому что я повлиял на него». Это не только развлечение, но и мощный социальный инструмент, укрепляющий связь человека с публичным пространством.

5. Семь раз отмерь — один раз зажги. Безупречная картина праздничного освещения — всегда результат скрупулёзной работы «задолго до». Планирование подразумевает создание сценариев на разные случаи: основной праздничный, будничные вечерний, аварийный. Только безупречный план позволяет в нужный момент нажать одну кнопку и зажечь целый город, избежав хаоса и непредвиденных ситуаций. Создание праздничного освещения требует тщательного планирования и координации. Например, необходимо определить места установки светильников, разработать световые сценарии и обеспечить своевременное подключение к электросети.

Эти принципы реализуются через конкретные художественные приемы, каждый из которых обладает уникальной выразительностью. Современные проектировщики активно используют проекции на фасады и памятники (3D-мэппинг), фейерверки, лазерные шоу, устанавливают гигантские светодиодные экраны, создают объёмные световые инсталляции и скульптуры, направляют в небо четкие световые лучи и повсеместно применяют классическую иллюминацию.[4]

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современное праздничное освещение эволюционировало из декоративной практики в комплексную междисциплинарную область — светурбанистику. Оно представляет собой стратегический

инструмент формирования эмоционального климата городской среды, способный не только украшать пространство, но и решать социальные, экономические и идентификационные задачи. Ключевым итогом работы является формулировка пяти основополагающих принципов проектирования праздничного освещения. Эти принципы материализуются через широкий спектр художественных приемов и высокотехнологичное оборудование, управляемое централизованными цифровыми системами. Таким образом, современная светоурбанистика предстает как синтез художественного замысла, инженерной точности и технологической мощи. Ее дальнейшее развитие будет определяться углублением междисциплинарного подхода, внедрением интеллектуальных систем управления и повышением роли социально-ориентированных, интерактивных сценариев, превращающих праздничный город в пространство коллективного творчества и эмоционального присвоения.

Литература

1. Ческидов К. Г. Праздничное оформление города. // Ческидов К. Г., Позднякова Е. А. - М.: Московский рабочий, 1967
2. Птичникова, Г.А. Светоурбанистическое проектирование общественных территорий: тема памяти в контексте освещения города / Г.А. Птичникова, А.В. Казакова // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектур. - 2025. - Вып. 4 (101). - С. 275-282.
3. Гусев Н.М. Световая архитектура \ Гусев Н.М., Макаревич В.Г. Москва: Стройиздат. 1973. – с.248
4. Казакова, А.В. Архитектурно-художественные приемы свето-цветового оформления городских событий (краткий исторический обзор) / А.В. Казакова // Актуальные проблемы и перспективы развития строительного комплекса : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 11-12 дек. 2024 г., Волгоград / Волгогр. гос. техн. ун-т ; под ред. О. В. Бурлаченко. - Волгоград, 2024. - С. 250-257. - 1 электрон.-опт. диск (DVD-R).

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА РЕКРЕАЦИОННЫХ КОМПЛЕКСОВ В АБХАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ СУХУМА)

И.Б. Касландзия¹, магистрант

И.М. Кулешова¹, доцент кафедры архитектуры жилых и общественных зданий

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Рассмотрены этапы развития строительства рекреационных комплексов в Абхазии, приведена характеристика существующих объектов по этапам развития строительства курортных объектов: по размещению в структуре города, этажности, композиции, комфортности, определены факторы, влияющие на проектирование объектов, основные характеристики.

Ключевые слова: рекреационные комплексы, этапы развития туризма, гостиницы, апартаменты, пансионаты.

Введение

Абхазия вошла в ТОП-5 туристических направлений по рейтингу посещаемости российскими туристами, в то же время в стране отсутствует достаточное количество современных рекреационных комплексов, которые могли бы обеспечить не только проживание, но и полноценный отдых, развлечения, оздоровление и культурный досуг. Туризм в республике рассматривается как одна из наиболее доходных и перспективных «точек роста», однако, по-прежнему, действуют факторы, сдерживающие его развитие: высокая изношенность материально-технической базы; отсутствие современной инфраструктуры; несовершенство системы информационного и рекламного продвижения республики на туристическом рынке; невысокое качество обслуживания; несоответствие цены и качества предоставляемых услуг [1].

Основной текст

В Абхазии туризм развивался с 1898 года, когда Сухум был официально признан курортом. Началось строительство гостиниц, меблированных номеров, дач и вилл в стиле модерн, которые составляют основную часть объектов центральной части Сухума и окрестностей [2]. В 1921 -1941 годах происходило массовое строительство домов отдыха. Во время войны многие дома отдыха были переданы в военные ведомства. Примером строительства в этот период является гостиница «Абхазия» архитектора А. В. Щуко. [1,2]. Это была самая большая гостиница в Абхазии — 4-этажная с 90 номерами. На 1-м этаже располагался ресторан и бар, на крыше размещался летний ресторан. Первоначально проектом предполагалось строительство целого комплекса, замыкающего квартал по периметру, объединяя его с гостиницей «Ориенталь». (рис.1,2). В настоящее время после войны гостиница еще не восстановлена. С 1945 по 1960 годы получил широкое распространение как плановый, так и самодеятельный, спортивный, детский и семейный формы туризма. Наиболее крупными реконструированными объектами на территории г. Сухума являются санатории ПВО и МВО, расположенные рядом и построенные в 1950г.(рис.3,4). Они имеют сходные принципы решения генерального плана: главные объекты высотой 14 этажей расположены на расстоянии 50м от береговой линии в парковой зоне. Ориентация номеров – на горы и на море. На первом этаже размещается входная группа, вышележащие этажи отводятся под номерной фонд.

Планировочная структура типового этажа объектов размещения коридорная. Каждый номер состоит из душевой, прихожей, спальной зоны и балкона.

В 1960-е годы развивается строительство санаториев, ведомственных и курортных поликлиник, рекреационные объекты для туристов в Абхазии подразделяются на два типа: гостиницы, пансионаты и дома отдыха.

Рис.1. Гостиница «Абхазия»1932

Рис.2.Гостиница «Ориенталь» 1908

Рис.3. Санаторий МВО в Сухуми

Рис.4. Гостиница Ривьера, 1972

Рис.5. Гостиница Ривьера 2003

Рис.6. Глэмпинг Гаруда, 2022

С 1992 года начался национальный период, все учреждения отдыха стали арендными или частными. В период войны 1992-93гг в Абхазии 80% объектов стала непригодной, с 1993 г. и по сегодняшний день часть восстановлена и реконструирована, а также возведены новые, в т. ч. и малые, мини гостиницы на 25-30 мест, частный сектор, но ни по числу, ни по количеству номерного фонда, уровня середины 80-х гг., ещё не удалось достигнуть, хотя число туристов возрастает активнее увеличения числа койко-мест.

В разных областях Абхазии традиционно сложились разные направления - в Сухумском районе главным направлением развития туризма является пляжный отдых, горный туризм и санаторное лечение. В настоящее время в республике имеются гостиницы разной степени комфортности: 2 звезды – 3; 3 звезды – 758; – 4 звезды – 31; 5 звезд – 3; – без звезд – 1052 объекта. Наиболее крупными существующими объектами размещения (рекреационными комплексами) являются пансионаты и дома отдыха, построенные в период советской власти (рис. 5, 6). Сейчас данные объекты активно реконструируют по инвестиционным программам. Появляются запросы и проекты на строительство новых рекреационных комплексов.

Рекреационными объектами туризма являются: пансионаты - предприятия, расположенные обычно в курортной или сельской местности и предоставляющие комплекс услуг по организации отдыха: услуг размещения, питания, физкультурно-оздоровительных услуг и услуг по организации досуга [3]; гостиницы - предприятия, предоставляющие услуги размещения и в большинстве случаев услуги питания, имеющие службу приема, а также оборудование для оказания дополнительных услуг; апартотели - гостиницы, номерной фонд которых состоит из номеров категории студия и/или апартамент.

Опыт строительства рекреационных объектов в аналогичных с Абхазией природно-климатических условиях представлен в Сочи. Одним из наиболее интересных объектов в 2010-2015гг. стал 30-ти-этажный комплекс «Актер Гэлакси», состоящий из 674 апартаментов свободной планировки с видом на море, площадь которых составляет от 35 до 500 кв. м. Комплекс расположен на территории бывшего санаторного комплекса «Актёр», построенного более 30 лет назад. В плане здание напоминает вытянутую каплю, в толщу которой помещён двор-atrium, перекрытый на высоте 38 метров прозрачной крышей. Вторя рельефу участка, «капля» сужается в сторону моря и понижается с каждым этажом, что позволяет создать на каждом уровне апартаменты с обращёнными к морю террасами, а также открыть вид на море из квартир, выходящих балконами в атриум. Главный вход в здание осуществляется со стороны Курортного проспекта, он разделен на два вестибюля, из которых можно попасть в фитнес-центр и помещения общественного назначения, а также во внутренний двор. В «носовой», обращённой к морю, части здания находится ещё один входной вестибюль – он расположен ниже основного входа, на отметке -9.900 м. Здание располагает трехуровневым подземным гаражом на 344 машино-места. На территории комплекса расположены: закрытый и открытый бассейны, бутики, SPA-центр, фитнес-клуб, детские площадки, теннисный корт, ресторан и бар, сервисные службы. На верхних этажах комплекса каскадом расположены пентхаусы с увеличенной жилой площадью и большими открытыми террасами. Аналогичных комплексов в Абхазии пока нет.

Из зарубежного опыта аналогом может служить Комплекс Le Belaroya 2019г, Франция. г. Монпелье. "Белароя" -это многофункциональный комплекс, состоящий из 12-ти этажей, включающий в себя: подземную парковку, два этажа с общественной функцией - бизнес центр с открытой террасой на первом и втором этаже, ресторан на первом этаже, с третьего по одиннадцатый этаж расположен номерной фонд, состоящий из двух гостиниц с третьего по седьмой этаж (3-звездочную гостиницу Campanile, 4-звездочную гостиницу Golden Tulip), и 12 апартаментов с восьмого по одиннадцатый этаж.

Seamarq Hotel в Южной Корее построен в 2016г. в г. Каннин и расположен на вершине плато очень близко к океану, как будто вырастает из-под земли. Банкетный зал расположен на нижнем плато, соединенном мостом, оба здания интегрированы в ландшафт. Геометрическая форма башни отеля повторяет мягкие очертания и контуры холма: 11-

этажная трапециевидная башня возвышается на вершине четырехэтажного основания, вмещающего 150 гостевых номеров. Почти все номера имеют вид на океан, а некоторые — на близлежащее озеро Кёнпхо и далекие горы Тхэбэк». Открытая терраса и мыс с бассейном и панорамным видом на океан — фирменное пространство отеля на пятом этаже. Помимо того, что это место для общественных мероприятий, солнечная терраса выступает в качестве переходного пространства между невысоким основанием и высокой башней. При проектировании здания, которое находится на воде, вид на воду имеет приоритет, так что все общественные пространства, все жилые помещения выходят на воду. Таким образом, существует связь между открытостью и закрытостью, между непрозрачностью и прозрачностью. Ресторан расположен в существующем ландшафте на один уровень ниже вестибюля и предлагает непосредственный и близкий вид на море и пляж. Спа-центр находится еще на один уровень ниже, с пространствами, открытыми для густой растительности и ландшафта, а его форма следует естественной форме холма. Президентский люкс находится на вершине башни с просторной террасой и внутренним садом с открытым видом во всех направлениях.

Функциональная схема зданий число объектов на территории в схожих климатических условиях почти не различается и зависит от площади участка, видовых точек и нормативных требований. Отступ объекта от береговой линии определяется выделенными границами земельного участка. Многоэтажный объект располагается, ориентируясь на лучшие видовые зоны (горы, море) на расстоянии до 200 м от береговой линии, предоставляя большую часть территории под благоустройство, рестораны и иные общественные функции малой этажности. Функции могут быть как отдельными зданиями, так и объединены в единое, в зависимости от площади участка, рельефа и видения архитектора. Этажи находящиеся в уровне земли, прилегающие к общественным зонам... отводятся под общественные функции (Рестораны, крытые бассейны, спортзалы, бильярдные) вышележащие этажи отводятся под номерной фонд.

В Сухуме в северо-западной части города на месте старого морского порта выделен новый район для развития строительства рекреационных объектов, что предполагает возможность строительства крупных комплексов, являющихся наиболее комфортными, но требующие больших капитальных вложений. Территория морского порта позволяет расположить рекреационные комплексы в несколько рядом. Как установлено, наиболее востребованными территориями размещения рекреационных комплексов являются первая и вторая линия водоёмов (моря, озёра, реки) и заповедные территории, расположенные максимально близко к городу. Здесь могут располагаться комплексы 4 и 5 звезд по уровню комфорта. Территории за пределами центра Сухума по градостроительному плану не имеют ограничения этажности и ограничиваются только коэффициентом плотности застройки.

Таким образом на территории морского порта целесообразно строить многоэтажные комплексы с высоким уровнем комфортности.

Функционально здесь необходимо обслуживание, предназначенное не только для гостей, но и для постоянного населения прилегающей существующей застройки.

Выводы

1. Увеличение потока туристов в Абхазию и роль туризма в экономике страны делают необходимым строительство новых рекреационных комплексов.
2. В Сухуме развит прежде всего пляжный отдых, исторический туризм, но недостаточно уделяется внимание созданию объектов, связанных с культурой и историей Абхазии.
3. Формирование крупных рекреационных комплексов в Сухуме предполагает учет природно-климатических условий, использование культурно-исторических особенностей, удовлетворение духовных и интеллектуальных, потребностей туристов

4. Основными жилыми объектами нового строительства являются гостиницы, апартаменты и пансионаты, в основном сохранившиеся со времени СССР. Недостаточно количество комплексов с высоким уровнем обслуживания -от 3 до 5 звезд.

5. Архитектурно-планировочные решения существующих объектов отдыха имеют две тенденции - в центральном районе города размещаются исторические здания, в новых районах и курортных зонах применялись многоэтажные здания пансионатов, санаториев, расположенные в парковых зонах с отдельным и встроенным расположением объектов обслуживания.

Литература

1. Бгажба А.О., Цужба А.С., Шатиба Х.К. Социально-экономические процессы в современной Абхазии (2008-2012). Сухум: Центр стратегических исследований при Президенте Абхазии. 2014г. 149с.
2. Агумаа А. С. *Старый Сухум*. Сухум: Министерство культуры и охраны историко-культурного наследия. 2016.
3. Национальный стандарт Российской Федерации. Общие требования к услугам санаториев, пансионатов, центров отдыха. (ГОСТ Р 54599-2011, 2012)
4. Ольхова А. П. Гостиницы. Архитектору-проектировщику. М., Стройиздат. 1983г.
5. Цулая И. Индустрия туризма и гостеприимства. Сухум. 2022 (<https://arch-sochi.ru/2009/10/actorgalaxy/>, 2007-2015)

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В.А. Ковалев¹, аспирант

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва*

Аннотация. В работе исследуется параметрическое формообразование как метод повышения адаптивности и функциональной устойчивости медицинских учреждений. Предлагается интегрированный цифровой подход, объединяющий параметрическое моделирование, BIM и симуляционные методы. Предложена система функциональных модулей, сформированная с применением параметрических методов и интеграцией BIM-инструментов. Определены принципы объединения модулей в гибкую пространственную структуру с учётом нормативных и потоковых параметров. Результаты демонстрируют высокий потенциал применения параметрических методов в формировании устойчивых архитектурных систем в структуре объектов здравоохранения.

Введение

Архитектура медицинских учреждений исторически формировалась как система строго регламентированных пространственных структур, отражающих представления о гигиене, изоляции и функциональной иерархии. Павильонная система XIX века, централизованные больничные комплексы XX века и блочно-секционная организация сложившаяся в время индустриального периода демонстрируют последовательную эволюцию типологии, однако сохраняют принцип пространственной фиксированности.

Современный этап характеризуется ростом неопределённости: эпидемиологические вызовы, ускорение медицинских технологий, изменения нормативной базы. В этих условиях возникает потребность в переходе к адаптивной архитектурной модели.

Методологические основания и исследовательский контекст

Развитие параметрической архитектуры теоретически осмыслено в трудах Патрика Шумахера, который рассматривал параметризм как системный метод организации сложных пространственных структур [1]. В контексте медицинских учреждений данный подход получает прикладное развитие через интеграцию BIM и генетические (эволюционные) алгоритмы.

Проблема адаптивности медицинских учреждений активно обсуждается в зарубежных исследованиях, однако преимущественно в контексте эксплуатационных показателей и доказательной медицинской базы. Работы R. Ulrich и соавторов демонстрируют влияние пространственной организации среды на клинические и поведенческие показатели пациентов и персонала [2].

В публикациях научных журналов, таких как Building and Environment анализируется влияние планировочных решений и инженерных параметров на эффективность функционирования медицинских объектов [3]. В издании Automation in Construction рассматриваются возможности цифрового моделирования и BIM-технологий для оптимизации проектирования и эксплуатации общественных зданий со сложной планировочной структурой, включая учреждения здравоохранения [4,5].

Отдельное направление составляют исследования потоков в системе больничных комплексов, где применяется количественный анализ маршрутов пациентов и персонала с использованием инструментов пространственного синтаксиса и дискретно-событийного моделирования, с помощью агентных систем, что позволяет оценивать функциональную эффективность планировочной структуры [6].

При этом в большинстве публикаций параметризация рассматривается как инструмент оптимизации отдельных эксплуатационных показателей, тогда как её комплексное типологическое значение и потенциал как механизма повышения адаптивности и функциональной устойчивости медицинского учреждения, остаются недостаточно теоретически описанными и сформулированными.

Современные цифровые подходы в архитектуре медицинских учреждений

Анализ современных международных проектов демонстрирует переход от фиксированной функциональной схемы к цифровой координированной и модульно-организованной модели медицинского учреждения. Комплексы New Karolinska Solna Hospital, Royal Adelaide Hospital, New North Zealand Hospital и Hospital Universitario Rey Juan Carlos реализованы с активным применением BIM-координации и цифрового моделирования. В данных проектах пространственная структура формируется на основе повторяемых функциональных модулей, что обеспечивает возможность поэтапного развития, перераспределения нагрузок и интеграции новых технологий без нарушения эксплуатационного режима.

В проекте Al Wakra Hospital параметрические методы применены для согласования сложной оболочки с конструктивной и инженерной системами при сохранении рациональной внутренней модульности. Медицинский центр Hadassah Medical Moscow является примером с применённой функцией цифровой координации при формировании высокотехнологичной планировочной структуры. Исследовательская инициатива «Hospital of the Future», разработанная Buro Happold совместно с ОМА, предлагает адаптивную модель больницы, основанную на принципе горизонтальной модульности и индустриального способа сборки с использованием аддитивных технологий.

Указанные примеры подтверждают тенденцию к использованию цифровых инструментов (BIM, Revit+Dynamo, Rhinoceros+Grasshopper) для оптимизации планировочных структур и координации сложных медицинских процессов. Однако в большинстве случаев параметризация применяется как инструмент проектной оптимизации одного из критериев, не пересматривая саму типологию объекта. В рамках настоящего исследования параметрическое формообразование рассматривается шире - как морфогенетический механизм, в котором модульность, потоковые параметры и нормативные ограничения интегрируются в единую конфигурационную модель. Такой подход позволяет интерпретировать адаптивность и функциональную устойчивость не как следствие эксплуатации, а как структурно заложенное свойство пространственной организации.

Результаты исследования

В ходе работы была разработана система функциональных модулей медицинского учреждения, сформированная с применением параметрических методов. В качестве базовой единицы проектирования принят модуль - пространственный блок, объединяющий взаимосвязанные помещения (лечебные, диагностические или вспомогательные) и обладающий заданными характеристиками: нормативной площадью, допустимой длиной маршрутов, требованиями к изоляции и инженерной нагрузке.

Параметрический подход позволил определить принципы объединения таких модулей в единую структуру. Вместо фиксированной планировочной схемы предложена конфигурационная модель, в которой модули могут соединяться по принципу функциональных кластеров, формируя гибкую систему связей. Организация потоков пациентов и персонала учитывается на этапе формирования структуры, что снижает вероятность пересечений и повышает управляемость пространства.

Разработанная модель допускает различные варианты развития учреждения: поэтапное расширение, временную изоляцию отдельных блоков, перераспределение

функций без вмешательства в несущую основу здания. Это достигается за счёт автономности модулей при сохранении общей логики инженерной инфраструктуры и транспортных связей.

Таким образом, параметрическое формообразование в предложенной системе выступает не только инструментом проектной оптимизации, но и способом структурного обеспечения адаптивности. Гибкость достигается через вариативность комбинаций модулей, а функциональная устойчивость - через сохранение устойчивых связей между ними при изменении масштаба или режима эксплуатации.

Заключение

Исследование показало, что параметрическое формообразование может выступать не только инструментом частной проектной оптимизации, но и основой структурной трансформации медицинских учреждений. Предложена модульная система, в которой адаптивность и функциональная устойчивость закладываются на уровне пространственной конфигурации, а не достигаются постфактум организационными мерами. Разработанные принципы объединения модулей позволяют формировать гибкую архитектурную структуру, способную к поэтапному развитию и изменению эксплуатационных сценариев. Новизна подхода заключается в интерпретации больницы как параметрически управляемой системы, где пространственная организация определяется взаимосвязанными нормативными и потоковыми параметрами. Представленная модель находится на стадии дальнейшей разработки и апробации, однако полученные результаты формируют теоретическую основу для внедрения конфигурационных методов в практику цифрового проектирования объектов здравоохранения.

Литература

1. Schumacher P. Parametricism as Style – Parametricist Manifesto // *Architectural Design*. – 2009. – Vol. 79, № 4. – P. 14–23.
2. Ulrich R. S., Zimring C., Zhu X. et al. A review of the research literature on evidence-based healthcare design // *Health Environments Research & Design Journal*. – 2008. – Vol. 1, № 3. – P. 61–125.
3. Huisman E. R. C. M., Morales E., van Hoof J., Kort H. S. M. Healing environment: A review of the impact of physical environmental factors on users // *Building and Environment*. – 2012. – Vol. 58. – P. 70–80.
4. Eastman C., Lee J.-M., Jeong Y.-S., Lee J.-K. Automatic rule-based checking of building designs // *Automation in Construction*. – 2009. – Vol. 18, № 8. – P. 1011–1033.
5. Zhao C., Yang J., Xiong W., Li J. Two generative design methods of hospital operating department layouts // *Journal of Central South University*. – 2021. – Vol. 28, № 3. – P. 756–770.
6. Karvonen S., Eskola M., Haukilahti A., Porkkala T. Patient-flow analysis for planning a focused hospital layout: Tampere Heart Hospital case // *Health Environments Research & Design Journal*. – 2022. – Vol. 15, № 3. – P. 264–273.

К ВОПРОСУ РАССМОТРЕНИЯ ТЕРМИНА «ЦВЕТОПРОСТРАНСТВО»

В.А. Самогоров¹, профессор, кандидат архитектуры
Е.Д. Конкина¹, аспирант

¹ Самарский технический университет, Самара

Аннотация. В рамках данной статьи будет рассмотрен ряд вопросов, относящихся к теме «цветовое пространство архитектурного объекта» (ЦПАО) для дальнейшего уточнения термина и структуры подхода к изучению ЦПАО, формированию его теоретической базы и практического применения. Были проанализированы многоуровневая структура рассмотрения ЦПАО, многоаспектность структуры ЦПАО и в качестве результата была также сформирована теоретическая модель состава ЦПАО, то есть была структурирована существующая теория и предложен выход в практическую и методологическую сферу.

Введение

Впервые термин «цвето-пространство» упомянул Гинзбург в статье «Цвет в архитектуре» 1929 года [1] и поставил общую проблематику вопроса организации цветом структуры, объема и среды, т.е. пространства с точки зрения его функционального назначения в интерьерах и психофизиологической реакции человека на цвет. Несмотря на очевидную значимость, вопрос формирования цветопространства архитектурного объекта до сих пор не получил системного теоретического осмысления.

М. Гинзбург описывает проблематику цвета в архитектуре, классифицируя отдельные составные элементы вопроса: *цветоданность* – психофизиологическое воздействие цвета на человека; *цветосуществование* – присвоение тем или иным элементам архитектуры функционально оправданного цвета, т. е. система сосуществования цветов или их контрастного воздействия определяется как чисто функциональное использование цвета; *цвето-свет* – цветовая коррекция света, при которой пространство организуется объемами, которые отделяются свето-теневым контрастом, таким образом, из-за собственных свойств цвета можно решать проблему цветового выявления внутренних граней объема, то есть интерьера; *цвето-пространство* – размещение цвета в пространстве, когда акцентируется пространственная роль плоскости, т.е. появляется пространственный эффект цветового решения. Таким образом он вводит понятие «*цвето-пространства*» и трактует его как способ сознательной организации цветом структуры, объема и среды.

С развитием технологий и изучением оптики возникло несколько других трактовок термина «цветовое пространство» («*color space*») и «цветовое тело» [2], которые используются как модели представления цвета в виде цветовых координат. Также существует отдельный ряд исследований, посвященный методологии формирования цветового пространства города [3].

Таким образом, было принято решение упорядочить существующую теоретическую базу в рамках исследования вопроса ЦПАО и предложить дальнейшее практическое применение и развитие данной теории.

Уровни рассмотрения цветового пространства архитектурного объекта

Вопрос рассмотрения уровней ЦПАО возник в связи с множеством существующих исследований, существующих независимо друг от друга, о роли цвета в городской среде [3] и интерьере [2] и формообразующих свойствах цвета [4]. Таким образом была сформирована упорядоченная многоуровневая структура рассмотрения ЦПАО, в рамках которой выделяется средовой контекст, архитектурная форма и внутренне пространство.

Средовой контекст представляет собой окружение, в котором находятся архитектурные объекты. В нем выделено два типа: *городская среда и природная*. С точки зрения ЦПАО природная среда меняет свою колористику согласно природному сезону, времени суток, погодному состоянию среды (атмосферы) и имеет определенную полихромную и световую данность в зависимости от географического положения. В городском контексте все аналогично, но при этом добавляется культурный, смысловой и градостроительный аспекты среды [3, 4]. Кроме состояния атмосферы, сезона года и времени суток и расположения, пространство зависит от способа организации городской среды (эпоха застройки, масштаб поселения, функциональная зона и т.д.), её исторической значимости, культурного код среды, транспортно-пешеходного и функционального каркаса городской среды. Также отдельное состояние ЦПАО представляет ночной город, когда искусственная среда получает альтернативный (ночной) световой образ [5], который отсутствует в природе.

При рассмотрении *архитектурной формы* (экстерьер, фасад объекта) принимается во внимание тот факт, как выглядит внешняя структура объекта, его образ сам по себе, и как архитектурная форма взаимодействует с другими формами. Цвет на этом уровне решает сразу несколько принципиальных вопросов: колористически выделяет объект из среды или включает в нее (отдельный случай – реставрация, когда принимается решение о цветовой палитре, т.к. в соответствии с историческим контекстом здание может быть окрашено в разные оттенки); выявляет культурный код и формирует смысловой слой восприятия объекта; эмоционально и эстетически воздействует на человека. Историко-культурный слой обычно является наиболее важным с точки зрения работы образа объекта в городе в рамках вопросов исторической полихромии и культурного цветового кода [3, 4].

Интерьер в первую очередь рассматривается на функциональном (утилитарном) уровне, с учетом психологического состояния человека, а также на уровне семантики внутреннего пространства (смысловая составляющая). Цветовая гамма во многом определена назначением внутреннего пространства и целенаправленным получением ощущения наблюдателя [1, 6, 7].

Таким образом, рассмотрены уровни существования цветового пространства архитектурного объекта, описаны особенности каждого из уровней, которые позволяют вывести аспекты и компоненты ЦПАО. Схема уровней рассмотрения указывает на то, что цветопространство – термин, который относится не только к интерьерному пространству, но и к городскому контексту, и на каждом уровне работает по-своему.

Основные аспекты исследования цветового пространства архитектурного объекта

Для анализа ЦПАО были выделены следующие основные аспекты его формирования: светотехнический, психофизиологический, утилитарный, исторический, архитектурно-художественный, семантический (феноменологический). Каждый из аспектов позволяет раскрыть особенности проектирования ЦПАО с разных точек зрения, и, следовательно, создать систематизированный подход к организации ЦПАО.

Светотехнический аспект – один из основополагающих, включает в себе оптические основы организации визуального облика пространства [5], в рамках которого рассматривается физическая основа работы с цветом и светом. Этот аспект включает колориметрию с методами количественного измерения и описания цвета, описание цветовых оттенков с учетом таких параметров. Техническая оценка качества цвета через объективные параметры, которые можно измерить (длина волны излучения, чистота и яркость) и систематизировать оттенки в различных моделях цветовых пространств.

Психофизиологический аспект раскрывает особенности цветового зрения и реакций глаза на цвет. Он выражен в таких темах как трехкомпонентная теория цветового зрения Юнга-Гельмгольца, оппонентная теория цветового зрения и светоцветовая адаптация и также объясняет явления иллюзий восприятия [5].

Утилитарный аспект отражает связь цвета с функцией пространства. В его основе лежит физиологическая реакция человека на цвет и его самочувствие, а также способность цвета преобразовывать геометрические параметры и ощущения наблюдателя при восприятии пространства [1, 6, 7]

Исторический аспект включает в себя историю изменения отношения к цвету на разных этапах ее эволюции [4, 7, 8], технологии обработки материалов и добычи пигментов и красителей, которые напрямую влияли на представления о цвете, используемой цветовой гамме, а также на лингвистическую и смысловую систему мышления при формировании определенного культурного кода.

Архитектурно-художественный аспект раскрывает работу цвета в рамках композиции, колористики и теории архитектуры. Он описывает простые законы и то, как с помощью цвета можно изменять ощущение геометрии пространства (формобразующая роль цвета) [4], авторские методы работы с ключевыми элементами архитектуры [2], а также колористические законы построения цветовых композиций на основе цветовых контрастов [9].

Семантический или феноменологический аспект рассматривает цвет с точки зрения привносимого субъектом смысла и ассоциаций, которые возникают при восприятии. Он включает в себя философское отношение к вопросу онтологии цвета, описывает его дуализм и относительность – является ли цвет объективной характеристикой предмета или формируется в качестве результата восприятия [10].

Уточнение термина «ЦПАО». Генерализованная модель

теоретико-методологическая изучения ЦПАО

На рисунке 1 показана теоретико-методологическая модель, которая была разработана на основе проанализированного материала. Подход к изучению, систематизации и разработке методологии работы с ЦПАО в общем делится на две составляющие: теоретическую базу и практико-методологическое содержание. В теорию входят предпосылки использования цвета на практике, т.е. уровни существования ЦПАО в материальном мире и аспекты его рассмотрения. В методологии и практике рассматривается на конкретных примерах формы использования основных элементов ЦПАО и подходы к его проектированию. Таким образом, с помощью уровней восприятия ЦПАО выявлены наиболее важные компоненты цветопространства, чтобы в дальнейшем на примере существующих объектов и авторских методов работы сформировать и описать основные подходы к проектированию ЦПАО. Аспекты состава ЦПАО помогают выявить различные точки зрения, через которые также будут формулироваться в дальнейшем подходы к проектированию.

На основе изученного материала было уточнено понятие «цветопространство архитектурного объекта» (ЦПАО) – свето-цветовая пространственная среда (города и здания, интерьера и экстерьера архитектурного объекта), являющаяся результатом взаимодействия ее сущностных компонентов – света, цвета, формы и субъекта восприятия. Цветовая среда архитектурного объекта формируется светом, формами, поверхностями, плоскостями, элементами дизайна, ландшафта, людьми и другими компонентами, которые раскрывают его смысловую составляющую. Объектом дальнейших исследований становится цветопространство; предметом исследования – архитектурно-художественный облик цветопространства архитектурного объекта, рассматриваемый на трех иерархических уровнях его существования – среды, архитектурной формы, внутреннего пространства архитектурного объекта – интерьера.

Цветовой облик пространства формируется взаимодействием ключевых компонентов архитектурной среды, а воспринимается в сенсорном психологическом и культурном изменении. Он включает в себя: физические элементы – свет, материал, формы, символические, коммуникативные и поведенческие мотивы; локальное проявление более

общих феноменов, таких как световое поле, городская колористика, архитектурная семиотика; творческий потенциал – выразительные средства проектирования, а также объект научного познания в архитектуре. Теория ЦПАО занимает пограничное положение между световой теорией, колористикой, семиотикой, образуя нишу на стыке науки, архитектурного проектирования, дизайна, феноменологии и психофизиологии восприятия.

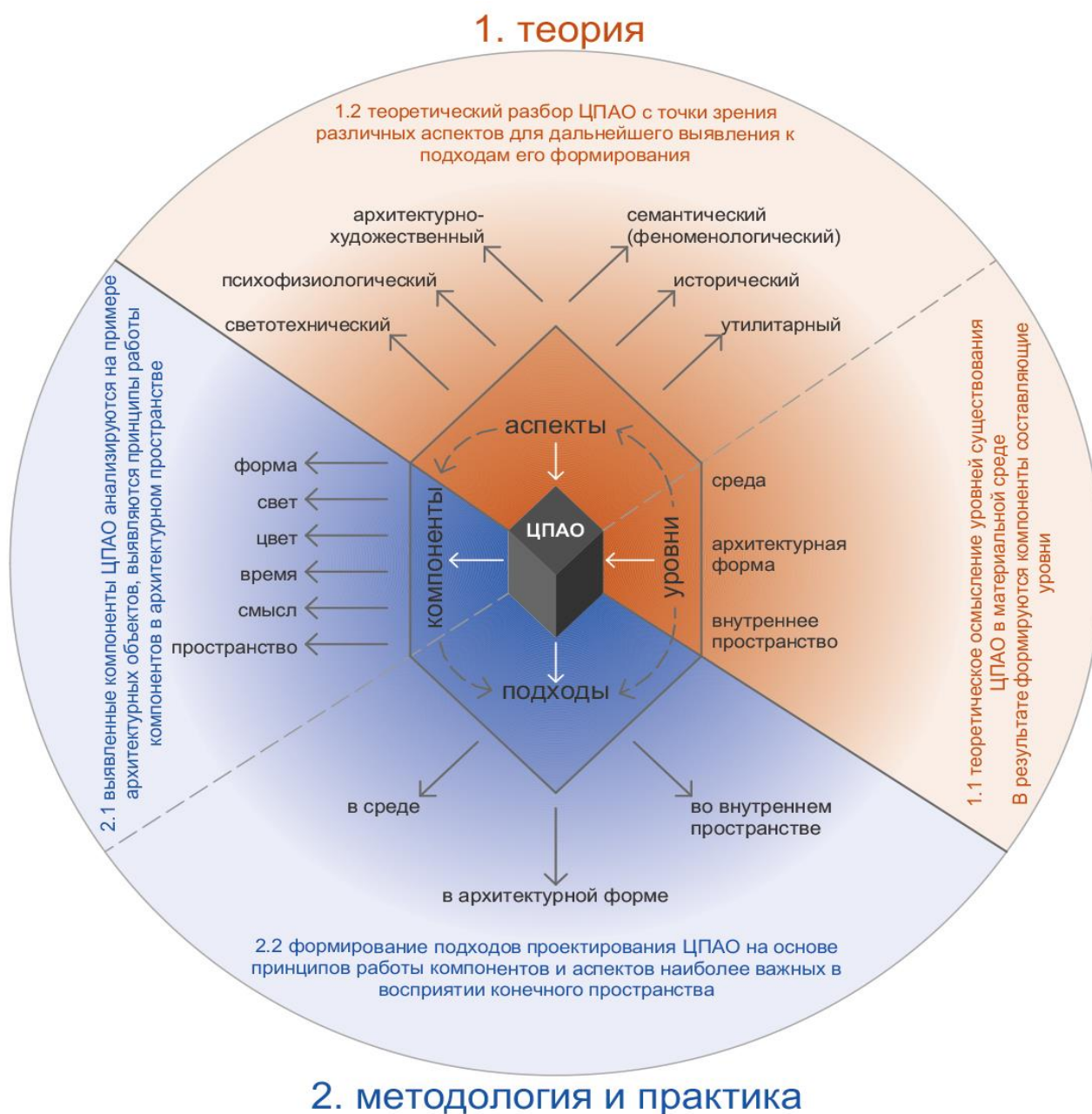

Рис. 1. Генерализованная модель исследования теоретико-методологического содержания цветового пространства архитектурного объекта

Выводы

1. Выявлена многослойная структура цветопространства архитектурного объекта (ЦПАО) на трех уровнях: контекст, архитектурная форма, внутренне пространство объекта. Рассмотрены особенности его организации на каждом из уровней.

2. Изучена многоаспектная структура ЦПАО, к основным из которых были отнесены: светотехнический, психофизиологический, архитектурно-художественный, утилитарный, исторический, семантический аспекты.

3. На основе изученной теоретической базы сформирована генерализованная модель изучения ЦПАО, в которой выявлены теоретическая и практическая части. Данную модель предполагается использовать как основу для дальнейших исследований в области определенной проблематики и при формировании методологии внедрения в реальную практику проектирования.

4. Также на основе описанных теоретических исследований было уточнено понятие «цветопространство архитектурного объекта».

Литература

1. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. — М.: Стройиздат, 1996. — 703.
2. Самогоров В.А., Фадеев А.В., Аверина П.О. Формирование цветового пространства архитектурного объекта. — Самара: СамГТУ, 2020. — С. 109.
3. Грибер Ю.А. Методы изучения и проектирования цветового пространства города: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 156 с.
4. Ефимов А.В., Панова Н.Г. Архитектурная колористика и пластические искусства: монография / Андрей Владимирович Ефимов, Наталья Геннадьевна Панова. - 2 изд. - М.: БуксМАрт, 2019. — С. 424.
5. Щепетков Н. И. Световая архитектура и светодизайн города и интерьера: Глоссарий — иллюстрированный терминологический словарь-справочник. — М.: — Издательство «Перо», 2024. — С. 312.
6. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек — цвет — пространство: Прикладная цветопсихология. — Москва, 1973. — С. 141.
7. Фальчинелли Р. Хроморама. Как цвет изменил наш взгляд на мир / Пер. с итальянского. — М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2025. — С. 472.
8. Миронова Н.В. Цвет в изобразительном искусстве. — М.: Академический проект. 2004. — С. 303.
9. Иттен Й. Искусство цвета. Равенсбург, Германия, 1970. — С. 98.
10. Maund B. Color [Сайт] // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta. — Fall 2023 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/color/> (дата обращения: 10.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ОТ ВРЕМЕННОГО СОБЫТИЯ К ПОСТОЯННОМУ НАСЛЕДИЮ

**Н.А. Коновалова¹, советник РААСН, кандидат искусствоведения, заместитель
директора по научной работе**

*¹Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и
градостроительства – филиал «ЦНИИП Минстроя России», Москва*

Аннотация. Проанализирована эволюция подходов к постэкспозиционному использованию территорий Всемирных выставок (Экспо) с середины XIX века до наших дней. На примере выставок в Шанхае (2010 г.), Милане (2015 г.), Дубае (2020 г.) и Осаке (2025 г.) анализируются различные модели формирования градостроительного наследия: от регенерации промышленных зон до создания «с нуля» инновационных кластеров и экологически устойчивых районов. Делается вывод, что ключевым фактором успеха современной выставки является изначальное определение и проектирование «второй жизни» территории, превращающее временное событие в долгосрочный инструмент для комплексного преобразования городской среды и устойчивого развития города.

Введение

Организация Всемирных выставок (или Экспо) традиционно связана не только с демонстрацией технологических и культурных достижений, но и с последовательным и всесторонним градостроительным планированием, где выбор территории играет ключевую роль. В истории Экспо прослеживаются две основные стратегии размещения: интеграция в существующую городскую среду и освоение новых, часто периферийных или специально спроектированных зон. Первый подход предполагает адаптацию выставочных объектов к уже сложившейся инфраструктуре, что может усиливать культурный и экономический потенциал города, но часто сопряжено с пространственными ограничениями. Второй ориентирован на создание «экспозиционных городов» с нуля, что открывает возможности для масштабных градостроительных экспериментов, но ставит серьезный вопрос о дальнейшем использовании территорий после закрытия выставки. В свете этого приобретает особую актуальность выбор критериев и подходов к определению территорий для размещения Всемирных выставок нового поколения. Ведь необходимо обеспечить не только успешное проведение международного мероприятия столь высокого уровня, но и устойчивое развитие выбранной для Экспо территории после ее завершения. Как оставить после Экспо градостроительное наследие, отвечающее требованиям современности? Эта проблема требует комплексного анализа исторического опыта, особенностей национальных градостроительных традиций и современных требований к экологической, социальной и функциональной устойчивости выставочных пространств.

Эволюция подходов к использованию территорий Всемирных выставок

Изменение подходов к использованию выставочных территорий отражает глубинное изменение философии урбанизма и пересмотр отношения к мега-событиям и их наследию. Оценка крупнейших международных смотров, Всемирных выставок (или Экспо), с момента их возникновения в 1851 г. и до настоящего времени претерпела значительную трансформацию. Особенно ярко она проявляет себя в эволюции подходов к выбору и использованию выставочных территорий.

Первоначально Всемирные выставки носили демонстрационно-презентационный характер и тяготели к размещению в столицах или крупнейших городах стран-организаторов. Эти места символизировали политический, экономический и культурный центр государства, обладали развитой инфраструктурой и были ориентированы на

максимальный охват публики. Выставочные павильоны, часто временные, создавались как «визитные карточки» наций, призванные в сжатой форме представить национальную идентичность, технические достижения и культурные традиции мировому сообществу. Наследие если и возникало, то почти случайно, как побочный продукт невероятной популярности или утилитарной полезности того или иного сооружения. Ярчайший пример — Эйфелева башня, оставшаяся на Марсовом поле вопреки первоначальным планам. Успех измерялся тогда кассовыми сборами, потоком посетителей в момент проведения Экспо, и отчасти, полученным резонансом, но никак не долгосрочным вкладом в город.

Со второй половины XX века, параллельно с изменением роли Всемирных выставок, переходу от чистой демонстрации к диалогу и поиску решений глобальных проблем, произошел кардинальный сдвиг в градостроительной стратегии их организации. Пришло понимание, что грандиозные усилия и инвестиции должны оставлять городу нечто большее, чем память. По словам Г.А. Птичниковой, «события дают возможность городу представиться миру, получить мировую известность и изменить свой архитектурный облик путем строительства уникальных сооружений» [1]. Выставки стали инструментом целенаправленного создания крупных общественных благ — парков, культурных комплексов, выставочных центров. Местом проведения Экспо все чаще становятся не сложившиеся центральные районы, а территории, требующие ревитализации, трансформации или импульса к развитию. Выставка начинает рассматриваться не как временное независимое событие, а как катализатор городского развития, инструмент комплексного преобразования проблемных или периферийных городских зон.

Новый подход направлен уже на долгосрочное планирование, согласно которому временные выставочные сооружения и специально созданная инфраструктура после завершения Экспо получают новое, постоянное функциональное наполнение. Появляется возможность создать произведение, получающее мировое признание как великое произведение «градоустроительного творчества» [2]. Таким образом, выбор территории, нуждающейся в преобразовании, становится осознанной выверенной стратегией, преобразующей краткосрочное международное событие в долгосрочный импульс для качественного изменения городской среды. Территории выставок превращаются в новые общественные центры, парковые зоны, жилые кварталы или деловые кластеры. Таким образом, инвестиции в мероприятие окупаются не только культурным и имиджевым капиталом, но и устойчивым социально-экономическим развитием территории, улучшением ее экологических характеристик. Наследие Экспо перестает быть случайным, оно планируется, но все еще остается, как правило, единичным или тематически ограниченным — парк, музей, спортивный комплекс. Всемирные выставки этого периода создают точку притяжения, модернизируют или наделяют новым качеством территорию, но не преобразуют городскую ткань вокруг себя.

Современный период, начиная с последней четверти XX века, ознаменовал собой радикальный сдвиг в постэкспозиционном использовании территорий Всемирных выставок. Экспо перестала быть самоцелью и превратилась в мощный стратегический инструмент городского планирования, в «драйвер» сложных преобразований городской среды. Территория для размещения Экспо стала уже выбираться не за престижность, а за проблемность, которая стала рассматриваться как стратегический потенциал. Выбор стал преимущественно останавливаться на заброшенных промышленных зонах, портовых территориях, депрессивных окраинах, либо, наоборот, на абсолютно новых, неосвоенных землях, имеющих урбанистическую перспективу. Цель современного подхода заключается в том, чтобы использовать жесткие сроки и концентрированные инвестиции такого мега-события как Экспо для быстрого решения долгосрочных городских проблем: проложить новые ветки метро, создать очистные сооружения, рекультивировать загрязненные земли, выстроить каркас новой инфраструктуры и т.д.

Философия наследия Всемирных выставок в современный период стала определяющей. Мастер-план «второй жизни» выставочной территории разрабатывается не

после, а до выставки, становясь стержневым ориентиром ее планировки и архитектуры. Временные павильоны страны-хозяйки Экспо начинают уступать место структурам, изначально спроектированным для последующего преобразования в офисы, музеи, научные или деловые центры, инновационные кластеры. Наследием Экспо уже становится не символ или парк, а целый новый, многофункциональный район с устойчивой стратегией развития и прописанной экономической моделью. Успех Всемирной выставки теперь можно оценивать на протяжении нескольких десятилетий исходя из степени интеграции этого района в общую структуру города, его экономической жизнеспособности и социальной активности. В этой парадигме шестимесячная Экспо становится лишь начальным периодом в истории долгой жизни нового городского организма.

Наследие Всемирных выставок XXI века

Эволюция подходов к постэкспозиционному использованию территорий Всемирных выставок представляет собой отражение трансформации всей философии урбанизма. Стратегическое планирование мега-событий мирового масштаба ознаменовало собой переход от логики эфемерного праздника к парадигме функционального наследия, что является центральным сюжетом в осмыслении роли подобных событий в современном мире. Их краткосрочный пик социальных, экономических и культурных последствий не является уже высшей целью. Яркой иллюстрацией произошедшей эволюции служит анализ подходов к выбору территорий последних Всемирных выставок - в Шанхае (2010 г.), Милане (2015 г.), Дубае (2020 г.) и Осаке (2025 г.).

Шанхайский подход можно охарактеризовать как модель урбанистической регенерации. Территория Экспо-2010 стала катализатором масштабной трансформации промышленных зон в новый культурно-деловой кластер. Ключевым элементом стратегии стало выборочное музеефицирование нескольких знаковых павильонов, например, главный павильон принимающей страны, Павильон Китая, был превращен в Музей искусства Восточного Китая. Однако большая часть временных сооружений была демонтирована для освобождения места под масштабную коммерческую застройку, включающую штаб-квартиры корпораций, отели, элитное жилье, торговые объекты и рекреационные зоны. Экспо парк вдоль реки был сохранен и интегрирован в систему общественных пространств Шанхая, став современным ландшафтным объектом, в своем дизайне сохраняющим память о промышленном наследии города. Важнейшим прецедентом в истории Всемирных выставок стало сохранение в рамках Экспо-2010 в Шанхае 300 000 квадратных метров площадей старых заводских зданий, превращенных в выставочный центр World Expo. В частности, судостроительный завод Цзяннань, олицетворяющий собой начало пути модернизации Китая. Его трансформация не только продолжает историческую память нации, но и отражает суть предложения Шанхайской Всемирной выставки по устойчивому развитию городов.

Миланский подход предлагает иную, «дематериализованную» модель, основанную на принципах временности и устойчивого наследия. Девиз Экспо «Накормить планету. Энергия для жизни» предопределил и подход к ее наследию, основой которого виделись не здания, а идеи, наработанный имидж. «Итальянские эксперты подчеркивают, что Милан и регион Ломбардия после Экспо стали пользоваться большой международной привлекательностью, получили имидж надежных, устойчивых, ответственных партнеров» [3]. Большинство сооружений выставки изначально задумывались как временные и после ее закрытия были демонтированы. В целом, итальянская модель выбора территории для проведения Экспо демонстрирует альтернативный путь, где обретение качественного общественного пространства и акцент на нематериальном наследии считаются большим благом, чем плотная коммерческая застройка [4].

Наиболее полным и комплексным воплощением современной парадигмы устойчивого развития района после завершения Всемирной выставки представляется опыт Дубая с проектом District-2020. Выбранная территория на юго-западной оконечности эмирата Дубай представляла собой пустыню, но имела значительный градостроительный потенциал.

Поэтому в данном случае мега-событие задумывалось как основа создаваемого города будущего с сохранением до 80% инфраструктуры выставки (рис.1). Знаковые павильоны превратились в общественные и культурные центры, другие адаптировались под офисы, инновационные центры, образовательные учреждения, сохранились созданные к Экспо рекреационные зоны. Экономическая модель нового района была нацелена на создание инновационной экосистемы, органично встраиваемой в тело города. План выставки изначально создавался как пешеходно-ориентированный, «умный» и многофункциональный район, появившийся на карте «с нуля», утверждая почти безграничные возможности современного градостроительного искусства.

Рис.1. Территория Экспо-2020 в Дубае

Выбор искусственного острова Юмэсима в Осаке в качестве площадки для Экспо-2025 подтверждает экспериментальный, но в тоже время, прагматичный подход Японии к градостроительству выставочной территории. В условиях высокой плотности населения и ограниченности ресурсов Япония использует Экспо как катализатор для комплексного освоения проблемных или периферийных территорий, превращая их в наглядные демонстрационные полигоны для опережающего урбанистического планирования.

Рис.2. Территория Экспо-2025 в Осаке - остров Юмэсима

Остров Юмэсима, созданный в период индустриального бума в стране 1970-х годов как зона портовой логистики и переработки отходов, к началу XXI века представлял собой типичную промышленную зону с накопленными экологическими проблемами и слабой транспортной связностью с центром Осаки. Проведение Экспо стало инструментом

тотальной ревитализации этой территории, нацеленной на долгосрочную перспективу. Прежде всего, была проведена масштабная экологическая реабилитация, сделавшая остров пригодным для публичного использования. Также осуществлена кардинальная модернизация инфраструктуры: построена новая линия метро, связывающая остров с ключевыми транспортными узлами Осаки, расширена сеть водного транспорта, внедрена система беспилотного движения. Энергоснабжение выставки было организовано как замкнутая углеродно-нейтральная система на основе водородных топливных элементов и солнечной энергии, что заложило основу для будущего устойчивого развития района. Таким образом, проект изначально задумывался как создание прототипа «города будущего», где после закрытия Экспо останется современная, экологичная и хорошо связанная с мегаполисом территория [5]. Наследием выставки в данном случае стала полноценная интеграция новой территории (с отлаженной транспортной сетью, улучшенным экологическим каркасом, энергетической системой, продуманными рекреационными пространствами и, что немаловажно, обновленной имиджевой составляющей) в существующий городской организм.

Заключение

Сравнительный анализ этих моделей демонстрирует контекстуальную зависимость выбора стратегии разных стран в отношении наследия Всемирных выставок. Каждая из представленных моделей имеет свои неоспоримые сильные стороны. Шанхай решал задачу реновации огромной промышленной зоны и укрепления своего глобального статуса. Милан делал акцент на экологической и социальной устойчивости, усиливая свой научный статус. Дубай рассматривал Экспо как инструмент для ускоренной диверсификации экономики и освоения новых территорий. Для Осаки Экспо-2025 стала масштабным градостроительным экспериментом, демонстрирующим исторический переход от освоения новых земель к умной и устойчивой регенерации существующих промышленных зон с четким видением их постиндустриального будущего.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что постэкспозиционное использование территорий Всемирных выставок за их более чем полуторавековую историю эволюционировало от случайного наследия (прежде всего, сохранения символов Экспо) к целенаправленному созданию общественных объектов и пространств и далее, в современный период - к комплексному проектированию новых городских районов. Современное мега-событие в городе - это уже не самоцель, а перспективный механизм, позволяющий в сжатые сроки мобилизовать ресурсы для решения стратегических урбанистических задач. Ключом к успеху в данном случае является четкое первоначальное видение, соответствующее долгосрочным целям преобразования конкретной территории, позволяющее трансформировать краткосрочное мероприятие в долгосрочный актив для городского развития.

Литература

1. Птичникова, Г. А. Архитектура "глобальных зрелищ" как катализатор городского развития / Г. А. Птичникова, О. А. Антюфеева // Социология города. – 2022. – № 3. – С. 34-48. – DOI 10.35211/19943520_2022_3_34.
2. Волчок, Ю. П. Современные формы диалога образа и идеи в архитектуре в зеркале EXPO Milano-2015 / Ю. П. Волчок // Современная архитектура мира. – 2016. – № 6. – С. 9-41.
3. Короткова (Василенко), Е. В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики Италии / Е. В. Короткова Василенко // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2024. – № 2(40). – С. 97-112.
4. Беллотти, М. Водные пути Милана: от Леонардо до ЭКСПО 2015 / М. Беллотти // Великие реки' 2016 : Труды научного конгресса: в 3-х томах, Нижний Новгород, 17–20 мая 2016 года / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет; ответственный редактор А. А. Лапшин. Том 3. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. – С. 146-148.
5. Коновалова, Н. А. ЭКСПО-2025: мечты о будущем архитектуры / Н. А. Коновалова // Современная архитектура мира. – 2025. – № 2(25). – С. 11-43. – DOI 10.25995/NIPIAG.2025.25.2.001.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ РЕШЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАННЫХ КОМПЛЕКСОВ В Г. ЮЖНО-САХАЛИНСК

Н.А. Корытова¹, аспирант
С.Г. Писарская¹, профессор, кандидат архитектуры

¹Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва

Для успеха банного комплекса необходимо учитывать менталитет жителей конкретного региона. Анализ организации среды существующих банных комплексов Сахалина позволяет выявить особенности объемно-пространственных решений в дизайне, удовлетворяющих ожидания и потребности населения. В этом регионе присутствует влияние русских и корейских банных традиций.

Активное строительство новых банных комплексов по всей территории России поднимает вопрос анализа существующих пространственных решений функциональных зон, связанных воедино дизайнерским решением. Функционально-планировочные решения должны опираться не только на базовые потребности населения, на актуальные социальные и культурные тенденции, важно сохранить самобытность, культуру места [3].

На Сахалине особенно заметно влияние русской и корейской банной культуры, что не могло не отразиться на функционально-планировочных решениях банных комплексов. Сахалинские корейцы являются второй крупнейшей национальной группой после русских на острове¹ и некоторые элементы чимчильбана (традиционной корейской бани) [2] гармонично соединяются в комплексе с русскими банными традициями.

Можно выделить три больших популярных общественных банных комплекса²: Непманские бани, SPAradis, Баня 37.

Непманские бани. В бане есть только одно мужское отделение. Количество посетителей – до 50 чел. Раздевалка, совмещенная с зоной отдыха, помывочная зона с 4 скамейками, три отдельные кабинки с видом на хоккейную арену, русская и финская баня на дровах с топкой из помещения парной; хамам; массажная. В общем зале расположены 5 бассейнов: два гидромассажных и три бассейна с системой водопадов различной температуры (18-20°C, 24-26°C, 29-31°C).

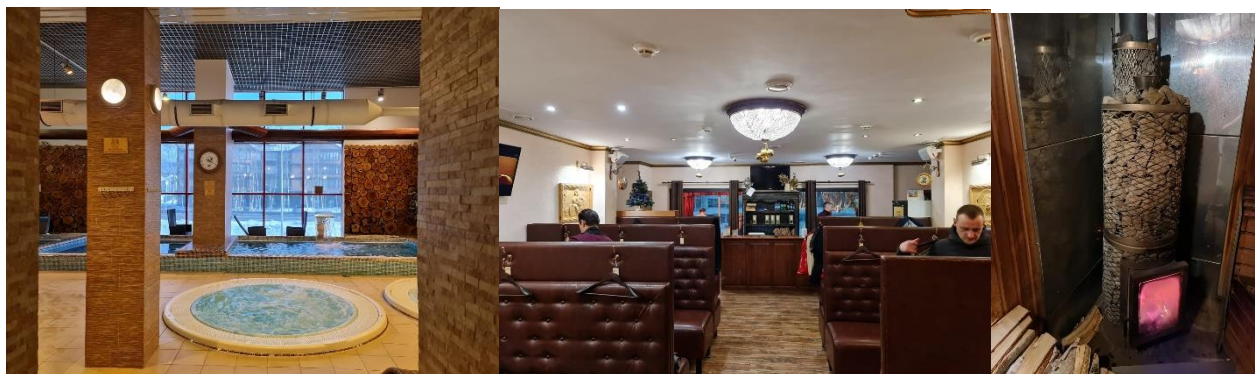

Рис.1. Внутренние помещения Непманских бань, фото сделано Сергеем Лохмутовым 2021г

¹ <https://archive.fo/20130113191241/http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6990>

² Выборка по количеству отзывов на сайтах яндекс, гугл и 2гис, вместимость бани от 50 чел

Панорамные окна с красивым видом – это доминанта интерьера в зонах бассейнов и закрытых кабинок. Внутреннее пространство выдержанно в характерной для бань бежево-коричневой теплой гамме. Большая редкость для большого общественного банного комплекса – это наличие дровяной печи. Размещение топки в помещении парной имеет ряд негативных факторов: мусор, кусочки коры от дров, уменьшает приватность парного помещения – истопник постоянно заходит, чтобы подбросить дрова. На сегодняшний день внутренние помещения требуют ремонта.

Комплекс SPAradise. Количество посетителей – до 500 человек. Состоит из 4 зон: входная зона, мужская зона, женская зона, общая зона с рестораном. При входе стоят шкафчики для обуви, выдаются одежда для нахождения в общей зоне (майка и шорты).

Мужская и женская зона организованы по одному принципу: раздевалка со шкафчиками, мокрая зона со скамейками для стирки и ухода, мокрая зона с бассейнами и душами, парной, столами для пилинга.

В зоне четыре бассейна глубиной около 50см: гидромассажный бассейн, теплый бассейн с верхним водопадом, холодный бассейн с верхним водопадом, теплый эвкалиптовый бассейн.

Общая зона: ресторан с барной стойкой, зона отдыха с кроватями, детская зона, бильярдная, зона с парными: соляная сауна, сауна с минеральными камнями, сауна с древесным углем, желтоземная сауна. В трех парных нет лавок, посетители лежат на тонких матрасах на полу.

Рис. 2. Фото саун в общей зоне слева на право: соляная сауна, сауна с минеральными камнями, сауна с древесным углем, желтоземная сауна. Фото сделано автором в 2021

Рис.3. Фото мокрой зоны женского отделения: слева на право: вид на бассейны, вид на души и вход в сауну, душевые. Фото сделано автором в 2021г

В дизайне интерьера преобладают тяжелые, грубые формы; цветовая гамма мокрых зон мрачная и темная, однотонная, без акцентов. Единственные яркие пятна – это парные

помещения в общей зоне. В помещениях давно не было капитального ремонта. Все это в общем дает ощущение неопрятного, неуютного, холодного пространства.

Баня 37[1]. Баня самая новая из представленных, открылась в 2022 году. Включает два отделения: мужское на 45 человек и женское на 10 человек, площадь банного комплекса 770м², с входной группой 170м², работающую и на другие соседние общественные пространства. При необходимости возможна замена мужской и женской зоны местами.

Весь комплекс можно разделить на 4 части: входная зона, мужское отделение, женское отделение, общая зона ресторана.

Рис. 4. Схема основных зон комплекса

Рис. 5. Мужская мокрая зона с купелями (слева). Женская мокрая зона с купелями (справа).

Рис. 6. Барная стойка, зона ресторана, парная (слева направо)³.

³ <https://2gis.ru/yuzhnosakhalinsk/gallery/firm/70000001065455694/photoId/30258560092658153>

Входная зона состоит из ресепшна, магазина, комнаты для персонала с раздевалкой, зоны ожидания со шкафчиками для обуви, склада для хранения чистого и грязного белья с прачечной, массажных.

Мужское отделение включает раздевалку со шкафчиками, зону душей, мокрую зону с гидротермальными бассейнами и зоной отдыха, русскую парную с газовой печью, хаммам, парную для индивидуальных процедур с газовой печью, зону пилинга, зона ухода с лавками.

В состав женского отделения входит раздевалка со шкафчиками, зона душей, мокрая зона с гидротермальными бассейнами и зоной отдыха, парная с газовой печью, хаммам, зона пилинга.

Общая зона включает две индивидуальных комнаты, зону ресторана, зону кухни, курилку, с/у, помещение уборочного инвентаря.

Банный комплекс расположен на 2 этаже торгового комплекса, над фуд-кортом, т.е. в зоне, которая изначально не была предназначена для размещения такого типа помещений. Несмотря на сложности при размещении тяжелых газовых банных печей и установки купелей, банный комплекс работает без нареканий уже три года.

Интерьер лаконичный, современный, с минимальным количеством деталей. Характерно использование экологичных материалов: керамической плитки и дерева в разных формах (рейка, спилы, необрезная доска). Купели из нержавеющей стали – это оптимальное решение для Сахалина, расположенного в зоне умеренной сейсмической активности.

Основные региональные функционально-планировочные особенности:

- традиционная для корейских комплексов зона со шкафчиками для уличной обуви до прохода через ресепшн

- увеличенная площадь зеркала воды у купелей при их небольшой глубине в сравнении с типовым банным комплексом в центральной части России.

Глубина купелей около 50см, даже у купели с холодной водой. Предлагается от двух и более купелей с разными температурными режимами: холодная – 10-12 °С, теплая – 18-20°С, 24-26°С, 29-31°. Рекомендуемое время нахождения в теплой купели до 20мин.

- Традиционное для корейских комплексов деление пространства на 4 части: входная зона, мужское отделение, женское отделение, общая зона ресторана.

На основе данного анализа, становится возможным учитывать влияние региональных эстетических и функциональных факторов при проектировании банного комплекса. Обоснованное функционально-планировочное и дизайнерское решение позволит осуществить создание такого целостного и гармоничного средового объекта, который гарантированно найдет отклик у жителей данного региона.

Литература

1. Баня 37 : сайт банного комплекса. – URL: <https://banya-37.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Баня с большой буквы "Ч" // travel.ru : туристический сайт. – URL: https://guide.travel.ru/south_korea/230453.html (дата обращения: 10.02.2026).
3. Дауренбекова, Т. К. Региональные особенности архитектуры. На пути к адаптируемым принципам архитектуры / Т. К. Дауренбекова, К. Ж. Сагимбаева, К. И. Самойлов, Г. М. Камалова // Наука и образование сегодня. – 2022. – №5 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-arhitektury-na-puti-k-adaptiruemyum-printsipam-arhitektury>

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОЭТАЖНОЙ ЗАСТРОЙКИ ДЛЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. М. Кулешова¹, старший преподаватель

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Малоэтажное жилище является наиболее экономичным для размещения социального жилища для малообеспеченных многодетных семей, а также для семей со средним и высоким уровнем дохода. Типы малоэтажного жилища и место его размещения определяются градостроительными условиями: окраинные районы городов, пригородные поселки и сельские поселения. Основные типы: многоквартирные дома, блокированные и индивидуальные.

Ключевые слова: малоэтажная застройка, многодетные семьи, социальное жилище, индивидуальные дома, блокированные, многоквартирные.

Введение

Одной из наиболее нуждающихся в жилье групп населения являются многодетные семьи. В настоящее время количество социального (арендного) жилья составляет около 3% от общего количества, возводимого в Ростовской области [1]. Ежегодный ввод малоэтажного жилья составляет 61% от общего количества, причем практически полностью оно состоит из индивидуальных жилых домов, возводимых населением за собственный счет.

Основной текст

По материальным возможностям обеспечения жилищем многодетные семьи делятся на три типа: 1) малообеспеченные, 2) семьи со средним доходом, 3) высокообеспеченные семьи. Малообеспеченные семьи – это семьи с доходом ниже прожиточного минимума. Семьи со средним достатком имеют доход выше прожиточного минимума; высокообеспеченные – семьи, имеющие высокий доход. Малообеспеченные семьи, не имеющие жилья, имеют право на получение социального жилья или бесплатного участка, жители крупнейшего и крупных городов имеют право на субсидию для приобретения жилья в коммерческом секторе [1], в сельской местности, кроме бесплатного участка местной администрацией выделяется ссуда. Семьи со средним уровнем материальной обеспеченности могут иметь частичные льготы на приобретение жилища (молодые специалисты, сельские специалисты, врачи, учителя в сельской местности, муниципальные служащие и т. д.) или приобретать жилище полностью за свой счет в коммерческом секторе: служащие, рядовые работники коммерческих предприятий. Семьи с высоким уровнем дохода - собственники предприятий, менеджеры высокого уровня и т. д. приобретают высококомфортное жилище за свой счет. В общем по России количество семей, имеющих возможность приобретения жилища за свой счет, составляет не более 3% [2].

Темпы предоставления социального жилища в Ростовской области значительно отстают от потребности, практически в 10 раз. Предоставление участков многодетным семьям для строительства в целом недостаточно, из 42 тысяч семей на жилищном учете стоит более половины, а земельными участками обеспечено менее 1% от общего количества семей, за весь период с 2011 года по 2020. Обеспечение инженерной инфраструктурой жилья в Ростовской области недостаточно, даже в городах и поселках городского типа, что затрудняет строительство жилища в целом, особенно низкий уровень в сельской местности. Около 60% многодетных семей проживают в жилье «без удобств», где нет центрального отопления или водопровода, горячего водоснабжения и канализации.

В сельской местности строительство социального жилья практически не ведется, основной объем - индивидуальные дома, возводимые за счет жителей.

Отсутствие социальной инфраструктуры и дефицит обслуживания в малоэтажной застройке компенсируется активным строительством населением домов с трудовыми функциями на окраинах городов с многоквартирной застройкой, садоводческих товариществах, пригородных поселениях, в сельских поселениях за счет застройщиков. Концепции строительства домов с трудовыми функциями были популярны в 80 -90 годах, но предлагалось строить их за государственный счет в удаленных сельских населенных пунктах, были разработаны дома большой площади и с разным составом обслуживания: культурно-бытовым, торговым, образовательным и производственным, но строительство не осуществилось. В последнее время наиболее популярны устройство таких зданий за счет жителей, а также мобильных зданий для трудовой деятельности, которые можно арендовать. В многоквартирных и блокированных домах размещение трудовой деятельности возможно в пределах квартир [4]. Такие дома и квартиры можно назвать гибридными [5]. В сельских поселениях предоставляются участки для строительства нескольких типов: на окраине крупных поселений - для ведения личного подсобного хозяйства, площадью от 700 до 10000м², в небольших поселениях, хуторах и малых селах - на окраинах для устройства фермерских хозяйств более 10000м². В этих населенных пунктах трудовая деятельность может сочетать производство сельскохозяйственной продукции и обслуживающие - устройство гостиниц, магазинов и других малых предприятий.

Анализ наиболее часто применяемых типов малоэтажных жилых домов, построенных в последние годы в городах, пригородах и сельской местности в Ростовской области, показал, что используются три типа жилых домов: 1) индивидуальные жилые дома (эконом-класса, комфорт класса и элитных) 2)блокированные дома разной типологии (эконом-класса, комфорт-класса); 3)малоэтажные многоквартирные секционные жилые комплексы и отдельные жилые дома (эконом-класса и комфорт-класса). В зависимости от класса дома отличаются площадью и архитектурно-планировочными решениями: блокированные 4—6 квартирные однорядные с участком от 2 соток до 4 соток и блокированные 4-6 квартирные двухрядные; многоквартирные дома двух типов: секционный с 4-6 квартирами на этаже, широтной или универсальной ориентации и меридиональный - с 8-15 квартирами на этаже. Блокированные дома применяются преимущественно на окраинах крупных городов и в пригородной зоне.

При анализе застройки эконом-класса определено, что для увеличения плотности применяются большие кварталы с 10 и более индивидуальными домами в ряду, протяженные улицы и кварталы блокированных домов, жилые группы высокой плотности для многоквартирных 3-этажных домов – замкнутые и ленточные протяженные.

В поселках коммерческого класса применяется застройка индивидуальными и блокированными домами тупиковыми жилыми группами, меньшей плотности, кварталы из многоквартирных домов полузамкнутые, применяется ленточная застройка вдоль бульваров. Для высоко комфортных поселков используется застройка преимущественно жилыми группами. Во всех типах поселков, а также в сельской местности в застройке для многодетных семей не предусматривается детские площадки или может быть одна на поселение. Индивидуальные дома, блокированные и многоквартирные как правило, располагают отдельными кварталами, многоквартирные -в центральной части, блокированные рядом с многоквартирными, индивидуальные -на окраинах застройки.

На окраинах городов и в пригородной зоне участки для строительства индивидуальных и домов применяются размером от 4 до 6 соток, независимо от класса поселка, блокированные - с участком от 2 до 4 соток.

Для удовлетворения потребности в строительстве социальной застройки следует разработать концепцию кварталов для многодетных семей для применения в разных типах поселений, позволяющие организовать строительство домов на основе совместного

государственного и частного финансирования, передаваемого в собственность семьям, а также арендного для муниципального строительства.

Типами социального жилища должны быть наиболее применяемые коммерческими застройщиками многоквартирные, блокированные и индивидуальные дома, для пригородов городов -плотной застройки, для сельских населенных пунктов - блокированные и индивидуальные жилые дома в зависимости от величины населенного пункта. Для многодетных семей среднего класса необходимы модели коммерческого многоквартирного, блокированного и индивидуального жилища эконом-класса для строительства с помощью субсидий те же типы комфорт-класса для строительства на собственные средства, в средних и малых городах, сельских поселениях – индивидуальные и блокированные жилища за счет средств населения.

Выводы

Малообеспеченные и среднеобеспеченные семьи составляют большинство многодетных семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, но социального жилья для многодетных семей не строится. Для определения параметров необходимых типов социального жилища исследованы факторы, влияющие на стоимость.

Наиболее дешевым является малоэтажное жилище, экономичность достигается выбором земельного участка за пределами крупных городов, в пригородной зоне, сельских поселениях; с использованием малоэтажной застройки высокой плотности; конструктивного решения из сборных конструкций и достаточно большого объема строительства, позволяющего использовать индустриальные методы.

Специальных типов домов и квартир для многодетных семей в практике социального строительства нет. В коммерческом строительстве эконом-класса имеются блокированные и индивидуальные дома для семей не более 5–6 человек. В коммерческом малоэтажном строительстве комфорт-класса есть квартиры и дома для семей из 4-5 человек. В высококачественном строительстве имеются предложения для семей из 4-6 человек.

На основе анализа строящегося малоэтажного жилища установлено, что в пригородных зонах крупнейшего, крупных, средних и малых городов целесообразно строительство жилья эконом-класса для многодетных семей высокой плотности – блокированного и многоквартирного, в небольших сельских поселениях, находящихся в пригородной зоне – преимущественно блокированных и индивидуальных жилых домов для городских многодетных семей, в удаленных сельских районах - индивидуальных жилых домов. Конструкции должны быть индустриальными, сборными, недорогими.

Особенностью застройки для многодетных семей должно предусматривать трудоустройство в жилище или на участке, предназначенного как для удовлетворения бытовых потребностей, но главное - для развития и досуга детей.

При строительстве комплексов для семей с детьми, в том числе и многодетных, дома целесообразно располагать специальными жилыми кварталами или группами кварталов, жилыми группами многоквартирных домов, что позволит выполнить необходимое благоустройство для большого количества детей разных возрастов, организовать безопасные детские площадки, позволяющие отделить их от транспортных.

Литература

1. Многодетным семьям Ростовской области вместо бесплатной земли могут предложить кредиты и субсидии. URL: http://www.donnews.ru/Mnogodetnym-semyam-Rostovskoy-oblasti-vmesto-besplatnoy-zemli-mogut-predlozhit-kredity-i-subsidii_1676 (дата обращения 12.11.2018).
2. Птахин Ю. Концепция малоэтажной комплексной застройки при формировании городских агломераций (субурбанизация). <https://pandia.ru/text/78/492/82056-10.php>.
3. Никулин И. Системный маркетинговый анализ малоэтажного строительства – поиск оптимального решения. По материалам I Всероссийского форума «Малоэтажное строительство в России». <https://ardexpert.ru/article/14490>. 27 ноября 2018. <https://elima.ru/articles/?id=650>

4. Шродер У. Вариантная планировка домов и квартир: Планировочные решения с учетом численности и образа жизни семьи / Пер. с нем. Н.Л. Кораблевой. - У. Шродер // Пер. с нем. Н.Л. Кораблевой. – М.: Стройиздат, 1984. – 232 с., ил.- Перевод. Изд.: Variabel nutzbare Hauser und Wohnungen/ U/ Schroder. Bauverlag GmbH, Wiesbaden und Berlin (1980)

5. *Кияненко К.В.* Конгломераты, комплексы, гибриды: паттерны многофункциональности в жилище. Жилищные стратегии. Том 5 • Номер 2 • Апрель–июнь 2018. Изд. Креативная экономика.

МИМЕЗИС В АНТИЧНОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

А.А. Курбатов ¹, аспирант

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород*

Аннотация. В тексте предпринята попытка применить теорию мимезиса из трактата Аристотеля «Поэтика» к античной архитектуре. Основным источником теоретических сведений об архитектуре — трактат Витрувия «Десять книг об архитектуре». На основе ключевых понятий из этого труда делается вывод о том, чему, чему и как подражает архитектура.

Введение

Прежде чем начать, стоит оговориться о некоторых сложностях в понимании античной теории архитектуры и искусства в общем. Проблема во многом проистекает из-за весьма отличного от того, которым мы пользуемся сейчас, понятийного аппарата. Древнегреческое τέχνη (технэ) и латинское ars можно переводить и как искусство, но под ним понимается любая целесообразная деятельность, как, например, труд ткача, плотника и т. д. Отдельного понятия для выделения искусства в современном понимании не было. Понятие красоты также не было чисто эстетическим. Более актуально говорить о различии поэзии (лирика, элегия, комедия, трагедия, музыка, танец) и технэ (живопись, скульптура, архитектура). Во многом это различие концептуализировано у Платона, для которого поэзия прежде всего связана с вдохновением, покровительством муз, а не некоторым умением и техникой. Искусство делилось при этом на пользования, изготовления и воспроизведения, также было различие искусств на те, которые создают вещи, и те, которые создают лишь их образы. Понятие мимезиса у Платона дискредитировано в связи со своим третичным отношением к бытию и, следовательно, истине и благу. Аристотель же делает мимезис онтологическим свойством искусств, которое их выделяет, живопись и скульптуру (но все же можно судить, что они тоже миметичны) он не упоминает в «Поэтике», ограничиваясь искусствами, причастными к логосу, дополняя их танцем и музыкой. Принцип мимезиса в этом смысле наиболее близок к тому, что позже поможет выделить «изящные» искусства. Существуют и другие античные классификации искусств, но весомая проблема заключается в том, что ни одна из них не включает архитектуру в ряд миметичных, свободных искусств. Но Андреа Палладио в «Четырех книгах об архитектуре» в XVI веке пишет об архитектуре: «будучи (подобно другим искусствам) подражательницей природы» [4, с. 61]. И это дается как своего рода аксиома, что справедливо для того времени. Также интересно то, что мимезис у Демокрита (прежде всего, как подражание животным, от которых человек научился искусству) в области строительства связан с подражанием ласточкам, строящим гнезда. Подражание природе здесь природе по способу делания.

Таким образом, нам видется интересным связать наиболее проработанную теорию мимезиса, данную в трактате Аристотеля «Поэтика», с античной теорией архитектуры, представленной в труде Витрувия. Стоит, конечно, отметить, что это служит не проведению жёстких линий преемственности в архитектуре, но скорее проведению различий и указанию на изменчивость внутри, казалось бы, единого дискурса.

Основной текст

Исходя из определения Аристотеля, данного в «Поэтике» относительно искусства вообще и поэзии в частности, как подражания, встает вопрос: чему в таком случае и чем и как подражает архитектура? В попытке ответить на этот вопрос стоит обратиться к единственному сохранившемуся трактату об архитектуре авторства древнеримского архитектора Марка Витрувия Поллиона «Десять книг об архитектуре». Ссылаться на этот трактат как на представляющий античную теорию архитектуры вполне legitimately, поскольку сам Витрувий часто ссылается на греков и позиционирует свой трактат как сведение воедино всех «бессвязных отрывков» знания об архитектуре. Прежде чем попытаться ответить на заданный вопрос, стоит вкратце описать его структуру и цели, поскольку они весьма важны для дальнейшего рассмотрения темы поэтики архитектуры.

Трактат Витрувия представляет из себя собрание из десяти книг, каждая книга посвящена различной теме: от общих положений архитектуры до правильного периода заготовки древесины и работы осадных машин. Стоит отметить, что под архитектурой Витрувий понимает три отдела: непосредственно зодчество (которое, в свою очередь, делится на общественное и частное), гномоника (устройство солнечных часов) и механика. Несмотря на выделение трех разделов, зодчеству посвящены в той или иной степени восемь книг из десяти (сейчас, конечно, под архитектурой понимают именно зодчество), хотя сам Витрувий получил свое состояние и почести именно работая с военными орудиями (скорпионами и баллистами). Эта состоятельность позволила во многом и написать этот трактат, посвятив его цезарю Октавиану Августу. Цель же написания трактата в том, чтобы составить правила, «дабы на основании их ты (цезарь) мог самостоятельно судить о качестве как ранее исполненных работ, так и о том, каковы должны быть будущие, ибо в этих книгах я разъяснил все законы архитектуры» [1, с. 6].

В этом возможно увидеть сходство с «Поэтикой» Аристотеля, которая совмещает в себе нормативно-прескриптивный и дескриптивный подход, конечно, Аристотель не учит писать трагедии, но рекомендует, какие из способов наиболее адекватны, и, исходя из этого, выстраивается определенная иерархия сюжетов.

И цель, которую Витрувий манифестирует, понятна, но также очевидна и другая цель, возможно, более имплицитная, а именно показать, что у архитектуры вообще есть солидная теория, что это не просто ремесло, но вполне объёмная система знаний (более престижная интеллектуальная деятельность), недаром он такое внимание уделяет дисциплинам, которыми должен овладеть архитектор в своем образовании. Он первый и формирует деление архитектурного знания на практическое (*fabrica*) и теоретическое (*ratiocinatio*). И это важно, поскольку общественное мнение было примерно таким: «Цицерон считал архитекторов заурядными работягами, противоположностью которым являются ученые мужи» [6, с. 262], так архитектура не была свободным искусством.

Возвращаясь к поставленному вопросу о подражании, казалось бы, очевидным ответом будет, что архитектура подражает человеческому телу, поскольку в четвертой книге описывается происхождение ордера и говорится, что дорическая колонна воспроизводит мужское тело, ионическая — женское, а коринфская подражает «девичьей стройности». Также и мерой в архитектуре выступает человеческое тело (палец, пядь, локоть и т. д.), и Витрувий часто применяет к архитектуре аллегорию именно человеческого тела в описании отношения частей и целого. Можно также вспомнить Витрувианского человека, нарисованного Леонардо да Винчи по описанию, содержащемуся в трактате, как идеал любого искусства и икону антропоцентризма.

Но всё же, как кажется, ситуация оказывается сложнее, поскольку колонна не является всей архитектурой. Прежде нужно понять, из чего состоит архитектура. Архитектура, в свою очередь, по Витрувию, состоит из строя (*ordinatio*), расположения (*dispositio*), эвритмии (*eurythmia*), соразмерности (*symmetria*), благообразия (*decor*) и расчета (*distributio*). «Симметрия» и «эвритмия» — слова греческие и непередаваемые Витрувием на

латынь, имеют общеэстетическое значение, когда строй, расположение, благообразие и расчет — специально-архитектурное.

Начнем с последнего: расчет представляет из себя всё то, что касается экономии (само это слово означает «домоустройство»), разумного использования места и материала, соответствия условиям места, а также как удобное размещение здания и его планировки с учетом средств. То есть этот фактор скорее относится к полезности и не связан с красотой постройки напрямую. Расположение, в свою очередь, делится на три вида: ихнографию (план), орфографию (фасад), скенографию (перспективу), и должно соответствовать их правильному исполнению путем их сочетания (композиции) в сооружении. Это некоторое качественное отношение частей в произведении, как количественное в строе. При этом расположение несколько связано с расчётом, поскольку имеет в виду соответствие в использовании постройки.

Строй — это «соотношение членов сооружения в отдельности и в целом для достижения соразмерности» [1, с. 15]. Строй определяется количеством (числовым), которое является выбором модуля из самого сооружения, точнее из его элементов, и соответственном исполнении всего сооружения относительно этого модуля, который по сути является долей частей. Строй и расположение — категории тесно связанные и имеющие отношение также не столько к красоте, сколько к прочности и полезности.

Соразмерность представляет из себя пропорциональные отношения между частями и целым, то есть соразмерность отдельной части всему целому и, наоборот, всего целого одной конкретно взятой части. То есть из этого следует, что соразмерность архитектуры находится как бы в ней самой, так, например, определенная ширина колонн соответствует определенному расстоянию между ними для разных стилей. Строй и расположение определяет структуру отношения частей друг к другу внутри целого. Предполагается координирование соразмерностей для достижения целого. Так соразмерность реализует принцип аналогии, где части подобны целому, в которое входят, и, соответственно, гармония частей достигается в их подобии внутренней сущности произведения. Здесь можно увидеть привычное для античности понимание всех объектов как живых организмов, такая «целость состоит из бесконечного множества структурно соотносящихся элементов, из которых все или некоторые содержат в себе субстанцию этой целостности в окончательном виде» [3, с. 536]. Соразмерность понимается греками как некоторая гармония частей и, по сути, является основным эстетическим понятием, непосредственно связанным с красотой. Важно, что соразмерность — это объективная (абсолютная) красота, заключённая в самом сооружении и выраженная в математических пропорциях. Для античности характерна уверенность в существовании объективной красоты, связанной с законами природы, а не позицией человека. В этом смысле законы красоты не изобретаются, но открываются.

Тесно связанная с соразмерностью эвритмия состоит из подходящего и красивого сочетания частей целого, то есть когда высота и ширина частей находятся в определенной соразмерности. Пример эвритмии Витрувий как раз видит в человеческом теле и в его «соразмерности между локтем, ступней, ладонью, пальцем и прочими его частями, так это бывает и в совершенных сооружениях» [1, с. 16]. Для эвритмии характерен закон аналогии и целые ряды соразмерностей, что создает гармонию архитектурного произведения. Можно понимать эвритмию именно как гармонию соразмерностей. Но при этом эвритмия — это именно визуальная соразмерность, то есть она имеет субъективный характер и зависит от зрителя. Важна тут не объективная правильность пропорции, но то, что произведение вызывает ощущение совершенства пропорции, отсюда советы по типу утолщения угловых колонн, поскольку те обрезаются воздухом.

Благообразие делится на три вида: по установлению, по обычаю и по природе, и является результатом удачного расположения. Благообразие по установлению представляет из себя соответствие образа и структуры здания определенной архитектурной задаче, общественным взглядам конкретного места. Своего рода соответствие значению и представляет определенное общественное начало. Благообразие по обычаю предполагает

соответствие между внутренним и внешним обликом и определённую традицию в расположении деталей. Витрувий выступает здесь против смешения деталей, принадлежащих разным ордерам, по существу он выступает против эклектичности. Благообразие по природе — это придание достоинства зданию благодаря его удачному отношению с его природной средой, то есть расположение сооружения, но это не чисто утилитарное удачное расположения, а скорее художественное, которое обусловлено отношением с природой местности. Сочетание всех видов благообразия придает зданию соответствие месту, времени и среде (культурным и природным условиям), в которой проектируется здание. Соразмерность, эвритмия и благообразие — факторы, относящиеся уже однозначно к красоте здания, «соразмерность обуславливает красоту объективно, эвритмия — психологически, а декор — социально» [6, с. 265]. При этом эвритмия и симметрия использовались греками как хороший ритм (ораторами) и соответствующая мера (художниками-пластиками).

Несмотря на достаточную туманность категорий, приведенных выше (Витрувий явно их заимствует у греков), можно выявить интересующие нас «чему?», «чем?» и «как?».

Начнем с первого. Коль скоро в архитектуре человеческое тело и рассматривается как мера соразмерностей, оно является лишь частью архитектуры, поскольку любая соразмерность в архитектуре внутренняя. По существу, если человек рассматривается как мера (своего рода линейка), он уже встает в ряд с другими объектами и перестает быть центром. В общем-то, антропоцентризм и не свойственен античности. Витрувианский же человек Леонардо в этом случае представляет собой мистификацию античности, но в антропоцентричном ключе, характерном для Ренессанса. Но все же архитектура подражает живому телу, но не человека, а самого космоса, поскольку сам космос (абсолютное тело) представляется как наивысшее произведение искусства. Подражание микрокосму (человеческое тело) только как репрезентации макрокосма (космос). Такая абсолютизация космоса связана с внеличной абсолютизацией самой природы. Ведь поэтика у Аристотеля, как и многое другое, техне, которая всегда уже поставлена ниже природы и не может ее превзойти, в отличие от нововременной позиции с абсолютизацией личности, которая превосходит природу.

В понимании Витрувия задача искусства в связке из *ars – natura* представляется как противодействие первого второму. То об этом различие можно говорить как о методически осуществляемом насилии над естественным материалом, единоборстве с природой [2, с. 28]. И именно в этом заключается пафос трактата Витрувия, в том, чтобы мастер-архитектор изменял объективную природу, таким образом конкурируя с порождающими силами природы. Сам смысл латинского слова *compositio* (композиция) обозначает соединение вопреки, сталкивание и объединение несоединимого.

Если обратиться к Аристотелю, то можно увидеть, что он упоминает архитектуру и архитектонику, но не пишет об архитектуре. Аристотель мыслит архитектонику (построение) как основу всего искусства (техне). В этом мы убеждаемся, что весь космос мыслится как художественное произведение, то есть термин применяется к действительности в целом. Поэтому есть и «архитекторы мысли», и «общественно-политические архитекторы» и т. д., так как архитектор относиться к своему материалу как форма к материи.

Средствами же подражания из гармонии, ритма и логоса (предложенными Аристотелем) архитектура располагает гармонией (выраженная в соразмерность) и ритмом (эвритмия), что делает архитектуру близкой к музыке, исполняемой на музыкальных инструментах, но при этом важным отличием является материальность архитектуры. Интересно, что архитектор по Витрувию наравне с историей, философией, геометрией, рисованием, медициной, юриспруденцией, астрономией должен знать музыку.

Можно ли говорить, что и логос задействован в архитектуре через благообразие? Скорее нет, эта мысль не характерна для античности. Архитектура все же пока не язык, она не говорит. Хотя в этом архитектура бы стала похожа на драматическое произведение, и такие концепции появятся, но значительно позже.

Последней же вопрос представляется весьма сложным, поскольку у Аристотеля на вопрос «как?» как раз используется тип речи, то, от какого лица она видится, некоторая организация нарратива. Вопрос, конечно, возникает насчет танца и музыки, которые в «Поэтике» есть, но при этом способ тоже не ясен, скорее всего, музыкант как бы говорит от себя (лирический), а танцор становится другим персонажем (драматический). Вероятно, в этом смысле архитектура могла бы быть смешанным типом как эпос, это бы коррелировало с синтезом соразмерности и эвритмии и некоторой социально-общественной ролью архитектуры. Но, возможно, более продуктивно было бы отделить «временные» искусства, данные в «Поэтике», и искусства изобразительные (пространственные), к которым относится архитектура. В этом смысле способ как форма подачи, способ организации действия. На этот вопрос ответ можно найти в строе и расположении как специфически строительных факторах. Так, способ — это чертеж и математизированная схема сооружения, именно в этом количественно-качественном отношении, соблюдении объективного канона красоты и есть способ подражания гармонии космоса. В этом заметно пифагорейское влияние, пристрастие к математическим формам и пропорциям. Витрувий выражал пропорции зданий и их частей в числах, «излагал математические методы вычерчивания как целых фасадов, так и отдельных деталей» [6, с. 267]. Пифагорейцы также определяли гармонию как математическое соотношение частей, связанных с числом, мерой и пропорцией.

Заключение

В заключении стоит отметить, что вопрос о том, насколько архитектура является искусством, не ставится, поскольку всё это определённое техне. Из этого также вытекает то, что невозможно говорить об искусстве (и об искусстве вообще) как о своеобразной деятельности вне рамок принципа мимезиса (подражания искусства чем-то конкретному). Но это дает возможность говорить о том, насколько то или иное произведение соответствует рамкам своего искусства (предмету подражания), «принцип внешнего отгораживания состоящей из подражаний области вместе с тем является и нормативным принципом включения» [5, с. 23]. Также это позволяет выносить оценку, согласно которой «те или иные подражания могут быть признаны по праву принадлежащими тому или иному искусству и оценены в его рамках как хорошие или плохие, адекватные или неадекватные» [5, с. 24]. То есть происходит определённая классификация и оценка подражаний, так это своеобразие искусств носит чисто прагматический характер.

Трактат Витрувия оказал колоссальное влияние на всю архитектурную теорию последующих эпох. Прежде всего, можно увидеть зарождение популярной и по сей день архитектурной мифологемы о воплощении (миметическом) в архитектуре тела, при этом это тело всегда разное, для античности это объективное тело космоса. Также и выделенные средства подражания, говорящие о родстве архитектуры с музыкой, а именно ритм и гармония. Способ связан с числом и математическими методами черчения.

Литература

1. Витрувий Поллион, Марк Десять книг об архитектуре / Витрувий ; пер. с латыни Ф. А. Петровского. - Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттику, 2017. – 315 с.
2. Лебедева, Г. С. Новейший комментарий у трактату Витрувия «Десять книг об архитектуре». Изд. 3-е, испр. / Г. С. Лебедева. М. : ЛЕНАНД, 2020. — 208 с.
3. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн. 1 / А. Ф. Лосев. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 832 с
4. Палладио, Андреа Четыре книги об архитектуре / А. Палладио ; пер. с итал. И. В. Жолтовского. — М. : ООО Издательство «Архитектура-С», 2006. — 352 с.
5. Рансьер, Жак Разделяя чувственное / Ж. Рансьер ; пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — 264 с.
6. Татаркевич, В. Античная эстетика / В. Татаркевич ; пер. с польск. Предисл. А. Сикоры. — М. : «Искусство», 1977. — 327 с.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЗДАНИЙ ФЕДОРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В КОСТРОМЕ

А.С. Кутузова¹, аспирант

¹*Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома*

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и архитектурный облик ансамбля Федоровской общины сестер милосердия в г. Кострома, как один из ярких примеров лечебных и благотворительных зданий начала XX в., выполненных в традициях русского стиля с элементами модерна в декоре. Пространственная структура комплекса отражает соединение лечебных, учебных и культовых функций. Анализируются градостроительные условия размещения комплекса и функционально-планировочная структура зданий. Освещается роль Красного Креста и земского самоуправления в организации медицинской помощи и профессиональной подготовке персонала.

Введение

Начало XX века в России ознаменовалось формированием основ системы здравоохранения. Больницы русской провинции различались по типу, профилю и размерам. Наряду с лечебными заведениями, содержащимися на средства губернских и городских управ, существовала сеть земских больниц и врачебных пунктов. В этот период активным строителем больниц и приютов выступало Общество Красного Креста [8, с. 135–136].

В Костроме важнейшим церковно-медицинским комплексом начала XX века стал ансамбль зданий Федоровской общины сестер милосердия Красного Креста во имя Федоровской иконы Божией Матери.

Община была открыта 16 августа 1900 г. на средства местного земства и частных жертвователей. В отчетных документах зафиксированы имена благотворителей, внесших денежные средства на ее устройство: к ним относились как простые горожане, так и известные, состоятельные люди [9, с. 80]. Посильный вклад вносили священники и отдельные предприятия, к примеру товарищество мануфактур Красильщиковой [7, с. 5].

Архитектурный ансамбль включает корпус общины (1903) (рис. 1), корпус больницы (1911–1913) (рис. 2), соединительный переход, часовню, хозяйственный погреб. Комплекс является памятником истории и культуры регионального значения [4].

Рис. 1. Корпус общины, общий вид. Интернет-ресурс

Рис. 2. Корпус больницы, общий вид. Интернет-ресурс

Цель исследования — выявить особенности пространственно-планировочной структуры, архитектурно-художественного решения и функциональной организации ансамбля Федоровской общины сестер милосердия, а также определить его место в развитии общественной архитектуры Костромы начала XX века.

История формирования комплекса Федоровской общины

Для размещения общины, в которой предполагалось обучение сестринскому делу, Городской управой был выделен участок на склоне приволжского холма Муравьевка, ограниченный улицами Нижняя Дебря, Дзержинского и Овражной [6].

Руководство строительством корпуса общины безвозмездно осуществлял губернский инженер Л. А. Треберт, который, по всей вероятности, являлся и автором проекта. Строительство завершилось в 1903 г. [1; 4].

В 1911 г. в преддверии празднования 300-летия Дома Романовых было принято решение о возведении нового больничного корпуса. Проект был разработан архитектором Императорского двора В. М. Лопатиным, а строительство осуществлялось на средства Главного и местного управления Российского общества Красного Креста – «с соизволения Её Императорского Величества Марии Федоровны» [3; 4; 7]. К весне 1913 г. строительство больницы было завершено. Она получила наименование «В честь трехсотлетия Дома Романовых». 20 мая 1913 года больницу посетили император Николай II и Великие княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. В тот же период были возведены дворовое крыло корпуса общины, соединительный переход, часовня и погреб, а также выполнено благоустройство территории с устройством прогулочных дорожек, цветников и фонтана (рис. 3, 4) [4].

Рис.3. Общий вид корпусов общины и больницы. Фото автора, 2026 г.

Рис.4. План 1 этажа

Градостроительная организация комплекса

Участок, на котором размещен ансамбль, занимает несколько террас на склоне холма в историческом центре г. Кострома. Главные постройки сосредоточены у подножья холма, на ровном рельефе. Корпуса общины и больницы ориентированы вдоль улицы Нижняя Дебря с отступом от красной линии. Часовня расположена западнее корпуса общины, а погреб — позади больницы, у подножья нижней террасы [4].

Композиционной осью ансамбля являлась лестница, ведущая к средней террасе, где первоначально располагался фонтан. Такое решение объединяло здания в единую пространственную систему и подчеркивало регулярный характер планировки.

В настоящее время планировка участка и рельеф изменены в связи с современным использованием зданий общины и больницы под онкологический диспансер. Рядом с историческими зданиями вдоль улицы выстроены два современных корпуса (рис. 5).

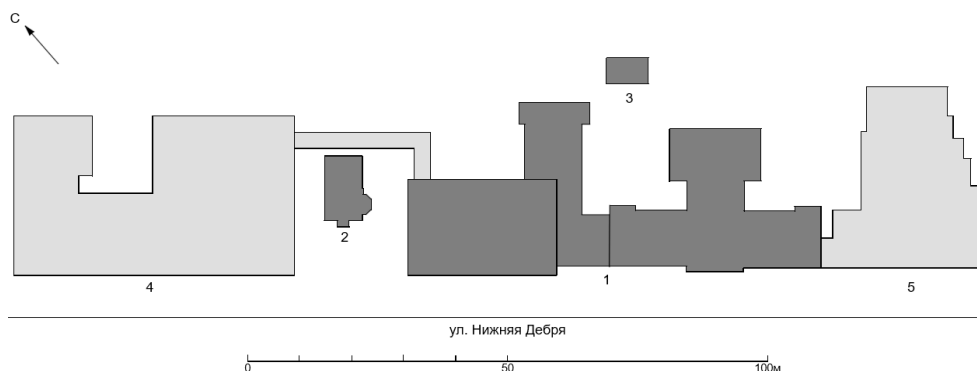

Рис. 5. Схема генплана. Ансамбль зданий Федоровской общины сестер милосердия: 1 – корпуса общины и больницы, 2 – часовня, 3 – погреб; 4, 5 – современные здания онкологического центра

Архитектурный облик комплекса

Корпус общины — двухэтажное с полуподвалом кирпичное оштукатуренное здание, прямоугольное в плане и перекрытое вальмовой кровлей. Основной объем дополнен дворовой пристройкой, примыкающий к северо-восточному углу корпуса и также имеющий вальмовую кровлю. Главный фасад решен асимметрично: на левом фланге выполнен ризалит, завершенный аттиком. Арочный вход оформлен перспективным порталом и подчеркнут балконом второго этажа, опирающимся на коробовый свод между массивными кронштейнами [4]. Фасады расчленены широкими пилястрами в два этажа, несущими перспективные архивольты, образующие аркатурный пояс над окнами второго этажа. Окна первого этажа обрамлены наличниками с килевидными завершениями (рис. 6).

Внутренняя планировка коридорного типа. Коридор проходит на всю длину здания по продольной оси, на первом этаже перекрыт коробовым сводом [4].

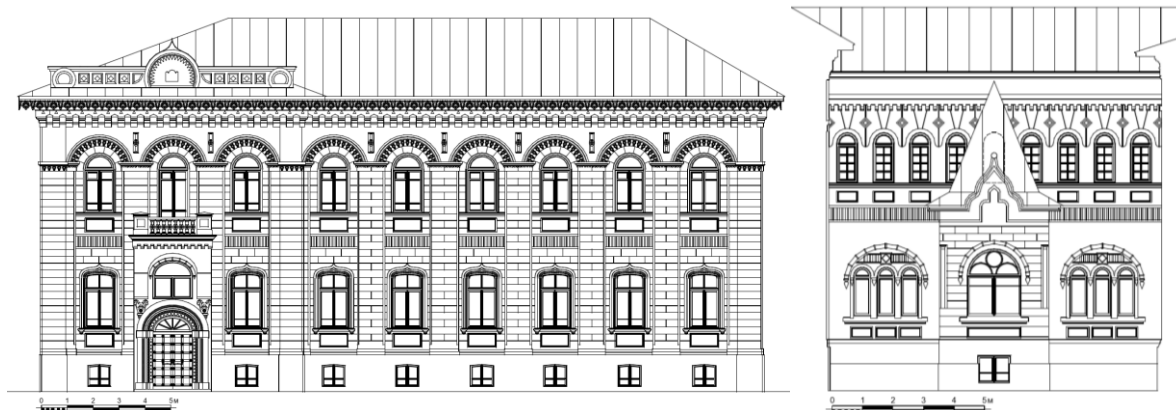

Рис. 6. Корпус общины, юго-западный фасад. Фасад позднего перехода между корпусами

Корпус больницы (рис. 7) – двухэтажное с полуподвалом кирпичное оштукатуренное здание. Прямоугольный в плане объем покрыт вальмовой кровлей, со двора примыкает Т-образная пристройка. Здание отличается симметричной объемно-пространственной композицией и развитым силуэтом с шатровым завершением центрального ризалита. Декор фасадов очень богат: арочный вход, оформленный аналогично корпусу общины; массивный балкон с балюстрадой; верхняя часть ризалита, обработанная поясами ширинок, арочек и зубцов; трехлопастной аттик, в центре которого размещена композиция с гербом рода Романовых. Прямоугольные окна первого этажа оформлены рамками-валиками с «дыньками», окна второго этажа завершены арочными бровками, охватывающими пары полукруглых кокошников. Венчающий карниз дополнен ажурным металлическим подзором [4].

Планировка здания коридорная, лестничные клетки размещены в центральном ризалите и дворовой пристройке. Переход между корпусами перекрыт сводами Монье, что отражает применение прогрессивных инженерных решений начала XX века [4].

Больница была оснащена всеми необходимыми коммуникациями: теплом и горячей водой (собственная котельная на дровах или угле). Кроме того, были предусмотрены просторные хирургические кабинеты, современная амбулатория, комфортные палаты для больных.

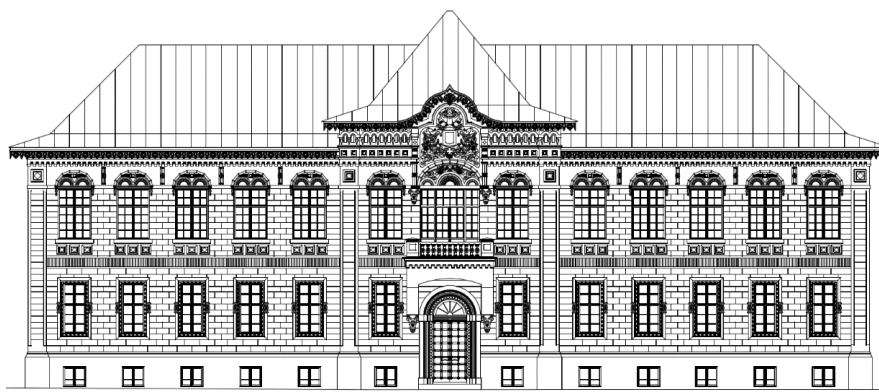

Рис. 7. Корпус больницы, юго-западный фасад

Часовня (рис. 8, 9) – кирпичная оштукатуренная постройка, состоящая из двух равновеликих, почти квадратных в плане объемов, один из которых усложнен с востока пятигранной апсидой, с юга – выступающим тамбуром. Фасады имеют арочные проемы, завершенные валиками-бровками с «перехватами» и «дыньками», столярное заполнение оконных проемов характерно для модерна. Нарядный характер зданию придают ажурные металлические подзоры. Внутренняя планировка вторит объемной композиции и делит здание на две половины. Оба помещения имеют плоские деревянные перекрытия [4].

Рис. 8. Часовня, общий вид. Интернет-ресурс. Рис. 9. Часовня, юго-западный фасад, фото автора, 2026 г.

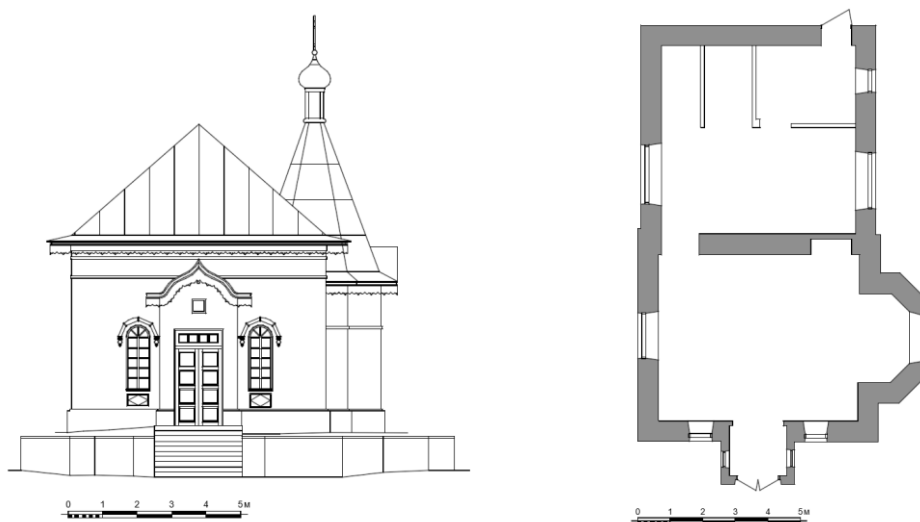

Рис. 10. Часовня. Юго-западный фасад. План

Погреб представляет собой редкий для Костромы тип хозяйственного сооружения данного периода. Врытый в землю объем выходит наружу кирпичной стеной с прямоугольным входным проемом и симметрично расположенными полукруглыми нишами, центральная часть завершается аттиком.

Внутренняя планировка погреба имеет трехчастную структуру, помещения перекрыты цилиндрическими сводами [4].

Заключение

Комплекс зданий Федоровской общины сестер милосердия в Костроме является значительным памятником архитектуры начала XX века, отражающим процесс становления системы здравоохранения и развитие благотворительных учреждений Красного Креста.

Комплекс отличается целостной градостроительной композицией, высоким уровнем архитектурно-художественного решения и функциональной продуманностью планировки. Его архитектура, несмотря на участие разных авторов, выполнена в единых традициях русского стиля с элементами модерна в декоре, а пространственная структура отражает синтез лечебных, учебных и культовых функций. Все перечисленное придает данному комплексу свойства архитектурного ансамбля.

Литература

1. Сковрцов Л. П. Иллюстрированный путеводитель по г. Костроме. — Кострома: Тип. губ. правления, 1913. — 64 с.
2. Бочков В. Н., Тороп К. Г. Кострома. — Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1970. — 208 с.
3. Кивокурцева О. Больница Красного Креста // Костромская старина. — 1993. — № 4. — С. 31–33.
4. Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. I: г. Кострома. Ч. 1 / В. П. Выголов, Г. К. Смирнов, Е. Г. Щеболева. — Кострома: Изд.-полигр. предприятие «Кострома», 1996. — 367 с.
5. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р. 513 (Е. В. Кудряшов). Оп. 1. Д. 53.
6. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 207. Оп. 1–1. Д. — Доклад городской управы об отводе участка городской земли под застройку для Федоровской общины сестер милосердия. План участка земли для Федоровской общины сестер милосердия. 1901 г.
7. Красильников Ю. Г. Онко 44. Будем жить. — Кострома: Линия График Кострома, 2023. — 108 с.
8. Кириченко Е. И., Щеболева Е. Г. Русская провинция / Е. И. Кириченко, Е. Г. Щеболева; Рос. гос. б-ка. — М.: Наш дом – L'Agée'Homme, 1997. — 178, [8] с.: ил., цв. ил. — (Культурное наследие России). — ISBN 5-89136-011-X.
9. Федоровская община сестер милосердия // Губернский дом: ист.-краевед., культ.-просветит., науч.-попул. журнал. — 2000. — № 4 (41). — С. 57–80.

ФОРМИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОЙ СРЕДЫ В ТИПОВЫХ МИКРОРАЙОНАХ ЧЕРЕПОВЦА И ВОЛОГДЫ

М.В. Латынин, старший преподаватель^{1,2}, аспирант³

¹ Государственный университет по землеустройству, Москва

² Череповецкий государственный университет, Череповец

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

Аннотация. Советская типовая архитектура долгое время рассматривалась как символ унификации и безличности. Однако анализ жилых микрорайонов Вологды и Череповца демонстрирует, что типовые серии стали основой для формирования уникальной региональной идентичности. Статья исследует приёмы, посредством которых стандартизованная городская среда, дополненная архитектурными деталями и монументальным искусством, обретает локальную аутентичность. На основе архивных источников и натурных фотографических обследований выводятся принципы формирования облика городов в условиях массового производства.

Введение

Типовое жилищное строительство советского периода стало доминирующим инструментом решения послевоенного жилищного кризиса и определило архитектурный облик большинства городов СССР. Несмотря на высокую степень стандартизации, исследования показывают значительное разнообразие серий и модификаций массового жилья, адаптированных к разным региональным условиям. В последние десятилетия этот пласт архитектуры переосмысливается как важная часть культурного наследия, а не только как утилитарный фон [1].

На этом фоне Вологодская область как и многие регионы России, включая Вологодскую область, остаются недостаточно изученными с точки зрения архитектурного многообразия и попыток создания аутентичной жилой среды в условиях типового домостроения. Между тем именно здесь можно проследить характерный для «второго эшелона» индустриальных городов диапазон стратегий индивидуализации типовой застройки - от экспериментальных конструктивных решений до монументально-декоративных.

Настоящее исследование предлагает рассматривать формирование аутентичной среды в типовых микрорайонах Череповца и Вологды через три рассматриваемые стратегии индивидуализации: конструктивная (на примере серии 1-420), художественно-декоративная (мозаичные панно на домах серии 1-335 в Вологде) и элементная (рельефные ограждения балконов в типовых сериях Череповца и Вологды).

Дополнительно рассматриваются современные практики уличного искусства как актуализация и продолжение советской монументальной традиции.

Работа опирается как на исследования советского массового жилья и его типологии, так и на современные подходы к наследию «непримечательных» микрорайонов [2].

Материалы и методы

Исследование базируется на комплексном анализе архитектурной документации типовых серий жилых домов, их конструктивных решений и фактической реализации на территории Череповца и Вологды. Основными источниками информации служили архивные материалы проектных институтов¹, каталоги типовых решений, фотофикса²

¹ КБ по железобетону Госстроя РСФСР / Типовой проект Серия 125. Комплексная серия типовых проектов крупнопанельных жилых домов и общественных зданий. 1978

ция современного состояния зданий, и анализ фотографий и панорам исследуемых городов в сети интернет.

Методология включала типологический анализ архитектурных элементов, фиксацию декоративного оформления фасадов, историческое и сравнительное изучение серийных решений. Особое внимание уделялось выявлению случаев, когда стандартные фасадные решения получали художественную интерпретацию через применение декоративных элементов, модификацию пластических форм и использование произведений монументального искусства. Исследование охватило период с 1950-х по 1980-е годы, когда в Череповце и Вологде активно реализовывались проекты массового жилищного строительства.

Результаты

Первым панельным опытным домом, возведённым в Вологодской области, стал так называемый юзбашевский дом, прозванный так городе в честь одного из своих создателей - инженера Ленинградского отделения Госстройпроекта. Дом олицетворил переходную ступень от сталинского градостроительства к панельной застройке хрущёвского периода. Сохраняя «архитектурные излишества», этот панельный на проспекте Победы в Череповце был возведён по новой для того времени конструктивной схеме с неполным внутренним каркасом.

Отчасти стилистическим преемником юзбашевского дома в Череповце стали дома серии 1-420к (рис.1). Серия представляет собой уникальный пример реализации типового проекта с существенной архитектурной выразительностью. Проект был разработан инженерами Л.Г. Юзбашевым (руководитель проекта), А.Г. Погосовым, Г.С. Суреняном, Д.Н. Мамлеевым, Б.Л. Шейнкиным и архитектором В.Н. Грошевым [3].

Рис.1. Дома серии 1-420к на ул. Ленина в Череповце

Отличительной чертой зданий этой серии являются их необычно крупные окна, в частности характерные восьмигранные (октаэдральные) окна в подъездах и тройные проёмы в жилых комнатах. Конструктивно тройные окна решены как три сблокированные друг с другом проёма или комбинация окна – балконной двери – окна в зависимости от типа панели и расположения помещения. Такое решение значительно отличалось от более компактных окон, применяемых в других массовых сериях, и придавало фасадам жилых зданий неповторимый облик. Высота потолков в этих домах составляла три метра. Согласно недавним исследованиям, освещённость помещений этой серии домов примерно в 3 раза превышает современные нормы (а старые в 1,5) [4].

Серия 1-420 распространена в данной версии более всего в Череповце, по одному дому есть в Вологде и Петрозаводске. Уральская модификация имеет более унифицированный облик и более низкие потолки, сохраняя только конструктивную и планировочную структуру первоисточника. К сожалению, опыт строительства этой серии был признан менее рациональным с точки зрения экономики [1]. Тем не менее именно дома этой серии демонстрируют, что даже на уровне конструктивной логики типового проекта возможно формирование аутентичного образа здания - через пропорции, ритм и пластическую выразительность основных элементов.

Если череповецкий пример показывает потенциал конструктивной индивидуализации, то вологодская серия домов 1-335А демонстрирует, как типовое панельное жильё может стать носителем локальной идентичности через монументально-декоративное искусство. Наиболее последовательно эта стратегия реализована на домах серии 1-335А, где типовой каркас и малометражные планировки зачастую сочетаются с мозаичными панно на торцах зданий. Как отмечают современные исследователи городской среды, советская городская мозаика представляет собой уникальный символический капитал территорий, способный стать ресурсом локальной идентичности [5].

Мозаики вологодских домов серии 1-335 можно условно разделить на несколько тематических блоков.

Труд и индустриализация: панно с башенным краном и надписью «Вологда» на Козленской улице, 71 метафоризирует сам процесс строительства города, превращая панельный торец в эмблему коллективного созидания. Здесь типовой дом выступает не анонимным фоном, а героем собственного изображения.

Космос и научно-технический прогресс: композиция с двумя ракетами на торце дома по ул. Герцена, 21 визуализирует пафос космической эпохи, но трактует его с неожиданной для массового жилья художественной тонкостью. В результате панно выходит за рамки агитационного клише и обретает самостоятельную эстетическую ценность.

Идеология и символы государства: мозаики на домах по ул. Герцена, и 106 с голубем мира (д. 104) и советскими символами - серп, молот, звезда (д.106) репрезентируют официальный идеологический дискурс, интегрированный в структуру спального района. Художественный уровень исполнения, тем не менее, делает эти работы устойчивыми визуальными маркерами, пережившими смену политического строя.

Особого внимания заслуживает панно с советским гербом Вологды с изображением лося на торце дома по ул. Герцена, д. 73 (рис.2), авторства Владимира Ивановича Михайлова, спасённое от закрытия сайдингом благодаря активной позиции жителей и вмешательству городских властей. История борьбы за сохранение герба Вологды подчёркивает важный прецедент: инициатором защиты становятся жители, а не только профессиональное сообщество или государство. Здесь монументальное искусство оказывается медиатором между памятью места и современными практиками реновации, которые часто стремятся унифицировать фасады под нейтральный облик [6].

Рис.2. Герб Вологды советского периода на фасаде дома №73 на улице Герцена

Таким образом, серия 1-335 в Вологде демонстрирует, как типовой панельный каркас может быть превращён в «носитель сюжета»: мозаики работают как визуальные якоря, помогающие жителям считывать городское пространство не только по номерам домов, но и по образам — «дом с гербом», «дом с ракетами», «дом с краном». Аутентичность среды здесь рождается на стыке тиражируемой архитектурной матрицы и уникальных художественных высказываний, встроенных в неё [7].

Третья стратегия индивидуализации - работа с масштабом отдельных архитектурных элементов, прежде всего балконных ограждений. В ряде типовых серий Череповца (пример - серия 125) и Вологды (серия 111-90) вместо гладких железобетонных плит применялись декоративные ограждения с рельефной обработкой, кессонами и геометризированными орнаментами, выполненные из сборных бетонных элементов. В отличие от мозаик, эти решения редко фиксировались в каталогах и официальных описаниях, оставаясь скорее декорациями на теле типового дома.

Рис.3, 4. Характерные барельефы балконов череповецкой серии 125 (слева) и вологодской 111-90

Балконные ограждения работают с другим масштабом восприятия: их пластика раскрывается не только в дальнем городском плане, но и в повседневной близости — с тротуара, из двора, с противоположного фасада. Светотеневые эффекты, меняющиеся на рельефной поверхности в течение дня, добавляют панельным плоскостям ту самую избыточность формы, которая отличает архитектуру от чистой инженерии. По сравнению с яркими и сюжетно нагруженными мозаиками элементная индивидуализация выглядит более скромной, но именно она задаёт фоновый уровень тактильной и визуальной неоднородности среды [8].

Обсуждение

Приведённые примеры иллюстрируют принципиально важный вывод: несмотря на стандартизацию конструктивных систем и материальной базы массового жилищного строительства, архитектурное пространство советских типовых домов оставалось открытым для творческих интерпретаций. Тройные окна и окна-восьмигранники в череповецкой серии 1-420к это маленькая архитектурная находка, которая не требовала радикального переосмысления конструктивной схемы, но сделала облик дома запоминающимся.

Мозаичные панно на вологодских домах серии 1-335 свидетельствуют о том, что типовое жилище не было закрыто для произведений монументального искусства. Государственная система заказов и планового финансирования позволяла включать в смету строительства дома средства на художественное оформление фасадов. Художники-монументалисты, работавшие над этими панно, демонстрировали высокий уровень профессионального мастерства, превращая условные пропагандистские сюжеты в произведения, обладающие самостоятельной эстетической ценностью.

Элементная индивидуализация через рельефные балконные ограждения позволяет говорить о более тонком уровне аутентичности — уровне тактильного и визуального опыта

повседневности. Если мозаика формирует «парадный» образ, то балконные барельефы - это повседневный антураж, способный сформировать локальный художественный образ и устойчивую ассоциацию с определённой местностью.

Подобное понимание сближает локальный опыт Череповца и Вологды с более широкими дискуссиями о наследии массового жилья — от типологического анализа индустриального домостроения до попыток обосновать ценность «обычных» микрорайонов через их нематериальное культурное наследие.

Современный этап развития массового жилья и работы с существующей застройкой ставит вопрос о том, как продолжать и переосмысливать найденные в советское время стратегии индивидуализации. В технологическом измерении в эту дискуссию входят новые панельные технологии перекрёстно-клееной древесины (развивающиеся в г. Сокол Вологодской области), позволяющие вернуть вариативность в модульное строительство и по-новому взглянуть на взаимосвязь конструкции и пластики фасада. В художественном измерении очевидной линией преимущества становится современный стрит-арт и муралы, которые в Череповце и Вологде за последние годы продолжили традицию коммуникации художников с горожанами, которую ранее начали мозаики.

Заключение

Анализ типовых микрорайонов Череповца и Вологды показывает, что даже в рамках жёстко стандартизированных серий возможно целостное формирование аутентичной среды — при условии, что типовой проект рассматривается не как догма, а как поле для вариаций. Череповецкий эксперимент с серией 1-420к демонстрирует, как через масштаб и пропорции основных элементов можно задать иной уровень качества массового жилья. Вологодские мозаики убеждают, что монументально-декоративное искусство способно превратить анонимную панельную застройку в набор узнаваемых мест, укоренённых в локальной истории и символике.

Рельефные ограждения балконов и другие элементные приёмы подчёркивают значимость «малых» архитектурных решений, отвечающих за нюансированность городской ткани и повседневный комфорт восприятия. В совокупности эти три стратегии демонстрируют, что типовое жильё может быть одновременно массовым и индивидуализированным, а аутентичность при качественной проработке может формироваться и в типовой среде.

Литература

1. Мойзер, Ф. Жилищное строительство в СССР 1955–1985. Архитектура хрущёвского и брежневского времени / Ф. Мойзер. – Берлин: DOM publishers, 2020. – 272 с.
2. Снопек, К. Беляево навсегда. Советский микрорайон на пути к списку ЮНЕСКО / К. Снопек. – Берлин: DOM publishers, 2015. – 240 с.
3. Баныкин, Б. Н. Проектирование и строительство крупнопанельных домов / Б. Н. Баныкин; Ленинградский Горстройпроект. – Ленинград; Москва: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. – 179 с.
4. Бакина, А. П. Проверочный расчёт естественного освещения в жилом многоквартирном доме серии 1-420 / А. П. Бакина // Научное обозрение: строительство и архитектура. – 2024. – № 1. – С. 45–53.
5. Гептинг, Э. Л. Советские монументальные мозаики Великого Новгорода как часть современного городского ландшафта / Э. Л. Гептинг, Ю. В. Меринова // Urbis et Orbis. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 242–253.
6. Студеникин, Н. В. Советская мозаика в современном российском городе: как монументальное наследие может вновь стать ценностью? / Н. В. Студеникин // Городские исследования и практики. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 55–79.
7. Иванова, М. Е. Особенности вологодских монументальных мозаик в контексте советского монументального искусства / М. Е. Иванова // Инновации молодёжной науки: тезисы докладов Всероссийской научной конференции молодых учёных, Санкт-Петербург, 20–24 апреля 2020 года. – С. 182–184.
8. Мойзер, Ф. К типологии советского типового домостроения. Индустриальное жилищное строительство в СССР, 1955–1991 / Ф. Мойзер, Д. Задорин. – Берлин: DOM publishers, 2020. – 448 с.

О ПРОЕКТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ УЛИЦЫ КУЙБЫШЕВА В ПАВЛОВЕ 1936 ГОДА

А.В. Лисицына^{1,2}, доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования, главный научный сотрудник

¹*ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород*

²*Центральный научно-исследовательский институт Минстроя России, Москва*

Аннотация. Статья посвящена анализу проекта реконструкции одной из главных магистральных улиц развивающегося промышленного города Павлов Горьковского края (ныне город Павлово Нижегородской области). Подчеркивается субрегиональное происхождение проекта, выполненного в Горьком, выявлена связь с ведущимся на территории Павлова промышленным строительством и разрабатываемым генеральным планом. Раскрывается основная концепция проекта, его содержание, показывается отношение к исторически сложившейся планировке и застройке. Обсуждаются факторы, помешавшие воплотить проект в жизнь, и последствия такого решения для городской среды.

Введение

Градостроительная политика первых пятилеток в СССР была тесно связана с главным вектором развития страны – курсом на индустриализацию и создание тяжелой промышленности. В Нижегородском (Горьковском) крае – Горьковской области все ресурсы были сосредоточены на строительстве новых соцгородов («Автострой», Дзержинск) и соцпоселков при промышленных предприятиях (Балахна, Выкса, Сормово). Градостроительные проекты для исторически сложившихся малых городов почти не создавались. На этом фоне внимание привлекают редкие исключения – генеральные планы Муром (1935), Павлова (1936), Ижевска (1937). Появление таких проектов было обусловлено перспективами развития размещенных в этих городах предприятий тяжелой индустрии – металлургии, машиностроения, металлообработки. Новые генеральные планы воплощали актуальные идеи функционального зонирования, формирования удобного транспортного каркаса, рационализации и унификации застройки. Шло переосмысление главных градостроительных узлов и осей исторических центров городов. Очень показателен в этом аспекте проект реконструкции улицы Куйбышева в Павлове.

Цель статьи – ввести в научный оборот неизвестные в широких кругах проектные разработки второй половины 1930-х гг., определявшие развитие Павлова в середине XX в. и отражавшие градостроительные воззрения своего времени.

Материалы и методы

Методы исследования включают библиографические и архивные изыскания, сплошное натурное обследование фрагментов городской среды с подробной фотофиксацией, а также сопоставление анализируемых проектных материалов с современной градостроительной ситуацией, зафиксированной на топографических подосновах и спутниковых картах. Материалы исследования представляют собой невоплощенные градостроительные проекты, выполненные для Павлова проектной организацией Горьковский Крайпрогор. Автор выражает благодарность руководителю комитета архитектуры и градостроительства администрации Павловского муниципального округа Нижегородской области Г.Е. Зайцевой (2015 г.) за доступ к архивным делам из фондов комитета.

Результаты исследования

К началу советского периода Павлово представляло собой крупнейшее торгово-промышленное село Нижегородской губернии, центр обширного кустарного района металлообработки и слесарного производства. В 1918 г. Павлово получило статус города и стало центром уезда. Наличие развитой производственной базы – национализированных крупных фабрик и артелей промкооперации – выдвинуло его в число промышленных центров региона. В связи со строительством новых предприятий – завода автотракторного инструмента на севере и механического завода на юге – территория города быстро увеличивалась.

В 1931 г. в городе Горьком был создан филиал центрального (московского) проектного института Гипрогор. В 1934 г. филиал стал самостоятельной организацией, получившей название Горьковский Крайпрогор (с 1937 г. – Горьковский Облпрогор) [1, с. 79]. С 1932 г. в составе организации действовал сектор планировки, решавший градостроительные задачи [2, с. 21]. В 1936 г. сотрудниками сектора были выполнены предпроектное обследование территории и эскизный проект генплана Павлова. Эти разработки предусматривали увеличение населения города с 25,36 тыс. человек до 65 тыс. человек на период действия генплана. Учитывая направления главных транспортных магистралей и размещение промышленных предприятий, намечалось формирование трех крупных районов – северного, внутригородского (центрального) и южного, что соответствовало северной, центральной и южной промзонам. Проект предполагал решительное преобразование исторически сложившейся городской структуры: упорядочивание нерегулярной планировки, выпрямление и расширение улиц, укрупнение кварталов [3].

На оси Центральной улицы (ныне ул. Шмидта) проектировалась главная городская площадь, выходящая к высокому берегу реки Оки. От площади начиналась улица Куйбышева – магистраль, ведущая из центра города в юго-западном направлении, на Вачу и Муром. В системе обновленного городского центра этой улице отводилась особая роль. В 1936 г. Горьковским Крайпрогором был разработан проект ее реконструкции и застройки. В бригаду проектировщиков входили архитектор И.Э. Геймансон, инженер И.М. Грунин и экономист-планировщик С.К. Попов [4].

Работа выполнялась по заявке одного из ведущих предприятий Павлова – инструментального завода им. И.В. Сталина, который вел свою историю от фабрики торгового дома «М.И. Тербина сыновья», учрежденного в 1908 г. Фабрика занимала обширный участок на южной окраине Павлова, у Стрижова оврага. В 1918 г. она была национализирована, в 1929 г. преобразована в инструментальный завод. В 1931-1943 гг. завод входил в трест «Росинструмент» Наркомата местной промышленности РСФСР [5, с. 393]. Реконструкция завода, запланированная на 1935-1938 гг., предполагала увеличение штата сотрудников до 4800 человек, а в дальнейшем – до 7000 человек. Жилой фонд для работников завода планировалось формировать в районе улицы Куйбышева.

Исторически улица Куйбышева (бывшая Заманиха, Почтовая) представляла собой участок проходящего через Павлово почтового тракта из Нижнего Новгорода на Муром и Владимир. Трасса улицы сформировалась уже к концу XVIII в.; она хорошо видна на плане Павлова 1788 г. В XIX – начале XX вв. в конце улицы находилась большая торговая площадь – так называемая Девятая (до 1929 г. на девятой неделе после Пасхи здесь устраивались ежегодные ярмарки) [6, с. 179]. Во второй половине 1930-х гг. трасса улицы Куйбышева была продолжена в северо-восточном направлении и прошла через центр города, что еще больше выявило ее транзитное значение.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. на юго-западной оконечности улицы развернулось новое масштабное строительство. Здесь были возведены одноэтажное здание центральной амбулатории (№ 43), двухэтажные детские ясли на 100 мест (№ 46а), один четырехэтажный (№ 41) и два трехэтажных (№ 48, 46) многоквартирных жилых дома в лаконичных формах конструктивизма. В середине 1930-х гг. построен еще один трехэтажный жилой дом с

магазином (№ 35), где конструктивизм представлен уже в поздней, обогащенной версии. На месте Девятой площади, переименованной в Красную, в 1935 г. был заложен сквер – пионерский сад им. Гайдара.

В обосновании проекта 1936 г. отмечено, что улица Куйбышева «занимает центральное расположение, реконструкция ее уже частично осуществлена постройкой ряда новых каменных зданий, и крайне необходимо для оформления города закончить ее реконструкцию путем быстрой застройки новыми зданиями» [4]. Характеризуя состояние улицы, авторы констатировали, что длина ее трассы от Центральной улицы до Красной площади составляет 815 м, плотность застройки 20-30 %, значительная доля кварталов занята садами, застройка преимущественно деревянная, одноэтажная, сильно изношенная. Проезжая часть замощена булыжником, тротуары щебеночные, ширина улицы недостаточна для движения.

Главной целью проекта стало создание представительной магистрали, которая свяжет общегородской центр с Красной площадью и парком культуры и отдыха на берегу Оки (ныне парк Дальняя Круча). Транзитное движение предлагалось перенести на параллельную Больничную улицу (ныне ул. Маяковского). Улица же Куйбышева должна была получить торжественный, парадный характер, что предполагало расширение ее проезжей части до 9 м с устройством двух лент бульварной зелени по бокам. Общая ширина пространства улицы между зданиями составляла по проекту 32 м.

В продолжение уже выполненной застройки в стиле конструктивизма проектировалось еще шестнадцать многоквартирных жилых домов по улице Куйбышева и пересекавшей ее улице Речной. Эти здания показаны и пронумерованы на схеме генплана (рис. 1). Выход улицы Куйбышева к Красной площади фиксировался зданием амбулатории и трехэтажным жилым домом 6 в форме неправильной скобы (составленным из двух существующих домов, торцы которых предлагалось соединить вставкой). Пересечение с улицей Речной было выявлено четырьмя протяженными г-образными в плане четырехэтажными домами с повышенными пятиэтажными объемами, подчеркивающими перекресток. Дома 1 и 2 дополнительно отмечены угловыми трехъярусными башнями со шпилями. Далее, ближе к центру города, уличное пространство расширялось до 40 м. Здесь вдоль оси улицы была сформирована своего рода площадь со сквером, окруженная четырьмя г-образными в плане жилыми домами с башенками на торцах. Для создания этого узла ликвидировались две небольшие поперечные улицы (ул. Новикова и ул. Профсоюзная). Еще два дома формировали примыкание к ансамблю городского центра на Центральной улице (рис. 2). Один из них предполагалось пристроить к доходному дому В.М. Смирнова (№3), где в то время находился трест «Росинструмент». Отметим, что из всей дореволюционной застройки улицы сохранялось лишь это здание, наиболее крупное и капитальное.

«Существующий беспорядочный и беспокойный верхний контур застройки ... заменяется спокойным четырехэтажным силуэтом, с выделением ударных пятиэтажных точек, симметрично расположенных на пересечении с ул. Речной, и образованием здесь небольшой трапециевидной площадки, с которой в западную сторону, через ул. Речную, открывается перспектива на реку Оку и заречную часть; в южном направлении открывается перспектива на зеленые массивы Центрального парка культуры и отдыха; в северном направлении, благодаря повороту ул. Куйбышева, в перспективе открывается вид на строящееся здание городского кинотеатра», – пояснял основную идею проекта И.Э. Геймансон [4].

Строительство жилых домов включало три очереди, с юго-запада на северо-восток. К первой очереди было отнесено шесть домов (1, 2, 3, 6, 7, 8) до Речной улицы, ко второй – четыре дома (4, 5, 9, 10) по северо-восточной стороне Речной улицы, к третьей – четыре дома (11, 12, 13, 14), обрамляющие расширенную часть улицы Куйбышева. Два последних дома (15, 16), формировавшие перекресток с Центральной улицей, изображались «гипотетически» и подробно не разрабатывались.

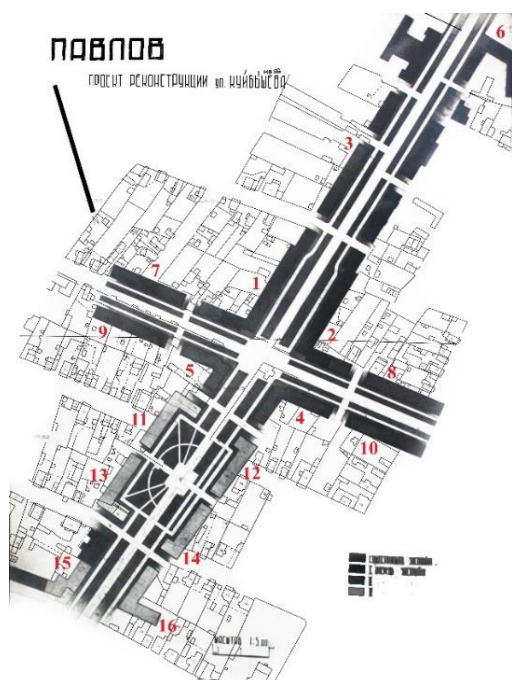

Рис. 1. Схема генплана [4]

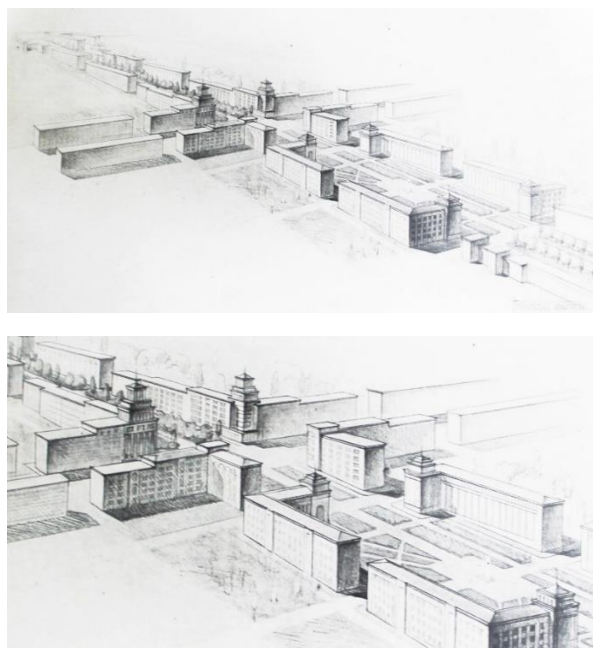

Рис. 2. Перспектива, общий вид и фрагмент [4]

Проектирование начали с самых крупных шестисекционных домов (1, 2), расположенных друг напротив друга. Оба имели г-образный план (наибольшая длина 102,8 м) и переменную этажность (4-5 этажей). Каждый вмещал по 64 квартиры в две, три и четыре комнаты с кухнями, ванными, санузлами, прихожими. На первом этаже размещались магазины, ясли и детский сад, в подвале – служебные помещения и прачечные-постирочные. Остальные четырехэтажные дома должны были состоять из секций габаритами 12 на 18 м, с двумя квартирами на этаже (в две и три комнаты). При этом планировалось выстроить девять четырехсекционных домов на 32 квартиры (3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 13) и два трехсекционных дома (12, 14) на 24 квартиры. Трехэтажный дом-вставка (6) вмещал 12 квартир. Все здания обеспечивались водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Согласно генплану города, планировалось значительное укрупнение прилегающих к улице кварталов, внутри которых размещались школа, ясли и детские сады.

Проект реконструкции улицы Куйбышева 1936 г. был основан на принципах ансамблевости и стилового единства, характерных для советской архитектуры этого времени. Основные посылы проекта, проникнутые пафосом строительства нового социалистического города, ярко передает картина художника М.И. Бронникова «Социалистическое будущее города Павлова», показанная на выставке самодеятельных художников Горьковской области 1949 г. «В проектных мастерских города Горького архитекторы уже работают над проектами будущего Павлова. Город из конца в конец пересекут новые широкие и просторные магистрали. Центральная площадь украсится большими красивыми зданиями. В бетон оденется река Тарка, великолепная набережная будет построена у Оки», – писал в 1950 г. корреспондент журнала «Смена» [7].

Однако, этим грандиозным планам не суждено было сбыться. Прежде всего, их воплощению помешала Великая Отечественная война. В трудные послевоенные годы о таких масштабных проектах можно было лишь мечтать. А в 1955 г. генеральная линия советской архитектуры, как известно, резко изменила направление, взяв курс на устранение «излишеств в архитектуре».

В реальности из шестнадцати предполагаемых к постройке жилых домов был возведен лишь один (№ 40). Он соответствует дому 2 по проекту 1936 г. и построен в конце 1930-х гг. Г-образный в плане четырехэтажный объем с пятиэтажной угловой частью фиксирует пересечение улиц Куйбышева и Речной. Крупные окна, рустованная поверхность

стен нижнего этажа, отделенного профилированным поясом, развитый карниз с частым рядом лепных кронштейнов, высокий аттиковый этаж с небольшими квадратными проемами позволяют отнести здание к образцам советского неоклассицизма.

В настоящее время застройка улицы представляет собой довольно пёстрый конгломерат разновременных и разнохарактерных зданий, не связанных друг с другом композиционно и стилистически: это небольшие двухэтажные дома начала XX в., здания в формах конструктивизма и советского неоклассицизма, типовые пятиэтажные жилые дома середины XX в., здания рубежа XX – XXI вв. с чертами постмодернизма и неомодернизма. К сожалению, целостный архитектурный ансамбль улицы так и не сложился, хотя предпосылки к этому имелись.

Заключение

Об авторе проекта реконструкции улицы Куйбышева, архитекторе И.Э. Геймансоне, известно немного. В монографии О.В. Орельской его имя фигурирует в ряду молодых зодчих, закончивших советские вузы и трудившихся в Горьком в 1930-х гг. [1, с. 78]. Более полные сведения приведены в монографии М.В. Курочкина: Геймансон Израиль Эльясович (1903-1972), выпускник Одесского (?) художественного института (1930), архитектор-художник, автор генерального плана Ижевска 1937 г. [8, с. 127]. В Интернет-ресурсах встречаются упоминания об участии Геймансона в разработке генеральных планов Кирова и Красногорска. Работая в сфере градостроительного проектирования, он, по-видимому, разделял такие идеи времени как негативное отношение к исторически сложившейся застройке, рационализация планировки с расширением улиц и укрупнением кварталов, стремление к формированию моностилевых архитектурных ансамблей, подчиненных общему композиционному замыслу. Как отмечал сам автор, задачу по размещению жилых домов завода им. И.В. Сталина можно было решить разными способами, однако наиболее перспективным он посчитал «намечаемое, ценное для города строительство сосредоточить на определенной магистрали, чтобы в ближайшее время оформить ее и тем создать для этой части города определенное лицо» [4].

Если бы первая и вторая очереди строительства были воплощены, застройка улицы, приведенная к одинаковой высоте, несомненно, приобрела бы более цельный, представительный облик. Тем более, что историческая застройка в средней части улицы действительно не имела капитального характера и в дальнейшем была утрачена. А вот реализация третьей очереди привела бы к разрушению целостного фрагмента застройки рубежа XIX – XX вв. на начальном отрезке улицы – между ул. Шмидта и ул. Профсоюзной.

Невоплощенный проект реконструкции улицы Куйбышева в Павлове демонстрирует распространение принципов советского градостроительства середины XX в., апробированных в условиях крупных и крупнейших городов, на преобразование исторически сложившейся планировки и застройки малых и средних городов. Несмотря на то, что полноценные реализации таких проектов были довольно редкими, сами проекты показывают типичный для своей эпохи взгляд на реконструкцию города, который должен был символизировать новую модель жизнеустройства в социалистическом обществе.

Литература

1. Орельская О.В. Конструктивизм. Нижний Новгород : БегемотНН, 2020. 240 с. (Стили в архитектуре Нижнего Новгорода).
2. Гельфонд А. Л., Карцев Ю. Н. Институт гражданского проектирования в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород : Промграфика, 2008. 172 с.
3. Генеральный проект планировки г. Павлова Горьковской обл., 1939 г. // Комитет архитектуры и градостроительства администрации Павловского муниципального района Нижегородской обл. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2.
4. Проект реконструкции улицы им. Куйбышева в г. Павлове и застройки 1-й очереди жилого строительства завода им. Сталина, 1936 г. // Комитет архитектуры и градостроительства администрации Павловского муниципального района Нижегородской обл. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1.

5. Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Книги, 2011. 608 с.
6. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Павловского района Нижегородской области / отв. ред. А.В. Лисицына. Нижний Новгород : Кварц, 2015. 560 с. (Объекты культурного наследия Нижегородской области).
7. Павлово строится // Смена. 1950. № 7.
8. Курочкин М.В. Ижевский соцгород. Планировка и застройка населенных мест Удмуртии. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. 136 с.

ВРЕМЯ И СКОРОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

О.В. Воличенко^{1,2}, доктор архитектуры, профессор кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций

проф. кафедры архитектуры, реставрации и дизайна

Ю.В. Макунина³, начальник управления по Городскому округу Подольск

¹ *Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва*

² *ФГБОУ ВО «НИУ Московский государственный строительный университет», Москва*

³ *Комитет по архитектуре и градостроительству Московской области, Красногорск*

Аннотация. Целью участия в конференции является внедрение критериев скорости, времени, способности к трансформациям в расчет жизненного цикла здания в рамках осуществления принципов устойчивого развития, посредством внедрения экономики замкнутого цикла. Применение критериев поможет спрогнозировать развитие объектов и территорий, исключить стагнацию существующих зданий. Новизна разработки методики состоит во внедрении принципов экономики замкнутого цикла в проектную и строительную отрасль. Основанием для ее разработки являются стратегические задачи Правительства Российской Федерации. Создание методики прогнозируемых изменений, как стратегической основы для высвобождения экономических ресурсов повысит качество жизни населения, а также позволит установить контроль за эстетическими характеристиками, поддержать экологический баланс.

Введение

Пространственный каркас, сформированный из объектов нежилого назначения представляет собой наглядный пример непредсказуемой, неконтролируемой организации. Показательным примером является Московская область, как символ прогрессивного освоения территорий, внедрения современных технологий, быстро развивающейся экономики. Непосредственная близость к Москве, ее опоясывание, поддерживающее планировочную структуру столицы, требует особого внимания к территориям и объектам. Именно эти пространства формируют первое, самое важное впечатление о "воротах" в столицу.

Исследование осуществляется посредством эмпирического подхода, основанного на проведенном визуальном анализе объектов и территорий производственного и коммунального назначений, изучения карт территориального планирования и градостроительного зонирования, публичных сервисов, представляющих данные об участках и объектах на них. Также в процессе изучения применен конфликтологический подход, предложенный М.В. Перьковой в разработанной «Методике выявления и разрешения градостроительных конфликтов и противоречий развития на уровне муниципального района» [1]. Для решения выявленной проблемы освоения и застройки территорий определена необходимость внедрения гибкого подхода с учетом методики, предусматривающей кольцевое проектирование. Данная методика основана на прогнозировании изменений и сокращении разрыва между функциональным и техническим сроком службы здания.

В основу рассмотрения легло изучение проблематики формирования застройки в Московской области. Автор обращает особое внимание и считает важным поиск взаимосвязи и взаимовлияния параметров скорости и времени не только в контексте их применения к дорогам, но и к территориям и объектам, обладающим, параметрами линейных величин. Выявление схожести параметров указывает на необходимость внедрения методики, способствующей благоприятному развитию объектов и территорий, внедрению кольцевого проектирования.

Основной текст

Анализируя существующее положение, важной задачей стало выявление основных особенностей, влияющих на формирование застройки, а именно:

- неоднородность, хаотичное формирование застройки. В основном, территории максимально застраивались под различные нужды, не всегда выполнялась исходная разрешительная документация. Процент размещения крытых временных сооружений позволял беспрепятственно застраивать участки.

- моральное устаревание зданий. Существующее положение современной застройки в большей степени представляет собой здания, строительство которых активно велось в конце 90-х, начале 2000-х годов. Рубеж веков и тысячелетий ознаменовался для нашей страны переходом от социалистической структуры управления к демократическому федеративному правовому государству с республиканской формой правления. В условиях деиндустриализации экономика концентрировалась в больших городах, максимально осваивая каждый квадратный сантиметр свободной площади. Производство уступает свое первенство сфере услуг, которая располагается более компактно, не требует санитарных ограничений, а вызывает к узнаваемости и доступности. Бизнес обрастает звонким словом "реклама", заявлять о себе всем проходящим, проезжающим и пролетающим становится неотъемлемым атрибутом успешности. Изменения, в первую очередь коснулись экономики, отражением которой явилась активная застройка приватизированных территорий. Сфера управления строительством «лихих 90-е» оставила неизгладимый след в виде узаконенных построек той поры. Такие постройки далеки от зданий, которые бы являлись эталоном стилистических, пластических, архитектурно-декоративных решений. Имеет место нарушение законодательства в части самовольного освоения территорий и строительства зданий.

Не смотря на давность предлагаемых концепций о необходимости выработки гибкого подхода, мировые учены продолжают работать над исследованием влияния времени, как неотъемлемого параметра при проектировании. Так, например, в научном исследовании о различных подходах к трансформируемым зданиям подтвердили необходимость учета параметра времени, обозначив целевые показатели в виде долговечности, эксплуатационной гибкости, контроля жизненного пути и социокультурной ценности [2]. Базисные принципы Витрувия о пользе, прочности и красоте трансформировались в трехуровневую теорию Гутнова А.Э. о каркасе, ткани и плазме [3], где каркас выполнял функцию незыблемого остова. Современная действительность нарушила и этот принцип, проникнув в каркас волокнами изменений. При этом триединство некогда непоколебимых постулатов готово звучать по-новому, определив основные задачи, как долговечность, а именно способность использования зданий и территорий наиболее длительное время с учетом постоянной экономической привлекательности, учитывающей гибкий подход, а именно, способность зданий к трансформациям, контроль и аналитику зданий на протяжении всего жизненного пути, а также мероприятия по демонтажу, повторному использованию деталей и элементов, экологической утилизации, социокультурной ценности, как резюмирующей оценки значимости объекта. Проведенный анализ показывает, что наименьшее внимание уделяется объектам нежилого назначения, обеспечивающим гражданам рабочие места в производственной сфере и сфере услуг.

Важно отметить работу, проводимую научным сообществом России в части выявленной в статье проблематики:

- в части неоднородности и хаотичности формируемых участков и их застройки сформированы предложения исследователей о внедрении инженерно-технического дизайна на улицах городов. Основным заключительным этапом его внедрения является создание зрительной запоминаемости территории, выявление «духа места», обязательное применение элементов ландшафтного дизайна [4].

- в части застройки территорий, которые в границах исследования преимущественно составляют объекты и территории производственно-коммунального назначения и представляют неоднородную и неупорядоченную застройку Аллахановым Э.М.,

Финогеновым А.И предлагается новый методический подход для организации схемы размещения таких объектов по всей территории России [5].

На базе проведенных исследований автором предлагается внедрить методику, предусматривающую возможность трансформации, адаптации и рефункционализации зданий. Данная методика должна быть основана на принципе кольцевого проектирования, и иметь разработанную и утвержденную правовую базу в действующем законодательстве. Принцип действия данной методики для объектов заброшенных и незавершенных объектов описан в статье «Проблемы трансформируемости объектов незавершённого строительства во времени и пути их решения» [6].

Методика представляет собой способ решения стратегической цели устойчивого развития посредством внедрения экономики замкнутого цикла в строительную отрасль и планируется к использованию на этапе анализа инвестиций и перспектив развития территории и целесообразна при моделировании сценариев долгосрочного прогнозирования для планируемых объектов, существующих зданий и территорий. Методика рассчитывает возможные сценарии развития планируемого к строительству объекта, существующего здания и территории, учитывающие долгосрочные и краткосрочные перспективы, экономический и экологический анализ, технологическое обоснование, и предлагается к включению в блокчейн информационного моделирования. Модель предусматривает три направления, каждое из которых может содержать по несколько замкнутых циклов:

- сценарий трансформации включает возможность изменения параметров и функций в рамках установленных показателей территориальных зон, учитывает возможность роста, динамики, переноса;

- сценарий адаптации распространяется как на объекты, планируемые к реализации так и на существующие здания. Он регулирует вариативность внутренних процессов: перепланировка, замена/извлечение узлов, улучшение внутренних процессов;

- сценарий рефункционализации рассчитывает возможность изменения функционального назначения территорий с учетом внесения изменений в документы градостроительного зонирования и территориального планирования.

Голландский архитектор Герман Херцбергер, во время участия в конференции в Университете Севильи лекций в 2015 году озвучил важный тезис, способный стать девизом внедрения подхода, предусматривающего способность зданий к изменениям: «Разнообразие решений ДОЛЖНО содержаться в форме, как неотъемлемые предложения». Эти слова в наибольшей степени характеризуют правильность выбранного пути.

Заключение

Внедрение методики, учитывающей возможность трансформаций объектов и территорий, будет способствовать гармоничному и современному развитию застройки, значительно сократит количество заброшенных и незавершенных объектов.

Также целесообразно рассмотреть вопрос об изменении формы имущественных и общественных отношений для территорий и объектов производственных и коммунальных зон. Данные объекты и территории должны наделяться обязательствами, связанными с возможностью оперативного реагирования на меняющиеся потребности, то есть эксплуатационной гибкости, соучастия, контроля и аналитики, экономической привлекательности, социокультурной ценности.

Литература

1. Перькова М.В. Методика выявления и разрешения градостроительных конфликтов и противоречий развития на уровне муниципального района//Academia. Архитектура и строительство 2018 №4 С. 74-83 Белгород: БГТУ им. Шухова, DOI 10.22337/2077-9038-2018-4-74-83
2. Galle W., De Temmerman N. Multiple design approaches to transformable building: construction typologies Conference: Proc. of the Int. Conf. Portugal SB13 At: Guimarães. October 2013 – URL: <https://www.researchgate.net/publication/317348720> (дата обращения 01.11.2025)

3. Метленков Н.Ф. Направленная трансформация архитектурной картины мира // Архитектура и строительство России. – 2023. – № 4
4. Зайкова Е.Ю., Феофанова С.С. Инженерно-технический дизайн магистральных улиц с интеграцией элементов зеленой инфраструктуры//Вестник МГСУ, 2024, Т. 19 вып. 8 – С. 1260-1273 DOI: 10.22227/1997-0935.2024.8.1260-1273
5. Аллахманов Э.М., Финогенов А.И. Направления оптимизации архитектурно-планировочных решений объектов производственно-коммунального назначения в условиях развития городов России//Архитектура и строительство России, 2024. № 1 (249). С. 64-67.
6. Воличенко О.В., Макунина Ю.В. Проблемы трансформируемости объектов незавершённого строительства во времени и пути их решения // Строительство и реконструкция № 6 (116) 2024 С. 92-109 DOI: 10.33979/2073-7416-2024-116-6-92-109

ЭКСПОНИРОВАНИЕ КАК МЕТОД: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ РЕСТАВРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В БЕЛАРУСИ

Е.В. Морозов¹, кандидат искусствоведения, доцент

¹Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В статье анализируются принципы и методологические основания современной реставрационной практики в Республике Беларусь. На основе изучения опыта реставрации объектов замковой архитектуры, в частности Гольшанского замка, выявляются ключевые тенденции: приоритет сохранения аутентичной материи памятника, принцип обратимости дополнений, экспонирование «патины времени», внедрение современных конструктивных и дизайнерских решений. Рассматривается соотношение национальных традиций реставрации с европейским опытом, а также проблема баланса между сохранением подлинности и включением памятника в актуальную культурную и туристическую среду.

Введение

Системный характер реставрационной деятельности в Республике Беларусь в последние десятилетия во многом обусловлен реализацией государственных программ, направленных на сохранение историко-культурного наследия. Существенным этапом стала программа «Замки Беларуси» (2012–2016), впоследствии интегрированная в масштабную программу «Культура Беларуси» (2016–2020; 2021–2025 гг.). Дополнительным механизмом поддержки реставрационных проектов выступает финансирование за счет средств фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства. При его содействии реализованы работы по реставрации дворцово-паркового ансамбля Пусловских в Коссово, проведена консервация с фрагментарной реставрацией замка в агрогородке Крево и бывшего замка Сапегов в агрогородке Гольшаны. Завершены реконструкция часовни-усыпальницы Паскевичей в Гомеле и реставрация здания конюшни в составе ансамбля дворца Огинских в Залесье. Формируется институциональная основа для перехода от единичных реставрационных акций к комплексной стратегии сохранения наследия.

Современная белорусская реставрационная практика, традиционно обозначаемая как «научная реставрация», сегодня является пространством активной профессиональной и общественной дискуссии. Крупные проекты последних лет — реставрация Несвижского дворца, замков в Мире, Новогрудке, Любче, а также проект восстановления Старого замка в Гродно — вызвали широкий резонанс [1]. В центре обсуждения находится фундаментальное противоречие между двумя стратегиями. Первая ориентирована на максимальное сохранение подлинной исторической материи, включая следы разрушений, утрат и трансформаций. Вторая стремится к созданию целостного художественного образа памятника, часто реконструируемого в рамках условно определяемого «золотого века». При этом целостная реставрация неизбежно предполагает значительный объем гипотетических дополнений, копий и стилизаций, тогда как радикальный консервационный подход может ограничивать функциональное использование объекта и его включение в культурно-туристический оборот. Актуализируется необходимость разработки методологии, способной преодолеть бинарную оппозицию «аутентичность — реконструкция» и предложить компромиссные, научно обоснованные решения.

Основной текст

Обращение к европейскому опыту демонстрирует многообразие реставрационных моделей, формировавшихся в различных культурных традициях. Если в качестве основания ~~нашей~~ классификации принять функциональную роль памятника в общественном сознании, то можно условно выделить несколько условных национальных моделей.

Так, для «советской» модели была характерна целостная реставрация памятника, предполагавшая использование его как наглядного исторического пособия, формирующего представление о прошлом в его завершённом виде [2]. В «польской» практике, ярким примером которой является восстановление Королевского замка и Старого города в Варшаве, реставрация становится актом национального самоутверждения и символом исторической преемственности. «Немецкий» подход акцентирует внимание на ремесленной достоверности, точности воспроизведения строительных технологий и материалов. «Итальянская» традиция, напротив, нередко основывается на эстетике контраста между современными архитектурными интервенциями и исторической материей, покрытой «патиной времени» (пример — реставрация кафедрального собора в Поццуоли, 2004 г.). В «британской» практике распространена концепция романтической руины, предполагающая сохранение объекта в состоянии исторически сложившейся фрагментарности как пространства для рефлексии и созерцания.

Отдельно следует отметить туристически ориентированный подход, при котором коммерческая привлекательность нередко становится определяющим фактором. В белорусской практике подобная стратегия иногда приводит к созданию стилизованных объектов и муляжей (например, отдельные комплексы на замковых горах в Мозыре и Мстиславле), что ставит под вопрос соответствие таких решений принципам подлинности.

Значимым направлением в современной белорусской реставрации является стремление выявить и художественно интерпретировать глубину исторических напластований. Характерным примером служит деятельность творческой мастерской «Басталия», осуществившей раскрытие и консервацию живописи Петропавловской (Екатерининской) церкви в Минске. В ходе работ было выявлено пять исторических слоёв росписей. Решением реставраторов стал отказ от приоритизации одного периода в пользу одновременного экспонирования наиболее ценных фрагментов каждого слоя с использованием контурных дополнений утраченных частей. Важно отметить, что изначально ставилась задача показать не только разные периоды живописи, но и сам процесс сменяемости техники, колорита. Методическим подходом явилось использование художественной интуиции: реставраторы кропотливо расчищали слои живописи, постоянно анализируя результат и корректируя общий замысел. В результате интерьер воспринимается как целостный организм, в котором визуально прочитывается историческая динамика. Такой подход демонстрирует возможность сохранения аутентичности посредством создания нового синтетического художественного образа.

Характерным примером современного подхода, основанного на создании нового синтетического образа является проект кафе с включением руин бывшей конюшни в агрогородке Подороск (рис. 1), разработанный проектным бюро Белорусского ИКОМОС. Объект представляет собой лёгкую защитную конструкцию из современных материалов, установленную без капитальных фундаментов и предохраняющую руины от атмосферных воздействий. Контраст между навесом оболочкой, павильонами заводского исполнения и исторической кладкой формирует яркий архитектурный образ.

Рис. 1. Кафе с включением руин конюшни в а.г. Подороск. Волковысский р-н, Брестская область, Беларусь.

Гольшанский замок, вошедший в культурное сознание как романтическая руина, представляет собой показательный пример поиска нового синтетического образа, сочетающего подлинные фрагменты комплекса и современные конструкции для защиты руин от осадков и экспонирования объекта (рис. 2). Проектные решения предусматривают фрагментарное воссоздание элементов по которым есть иконографические материалы (в частности, Северной башни), консервацию руин и организацию безопасного доступа посетителей посредством металлических помостов и лестниц. Современные конструкции рассматриваются как обратимые и потенциально заменяемые элементы. В условиях белорусского климата защита сохранившейся кирпичной кладки невозможна без устройства покрытий и систем водоотведения, что требует внедрения новых инженерных решений. Перспективы проекта включают экспонирование инженерных систем, организацию маршрутов по второму уровню, частичное раскрытие и консервацию росписей. Принципиально важно, что подобная стратегия соответствует положениям Венецианской хартии 1964 г., в частности требованию различимости новых дополнений и отказа от гипотетической реконструкции [3]. Такими средствами формируется модель, при которой памятник предстаёт как подлинный артефакт, помещённый в современную экспозиционную среду.

Рис. 2. Гольшанский замок. Ошмянский р-н, Гродненская область, Беларусь

Распространению практики «экспонирования» а не «восстановления первоначального облика» способствуют изменения пункта 1.10 статьи 114 Кодекса Республики Беларусь о культуре. Теперь реставрация трактуется не как «...сукупнасць работ і мерапрыемстваў па аднаўленні парушанага першапачатковага аблічча нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей...» [4] (совокупность работ и мероприятий **по восстановлению нарушенного первоначального облика** недвижимых материальных историко-культурных ценностей), а как «сукупнасць работ і мерапрыемстваў, якія праводзяцца ў мэтах выяўлення, захавання і (або) аднаўлення адметных духоўных, мастацкіх, дакументальных, архітэктурных і (або) канструктыўных вартасцей матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей без дапушчэння страты імі існуючых каштоўных гістарычных элементаў» [5] (совокупность работ и мероприятий, проводимых в целях **выявления, сохранения и (или) восстановления отличительных духовных,**

художественных, документальных, архитектурных и (или) конструктивных ценностей материальных историко-культурных ценностей без допущения утраты ими существующих ценных исторических элементов).

Заключение

Реставрация каждого памятника архитектуры представляет собой уникальную научно-проектную задачу, требующую учёта исторических, художественных, конструктивных и социокультурных факторов. Уничтожение следов времени ради создания завершённой, но гипотетической реконструкции представляется неоправданной утратой исторической достоверности. Более перспективной стратегией является формирование архитектурного диалога эпох, при котором современное дополнение не имитирует прошлое, а осмысленно сосуществует с ним. В случае неудачного решения такое дополнение может быть демонтировано или переработано, тогда как утраченная аутентичная материя невосполнима. Современная белорусская реставрационная практика находится в стадии принятия и распространения этой модели, которую можно определить как «экспозиционную».

Литература

1. Супрон, Я. Историк: «Старый замок в Гродно разрушают, чтобы построить псевдоисторический муляж». – Режим доступа: <https://m.nn.by/ru/articles/209759/>. – Дата доступа: 28.11.2018.
2. Михайловский, Э.В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций)/ Э.В. Михайловский. – М.: Издательство литературы по строительству, 1971. – 189 с.
3. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (венещанская хартия) от 31 мая 1964 года. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» <https://docs.cntd.ru/document/901756982> - Дата доступа: 15.02.2026.
4. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры (редакция 2016 г.) – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> - Дата доступа: 15.02.2026.
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры (с изменениями 2022 г.) . – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1600413> - Дата доступа: 15.02.2026.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛАРУСИ

Е.Б. Морозова¹, доктор архитектуры, профессор
М.С. Мяделец-Авлас¹, аспирант, магистр архитектуры

¹*Белорусский национальных технических университет, Минск, Беларусь*

Аннотация. Исследование посвящено специфике реорганизации промышленных объектов советского периода в Беларуси. Анализируются ключевые предпосылки трансформации производственных территорий в общемировой практике и их рефлексия в региональном контексте республики. Выявляются особенности формирования белорусской промышленной архитектуры, оказывающие влияние на процесс современной реновации объектов производства.

Введение

Пространственная реорганизация производственных объектов, теряющих свою рентабельность, остаётся актуальным направлением мировой архитектурной практики и, соответственно, научных исследований в этой области. В Беларуси основную массу таких объектов составляют предприятия советского периода, поскольку именно в это время аграрный характер экономики страны сменился индустриальным, сложилось 80% промышленного потенциала республики, новые отрасли – от приборостроения, электроники и среднего машиностроения до химии и нефтехимии. Сегодня именно эти предприятия в силу их масштаба и исторической роли наиболее ярко отражают проходящие трансформации в промышленности и экономике.

Однако, несмотря на высокую востребованность преобразования старых предприятий и большой сохранившийся материальный фонд, системная практика и научная концепция реорганизации таких объектов ещё не сформированы. Для решения этой задачи необходимо выявить региональную специфику белорусской промышленной архитектуры советской эпохи, ее особенности, влияющие на процесс пространственной реорганизации и определяющие современные подходы к ней.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов в области архитектуры, градостроительства, истории, географии и экономики (В.И. Аникин, И.И. Бовт, А.А. Воинов, Дж. Дуглас, Д.Д. Попова, В.В. Шейн), а также натурные обследования существующих объектов, их фотофиксация, анализ архивных документов [1; 2]. С помощью историко-генетического и сравнительного методов удалось определить специфику трансформации белорусских промышленных объектов на современном этапе. Использование историко-системного подхода позволило выявить ключевые особенности архитектурно-планировочной организации предприятий, влияющие на возможности пространственных преобразований.

Результаты исследования

Социальный запрос на преобразование промышленных объектов, потерявших или теряющих свою востребованность в современном мире, был обусловлен объективными процессами, начавшимися в странах Западной Европы и США в 1970-е гг., и в бывших советских республиках – в 1990-е гг. Этими процессами стали де-индустриализация и суб-урбанизация поселений, интерес к наследию индустриальной эпохи, нео-индустриализация. Все эти явления обуславливались целой системой факторов, среди которых наиболее

значимыми были – смена технологических укладов, экономические кризисы, ужесточение экологических стандартов, стремительный рост населения крупных городов, осознание ценности индустриального наследия, формирование новых типов промышленных образований [3].

В Беларуси эти процессы имели свои отличия. Особенностью процесса деиндустриализации в Беларуси, в сравнении со странами Европы и СНГ, являлся её менее радикальный и более размеренный характер. Начиная с 1990-х гг. наблюдался спад промышленного производства на фоне общего экономического кризиса. Переломным моментом стало принятие в 1994 г. «Программы неотложных мер», направленной на сохранение промышленного комплекса путём государственного стимулирования и поддержки предприятий [4]. Данная политика позволила сохранить значительный промышленный потенциал, и многие предприятия продолжили функционировать в городской структуре. В отличие от ряда стран мира, в Беларуси не произошло резкого увеличения численности населения крупных городов; вместо этого население перераспределилось между секторами экономики: его доля в промышленности сократилась, а в непромышленной сфере – возросла, что снизило масштабы суб-урбанизации [5, с. 41, 57]. Государственная поддержка способствовала развитию инновационных производств, созданию технопарков и индустриальных парков, при этом сохранив предприятия III и IV технологических укладов, составлявших основу национальной экономики республики. Экологизация промышленности также отличалась от европейской или американской практики. Осуществление государственных программ и стратегий по защите окружающей среды происходило путём внедрения новых стандартов, технического перевооружения, работы с производственными отходами, а не путём закрытия или переноса предприятий. Совокупность этих особенностей привела к тому, что сегодня индустриальные территории по-прежнему занимают значительную часть в структуре белорусских поселений.

Однако присутствие производств в городской ткани не означает их статичности: сами предприятия и их территории претерпевают существенные изменения. Процессы модернизации, оптимизации, технического перевооружения, а также снижения эффективности и банкротства сформировали в структуре городов новые явления: обширные арендные площади, отдельные вкрапления общественных функций, реже – пустующие территории. В отличие от сложившейся в странах Европы, Азии, США, России практики комплексной адаптации неэффективных площадей, в Беларуси подобные преобразования носят фрагментарный и бессистемный характер. Можно выделить единичные проекты, затрагивающие все аспекты реорганизации производственной площадки. Обычно реновация ограничивается отдельными корпусами или помещениями, что нарушает целостность архитектуры объекта. При этом, несмотря на формирование общественного интереса к наследию индустриальной эпохи и наличие научных работ, процессы выявления, оценки и адаптации объектов индустриального наследия в республике ещё не приобрели системный характер, в особенности в отношении предприятий советской эпохи.

Практика реновации обладает выраженной локальной спецификой, которая определяется историей формирования промышленности и актуальными потребностями региона. Ключевыми факторами, влияющими на потенциал и направления реорганизации, являются преобладающие отрасли, типология производственных корпусов, возраст зданий, их текущее физическое состояние и место в городской структуре. Проведённый анализ истории становления белорусской промышленности и архитектурно-градостроительных особенностей её объектов позволил выявить специфические черты, непосредственно определяющие возможности преобразования и адаптации к новым условиям.

Промышленный комплекс республики формировался под влиянием социально-экономических и географических факторов. Плановая экономика и интеграция в общесоюзный промышленный комплекс, выгодное географическое положение позволили Беларуси стать «сборочным цехом» и своеобразной индустриальной «витриной СССР». Отсутствие полезных ископаемых и преимущественно аграрное наследие ограничивали

возможности в развитии производств. Данные условия предопределили ориентацию на среднее и точное машиностроение, лёгкую и пищевую промышленность. Эта специфика, в свою очередь, обусловила характерные особенности белорусских производственных комплексов.

Ключевой особенностью промышленной архитектуры Беларуси в градостроительном контексте стала её тесная взаимосвязь с основными городскими магистралями. Это было обусловлено не только утилитарными причинами – транспортной доступностью и наличием инженерной инфраструктуры, но и идеологической задачей – демонстрацией значимости индустрии в советском государстве, что предполагало высокий уровень архитектурного решения. Благодаря преобладанию в республике предприятий с низкой категорией вредности, промышленные объекты могли органично встраиваться в жилую застройку. В результате они активно участвовали в формировании облика центральных магистралей крупных городов, таких как ул. Московская в г. Бресте, пр. Фрунзе в г. Витебске, ул. Советская в г. Гомеле, пр. Независимости и Партизанский в г. Минске (Рис. 1.).

Рис. 1. Предприятия в застройке ключевых городских магистралей: а – комплекс заводов на пр. Независимости, г. Минск; б – фабрика «8 марта» на ул. Советской, г. Гомель

Другой градостроительной особенностью являлась тесная интеграция промышленных объектов со средой, формирование на их основе промышленно-селитебных образований. В 1960-е гг. начали создавать промузлы, и белорусская практика была одной из самых массовых и успешных в СССР, к 1980-м гг. в таких образованиях концентрировалось около 90% производственных мощностей республики. Всё это объединялось общим архитектурным замыслом и градостроительной композицией. Среди наиболее ярких примеров интеграции – комплекс Минского тракторного завода, включающий в себя непосредственно завод с предзаводской площадью, рабочий посёлок, машиностроительный техникум, дворец культуры и ряд рекреационных площадок. Основной ансамбль выполнен в едином архитектурном стиле неоклассицизма (Рис. 2).

Рис. 2. Ансамбль Минского тракторного завода: а – схема комплекса; б – главная проходная; в – жилая застройка предзаводской площади

Особенность объёмно-планировочного развития объектов советской промышленной архитектуры Беларуси состояла в распространённости многоэтажных промышленных корпусов, занимавших более четверти всех используемых в республике типов зданий. Это отличалось от общемировой практики, где удельный вес этого некогда приоритетного типа постоянно снижался [6, с. 90]. В отечественном строительстве такой выбор был оправдан, прежде всего, идеологически, многоэтажные здания акцентировали роль рабочего класса в обществе, а среда для него должна была быть художественно значимой и выразительной. Поддерживало использование многоэтажных производственных зданий в архитектурной практике преобладание в отраслевой классификации республики объектов среднего и точного машиностроения, что позволяло возводить заводские корпуса высотой в 5-7 этажей (Рис. 3).

а

б

Рис. 3. Многоэтажные производственные корпуса: а – завод «Радиоволна», г. Гродно; б – завод «Планар», г. Минск

Наличие нескольких архитектурных стилей – еще одна особенность советской промышленной архитектуры Беларуси. Это нашло отражение в четырёх последовательных периодах. Конструктивизм 1925–1930-х гг. отличали лаконичные объёмы, аскетичность, ритмическое членение фасадов (Рис. 4а). Ему на смену пришёл сталинский неоклассицизм с характерным применением ордера, рустовки и портиков (Рис. 4б). С середины 1950-х гг. доминировал рационализм, эволюционировавший к 1970-м гг. в советский модернизм с усиленной пластикой и декоративностью (Рис. 4в). Ввиду того, что основу промышленного комплекса республики составляло точное машиностроения, которое требовало постоянной технологической и технической модернизации и расширения, разные стили часто соседствовали в пределах одного комплекса.

а

б

в

Рис. 4. Заводы разных архитектурных стилей: а – Дом печати, г. Минск; б – Завод «Агат», г. Минск; в – НПО «Центр», г. Минск

Последняя особенность белорусской промышленной архитектуры советской эпохи – типовое проектирование при разнообразии и вариабельности решений. Типовые проекты легли в основу практически 60% промышленных объектов республики, и при этом типовое

внедрялось на разных уровнях: объемно-планировочные схемы, отдельные конструктивные элементы, узлы и детали, инженерные системы, - вплоть до полностью типовых корпусов. Единообразие типовых элементов, с одной стороны, и вариабельность, многообразие использования типовых схем, с другой стороны, в ряде случаев обеспечивали интересную архитектуру производства и противостояли монотонности типового строительства. Индивидуальное проектирование типового – так можно охарактеризовать архитектурную практику промышленного проектирования Советской Беларуси.

Заключение

Таким образом, пространственная реорганизация промышленных объектов в Беларуси представляет собой комплексную научно-практическую задачу. Региональная специфика белорусской промышленной архитектуры советской эпохи, ее особенности будут влиять на решение этой задачи и выбор современных подходов.

Ключевыми аспектами становятся сохранение аутентичности застройки главных магистралей и её ценных элементов, а также выявление и трансформация менее ценных объектов, но занимающих важные позиции в городской структуре; сохранение сложившихся ансамблей промышленно-селитебных образований и промузлов; использование многоэтажных производственных зданий как ресурса для комплексной реорганизации промышленных территорий благодаря их высокому потенциалу для адаптации к различным функциям; учёт стилистических особенностей разных исторических периодов советской промышленной архитектуры и выделение наиболее ценных их составляющих (для неоклассицизма – декоративность фасадного решения, для конструктивизма и модернизма – фасадная композиция и ритмика членений, для рационализма – объёмно-пространственная структура); выявление и сохранение авторских объектов, в том числе в типовом проектировании.

Литература

1. Белорусская архитектура XX - начала XXI века = Belarusian architecture of XX - early XXI centuries / [А. С. Сардаров и др.]. – Минск : Беларусь, 2020. – 351 с.: ил.
2. Архитектура Советской Белоруссии = Architecture of the Soviet Byelorussia / В. И. Аникин и др.; под общ. ред. В. И. Аникина. – М. : Стройиздат, 1986. – 319 с.: ил.
3. Мяделец, М. С. Предпосылки реорганизации производственных объектов Беларуси = Prerequisites for reorganization of belarusian industrial facilities / М. С. Мяделец // Архитектура : сборник научных трудов / редкол.: А. С. Сардаров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2024. – Вып. 17. – С. 210-214.
4. Гурский, В. Л. Этапы формирования промышленной политики Беларуси в контексте развития ее промышленности в постсоветский период / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня : сборник научных статей / редкол.: С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2016. – Вып. 4. – С. 70 - 83.
5. Республика Беларусь. Статистический ежегодник / редколлегия: И. В. Медведева (председатель) [и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – 317 с.
6. Морозова, Е. Б. Промышленное здание в истории архитектуры / Е. Б. Морозова. – Минск : БНТУ, 2017. – 303 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ БУДУЩЕГО

О.В. Орельская¹, доктор архитектуры, профессор

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород*

Аннотация. В статье определены основные перспективные направления развития современной архитектуры, устремленные в будущее. Эти направления связаны с проблемами стиле- и формообразования. В статье они рассматриваются на конкретных примерах. Первое направление - параметризм, получивший свое развитие в цифровой алгоритмической архитектуре, открывающий широкие возможности в создании необычных форм различной сложности. Второе направление - ориентация на применении передовых высоких технологий: хай-тек продолжает свое поступательное движение, что нашло отражение в произведениях всемирно известных зодчих. В рамках этого направления констатируется возникновение кинетической архитектуры, формирующей здания-трансформеры. Третий вектор развития связан с экологической направленностью, в концепции которой входят: архитектурная бионика, органическая и «зеленая» архитектура. Все вместе эти направления формируют единое синтетическое футурологическое направление, объединяющее три основных вектора указанных выше.

Введение

Процесс развития новейшей архитектуры в первой четверти XXI столетия, несмотря на присутствующий полистилизм, вновь склоняется к новационной линии развития архитектуры, демонстрируя необычайно бурное развитие компьютерных технологий с подключением искусственного интеллекта для расширения возможностей архитектора.

Первый вектор развития архитектуры будущего - параметризм в архитектуре.

Параметрическое моделирование в архитектурном проектировании чаще применяется при создании сложной динамичной композиции. При этом архитектор задает основные параметры модели, ее основных объемов и элементов, определяет соотношения между параметрами. При этом, изменяя параметры построения модели, архитектор создает ряд различных вариантов архитектурной композиции. В последние два десятилетия XXI века считаются началом эпохи параметризма [1]. Этому направлению способствовали взаимодействие высоких технологий, математики, биологии с архитектурой. Считается, что архитектор П. Шумахер ввел это понятие в творческий обиход в 2008 году [2]. Использование цифровых технологий позволяет создавать формы, структуры и конструкции, рожденные природой.

Так, творчеству арх. С. Калатравы принадлежит железнодорожная станция «Реджио Эмилия» в Италии, 2013 г. (Рис.1) В облике этого протяженного сооружения, получившего название «Белые волны» запечатлена концепция движения. Это яркий пример параметрической архитектуры. Среди мировых архитектурных шедевров, относящихся к параметрической архитектуре, можно назвать многие произведения арх. З. Хадид, например, культурный центр им. Г. Алиева в Баку (Азербайджан), 2012 г. (Рис.2) или Первый терминал международного аэропорта «Дасин» в Пекине, 2019 г. Национальный музей Катара в Дохе по проекту арх. Ж. Нувеля, 2019 г. также демонстрирует пример параметрической архитектуры. Здание телестудии – международный медиа-центр «Феникс» в Пекине по проекту арх. Ш. Вэйпина, 2014 г. (Рис.3) по своей скульптурной форме напоминает гигантское кольцо, в основу которого положена «лента Мебиуса». Внешняя оболочка здания разработана с помощью параметрического программного моделирования и формируется на основе пространственных стальных решетчатых конструкций и стеклянных панелей.

Рис.1. ЖД станция, арх. С.Калатрава. Рис.2. Культурный центр, арх.З.Хадид. Рис.3.Медиа-центр,арх.Ш.Вэйпин.

Второй вектор развития архитектуры будущего - высокие технологии.

Стиль хай-тек, основанный на дизайне передовых строительных технологий, создает новые формы и конструкции, которые уже сегодня ориентированы на ближайшее будущее [3].

Примером служит Отель «Морфеус», арх. З. Хадид, 2012 г. (Рис.4). В основе формообразования этого здания применен внешний экзоскелет, который позволяет организовать внутреннее гибкое пространство без каркаса. Здесь применен диагрид - диагональные решетчатые системы, которые формируют внешний облик сооружения.

В экогороде Масдар построено здание Штаб-квартира компании «Масдар», арх. Э. Смит, 2009 г. (Рис.5). Эта постройка не выделяет в окружающую среду CO₂ и полностью перерабатывает свои отходы. Среди элементов проекта - крупнейший в мире комплекс солнечных батарей и 11 конусообразных опор крыши, играющих роль световых колодцев и обеспечивающих естественную вентиляцию здания (по принципу традиционных "башен ветра"). В их основе - стержневые конструкции на основе гиперboloида вращения, изобретенные инженером В.Г. Шуховым в конце XIX века.

Конструкции стеклянной башни «Мэри-Экс» (экологический небоскреб) в Лондоне, арх. Н. Фостер, 2004 г. (Рис.6) выполнены в виде сетчатой оболочки с центральной опорой и имеет экономичную обтекаемую ветром форму, напоминая форму огурца.

Рис.4.Отель Морфеус, арх.З.Хадид. Рис.5. Штаб-квартира. арх.Э.Смит. Рис.6.Башня Мэри-Экс,арх.Н.Фостер

Новым явлением в век высоких технологий становится **кинетическая архитектура**, толчок к развитию которой был дан в эпоху советского авангарда В.Е. Татлиным в его проекте «Памятник III интернационалу». В настоящее время архитекторы в своих экспериментальных проектах обращаются к природной энергии в строительстве, наряду с этим удовлетворяется потребность человека в постоянных изменениях окружающей среды и зрелищности. Примером кинетической архитектуры служит Музей в Милуоке, арх. С. Калатрава, 2001 г. (Рис.7), где образ здания формируют мобильные стальные жалюзи, напоминающие крылья птицы, при движении которых регулируется уровень освещенности и создается ощущение полета.

Испытательным полигоном для инновационных технологий в строительстве и архитектуре все чаще становятся выставочные павильоны на ЭКСПО. Павильон ОАЭ по проекту арх. С. Калатравы, 2020 г. (Рис.8), образ которого при движении напоминает крыло летящего сокола, обладает подвижными конструкциями с фотоэлектрическими панелями, которые защищают от пыльных бурь пустыни, а когда открываются то получают энергию от солнечного света. На основе инновационных технологий разработан и «Вращающийся небоскреб» - жилой дом по проекту арх. Д. Фишера для Дубая, 2008 г. (Рис.9). Каждый этаж будет вращаться вокруг своей оси за счет энергии ветровых двигателей, расположенных между этажами. При этом создается уникальная кинетическая форма здания, где высокие технологии создают синтез природы и архитектуры.

Рис.7.Музей.арх.С.Калатрава.Рис.8. Павильон ОАЭ,арх. С.Калатрава. 9.Вращающийся небоскреб,арх.Д.Фишер

Третий вектор развития архитектуры будущего - экологическая направленность.

Миссия этого нового направления в архитектуре — внедрять экологические принципы в проектирование. В настоящее время все уникальные сооружения в мире проектируются с учетом экологической сертификации, которая направлена на экологическую безопасность, эффективность и минимизирует воздействие на окружающую среду [4]. К эко-архитектуре относится **биоморфизм** или **бионическая архитектура**, основанная на принципах бионики, где прототипами форм зданий выступают растения и живые организмы, и наблюдается гармоничное сочетание форм архитектуры и природы. Здание станции фуникулера в Инсбруке (Австрия) арх. З. Хадид, 2007 г. (Рис.10) обладает перекрытиями в виде мягких форм из матового стекла на бетонных основаниях, которые вызывают ассоциации с ледяными волнами. Комплекс офисно - торгового центра «Ванцин Сохо», арх. З. Хадид, 2014 г. (Рис.11) состоит из трех объемов разной высоты, которые обладают слоистой структурой, напоминая обтекаемые стеклянные горы. Выставочный павильон в Куала Лумпур, арх. М. Николетти, 2000г. (Рис.12) обладает динамической формой, определяемой рядом трубчатых стальных конструкций с покрытием из алюминиевых панелей, формирующих ряд эллиптических секций. Возникает образ некоего живого организма в процессе его движения.

Рис.10.Станция в Инсбруке.Рис.11. Комплекс «Ванцин Сохо» арх.З.Хадид.Рис.12. Павильон, арх.М.Николетти.

Природо-интегрированная или органическая архитектура - стиль в архитектуре зданий, которые органично вписываются в окружающую среду, в ландшафт, идущий от концепций архитектора Ф.Л.Райта первой половины XX века. Среди известных построек этого направления комплекс Оранжереи Люсиль Хоселл в ботаническом саду в Сан-Антонио, Техас (США), арх. Э. Амбас, 1988 г. (Рис.13), который представляет череду закрытых и открытых пространств, не нарушающих сложившийся природный пейзаж. Отель «Рай на воде» в Шанхае, арх. фирма «Аткинс», 2018г. (Рис.14) органично вписан в заброшенный карьер, имеющий на дне - озеро. Здание следует форме берегового откоса и завершается плоской зеленой кровлей.

Рис.13. Оранжерея, арх. Э.Амбас. Рис.14.Отель, арх. бюро «Аткинс». Рис.15.Оперный театр, арх. З.Хадид

Оперный театр в Гуанчжоу (Китай), арх. З. Хадид, 2009 г. (Рис.15) расположен на берегу Жемчужной реки. Его образ навеян природным окружением и напоминает обтекаемые формы валунов с плавными очертаниями.

Разновидность эко-архитектуры - «Зеленая архитектура», которая соответствует принципам экологического проектирования [5]. Это и стиль в архитектуре зданий, которые тесно взаимодействуют с природой, включая ее в структуру здания в виде крыш, стен, террас, атриумов. Ярким примером является «Зеленая» эко-школа искусств и дизайна в Сингапуре, арх. Т. Хезервик, 2008 г. (Рис.16) с зелеными эксплуатируемыми кровлями в качестве компенсационных территорий школы.

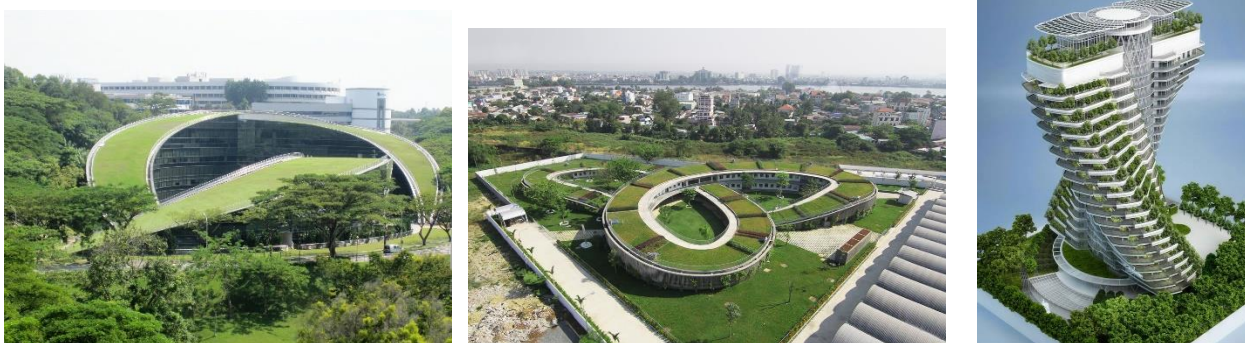

Рис.16. Школа искусств, арх. Т.Хезервик. Рис.17. Детский сад, арх.В.Т.Нгхиа.Рис.18. «Агора тауэр», арх. В. Каллебо

Детский сад (Вьетнам), арх. В. Т. Нгхиа, 2014г. (Рис.17) также обладает зелеными крышами-террасами для прогулок. Агора тауэр (проект "Зеленый ДНК") Тайвань, арх. В. Каллебо, 2016 г. (Рис.18) состоит из двух закручивающихся башен, которые имеют на каждом этаже висячий сад, а на крыше установлены солнечные панели.

Четвертый вектор развития архитектуры будущего - футурологическая архитектура относится к синтетическому направлению, т.к. соответствует требованиям будущего с помощью инновационных подходов, основанных на принципах экологичности и новых эстетических идеалах и формах взаимодействия с природой.

Рис.19.Проект Культурного центра; Рис.20. Проект небоскреба.Рис.21. Жилой дом. Рис.22. Проект «Умный город» - арх. студия З. Хадид

К проектам, устремленным в будущее, относятся, прежде всего, проекты архитектурной студии З. Хадид. Среди них: Культурный центр для нового города Цзинхе (Китай), 2022 г. (Рис.19). Фантастические формы его динамичной структуры повторяют изгибы русла реки. Футурологические проекты небоскребов: «Вертикальный город» для Шеньчжэня, 2021г. (Рис.20), состоящий из двух башен, соединенных мостами, и возведенная Башня жилого дома «One Thousand Museum» в Майами, 2019 г. (Рис.21) по проекту арх. З. Хадид, имеющая бетонную конструкцию, армированную стекловолокном, которая вынесена на фасад и выполняет роль несущего изогнутого экзоскелета. Проект ЖК «Умный город» для Москвы, 2018 г. (Рис.22), выполненный на основе обновленной концепции города-спутника, основанного на высоких технологиях.

Заключение

Основные направления развития архитектуры будущего в данной статье рассматриваются с точки зрения нового стиля и формообразования. Эти направления уже проявляют себя в первой четверти XXI века. Все вышеназванные перспективные направления соединяют в себе одновременно архитектуру, скульптуру, природу и инновационные технологии. Этот синтез позволяет создавать уникальные ультрасовременные по своим формам и конструкциям архитектурные произведения, которые сегодня правомерно относят к футурологическому направлению. Архитекторы все больше внимания в своих проектах уделяют эстетической и образной составляющей архитектуры и здесь на помощь архитектору приходит цифровое моделирование, которое быстро совершенствуется и позволяет создавать амбициозные концептуальные проекты, не имеющие аналогов в прошлом.

Литература

1. Параметрическая архитектура – стиль будущего. – URL: <https://archidom.ru /journal/arkhitektura /parametric-architecture-style-of-the-future/> -Текст электронный.
2. Schumacher P. Parametricism - A New Global Style for Architecture and Urban Design : [англ.] // AD Architectural Design - Digital Cities. — London, 2008. — Vol. 79.
3. Есаулов Г.В. Влияние современных технологий на архитектурный образ зданий // Энергосбережение, №6,2021. С.4-7.
4. Есаулов Г. В. Энергоэффективность и устойчивая архитектура как векторы развития // АВОК. 2015№ 5. С. 4–11.
5. Маяцкая И.А., Еремин В.Д., Языева С.Б. Зеленая архитектура: единство красоты природы, комфорта, экологичности и архитектурных форм //Строительство и архитектура .2019 т. 7. №1. С. 91–96.

ДИАЛОГ ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА В АРХИТЕКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

М.В. Осипова¹, аспирант

¹Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, Москва

Аннотация: Статья посвящена поиску путей обновления архитектурного языка православного храма в условиях неизбежного диалога традиции и новаторства.

В работе рассматривается семантическая структура православного храма, выявляются неизменные литургические и символические константы, формирующие его догматическую полноту. Особое внимание уделяется генезису силуэтной выразительности древнерусской архитектуры как результату адаптации византийской модели к климатическим, ландшафтным и градостроительным условиям. На примере проекта храма священномученика Игнатия Богоносца в Москве анализируется возможность канонически обоснованного отступления от устоявшихся типологических схем: сплошное остекление восточной стены и низкая алтарная преграда рассматриваются не как нарушение традиции, а как актуализация евхаристической экклезиологии ранней Церкви.

Отдельный раздел посвящен потенциалу технологий информационного моделирования (ГИМ) в реставрационной и проектной практике. Цифровой двойник храма, аккумулирующий исторические напластования и допускающий многовариантное моделирование световых, геометрических и материальных параметров, предстает не только инструментом точного расчета, но и средой архитектурного эксперимента, не противоречащего каноническим границам.

В заключении формулируется тезис о том, что задача современного церковного зодчества заключается не в отказе от канона, но в его творческом прочтении, позволяющем архитектурному образу стать убедительной проповедью, обращенной к современности.

Введение

Архитектура, фиксируя общественные изменения в материальной форме, напрямую зависит от социального и политического контекста. Стиль в данном случае становится, по выражению Н.Ю. Макейкиной, зеркальным отражением характерных черт эпохи [1]. Многие ученые отмечают проблему соотношения традиции и новаторства в проектировании храмов. Возводящиеся в XIX веке церкви в большинстве случаев являются или стилизацией, или строятся непрофессионалами, а попытки творческого переосмысления являются неубедительными. В. Байдин пишет о «необходимости нового храмового синтеза, связанного с творческим освоением прошлого и прорывом к новейшим технологиям, материалам, к новой выразительности архитектуры».¹

Данный тезис созвучен идее Святейшего Патриарха Кирилла о критической важности синтеза традиции и новаторства для устойчивого развития, так как опора исключительно на традицию ведёт к остановке прогресса².

Методы исследования

При изучении данной темы были применены анализ, синтез, наблюдение, а также инструменты искусственного интеллекта для выполнения рутинных задач.

¹ - Байдин, В. В. О новом образе русского храма / В. В. Байдин // Русский храм. XXI век : сборник размышлений о современной церковной архитектуре / составители М. Ю. Кеслер, В. В. Байдин ; ответственный редактор С. В. Чапнин. – Москва, 2014. – С. 58–63.

² - Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Рождественских Парламентских встреч в Совете Федерации [Электронный ресурс] // Православие.Ru. – URL: <https://pravobraz.ru/slovo-svyatejshego-patriarxa-kirilla-na-otkrytii-iv-rozhdestvenskix-parlamentskix-vstrech-v-sovete-federacii/> (дата обращения: 10.02.2026).

Архитектурная семантика и каноническое устройство храма

Проектирование храма – сложная задача для зодчего. Церковная архитектура имеет ряд особенностей. Прежде чем приступить к формированию концепции, необходимо знать не только православные каноны, но и особенности планировки, порядок православного Богослужения, семантику образов.

Прежде чем начать поиск архитектурной формы для православного храма, необходимо изучить строение церкви.

Основным и повсеместно распространенным типом является церковь (храм). Ее ключевым и обязательным архитектурно-литургическим признаком выступает наличие освященного алтаря с престолом, что делает возможным совершение полного цикла богослужений, центральным из которых является Божественная литургия. Таким образом, храм представляет собой «Дом Божий», специально предназначенный и посвященный для богообщения и совершения таинств.

Внешний облик православного храма имеет отчетливо выраженную символическую систему. Доминирующим объемом является купол, увенчанный главой с крестом. Купол является архитектурным образом небесного свода, а крест — символом искупительной жертвы и победы Христа. Колокольня, часто располагаемая над входом, функционально служит для созыва верующих и акцентирования важных моментов службы, завершая собой композицию.

Пространственная организация храма следует строгой трехчастной схеме, отражающей идею духовного восхождения. Паперть (внешнее крыльцо) служит переходной зоной, местом подготовки к входу в священное пространство. Наос (средняя часть) предназначен для молящихся, символизируя собой земную Церковь. Алтарь — самая важная часть, означающая Небесное Царство, место совершения таинства Евхаристии.

Алтарь отделен от наоса иконостасом — глухой или проемами изобилующей перегородкой, полностью покрытой иконами. Иконостас является визуальным выражением границы между миром видимым и невидимым. Он имеет трое врат. Центральные — Царские врата — наиболее сакральны, через них выносятся Святые Дары, и проход через них разрешен только священнослужителям во время богослужения.

В современной храмостроительной практике сохраняется устойчивая преемственность по отношению к традиционным приемам древнерусской архитектуры. Одной из ее ключевых особенностей является ярко выраженная силуэтная выразительность архитектурных композиций, сформировавшаяся под комплексным влиянием исторического опыта и объективных условий. Эта выразительность является результатом действия нескольких взаимосвязанных факторов.

Во-первых, это адаптация к суровому климату. Архитектурные формы эволюционировали, отвечая на вызовы долгих зим, обильных снегов и необходимости сохранения тепла, что отразилось в компактности объемов и специфике кровель.

Во-вторых, имело место глубокое творческое переосмысление византийских прототипов. Заимствованная крестово-купольная система была существенно трансформирована. Важнейшим новшеством стала обязательная установка куполов на высоких световых барабанах, что решало проблему недостаточной инсоляции в северных широтах, усиливая вертикальную динамику сооружения.

В-третьих, ландшафтно-градостроительный контекст равнинной местности предопределил функцию храма как высотной доминанты. В условиях отсутствия естественных возвышенностей храмовые постройки служили искусственными «маяками», зрительными ориентирами, обозначившими своим характерным силуэтом местоположение поселения или сакрального объекта.

Таким образом, выразительный силуэт русского храма — это не просто эстетический прием, а следствие адаптивного синтеза, в котором конструктивные, климатические и семиотические задачи нашли целостное архитектурное воплощение. Данный принцип архитектурно-ландшафтной доминанты остается актуальным и в современной

практике, обеспечивая визуальную идентификацию культового сооружения в окружающей застройке.³

Архитектура как соучастница священнодействия: богослужебные требования и их воплощение в проектной практике

При проектировании церковного пространства необходимо также знать порядок богослужений. На рис. 1 приведены нормы мест частных богослужений, которые необходимо учитывать при проектировании храма. Рассмотрены 3 вида церковных Таинств: Венчание, Отпевание, Крещение.⁴

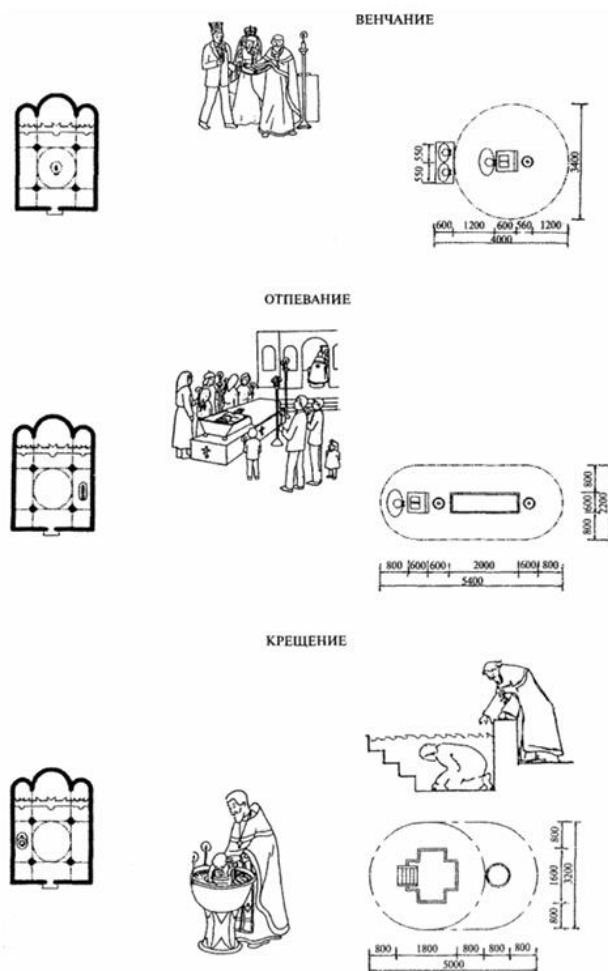

Рис 1. Нормы мест частных богослужений. URL - https://vgasu.ru/attachments/oi_chesnokova_03.pdf

Суть христианского богослужения раскрывается в Литургии, где через воспоминание священных событий верующий постигает Промысл Божий, соединяется со Христом и приемлет благодать в Таинствах [2]. Архитектура храма должна стать зримым продолжением этой литургической реальности: ее первостепенная задача — выразить сакральный смысл и возводить ум молящегося к горнему миру. Вопросы комфорта, эстетики и функциональности, при всей их значимости, являются производными от этой главной духовной цели.

³ - Архитектура русского православного храма / под общей редакцией А. С. Щенкова. – Москва : Памятники исторической мысли, 2013. – 523 с.

⁴ - Православные храмы и комплексы [Электронный ресурс] : методические указания к курсовому и дипломному проектированию для студентов направлений подготовки «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды» / составитель О. Г. Чеснокова. – Воронеж : ВГТУ, [б. г.]. – 27 с. – URL: https://vgasu.ru/attachments/oi_chesnokova_03.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

Показательным примером реализации рассмотренных принципов служит проект храма священномученика Игнатия Богоносца на Вере́йской улице в Москве (рис. 2а). Композиционное и смысловое своеобразие постройке придает решение восточной стены, выполненной в виде сплошного светопрозрачного остекления. Данный прием обретает богословское обоснование в христологической символике света: именование Христа «Светом миру» и «Солнцем Правды» получает здесь архитектурное воплощение. Алтарная зона, утрачивая глухую ограду, становится проводником естественной световой среды, что ведет к преодолению замкнутости и формирует пространственную модель «диалога Неба и Земли» (рис. 2б).

Рис. 2а) Храм священномученика Игнатия Богоносца¹; б) Интерьер храма.

URL – <https://archi.ru/projects/russia/14880/hram-svyaschennomuchenika-ignatiya-bogonosca>

Не менее существенным представляется решение алтарной преграды. Проектом введена низкая преграда с одноярусным иконостасом, что знаменует отказ от визуального разрыва между клиром и мирянами, восстанавливая евхаристическую модель ранней Церкви. Тем самым архитектурными средствами актуализируется евхаристическая экклезиология: визуальная открытость алтаря полагает мирян не пассивными созерцателями, но соучастниками священнодействия. Архитектура здесь перестает быть нейтральным фоном для богослужения, но сама вовлекается в чинопоследование: ее формы программируют особый тип религиозного восприятия — от замкнутого созерцания к литургическому содействию.

Технологии информационного моделирования в проектировании и реставрации храмов: цифровой двойник как поле эксперимента

Внедрение технологий информационного моделирования перевело работу с архитектурным наследием в новое русло: теперь на основе ТИМ возможно создать цифрового двойника храма и сопровождать его на всех стадиях жизненного цикла. Среда информационной модели позволяет постоянно наращивать степень детализации — от общих масс до мельчайших элементов убранства. Она же дает возможность реконструировать утраченные фрагменты и наслаивать исторические состояния постройки (достройки, перестройки, следы пожаров, этапы реконструкции). Кроме того, в рамках одной модели можно тестировать варианты отделки и экстерьерных решений, прослеживая, как менялись освещение и цветовая гамма в разные эпохи, а также варьировать способы визуализации, геометрические параметры и пропорции. Завершает перечень функций точный подсчет объемов стройматериалов, необходимых для реставрации или воссоздания [3].

Современные средства визуализации, интегрируемые в цифровую среду, дают возможность воспроизводить световую среду храма с высокой степенью достоверности: параметры освещения моделируются с учетом конкретного типа источника света, погодных условий, географического положения и времени суток, что позволяет верифицировать проектные решения в контексте исторически достоверного или проектируемого светового сценария.

Заключение

Таким образом, путь современной храмовой архитектуры лежит не через отрицание канона, а через его творческую реинтерпретацию, когда сама постройка обретает голос и становится проповедью, звучащей в контексте сегодняшней культуры. Канон не может быть отменен, поскольку именно через него передаются смыслы, составляющие догматическую и литургическую полноту церковного здания.⁵

Однако каноническая основа не исключает, но, напротив, предполагает поиск нового архитектурного языка, способного говорить с современным человеком о вечном. Как подчеркивает Д. Остроумов, церковь призвана воспринять идею образности как проповедь и миссию: за вербальным началом стоит образное, и именно через него архитектура обретает способность воздействовать на человека, передавая знание духа, веками аккумулированного православной культурой и заключенного в самом веществе храма. Таким образом не следует пренебрегать традицией и архитектурными канонами, поскольку именно через них транслируются важные духовные смыслы, однако задача христианина, работающего в поле творчества, — вносить новое прочтение, оставаясь в границах канона.

Особую роль в проектировании современного храма приобретают современные технологии. Инструменты информационного моделирования (ТИМ) не только обеспечивают точность реставрационных и воссоздательных работ, но и открывают поле для эксперимента, позволяя архитектору работать с цифровым двойником храма на всех стадиях жизненного цикла в единой цифровой среде.

Литература

1. Макейкина, Н. Ю. Культурные эпохи и стили в архитектуре и изобразительном искусстве : монография / Н. Ю. Макейкина. – Пенза : ПГУАС, 2013. – 168 с.
2. Бик, О. В. Интерьер православного храма: образы и тенденции развития (конец XX – начало XXI вв.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения : 17.00.04 ; 17.00.09 / О. В. Бик. – Москва, 2019. – 83 с. – URL: <https://tehne.com/library/bik-o-v-interer-pravoslavnogo-hrama-obrazy-i-tendencii-razvitiya-konec-hh-nachalo-hhi-vv-moskva-2019> (дата обращения: 15.12.2025).
3. Талапов, В. В. О компьютерном моделировании в архитектуре на примере храма Василия Блаженного в Москве / В. В. Талапов, В. В. Дудин, В. А. Едрёнкин, О. В. Большакова // Архитектура и современные информационные технологии : международный электронный научно-образовательный журнал. – 2007. – № 1. – URL: <https://marhi.ru/AMIT/Dec07Topal.php> (дата обращения: 15.12.2025).
4. Дымченко, М. Е. Технологии информационного моделирования BIM в строительстве и архитектуре: анализ мирового и отечественного опыта / М. Е. Дымченко, А. А. Наумов // Modern Trends in Construction, Urban and Territorial Planning [Современные тенденции в строительстве, градостроительстве и территориальном планировании] / Донской государственный технический университет. – Ростов-на-Дону, 2023. – Т. 2, № 3. – С. 74–83.
5. Шпортько, О. А. Трансформация традиции в современной архитектуре Русской Православной Церкви // Пространственные данные: наука и технологии / Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). – Москва, 2021. – № 12. – С. 34–41. – (дата обращения: 11.02.2026).

⁵ - Остроумов, Д. Современные храмы [Звукозапись] : интервью / Д. Остроумов ; ведущий К. Мацан // Светлый вечер : радиопередача. – Москва : Радио ВЕРА, 2025. – 4 ноября. – URL: <https://radiovera.ru/hramyi-sovremennyye.html> (дата обращения: 05.11.2025).

КОНЦЕПЦИИ МЕТАБОЛИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ НОВЕЙШЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ЯПОНИИ

Д.Н. Пестов¹, аспирант

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
, Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматриваются художественные образы архитектуры японского Метаболизма 1960-х годов и сравнение их с новейшей японской архитектурой начала XXI века. Целью является выявление преемственности ключевых метаболических концепций в современных формообразующих приёмах и пространственных сценариях. Метод исследования опирается на сравнительно-типологический анализ и интерпретацию образного языка. Показано, что преемственность проявляется не столько в буквальном повторении, сколько в трансформации в сторону лёгких каркасов, прозрачных оболочек, функциональной адаптивности, отвечающих современным условиям постиндустриальной экономики, демографии и экологической повестки.

Введение

Японский Метаболизм сформировался в условиях послевоенной модернизации, ускоренной урбанизации и поиска национальной идентичности. В манифесте «Metabolism 1960» архитектура трактуется как живая система, способная к росту, регенерации и смене частей без разрушения целого [8]. Эта установка породила яркий художественный язык: мегаструктуры, «стволы» и «ветви» коммуникаций, вставные модули, подчеркнутую технологичность и образ города как управляемого организма.

В работах участников движения и исследователей фиксируются повторяющиеся принципы. «Рост и сменяемость» - здание понимается как система, в которой части (капсулы) могут обновляться быстрее, чем несущий «скелет». «Мегаструктура» - город описывается как многослойная инженерная и социальная среда со «стволами» коммуникаций, к которым подключаются жилые и функциональные единицы [2]. В художественном образе это проявляется как доминирование каркасных рам, мостов, подвесов и структур. «Модульность и серийность» - модуль выступает единицей композиции и одновременно единицей жизненного цикла, что делает архитектуру визуально «собранной» из повторяющихся ячеек. «Незавершённость» как принцип – проект допускает расширение и перестройку; «форма» мыслится как временный срез [6].

Новейшая японская архитектура развивается в иных условиях: меняются масштабы строительства, возрастает значение реконструкции и точечного вмешательства, усиливается экологическая и социальная проблематика. При этом многие метаболистские принципы сохраняются как культурная память и как проектная логика, но они проявляются через другие художественные средства: дематериализацию, прозрачность, пористость границ, «слабую» форму, гибридность программы и сценарную открытость.

Современные архитекторы в Японии часто сохраняют идею адаптивности, но переопределяют её. Если Метаболизм эстетизировал индустриальную «сильную» структуру, то новейшая архитектура чаще выбирает «лёгкую» рамку: прозрачные оболочки, сетки, тонкие опоры, текучие планы, размывание границы «внутри–снаружи». Эту линию можно связать с критическим переосмыслением модернизма и ростом внимания к человеческому масштабу и повседневным сценариям, а также с экологическими установками и интересом к «естественности» материала [3].

Жилая архитектура

Nakagin Capsule Tower (арх. Кисе Курокава, 1972г.) - ключевая идея Метаболизма здесь выражена максимально буквально - «постоянное» ядро-инфраструктура и «временные» сменяемые капсулы [7] (Рис.1). Художественный образ: здание воспринимается как собранное из автономных ячеек, где повтор модуля становится главным выразительным средством. Важной частью образа становится демонстрация жизненного цикла - капсула мыслится как элемент, который должен заменяться по мере устаревания (архитектура как процесс во времени, а не как раз и навсегда завершенная форма). Урбанистический образ «подключаемого жилья»: дом похож на инфраструктурное устройство города, а не на традиционную «дом-оболочку».

Рис.1. Nakagin Capsule Tower, Токио, Япония, 1972г., арх.: Кисе Курокава

Naked House (арх. Сигеру Бан, 2000г.) рассматривается как новейшая интерпретация метаболических идей (Рис.2). Здесь у архитектора метаболическая логика переносится в более мелкий масштаб и выражается в интерьере: внутри единого объёма находятся мобильные комнатные блоки (перемещаемые «капсулы») [1]. Художественные признаки, роднящие объект с Метаболизмом:

- «Каркас и сменяемые модули», но без упора в техноутопию. Если у К. Курокавы модуль должен физически заменяться, то у Сигеру Бана модуль ежедневно адаптируется и перепрограммируется, сохраняя идею изменемости как нормы.

- Временность и вариативность как эстетическая ценность. Дом демонстрирует не стабильную композицию комнат, а изменчивые сценарии жизни. Это прямое развитие метаболистского тезиса об архитектуре как живой системе.

- Образ «жилища-платформы». Постоянна оболочка и базовая структура; переменное внутреннее распределение пространств и функций.

Рис.2. Naked House, Сайтама, Япония, 2000г., арх.: Сигеру Бан

Преимственность заключается в художественной оппозиции «постоянного–временного» и мысли о доме как системе, живущей во времени. Переосмыслена изменчивость как индустриальный механизм (замена капсулы) и как городской символ - новейшая архитектура показывает изменчивость как бытовую практику и мягкую адаптацию.

Общественная архитектура

Yoyogi National Gymnasium (арх. Кензо Танге, 1964г.): инфраструктурная выразительность и органичность являются главными средствами художественной выразительности (Рис.3). Объект важен как художественная демонстрация первичности структуры и каркаса здания: образ рождается из конструктивной системы и больших пролётов. Конструкция здесь не скрыта, а формирует пластический силуэт и задает направление внутреннего движения.

Здание как инфраструктурный узел. Спорткомплекс работает как «машина публичности»: принимает потоки людей, организует городское событие, становится символом модернизации [9].

Эффект мегаструктуры в культурном смысле: не модульность капсул, а масштаб и «системность» как знак эпохи больших национальных проектов.

Рис.3. Yoyogi National Gymnasium, Токио, Япония, 1964г., арх.: Кензо Танге

Примером новейшей архитектуры можно назвать Sendai Mediatheque (арх. Тойо Ито, 2001г.): метаболизм, переведённый в язык «сетей» и перепрограммирования (Рис.4). Метаболическая «инфраструктурность» сохраняется, но меняет художественную риторику:

вместо тяжёлого каркаса и масштабности появляется лёгкая прозрачная система из платформ (этажей) и вертикальных стержней (структурно-инженерных элементов).

Рис.4. Sendai Mediatheque, Сендай, Япония, 2001г., арх.: Тойо Ито

Медиатека работает как инфраструктура, а не как «коробка функций». Стержни одновременно конструктивны и коммуникативны (движение, свет, инженерия) и напоминают метаболический «ствол дерева». Присутствует также гибкость и сменяемость сценариев. Программы (медиа, библиотека, выставки) легко перестраиваются: это развитие метаболического принципа незавершённости и бесконечного обновления [4]. Образ потоков вместо образа машин. Если в 1960-х часто эстетизировалась инженерная мощь, то в 2000-х внимание акцентируется на циркуляции людей и информации, сохраняя базовую идею архитектуры как процесса.

Преимственность прослеживается в первичности «системы» (структура/инфраструктура) над замкнутой формой и понимании общественного здания как городской платформы для событий и потоков. Развитие идей метаболизма наблюдается в трансформации от символа модернизации к прозрачной, гибкой «медиа-инфраструктуре», где художественная выразительность строится на лёгкости и адаптации [5].

В общественной архитектуре преимущество наиболее наглядно, но проявляется через смену масштаба и риторики. Метаболизм зачастую работал с большими масштабами и стремился к созданию утопии; новейшая архитектура сохраняет системность, однако уходит от образа тяжёлой мегаструктуры к образу невесомости и нематериальности; заменяет «модуль как деталь» на «модуль как событие» (помещение/сцена/павильон, который легко перепрограммировать); развивает тему проницаемости: общественное здание мыслится как продолжение улицы и городской ткани.

Выводы

Постоянное и временное - метаболизм артикулирует это противопоставление буквально: ядро и каркас долговечны, модули сменяемы. В новейшей архитектуре различие сохраняется, но чаще реализуется через «гибкую» программу и смену пользовательских сценариев. Идея времени остаётся центральной, но на место физической замены деталей приходит функциональная адаптация.

Модульность - метаболическая модульность чаще геометрически повторяема и серийна. В новейшей архитектуре модульность становится «организационной»: отдельные функциональные блоки автономны, но не обязательно одинаковы. Модуль превращается из индустриального элемента в элемент сценария и опыта.

Мегаструктурность и «город как система» - метаболизм стремится к образу города-машины и города-организма одновременно. Новейшая архитектура сохраняет системность,

но выражает её как сеть культурных и социальных обменов. Если в 1960-е инфраструктура понимается прежде всего инженерно, то в 2000-е — нематериально и социально: маршруты, входы, видимость процессов, совместное присутствие.

Художественная риторика: от тотальности к нейтральности – метаболизм нередко говорил на языке крупных форм, демонстрации конструкций, технологического утопизма. Новейшая архитектура часто выбирает нейтральность и прозрачность, позволяя пользователю быть соавтором. Это не отменяет преемственности, но показывает смену культурного контекста: от эпохи крупных модернизационных проектов к эпохе сложных, распределённых и «слабых» систем.

Экологическая и социальная повестка как своего рода новая форма метаболизма. В XX веке метаболизм преимущественно был связан с ростом и обновлением города. Сегодня эта метафора всё чаще переосмысливается в экологическом ключе: жизненный цикл материалов, энергоэффективность, повторное использование, локальность. То есть «обмен веществ» архитектуры переносится с образа города на материальные и социальные циклы. Это усиливает преемственность на уровне смыслов, даже если форма радикально иная.

Итак, если Метаболизм формулировал художественный образ архитектуры через рост, сменяемость и инфраструктурный каркас, то новейшая японская архитектура сохраняет те же смысловые основания, но переводит их из замены элементов в адаптацию сценариев; из индустриальной эстетики в человеческий, повседневный регистр.

Заключение

Сравнение японского Метаболизма и новейшей японской архитектуры показывает устойчивую художественную преемственность на уровне принципов: открытая система, приоритет инфраструктуры (в широком смысле), допускаемая незавершённая, модульность как способ организации пространств и композиции, а также понимание архитектуры как процесса во времени. При этом формы и риторики существенно меняются.

Литература

1. Ban Sh., Shigeru Ban: Complete Works 1985–2010 / Sh. Ban // Köln: TASCHEN. - 2010. - 512 p.
2. Frampton K., Modern Architecture: A Critical History. 4th ed. / K. Frampton // London: Thames & Hudson. - 2007. - 424 p.
3. Isozaki A., Japan-ness in Architecture / A. Isozaki // Cambridge, MA: MIT Press. - 2006. - 176 p.
4. Ito T., Escritos = Toyo Ito: Writings / T. Ito // Madrid: El Croquis Editorial. - 2007. - 320 p.
5. Japan Modern: New Projects from Japan / ed. P. Gadanho. New York: Museum of Modern Art. - 2017. - 192 p.
6. Kurokawa K., Metabolism in Architecture / K. Kurokawa // London: Studio Vista. - 1977. - 240 p.
7. Lin Z., Kenzo Tange and the Metabolist Movement: Urban Utopias of Modern Japan / Z. Lin // London: New York: Routledge. - 2010. - 256 p.
8. Metabolism 1960: The Proposals for a New Urbanism / ed. N. Kawazoe, K. Kikutake, K. Kurokawa, F. Maki, M. Otaka. Tokyo: Bijutsu Shuppan-sha. - 1960. - 119 p.
9. Tange K., Kenzo Tange 1946–1969: Architecture and Urban Design / K. Tange // Tokyo: Shinkenchiku-sha. - 1970. - 301 p.

АРХИТЕКТУРА ДОХОДНЫХ ДОМОВ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М.А. Платонова¹, старший преподаватель кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий», аспирант

¹*Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь*

Аннотация. Статья посвящена истории и особенностям развития архитектуры доходных домов в городах Беларуси второй половины XIX – начала XX века. Рассмотрены социальные и экономические процессы, повлиявшие на распространение нового типа здания. На основе архивных материалов выявлены объемно-планировочные и архитектурно-художественные особенности многоквартирных жилых домов указанного периода.

Введение

Актуальной задачей в области исследования историко-архитектурной среды городов является изучение проблем, связанных с развитием архитектуры жилых домов, их ролью в социальном, экономическом и культурном процессе. Главная цель работы – выявление особенностей распространения и характеристик архитектуры доходного дома, как нового типа здания. Данный вопрос требует комплексного подхода в рассмотрении предмета исследования, с точки зрения функционального, объемно-пространственного, планировочного и архитектурно-художественного построения многоквартирного жилого дома. Источником сведений о доходных домах рассматриваемого периода послужили материалы архивов и сохранившаяся историческая застройка городов Беларуси, позволившие раскрыть аспекты, характеризующие здания и специфику их распространения.

Основная часть

Территория современной Беларуси до революции 1917 г. входила в состав Российской Империи и была представлена Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской губерниями. Развитие железнодорожной сети Российской империи активно начало развиваться после отмены крепостного права 1861 г. и в рамках промышленной революции. Открытие Московско-Брестской и Либаво-Роменской железных дорог и строительство вокзалов в Минске, **Бресте, Гомеле, Витебске, Гродно, Могилёве и других городах** стали важнейшим фактором модернизации региона. После открытия железнодорожного сообщения на территории Беларуси в 1862 г. увеличилось число промышленных предприятий, произошел стремительный рост в развитии торговли и предпринимательства, что способствовало притоку людей в города.

Население крупных городов значительно увеличилось, а рабочие нуждались в доступном жилье. В Минске в сравнении с 1800 г. численность населения возросла в 9 раз и к 1887 г. достигла 91 тысячи, в Витебске – 66 тысяч, в Могилеве – 43 тысяч, в Гродно – 41 тысячи жителей [1]. Необходимость решения жилищного вопроса возникла и среди интеллигенции, служащих и ремесленников, не имеющих возможность приобрести или построить собственный дом.

Возникновение многоквартирного жилого дома в городах Беларуси, как нового типа жилья, а также активный процесс сдачи этих домов в аренду позволил обеспечить городское население жильем. Получение прибыли подстегивало домовладельцев к строительству все большего количества доходных домов. А доход, получаемый от разных слоев населения, способствовал многообразию объемно-планировочных и архитектурных решений жилых зданий.

В стремлении застроить участок с максимальной эффективностью, владельцы доходных домов оставляли лишь небольшую площадку для организации дворового пространства, где по периметру располагались флигели, хозяйственные постройки, отхожие места и ледники. Таким образом, вдоль улиц дома были вытянуты главным фасадом, вплотную примыкали друг к другу, образуя сплошной фронт застройки. При этом на периферии городов и внутри сложившихся кварталов доходные дома размещались стихийно, образуя хаотичную застройку [2]. О характере городской среды второй половины XIX – начала XX в. можно судить по историческим районам и архивным материалам (рис. 1).

Рис. 1. Историческая застройка Гродно второй половины XIX – начала XX в.

С появлением новых типов зданий, таких как больницы, гостиницы, театры, библиотеки, учебные заведения и многоквартирные доходные дома, возникла необходимость в мероприятиях по инженерному обеспечению, наиболее важными из которых являлось устройство водопровода и электрического освещения с конца XIX в. Данный фактор, наряду с применением новых строительных материалов, способствовал повышению этажности вновь возводимых зданий.

Архитектура доходного дома в городах Беларуси развивалась в рамках социальных, культурных и экономических условий Российской империи, но имела свои региональные особенности. Деятельность таких архитекторов как В.А. Шрётера, В.Ф. Мааса, И.Е. Чали-Суриева и других оказала значительное влияние на формирование жилой архитектуры рассматриваемого периода.

С точки зрения объемно-планировочных решений, в городах Беларуси практически отсутствуют доходные дома с дворами-колодцами или со световыми двориками как в Петербурге, но большинство из них имело сложную планировочную структуру [3]. В состав арендуемого жилья входили спальни, шкафовая (гардеробная), гостиная, кухня, кладовые, ванная и уборная для проживающих, передняя, людская и уборная для прислуги. Кухня с кладовыми и помещения для прислуги устраивались рядом с второстепенной лестницей, ведущей во двор. На первом этаже доходного дома могли располагаться магазины и учреждения общественного назначения.

В решениях фасадов жилых домов проектировщики согласно веяниям того времени прибегали к цитированию форм прошлого и повторению приемов исторических стилей, что способствовало формированию целостной и гармоничной среды, несмотря на то, что выполнялась задача реконструкции отдельного здания или возведения нового. Пластика главного фасада решалась за счет выступающих эркеров и балконов, элементов декора – карнизов, колонн, ризалитов, скошенных углов, рустовки, ниш, филенок и других элементов. Благодаря обширному использованию элементов декора создавался уникальный архитектурный облик городов.

В традициях «кирпичной» архитектуры построен дом по улице Чехова, 7А в г. Витебске, расположенный среди сложившейся застройки (рис. 2). Двухэтажный многоквартирный жилой дом возведен из красного кирпича. В состав каждой из двух квартир входили спальни, кухня, прихожая и уборная. Окна комнат были ориентированы на южную сторону, для проветривания жилого помещения в коридоре – на северную сторону.

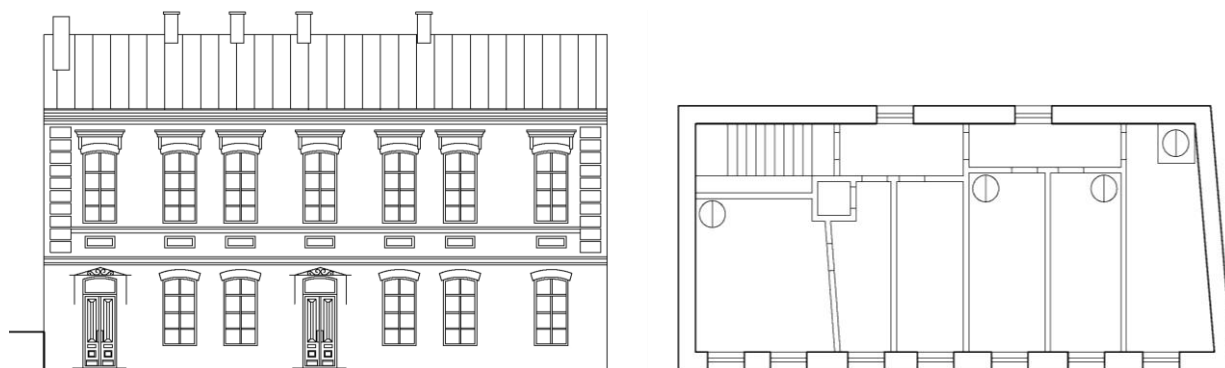

Рис. 2. Проект на постройку двухэтажного по ул. Чехова, 7А в Витебске

Главный фасад разделен на два яруса профилированной тягой, проходящей между первым и вторым этажами. Арочные оконные проемы второго этажа имеют сандрики, под ними располагаются неглубокие ниши с филёнками. Углы дома украшены рустовым камнем. Над входами в жилые помещения выполнен козырек с кованым декором [4].

Интересным в своем объемно-планировочном и архитектурно-художественном решениях является проект каменного трехэтажного дома на участке, принадлежащему Хаиму Ароновичу в первой части Минска на углу Юрьевской улицы и Архиерейского переуллка (рис. 3).

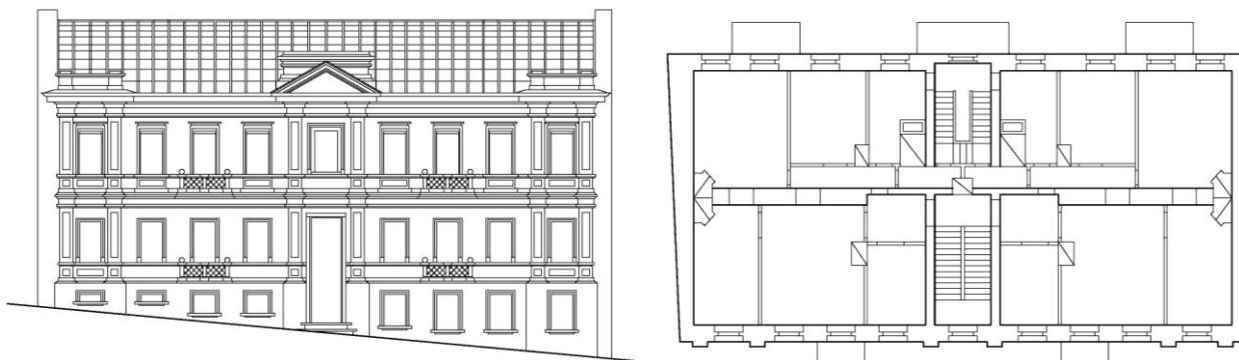

Рис. 3. Проект на постройку трехэтажного дома Х. Ароновича в Минске, 1897 г.

Предполагалось устроить пять комфортных схожих по планировке квартир и помещения общественного назначения, расположенные в цокольной части дома. Такое решение было обусловлено тем, что дом располагался на рельефе. Разработан был проект Минским городским технико-строительным и чертежным бюро и утвержден Яковом Гинзбургом, не сохранился до наших дней [5].

Стоит отметить, что в планировочной структуре двусторонних квартир появляется внутренний коридор от кухни к «черной» лестнице, ведущей во внутренний двор. С появлением коридора стало возможным устройство обособленных комнат.

В работе над главным фасадом проектировщик мастерски использовал средства архитектурной выразительности, и умело сочетал архитектурные детали классицизма. Основной акцент был сделан на входную группу: дверной проем в два этажа и центральное окно третьего этажа были обрамлены пилястрами. Завершалась композиция сложным

фронтоном. По краям фасада симметрично располагался вертикальный ряд окон, обрамленный пилястрами и завершающийся аттиком. Здание опоясывала профилированная тяга и венчающий карниз. Балконы были украшены кованой оградой и тумбами с каменными сферами.

Заключение

Рост городского населения во второй половине XIX в., обусловленный развитием промышленности и торговли, привел к резкому увеличению спроса на жилье. Для городов Беларуси этого периода были характерны активное строительство и распространение практики сдачи домов в аренду, что позволяло решить жилищный вопрос. Изучение архитектурных особенностей показывает, что в исследуемый период появились новые типы зданий, а также возник принципиально новый вид жилья – доходный дом.

В результате анализа объемно-пространственного и архитектурно-художественного решений доходных домов в городах Беларуси во второй половине XIX – начала XX века, установлено, что архитектура многоквартирных жилых домов получила распространение в условиях роста экономики и развития архитектуры и строительства Российской империи, была тесно связана с творчеством российских архитекторов, и имела свои региональные особенности.

Литература

1. Памятные книжки белорусских губерний. Витебская, Минская, Могилевская [Электронный ресурс] : электрон. текстовые, графические данные и программа (10 Гб). – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2012. – 3 электрон. опт. диска (DVD-ROM).
2. Платонова, М. А. Архитектура многоквартирного жилого дома в городской среде Беларуси второй половины XIX – начала XX века / М. А. Платонова // Архитектура : сб. науч. тр. – Минск, 2025. – Вып. 18. – С. 178–182.
3. Кириков, Б. М. Архитектура Петербурга конца XIX - начала XX века: эклектика, модерн, неоклассицизм / Б. М. Кириков. – СПб. : Коло, 2006. – 447 с.
4. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). – Ф.311. Оп. 1-ПД, Д. 251. Л. 5-6.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.1. Оп. 3, Д. 2. Л. 491.

АРХИТЕКТУРА ВУЗОВ В РОССИИ.

А.В. Попов¹, доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры

¹ *НИУ Московский государственный строительный университет, Москва*

Аннотация. В докладе рассматривалась архитектура высшей школы в условиях глобальных трансформаций современности. Анализируются факторы, обуславливающие необходимость пересмотра архитектурно-пространственной организации вузовских кампусов, включая ускорение научно-технического прогресса, цифровизацию, изменение характера производства и другие. Статичная материальная среда больше не отвечает динамичным требованиям постиндустриального общества. Делается вывод о необходимости проектирования открытых, многофункциональных и адаптивных кампусов, интегрирующих образование, науку и повседневную жизнь в единую развивающуюся экосистему.

Введение

В XXI веке система высшего образования в России и мире переживает фундаментальные трансформации. Этот переход детерминирован объективными вызовами времени: стремительным обновлением научных знаний, беспрецедентной доступностью информации, повышением сложности и «интеллектуализацией» производства, и возрастающей потребностью в универсальных личностных и общепрофессиональных компетенциях. В данных условиях материальная среда вузов, в частности архитектурная организация кампусов, сталкивается с серьёзным концептуальным разрывом. Актуальность темы подтверждается задачами ряд национальных проектов, а также необходимостью подготовки кадров для шестого технологического уклада. Цель доклада – выявить ключевые требования к современной архитектуре высшей школы и обосновать пути её адаптации к новым образовательным реалиям.

Основной текст

Формирование компетенций современного специалиста требует не только обновления учебных программ, но и переосмысления среды его повседневного пребывания. Быстрая развитие технологий во всех сферах делает непрерывное самообразование нормой, а современные средства коммуникации смещают фокус с запоминания фактов на умение находить, верифицировать и применять информацию. Параллельно автоматизация и внедрение интеллектуальных систем в производство снижают потребность в рутинном труде, повышая спрос на креативность, системное мышление, культуру и социальные навыки.

В ответ на эти вызовы архитектура высшей школы должна эволюционировать от закрытых, функционально жёстких объектов к гибким многофункциональным комплексам. Современный кампус призван объединять образовательные, исследовательские и социально-бытовые функции в единое пространство системы «труд – быт – отдых». Общественные зоны, учебные корпуса и общежития становятся активными педагогическими инструментами: их планировка и атмосфера должны стимулировать коллаборацию, самостоятельную работу и формирование мировоззрения.

Кроме того, рост межвузовских, межотраслевых и международных связей превращает университет в узел распределённой сети реального и виртуального взаимодействия. Организационная модель вуза непрерывно трансформируется, тогда как материальная архитектура кампуса по своей природе остаётся статичной. Это создаёт перманентное несоответствие между потенциальной (динамичной, сетевой) моделью высшего образования

и фактической (застывшей) средой его существования, что особенно остро проявляется в российских условиях перехода к шестому технологическому укладу.

В докладе были рассмотрены изменения норм и практические подходы к проектированию в новом концептуальном понимании кампусов вузов.

Заключение

Переход к новой парадигме высшего образования невозможен без синхронной трансформации архитектурно-пространственной среды вузов. Статичные, изолированные кампусы уступают место открытым, многофункциональным и адаптивным экосистемам, где обучение, наука, быт и рекреация взаимопроникают, поддерживая непрерывное развитие личности. Преодоление концептуального разрыва между динамичными требованиями современного рынка труда и материальной инфраструктурой высшей школы станет ключевым условием для реализации национальных проектов, создания научно-образовательных центров мирового уровня и повышения комфортности городской среды. Архитектура вуза будущего должна быть не просто оболочкой для учебных процессов, а живым, гибким каркасом, способным эволюционировать вместе с обществом.

Литература

1. Попов А.В. Архитектура вузов (история, современное состояние, особенности проектирования): монография / А.В. Попов. - Москва: ИНФРА-М, 2024.
2. Гельфонд, А., Попов, А., Дущев, М., Данилина, Н. (2023). Место и время в архитектуре кампусов вузов. проект байкал, 20(77), 104–111. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2200>

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРИЁМЫ В АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЛОЩАДЕЙ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

Ю.А. Протасова¹, кандидат архитектуры, доцент
П. Г. Вардеванян¹, старший преподаватель, архитектор-исследователь

¹Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В статье представлены результаты исследований формирования площадей в городах Беларуси на основе градостроительных традиций. В комплексном планировании выявлены: сохраняющаяся традиция живописной планировки с площадями неправильной формы; традиции регулярной планировки с симметричными площадями; традиция советского градостроительства, которую отличают просторные площади с панорамными видами на приречные парки. На конкретных примерах установлено, что под влиянием перечисленных традиций конфигурация площадей эволюционировали, что привело к сдвигам открытых общественных пространств, а также к их интеграции с окружающей застройкой и ландшафтом.

Введение

В XXI в. заметно выросло число научных исследований традиций в культуре. В гуманитарных науках преобладает подход, при котором традицию рассматривают в противопоставлении к процессу глобализации. При таком подходе культурное наследие считают источником формирования и поддержания национальной идентичности. В теории архитектуры понятие традиций противопоставлено инновациям [1, 2]. Исследователи площадей и улиц в городах Беларуси уделяли большое внимание истории их формированию, архитектурным приемам и художественным достоинствам (Воинов А. А., Денисов В. Н., Егоров Ю. А., Заславский Е. Л., Квитницкая Е.Д., Кишик Ю.Н., Чантурия В. А., Чантурия Ю. В. и др.). Теоретических же работ по изучению эволюции подходов к градостроительным традициям на материалах белорусских городов недостаточно. В этих условиях возникла необходимость рассмотреть взгляды на проблему со стороны архитекторов, имеющих мировую известность.

Основной текст

В современной архитектурной теории можно выделить несколько позиции по отношению к градостроительным традициям: концепция Л. и Р. Крие по возрождению традиций, основанная на типологии площадей и улиц предшествующих эпох [3, с. 134]; концепция «отказа от идентичности» Р. Колхаса [4]; «критический регионализм» К. Фремптона, в рамках которого скрещиваются воедино «современная архитектура и культурная самобытность» [5, с. 460]; направление *адаптивного проектирования* Н. Салингароса определяющее традиции градостроительства как продукт коллективного разума, который хранит в закодированном виде информацию о способах максимальной адаптации к местности [6]. Указанные выше теоретики градостроительства не рассматривали пространственную структуру городов Восточной Европы.

Теоретические подходы к изучению градостроительных традиций, описанные в литературе на русском языке, несколько отличаются от взглядов зарубежных авторов. С конца 1990-х гг. для изучения исторических форм организации пространства в России используется концепция *культурного ландшафта*. По мнению Каганского В. Л., Беларусь отличается очень богатым/сложным положением в культурном ландшафте. Оно «пока не вполне явлено и не вполне ясно, оно несомненно несколько «размыто» (либо даже еще сокрыто) и – забегая вперед – стремительно меняется» [7]. Локотко А. И. указывает, что благодаря положению Беларуси «на перекрестке трансъевропейских культурных путей, она синтезировала уни-

кальные черты на стыке восточных и западных традиций» [8, с. 5]. Замятин Д. Н. считает *двупринадлежность* специфическим свойством территорий Пограничья, для которых «важно наличие изначально данных нескольких центров притяжения, создающих свои зоны влияния, накладывающиеся одна на другую» [9, с. 546]. Традиции европейского градостроительства длительное время влияли на планирование городов Беларуси. При чем, влияние шло как со стороны запада через прямые заимствования приемов городской планировки, так и с востока после того, как образцы, по выражению Замятина Д. Н., были «процежены» через «культурную мембрану» России [10, с. 128].

Идея о том, что новая застройка должна продолжать сложившийся градостроительный и социальный контекст, сохраняя ценные объекты природного и культурного наследия, лежит в основе *средового подхода* к комплексному планированию городов. Он оформился в конце XX - начале XXI вв. в работах Пруцына О. И., Шимко В. Т., Глазычева В. Л. Средовая концепция ориентирована на воссоздание или дополнение исторических ансамблей, а также на поиск формальных композиционных решений для новых площадей, учитывающих особенности их визуального восприятия.

Структура городов меняется на протяжении всей их истории, и каждый раз перед комплексным планированием городов возникал вопрос о преемственности традиций. Наиболее радикальные перемены настигли города в XX в. Иконников А. В. перечисляет фазы, которые характеризуются сменой отношения к наследуемым традициям на протяжении последних ста лет: (1) на рубеже XIX-XX вв. архитектурные традиции начинали ценить как «национальный идеал»; (2) в 1920-е гг. утвердилась традиция социального реализма, носившая интернационалистский характер; (3) в середине 1950-х гг. произошла ломка традиционалистского метода, воплощенного в формальном языке послевоенной архитектуры; (4) в 1970-е гг. художественное сознание обратилось к обобщенным представлениям о своеобразии места [11].

Материалы и методы

В данном исследовании площадей использовались методы предпроектного анализа и комплексной градостроительной оценки территории. Богатый материал дали фотографии и комментарии к ним, размещенные в свободном доступе сети Интернет, литературный поиск и личные натурные обследования. Исследовательский фокус сосредоточен на изучении пространственных параметров традиционных площадей, которые присутствуют как «*следы истории*» в современных городах Беларуси.

Результаты исследования

Градостроительные традиции наиболее ярко воплощались в планировке и застройке площадей, которые формировались в соответствии с задуманной художественной идеей по единому плану, т.е. являлись предметом комплексной планировки. Форма общественных пространств усложнялась с течением времени, что было обусловлено «сдвигом» центра активности города от первоначального места.

Города Беларуси с принятием Магдебургского права в XV-XVII вв. усовершенствовали планировку, создав новые центры. Возникли площади разной функциональной направленности: главные административные, рыночные и ратушные. Главные городские пространства чаще имели в плане прямоугольник или квадрат, с доминирующим объемом ратуши (с торговыми рядами), иногда к площади примыкали территории сакральных объектов, что зрительно расширяло пространство (Поставы, Несвиж). Ренессансные и барочные площади городов Беларуси имели четкие границы и сформированы визуально непрерывной линией зданий. В композиции преобладала одна доминанта, один высотный объект (ратуша, церковь, костел). Примером может служить торговая площадь с ратушей в г. Несвиж, в зданиях и сооружениях которого воплощены лучшие художественно-эстетические традиции национального зодчества. На площади малого города Поставы до сих пор сохранился целый комплекс зданий, относящихся к стилю барокко (Рис. 1). Однако традиции того периода можно

считать утраченными, так как здания, являющиеся доминантами в ансамбле поставской площади, а также ренессансных и барочных площадей других белорусских городов, не восстановлены и замкнутый контур разрушен.

Рис. 1. Площадь Советская в Поставах

Рис. 2. Ратушная площадь в Витебске, 1867 г.

В конце XVIII в. территории Беларуси вошли в состав Российской империи. Города получили новые генеральные планы в стиле классицизма. Трансформировались общественные городские пространства: спрямлялись улицы, видоизменялись площади. В этот период создавалась система трех-четырёх разных по функциональному использованию площадей, которые соприкасались между собой, образуя компактную структуру (Витебск, Пинск, Слоним, Кричев) или формировали развитый центр, располагаясь на небольшом расстоянии (Гомель, Могилев, Ошмяны, Полоцк). Часто они находились на одной улице, служившей композиционной осью. Имели элементарные планы четырехугольной конфигурации, но были оформлены с помощью разных приемов композиционного решения застройки. Первый фронт формировали одинаковые по высоте здания, а высотные здания, являющиеся композиционными акцентами, размещались на удалении от периметра, что можно наблюдать в Могилеве. Площади имели «древнерусский генезис, нерегулярное планировочное построение и достаточно плотную застройку – ратушу, несколько храмов, корпуса торговых лавок, жильё» [12, с. 73]. В Витебске к концу XVIII в. сформировались четыре площади: две полифункциональные, предхрамовая и административная (Рис. 2). При этом «три основных площади центра были сгруппированы в компактный градостроительный ансамбль, целостный в функционально-планировочном, визуальном-пространственном и художественном отношениях» [12, с. 412].

В XIX в. при дальнейшем развитии городов общественные функции требовали новых пространств – на удалении от исторического центра возникли новые площади (административные, дворцовые, производственные, транспортные, предказарменные и др.). Новые общественные пространства имели черты русского градостроительства: простые геометрические планы, традиционная связь между природным ландшафтом и пространством площадей. Так, площадь в Слониме, отличается «постепенным преемственным развитием, учетом при строительстве каждого нового здания особенностей сложившейся среды» [12, с. 343]. Пространство формировалось из нескольких зон, высотными доминантами служили костелы, выходящие на площадь апсидами, а также дворцовые корпуса. Здания не создали плотный фронт застройки, а находились на расстоянии друг от друга. В Могилеве сформировалась система площадей на планировочной оси Нагорного посада (Шкловская улица). Главная Губернаторская площадь простой формы была обстроена общественными зданиями примерно одной высоты, другая площадь (на месте пересечения ликвидированных валов и ул. Шкловской) имела прямоугольный план, храмовая площадь перед собором святого Иосифа имела уникальный овальный план. Все три площади имели разное композиционное решение, но традиционно высотные акценты располагались не во фронте застройки, а с отступом.

В начале XX в. в городах Беларуси появились привокзальные площади, архитектурный облик которых формировался в стиле модерн или поддерживал традицию неоготики. В западных областях Беларуси преобразованные площади и улицы наследовали польскую градостроительную традицию; в восточных – появились площади перед крупными гражданскими и промышленными зданиями, решенные в стиле конструктивизма. Кроме стилизованных особенностей авангарда эти площади отличались новой типологией зданий, формирующих их художественный образ.

При восстановлении городов после второй мировой войны создавались новые репрезентативные пространства, отражающие идею строительства социалистического города – большие площади для массовых мероприятий и демонстраций, широкие проспекты, бульвары. Административные площади, получившие архитектурное оформление в послевоенные десятилетия, остаются центрами городов Беларуси и в настоящее время. Так в Минске при реконструкции центральной части города была создана главная улица длиной около 15 км с нанизанными на нее площадями. В период 1960-1980 гг. проложены новые магистрали, при этом значительная часть ценных зданий была утрачена, общественные пространства трансформированы, историческая среда деформирована. В размещении главных площадей на основной планировочной оси города, в живописном озеленении скверов и площадей, монументальном оформлении памятников и фасадов зданий проявились традиции комплексного планирования, но уже с использованием принципов модернизма с его крупным ритмом вертикальных и горизонтальных объемов (Брест и Минск). При этом градостроители стремились обеспечить выход крупных общественных объектов в озелененное пространство, что перекликалось с более ранними традициями живописной планировки городов.

В XXI в. процесс преобразования городской структуры продолжился, он осуществляется не только путем реконструкции главных площадей, но и за счет формирования новых репрезентативных пространств (площадь Государственного флага, пространство перед Национальной библиотекой в Минске и др.).

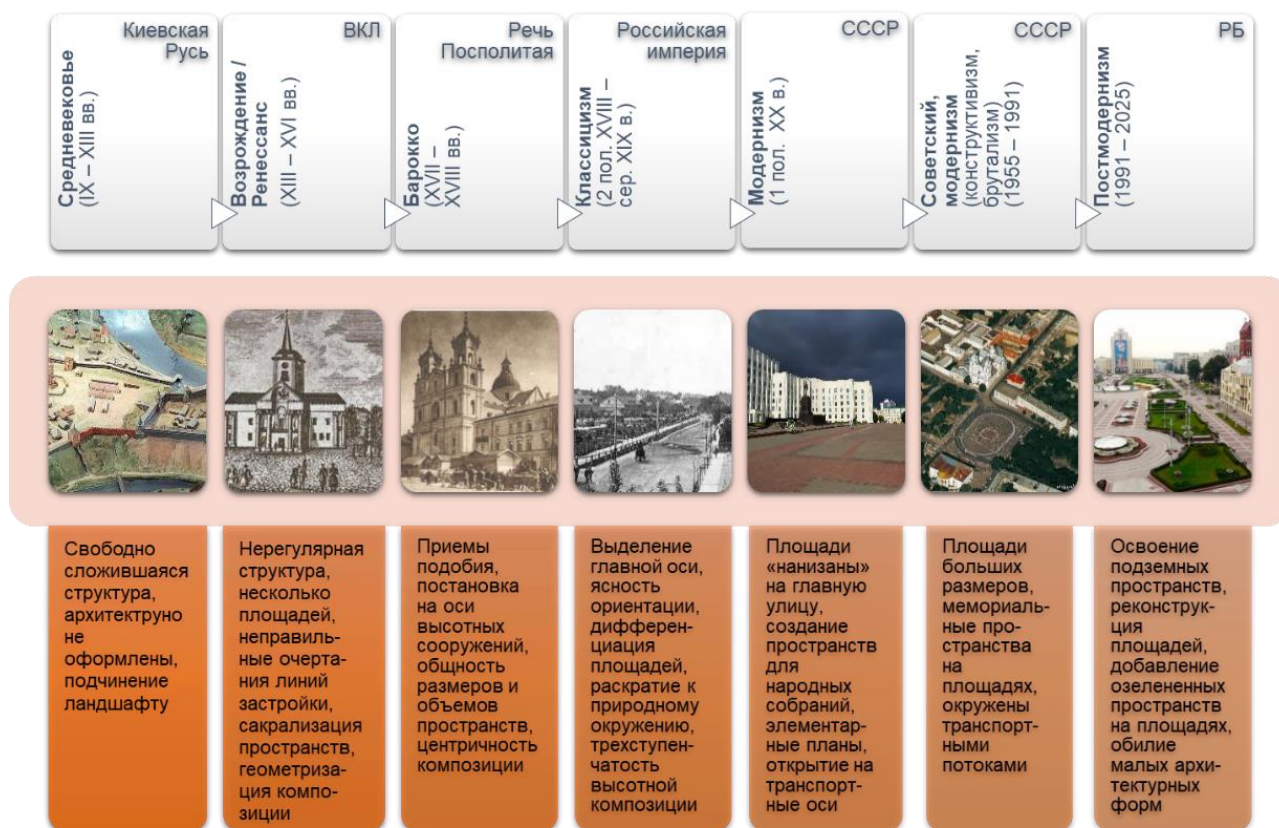

Рис. 1. Традиции в формировании общественных пространств городов Беларуси

Заключение (или Выводы)

Исторический анализ пространственной трансформации площадей в городах Беларуси, позволил выявить в истории их формирования возвращающиеся волны регулярной планировки, которую принято относить к западноевропейской традиции.

Общая ренессансно-барочно-неоклассическая традиция выкристаллизовалась постепенно. Ее зарождение принято относить к XV в., когда образ средневекового наследия приобрел отрицательные черты. Барокко придало главным площадям городов вид свободных пространств перед рядами зданий примерно одинаковой высоты.

Вторая волна регулярной планировки отмечается в конце XVIII в., когда территория Беларуси вошла в состав Российской империи, города начали радикально перестраиваться по единому классическому образцу. Он предписывал создание трех площадей и прямоугольной сетки улиц. Начавшаяся в конце XIX в. урбанизация повлекла за собой расширение сети железнодорожных путей, под городскую застройку начали осваиваться новые территории. На рубеже веков XIX-XX вв. градостроители стремились привнести в города больше чистого воздуха, света и красоты, для чего обратились к идеальной модели города-сада. Эстетические и ландшафтные принципы этой концепции позже легли в основу формирования традиций советского градостроительства.

Таким образом, для белорусских городов следует уточнить переломные моменты на ленте времени, которые Замятин Д. Н. [10] связывает с установлением новых традиций (XV в. и XX в.), дополнив их двумя периодами возвращения регулярной планировки (конец XVIII в. и начало XX в.). В ходе исследований также выявлены отклонения от образцовых проектных решений, которые были продиктованы природными особенностями территории, тактами военных «разрушений-восстановлений». Благодаря таким отклонениям и возникшим пустотам в застройке сохранялась традиция живописной планировки, восходящей к средневековой архитектуре и народному зодчеству (площади неправильной формы).

Анализ подходов к формированию площадей в городах Беларуси свидетельствуют о противоречиях, складывающихся по отношению к градостроительным традициям в настоящее время. С одной стороны, свободная планировка новых общественных пространств, возобладавшая в 1970-е гг., подтверждает вывод Иконникова А. В. о том, что современные архитекторы не обращаются к знакам определенной традиции, а продолжают оперировать понятиями формальной композиции. С другой стороны, прослеживается связь между градостроительными приемами создания пешеходных площадей в городских центрах и традиционалистской позицией «новых урбанистов», основанной на перцептивных качествах городской среды. С третьей стороны, возник разрыв между желанием сохранить традиции советского градостроительства и ландшафтной архитектуры и необходимостью преодолеть физическое и моральное старение послевоенной застройки. Выявленные проблемы требуют более глубоких исследований градостроительных традиций Беларуси и теоретического переосмысления методов планировки городских площадей и улиц.

Литература

1. Шамрук А.С. Архитектура Беларуси XX - начала XXI в. Эволюция стилей и художественных концепций. Минск : Белорус. Наука, 2007. 335 с.
2. Потаев Г. А. Традиции и инновации в современном градостроительстве. Минск : БНТУ, 2022. – 203 с.
3. Копылова Л. Новый урбанизм в Европе и США: национальные школы. Проект Байкал, 20(76). 2023. С.134 - 147. URL: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2165>.
4. Koolhaas R. The art story. URL: <https://www.theartstory.org/artist/koolhaas-rem>.
5. Фремpton, К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития: пер. с англ. Е.А. Дубченко; под ред. В. Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1990. – 535 с.
6. Салингарос, Н. А. Правила для городского пространства: проектные паттерны создают человеческий масштаб: пер. Т. Ю. Быстрова. Академический вестник УралНИИпроект РААСН (Часть 1). 2022. № 3. С. 27-32.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-dlya-gorodskogo-prostranstva-proektnye-patterny-sozdayut-chelovecheskiy-masshtab-chast-1/viewer>.

7. Каганский В. Л. Беларусь: география и судьба страны / Семь искусств, 2020. URL: <https://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer11/kagansky/>

8. Локотко А. И. Историко-культурные ландшафты Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2006. 470 с.

9. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, И. И. Митин ; М-во культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. – М. : Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, 2008. – 759 с.

10. Замятин Д. Н. Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследие» // Этнографическое обозрение 2008 г., № 6. С. 121-130.

11. Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. Развитие традиций // Искусство. Москва. 1990. – 386 с.

12. Чантурия Ю. В. Белорусское градостроительное искусство : средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм в системе европейского зодчества. Минск : Беларуская навука, 2020. – 512 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ПОСЕЛЕНИЙ ЛАХДЕНПОХСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

К.Е. Родяшина¹, соискатель

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования архитектурного облика малого города Лахденпохья, расположенного в Северном Приладожье, республика Карелия. Проводится анализ отличительных черт, присущих постройкам на данной территории, с учетом исторического, этнокультурного и ландшафтного контекста. В силу специфики расселения народов в Ладужской Карелии научный интерес представляет изучение окрестностей города Лахденпохья, а также крупнейших поселений Лахденпохского района, на сегодня не имеющих статуса города, но сыгравших важную роль в историко-архитектурном развитии региона: пос. Лумиваара, пос. Куркиеки, пос. Раухала, ст. Якима. В этих населенных пунктах сохранились частицы архитектурного наследия, формирующие неповторимый нордический облик карельской архитектуры.

Введение

Северное Приладожье (фин. Laatokan Karjala, иначе Ладужская Карелия) – это природно-исторический регион в Республике Карелия, разделенный в настоящее время на четыре района: Лахденпохский, Сортавальский, Суоярвский и Питкярантский (рис.1). Понятие «Карельское Приладожье» установилось в 1920-1930 годах, определяя административно-территориальное деление, включая уезды Куркиёки, Сортавала и Салми, а также частично волость Хийтола (уезд Кякисалми) [1].

Рис. 1. Территория современного Северного Приладожья

Данная работа открывает цикл исследований, посвященных выявлению особенностей историко-архитектурной среды малых городов и связанных с ними населенных пунктов Северного Приладожья. Каждый из районов имеет свои отличительные черты, сложившиеся благодаря историческим событиям, происходившим в регионе на протяжении последних семи веков.

Стоит подчеркнуть, что до нашего времени сохранилось не так много памятников архитектуры, которые бы давали нам полное представление о поэтапном архитектурно-градостроительном развитии региона. Приграничное расположение этих земель всегда создавало благоприятные условия для затяжных политических, этнокультурных и религиозных конфликтов, сопровождавшихся тотальным уничтожением всего, что было создано ранее. В разное время Северное Приладожье находилось под властью Новгородского княжества, Швеции, испытывая на себе все тяготы войн.

С 1809 г. рассматриваемая территория Северного Приладожья относилась к Великому княжеству Финляндия (в составе Российской империи), а с 1917 г. по 1944 г. была в составе финского государства [2]. Современные названия населенных пунктов, улиц и площадей до сих пор именуются топонимами финского времени. Многие объекты культурного наследия (далее – ОКН), сохранившиеся до настоящего времени, относятся именно к этому историческому периоду, сохраняя и продолжая традиции финской школы архитектурного романтизма и функционализма.

Изменения в структуре населения, типе расселения и архитектурном облике зданий Северного Приладожья произошли после 1944 г. в связи с включением этих земель в состав Карельской ССР и новым административно-территориальным делением. Первоначально было сформировано семь районов, в т.ч. Куркийокский район с центром в пос. Куркийоки (что продолжало историческую традицию восприятия этого поселения в качестве торгового и административного центра для связанных с ним сельских общин, волостей и деревень). Однако в 1945 г. центр был перенесен в г. Лахденпохья, в а 1970 г. были утверждены границы современного Лахденпохского района.

Стоит отметить, что до 1945 г. город Лахденпохья был поселком городского типа и являлся вторым по величине центром в Карельском Приладожье (после Сортавала). План застройки Лахденпохья был составлен Отто И. Меурманом в 1924 г. с разделением поселка на разные функциональные зоны. Река отделяла жилые массивы от административного центра, а железная дорога отделяла эти районы от порта. Конфигурация улиц административного центра и микрорайонов повторяла повороты реки. Поселок был задуман более компактным по сравнению с остальными деревнями Приладожья. Большая часть зданий представляла собой двухэтажные деревянные дома, сохранившиеся до наших дней.

Таким образом, предложенный автором подход к изучению архитектурного облика городов Северного Приладожья в неразрывной связи с их окрестностями основан на историческом единстве между самим малым городом и поселениями, игравшими на протяжении многих веков важнейшую роль в развитии всего региона.

Исторические аспекты освоения и застройки Лахденпохского района

Начиная с железного века северо-западное побережье Ладожского озера являлось густонаселенной территорией и очагом расселения для всего Приладожья с центрами вокруг волостей Куркийоки, Сортавала и Салми. В то время основным типом строения были оборонительные крепости, на сегодня руинированные и являющиеся памятниками археологии, а также культовые сооружения и жилые дома, уже имевшие отличительные черты, продиктованные вероисповеданием (православным и лютеранским). Нахождение на границе двух культур оставило значительный след в постройках Приладожья [2].

На протяжении многих веков основным строительным материалом в этих местах была древесина хвойных пород, обрабатываемая в технике сруба. Деревянные постройки облицовывали досками и устраивали гонтовую кровлю. Только в начале XX века кирпич стал широко использоваться при постройке общественных и промышленных зданий в важнейших населенных пунктах Приладожья. В качестве материала для кровли стали использовать жесь [3].

Наибольшей выразительностью в архитектурном облике Карельского Приладожья, остававшегося преимущественно территорией сельского расселения вплоть до 1940-х годов, обладали общественные здания и культовые сооружения, усадьбы и поместья, а также

дачи (рис. 2). Особое место в формировании городских и сельских пейзажей занимали промышленные предприятия, сложенные, по большей части, из кирпича [1].

Рис. 2. Усадьба Джона Винтера (построена в 1897 г.) в пос. Раухала недалеко от г. Лахденпохья. Образец финского национального романтизма. ОКН регионального значения. Фото автора, 2025 г.

Архитектурное наследие Лахденпохского района

Город Лахденпохья (фин. Lahdenpohja) – это молодой малый город Северного Приладожья с населением около 5800 чел. (по данным на 2026 г.). История формирования города началась в 1924 г., когда часть земель была выделена из состава волости Яаккима и преобразована в поселок Лахденпохья [3]. В Лахденпохья действовал порт, а также было размещено фанерное производство, что определило вектор развития города на несколько десятилетий вперед (рис. 3).

Рис. 3. Планировочная структура г. Лахденпохья, сохранившая первоначальный замысел Отто Меурмана [1]

На сегодняшний день в Лахденпохском районе зафиксировано 17 ОКН регионального значения, в том числе, 4 жилых дома, а также 16 выявленных ОКН различного функционального назначения: кирхи, усадьбы, хозяйственные постройки, церковь [5]. Половина вышперечисленных объектов расположена в г. Лахденпохья (12 ОКН и 3 вновь выявленных ОКН), остальные – в близлежащих поселениях, таких как пос. Куркиёки, пос. Раухала, ж/д станция Яккима, пос. Хийтола, пос. Лумиваара и других (рис. 4).

Рис. 4. Кирха лютеранская в пос. Лумиваара, нач. XX в., арх. Ялмари Лаунис.
Вновь выявленный ОКН. Фото автора, 2025 г.

Анализируя перечень памятников архитектуры Лахденпохского района по функциональному назначению, можно говорить о широком разнообразии сохранившихся общественных зданий, дающих представление о типологических особенностях при их проектировании и строительстве.

Так, в 1938 г. в Лахденпохья функционировало множество коммерческих предприятий, для нужд которых возводили здания, спроектированные в стиле функционализма. Прорыв этого архитектурного направления пришелся на 1920-1930-е гг. и проявлялся в строительстве зданий банков, кооперативных магазинов (рис. 5), домов культуры [4].

Рис. 5. Здание магазина (построено в нач. XX в.) в г. Лахденпохья, ул. Ленина, 17.
ОКН регионального значения. Фото автора, 2025 г.

Жилые здания в г. Лахденпохья, относящиеся к ОКН или вновь выявленным ОКН, находятся в разной степени сохранности, их фасады в процессе эксплуатации подвергались многослойным ремонтным работам, в силу чего, на первый взгляд, сложно распознать памятник архитектуры за претерпевшим изменения фасадом. Преимущественно жилые дома строили деревянными, но есть и примеры каменной архитектуры (рис. 6). Жилой дом по ул. К. Маркса, 6 отражает конструктивную особенность, характерную для домов г. Лахденпохья, а именно: прием уменьшения в плане размеров второго этажа, в результате чего фасад получает ступенчатый характер. В настоящее время плоскости стен выровнены при помощи каркасного стенового ограждения в уровне второго этажа. Несмотря на некоторое искажение первоначального облика, строение представляет историко-архитектурную ценность как пример частного жилого дома периода функционализма первой половины XX века с индивидуальным объемно-планировочным решением [5].

Рис. 6. Дом жилой (построен в нач. XX в.), г. Лахденпохья, ул. К. Маркса, 6. ОКН регионального значения. Фото автора, 2025 г.

Заключение

Архитектурно-градостроительное развитие облика поселений Северного Приладожья, как и многих российских исторических регионов, имеет свои особенности, обусловленные непростыми перипетиями судьбы пограничной территории. Лахденпохский район в современных границах – один из примеров соседства русской православной и лютеранской традиции в зодчестве, выражающейся в архитектурном облике строений и принципах расселения. Полноценное представление об основных архитектурно-строительных приемах и подходах, применявшихся в Ладужской Карелии, можно получить, анализируя постройки не только в городах, но и в близлежащих поселениях. Их органичное сочетание обусловлено многовековой традицией освоения земель Карельского перешейка.

Литература

1. Ауксэ Р., Толонен Т. Культурное окружение северного побережья Ладожского озера: Финское культурное наследие в ландшафте северного побережья Ладожского озера. Центр окружающей среды Финляндии. Хельсинки : Миктор, 1998. 230 с.
2. Кочуркина С. И., Петрова М. И. Куркиёки: археология, история, культура. Петрозаводск : Карельский научный центр Российской академии наук, 2025. 166 с.
3. Гришина И. Е., Орфинский В. П. Поселения // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 107-114.
4. Яакима-Лахденпохья. URL: <https://web.archive.org/web/20200222173153/http://heninen.net/lahdenpohja/historia.htm> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Объекты историко-культурного наследия Карелии. URL: <https://monuments.karelia.ru/> (дата обращения: 15.02.2026).

К ВОПРОСУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В МАЛЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ – «ГОРОДАХ УДЕРЖАНИЯ»

А.Е. Руммо³, аспирант кафедры архитектуры и реставрации

М.В. Дуцев^{1, 2, 3}, член-корреспондент РААСН, доктор архитектуры, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды¹, главный научный сотрудник, зав. отделом проблем теории архитектуры², профессор кафедры архитектуры и реставрации Инженерной академии³

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижний Новгород*

²*Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал «ЦНИИП Минстроя России», Москва*

³*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*

Аннотация. Пространство в малом поселении – уникальный элемент архитектурной среды, типология которого может быть уточнена в теории архитектуры и градостроительства. С целью повышения качества инструментов и программных документов, формирующих базу для развития малых населенных пунктов – сел, поселков, а также малых городов, в работе предпринята попытка выработать подход к сохранению и улучшению архитектурной среды в поселениях, которые составляют селитебный каркас периферийных районов России. В тексте сформулированы мысли и идеи, содержащиеся в трех тезисах:

- связь между жителем и пространством жизнедеятельности;
- внутреннее устройство пространства с фокусом на глобальные процессы, как фактор самореализации жителей;
- совокупность функционального каркаса и черт, формирующих образ места на уровне эмоционального восприятия.

Введение

Сложившиеся социально-экономические тенденции развития крупных городов осложняют существование малых поселений периферийных районов основной зоны расселения и хозяйственного освоения России. В поисках возможностей для самореализации жители малых поселений уезжают в урбанизированные центры. Исследование сценариев развития малых, как городских, так и сельских, поселений обусловлено необходимостью сохранения культурного кода места, а также – наличием потенциала для формирования комфортной и развитой среды при их включении в глобальную систему расселения.

Актуальность обращения к обозначенной проблеме подтверждается государственными программами. Такие документы, как Стратегия развития Российской Федерации до 2036 года¹ и Перечень опорных населенных пунктов², составляют базу для поиска архитектурно-градостроительных решений в исследуемой области.

¹Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года.

²Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naseleennyh_punktov_rf/ (дата обращения: 01.04.2026).

Методы и примеры

Градостроительный характер исследования, в синтезе со средовым подходом, формирует базу для комплексной разработки вопроса интеграции малых поселений в систему расселения России. Значимость малых населенных пунктов, расположенных на периферии, то есть в отдалении от крупных городов, обосновал в своей работе А.Г. Мазаев, предложив концепцию «городов удержания». [1] Предложенная концепция ограничена Сибирским макрорегионом. Тем не менее, характеристиками, схожими с расположенными в этих границах населенными пунктами, могут обладать и поселения других слабозаселенных районов России.

Автор этой работы предлагает читателю взглянуть на «города удержания» в контексте переосмысления их внутреннего устройства. В рамках концепции «городов удержания», помимо, собственно, городов, к рассмотрению предлагаются села и поселки. [2] Подобные малые поселения, расположенные обособленно от крупных городов – урбанизированных центров, также могут быть значимы для развития, повышения качества, глобальных социально-экономических процессов. Соответственно, могут быть созданы привлекательные условия для жизни в таких населенных пунктах.

Пространство в малом поселении, как раньше, так и сегодня, сосредоточено, иными словами – ориентированно, на человека в составе социума. Следовательно, без опоры на масштаб человека, пространство, как физическая величина поселения, не обладает своими ключевыми качествами, оно потребует создания принципиально новой инфраструктуры. Такая структура станет посредником между человеком и пространством, взяв на себя главную роль. [3] То есть, в поиске решений, способствующих вновь включению малых поселений в глобальную систему расселения, с целью сохранения их самобытности, к их внутреннему устройству нужен особый подход, в котором соблюдается прямая связь между жителем и пространством жизнедеятельности.

В отечественной практике, на примере реализованных и концептуальных проектов, возможно выделить некоторые инструменты сохранения поселения, при которых формируются пространства, ориентированные на социум.

Одним из таких проектов является природный парк «Кудыкина гора», расположенный в Липецкой области вблизи нескольких сел. На территории комплекса размещены объекты для проживания и отдыха посетителей, действует сезонная программа мероприятий – фестивалей, мастер-классов и пр. [4,5] (рис. 1,2) Создание комплекса способствовало развитию локальных ремесленных мастерских и фермерских хозяйств. [6] Пространство парка сформировало новый культурный код, отсылающий к сюжетам русских народных сказок. То есть, реализованный туристско-рекреационный комплекс создал импульс для развития местного функционального каркаса, выстроив новый, цельный образ места, а также, связал сложившуюся деятельность жителей прилегающих поселений с глобальными процессами.

Рис. 1. Природный парк «Кудыкина гора» [4] Рис. 2. Гостиничный комплекс «Кудыкина гора» [5]

Инструменты работы с архитектурной средой и художественной идентичностью [7] поселения были использованы в проекте мастер-плана города Шарыпово, разработанного архитектурно-градостроительным бюро «Master's plan». [8,9] Авторы проекта выявили черты города, которые позволили переосмыслить пространство жизнедеятельности общества. Проектное предложение предусматривает создание нескольких пространств, опирающихся на культурно-трудовой код поселения: центра дизайна и производства, дата-центра и транспортно-логистического комплекса, в том числе – автостанции. (рис. 3) «Мастер-план Шарыпово задает вектор на «перезапуск» города, объединяет социально-экономическое и пространственное развитие. Он становится связующим звеном между городом, жителями и профессионалами, совместно создающими в Шарыпово «город нового технологического уклада» <...>». [9] Таким образом, благодаря мероприятиям, направленным на создание новых точек приложения труда и формирующим идентичность места, жители малого города, расположенного в периферийном районе, вовлекаются в глобальную систему расселения.

Рис. 3. Центр дизайна и производства Шарыпово [9]

Результаты исследования

В ходе исследования были выявлены архитектурно-пространственные приемы и инструменты сохранения малых поселений. Во-первых, создание новых функций на территории, расположенной вблизи сельского поселения, обеспечивает возможность самореализации его жителей. Помимо этого, формирование образа пространства, опирающегося на культурный код места, можно обоснованно считать инструментом выявления архитектурно-художественной идентичности. Во-вторых, переосмысление исторически сложившихся элементов производственного каркаса позволяет вновь создать точки притяжения населения, и, как следствие, формируется среда, в которой возможно взаимодействие различных социальных групп. Следовательно, повышается интерес жителей к пространству жизнедеятельности. При этом, такие приемы, как насыщение пространства местами приложения труда, зонами отдыха, туристическими и прогулочными маршрутами, улучшают степень связанности в границах пешей доступности. То есть, сохраняется прямая связь между человеком и средой. Таким образом, комплексный подход к переосмыслению пространства в малом поселении – «городе удержания» опирается на средовые характеристики, функциональный каркас и архитектурно-планировочные решения, формирующие человекоориентированную среду.

Заключение

В результате работы выявлены пространственные и архитектурные решения, которые позволяют выстроить связь между жителем и пространством жизнедеятельности в малых поселениях, расположенных в периферийных районах. Формирование связанности элементов селитебного, производственного и рекреационного каркасов в пространстве, сомасштабном человеку, повышает качество образа места на уровне эмоционального восприятия. Обоснованно можно утверждать, что вовлечение населения стратегически значимых, в том числе, исторических, поселений – «городов удержания» в вновь создаваемые социально-экономические процессы, предотвращает отток населения. То есть, создание новых функций, опирающихся на историко-культурный каркас и профильные виды занятости жителей населенного пункта, способствует его сохранению и создает перспективы для его дальнейшего развития в глобальной системе расселения.

Литература

1. Мазаев А.Г. Концепция «городов удержания» для периферийных регионов систем расселения // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2020. – №2. – С. 16-20.
2. Долинская И.М., Руммо А.Е. Малые поселения Лиманского района Астраханской области как «города удержания» в границах основной зоны хозяйственного освоения страны // Universum: технические науки : электрон. научн. журн. 2025. 6(135). URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/20257> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры. Лицо города — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 352 с., ил. — (Эврика). — ISBN 5-235-00487-6.
4. Куды – Академия. [Электронный ресурс] // Кудыкина гора. Афиша. URL: <https://kudikina-gora.org/sale> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Кузнецова А. Там русский дух. Гостиничный комплекс «Кудыкина гора». // Архи.ру. 26.03.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://archi.ru/projects/russia/18895/gostinichnyi-kompleks-kudikina-gora?ysclid=mni3go4dbq181121813> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Уваркина Ю. Кудыкина гора – знаковый объект Липецкой области // Дизайн-выходные в Суздале 2023. XLII съезд деятелей дизайна. (Публичное выступление).
7. Цорик А.В. Модель архитектурно-художественной идентичности города // Инновации и инвестиции. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-arhitekturno-hudozhestvennoy-identichnosti-goroda> (дата обращения: 19.01.2026).
8. Шустрова Н. Мастер-планы промышленных городов Красноярского края. [Электронный ресурс] // Форма. Архитектурный портал. Архивлог. Конкурсы не для всех. 25.01.2025. URL: <https://www.forma.spb.ru/archiblog/2025/01/25/master-planu-promyshlennyh-gorodov-krasnoyarskogo-kraya/> (дата обращения: 31.03.2026).
9. Шарыпово. [Электронный ресурс] // Архитектурно-градостроительное бюро “Master’s plan”. URL: <https://mastersplan.ru/projects/master-plan/sharypovo/> (дата обращения: 31.03.2026).

УТРАЧЕННАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СОРМОВСКОМ РАЙОНЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

И.С. Сакович¹, кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна архитектурной среды

¹*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижегород*

Аннотация. Публикация представляет историко-архитектурный обзор ранее неизвестной специалистам утраченной старообрядческой церкви Успения Божией Матери в Сормовском районе Нижнего Новгорода. Впервые приводятся фотографии храма, выявленные сведения об его истории, расположении, характерных особенностях архитектурного облика.

Введение

Преобладающее большинство существующих и утраченных культовых сооружений Нижнего Новгорода, имеющих историко-культурную ценность, к настоящему времени достаточно подробно изучены и имеют описание в специализированной литературе. Однако сохраняются объекты, по различным причинам выпавшие из поля зрения научных исследований.

К таковым относятся культовые постройки старообрядческой Церкви. В силу исторических причин, возможность их легального строительства в крупных городах Российской Империи стала возможной только после выхода указа императора Всероссийского Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 17(30) апреля 1905 г., где были отменены правовые ограничения для старообрядчества и ряда других религиозных конфессий. Это дало сильный, хотя и кратковременный всплеск храмового строительства староверами с 1905 по 1917 г. [1]. В силу последующей волны гонений на религию и исторически сложившей закрытости старообрядческих сообществ для внешних контактов, далеко не о всех построенных ими храмах имеется достаточное количество документальной информации.

К таковым относится возведённая в начале XX века в с. Сормово и сейчас утраченная старообрядческая церковь Успения Божией Матери. Сведений о ней пока не удалось обнаружить в архивных документах и научных публикациях. Подтверждением её существования являются свидетельства и фотографии старожилов, а также редкие упоминания в литературных источниках и периодических изданиях.

Исторический обзор

Наиболее вероятно, что церковь возведена в 1910-1917 гг., поскольку изначально она принадлежала Успенской старообрядческой общине, приемлющей священство Православной Церкви (беглопоповского согласия), первое документальное упоминание о существовании которой относится к 1910 г. [2]. Предположительно в 1925 г. здание церкви было передано общине белокриницкой иерархии во имя образа Спаса Нерукотворного, так как последним настоятелем храма с 1925 г. являлся священник белокриницкого согласия Михаил Юсин. Церковь оставалась действующей до 1938 г. Формальной причиной её закрытия стал отказ общины от выполнения ремонта здания [3].

Михаил Васильевич Юсин (1872 – 1937) родился в с. Ивановское Спасского района Нижегородской области. Подвергся аресту 1 декабря 1937 г. за антисоветскую агитацию. В обвинении указано, что он «агитировал среди сормовских рабочих за сохранение старых традиций, опошлял Сталинскую Конституцию, говоря, что это обман и ложь, пишут одно, а

делают другое, никакой демократии нет, загнали народ в кабалу» [4]. Приговорен тройкой УНКВД к высшей мере наказания – расстрелу, приговор приведен в исполнение 26 декабря 1937 года. Погребён в общем захоронении на Бугровском кладбище [5].

После закрытия в здании бывшего храма находился аэроклуб, затем оборудовали аппаратную для усиления сигнала по радиоточкам и четыре квартиры. В конце 1950-х годов выполнена надстройка вторым жилым этажом. Дом имел адрес ул. Старая Канава №109, среди жителей носило прозвище «Молешка». Был снесён в 1988 г. по причине строительства на участке нового жилого многоэтажного комплекса. Несмотря на полное изменение застройки участка улицы, методом наложения схемы существующей градостроительной ситуации на изображение аэрофотосъёмки 1966 г. удалось определить точное местонахождение утраченной Успенской церкви (Рис. 1)

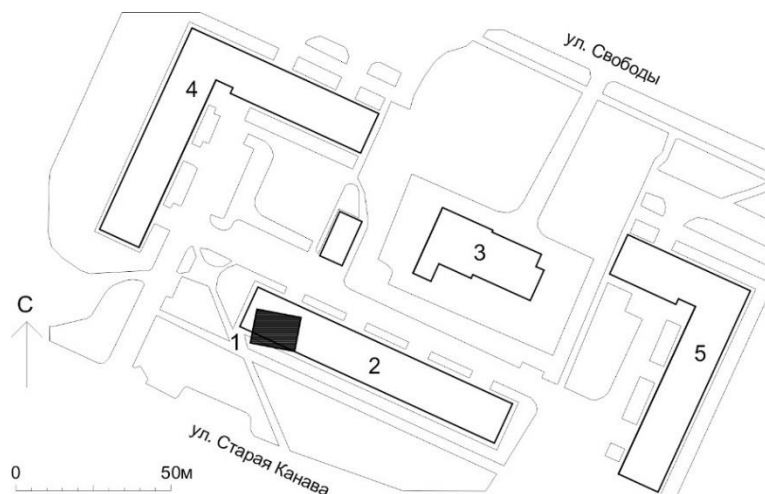

Рис. 1. Генплан: 1 – Успенская церковь (ул. Старая Канава №109); 2 – жилой дом (ул. Свободы №118); 3 – детский сад (ул. Свободы №100а); 4 – жилой дом (ул. Свободы №120); 5 – жилой дом (ул. Свободы №114)

На её месте сейчас находится девятиэтажная четвёртая секция панельного жилого дома №118 по ул. Свободы.

В настоящее время обнаружены три фотографии Успенской церкви. Все они сделаны уже после того как она перестала быть действующей. Об этом свидетельствует отсутствие у звонницы колоколов на самой ранней из них (Рис. 2).

Рис. 2. Успенская церковь. Фото 1930-1950-х гг.

Владельцем фотография датируется началом 1950-х гг., однако, по другим сведениям, определяется как довоенная [2]. Именно на основании этого изображения можно судить о первоначальном облике храма. Вторая фотография относится к концу 1950-х и сделана вероятно незадолго до надстройки здания дополнительным этажом (Рис. 3).

Рис. 3. Успенская церковь. Фото конца 1950-х гг.

Третья фотография показывает церковь уже в перестроенном виде и относится к 1970-м годам. (Рис. 4).

Рис. 4. Успенская церковь. Фото середины 1970-х гг.

К сожалению, все они не дают нам полного понимания её внешнего вида, детально показывая только южную часть храма.

Архитектурно-планировочный анализ

Успенская церковь располагалась в ряду домовладений по линии застройки северо-восточной стороны ул. Старая Канава, обращенная к улице южным фасадом. С уличной стороны была обнесена высокой кирпичной оградой, декорированной рядами небольших крестовидных проёмов. Церковь имела компактный прямоугольный в плане основной объём с симметричной относительно продольной оси композицией. В западной части со стороны главного входа капитальными стенами был отделён участок, над центральной частью которого размещалась квадратная в плане одноярусная звонница. По бокам находились лестница подъёма на ярус звона и небольшое хозяйственное помещение. Восточная стена храма значительно возвышается над кровлей и завершена небольшой главой на глухом барабане с луковичной маковицей. Обращает внимание отсутствие выраженного объёма алтарной части. Также, по свидетельству старожилов, церковь имела полуподвальные помещения с отдельным входом со стороны северного фасада.

На основании имеющихся фотографий можно определить, что стены церкви и все архитектурные детали сложены из красного кирпича. Южный фасад имеет симметричное решение в пять световых осей, центральная из них является южным боковым входом и подчёркнута небольшим треугольным аттиком. Боковые стороны выделены незначительно выступающими ризалитами, имеющими завершения в виде полукруглых аттиков. Углы ризалитов отмечены филёнчатыми лопатками, украшенными в верхней части тремя тонкими полукруглыми колонками с дыньками. Крупные оконные проёмы имеют полуциркульные завершения, обрамлённые зубчиками. Любопытно, что похожий приём оконного декора встречается также на двух сохранившихся рядом кирпичных жилых домах по ул. Старая Канава №65 и №67. На уровне пяты оконных арок проходит горизонтальный пояс поребрика. Нижняя линия окон подчёркнута крупной тягой. Прямоугольные широкие расположены в междуоконных простенках центральной части фасада и в подоконной части окон ризалитов. Подоконные части окон по бокам от южного входа также имеют по две квадратных широкие. Стену венчает развитый трёхчастный карнизный пояс из рядов поребрика, кубышчатых полуколонок и сухариков, имеющий разрывы в местах размещения аттиков. Колокольня представляет в плане четверик с одним ярусом, образованным полукруглыми арочными проёмами с опорой на кубышчатых колоннах. Проёмы обрамлены архивольтами с зубчиками. Верхняя часть стен четверика также охвачена карнизом зубчиков. Кровля выполнена в виде четырёхскатного шатра с поллицами, увенчанного главкой с маковицей луковичной формы.

Внешний вид церкви не подвергался значительным изменениям до конца 1950-х годов, когда была произведена её надстройка вторым этажом, где также разместили четыре квартиры. В результате были разобраны венчающий декоративный пояс стен, главки и колокольня, оконные проёмы уменьшены и заменены прямоугольными, сделано новое междуэтажное перекрытие с понижением высоты помещений первого этажа, устроена двухскатная кровля из белого шифера, оштукатурены фасады.

Являлась характерным образцом небольшой церкви периода эклектики с элементами кирпичного декора в русском стиле XVII в.

Заключение

Выявление на территории Сормова утраченного объекта храмового зодчества начала XX в., о существовании которого долгое время было забыто, имеет важное историческое, культурное и религиозное значение для Нижнего Новгорода. На сегодняшний день это единственный известный нам старообрядческий храм дореволюционной постройки в Заречной части города. Однако начатое исследование культового объекта пока оставляет без ответа ряд ключевых вопросов: не установлены точная дата строительства и имя архитектора; отсутствует понимание деталей планировочной и конструктивной организации храма, не обнаружена информация о внешнем виде большей его части. Вероятно, будущие

исследования позволят выявить новые документы, проясняющие подробности истории и архитектурного облика Успенской церкви на ул. Старая Канава.

Литература

1. Рудаков, С. В. Старообрядческие толки и согласия на территории Нижегородской области – URL: https://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasiya_nijgorodskoiy_oblasti
2. Кукушкина, Е. П. Шаг за шагом / Е. П. Кукушкина // Старообрядец. Информационно-историческое издание. – Нижний Новгород, 2014. – № 57. – С. 22.
3. Соколов, А. Н. Православная Церковь и старообрядчество. Изд. 2-е, доп. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 472 с.- С. 342.
4. Иереи приволжских селений // Старообрядец. Информационно-историческое издание. – Нижний Новгород, 2001. – № 20. – С. 15.
5. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Т. 3. — Нижний Новгород: Вектор-Тис [и др.], 2003. — 643, [2] с. ил., факс.. — С. 629.

АРХИТЕКТУРА ОБЛАСТНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК В БССР 1950-Х ГОДОВ, КАК «ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»

С.А. Сергачев¹, доктор архитектуры, профессор

¹Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Аннотация. Областные сельскохозяйственные выставки в БССР, проводившиеся в 1950-е гг. ежегодно во всех областях и краях СССР, содействовали пропаганде достижений колхозов, совхозов, МТС и передовиков сельского хозяйства, становились праздником среди непростых в послевоенное время будней и своеобразным «взглядом в будущее». Архитектура получила возможность развить типологию выставочных объектов, расширить набор средств создания форм и образов парково-рекреационной среды.

Введение

Постановление ЦК КПСС от 30 мая 1950 г. фактически подводило итоги восстановления сельского хозяйства в послевоенный период. Было многое сделано по обеспечению сельскохозяйственного производства тракторами, комбайнами, другими материально-техническими средствами, а также кадрами специалистов. Сформировались условия «для еще более быстрого подъема сельского хозяйства» [1, с. 614]. А следующее постановление ЦК КПСС от 19 июня 1950 г. отметило, что накопленный опыт ведения социалистического хозяйства, ценные научные открытия и достижения передовиков еще не находят массового применения. 22-й пункт этого постановления обязывал партийные органы всех уровней, облисполкомы, крайисполкомы и советы министров союзных республик и Министерство сельского хозяйства СССР ежегодно проводить районные, областные и краевые сельскохозяйственные выставки для подведения итогов работы и пропаганды достижений колхозов, совхозов, МТС и передовиков сельского хозяйства [2, с. 629].

Организационные мероприятия

Белорусской ССР в послевоенный период не только восстанавливали колхозы и совхозы. Значительные территории современных Брестской, Гродненской и частично Минской и Витебской областей были до войны в составе СССР менее двух лет. Поэтому идею преимуществ коллективного хозяйства там приходилось возрождать заново. Но к 1950-му году считалось, что восстановить сельское хозяйство в БССР практически получилось, завершилось и укрупнение сельхозартелей [3, с. 2–3].

А вот выставки с целью показа достижений районов в восстановлении и развитии сельского хозяйства в Гродненской области работу начали много раньше. Облисполком в сентябре 1945 г. предложил уже в том же году, – в октябре, провести районные, а потом и областную сельскохозяйственные выставки [4, с. 2]. В начале для проведения выставок, а они были временными, использовали свободные территории. Так, в Берестовице первая районная выставка прошла в 1948 г. на Базарной площади.

Но первые такие областные выставки провели, как и в других областях республики, в 1950 г. Следующие выставки, 1951 г., повсеместно прошли успешно. В отчете Министерства сельского хозяйства БССР отмечалось, что выставки «обогащают колхозников, рабочих совхозов и МТС новейшими техническими знаниями, в наглядной и доходчивой форме раскрывают передовые приемы получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур и поднятия продуктивности общественного животноводства» [5, л. 3]. Понималось и то, что

выставки являются своеобразным творческим отчетом работников сельского хозяйства перед трудящимися районов и областей, содействуют выполнению задач, поставленных партией и правительством, по созданию изобилия сельскохозяйственной продукции.

Вторые выставки прошли более организованно. Работали районные и областные выставочные комитеты, Министерство сельского хозяйства БССР разработало и разослало «Показатели и условия для отбора участников областных и районных сельскохозяйственных выставок». Если ранее просто отыскивали свободное пространство, и чаще всего это была рыночная площадь, то теперь почти во всех областных центрах для выставок выделили территории, которые рассматривались уже как постоянные для этой цели. Старались и методически правильно формировать выставочное пространство. Выставочных павильонов стало почти 400, увеличилось число экспонатов. А 27 августа 1956 г. постановлением Совета Министров БССР было принято решение строить на областных выставках постоянные павильоны в капитальных конструкциях – из кирпича.

Успешные результаты деятельности областных сельскохозяйственных выставок стали во многом следствием и того, что к работам по их организации стали привлекать и архитекторов.

Архитектурные решения

Продуманной стала организация территории выставки, обеспечивались комфортные условия осмотра посетителями экспозиций. Расширилась типология выставочных павильонов. На первых выставках павильоны устраивали, в основном, используя существовавшие деревянные торговые ряды на Базарных площадях. А это протяженные прилавки под скатной крышей, поддерживаемой метрическим рядом столбов. Такая протяженная структура могла делиться на части с чередованием экспозиций разных районов, или разных колхозов или совхозов, или разных направлений сельского хозяйства – растениеводство, пчеловодство и др. Это уменьшало расходы средств на создание выставки. Экспозиция и экспонаты размещали в глубине такого павильона и на прилавке. Посетители могли ознакомиться со всем этим, не обязательно заходя в такой павильон. Такая композиционная схема на столбах с обшивкой стен досками и фанерой нередко применялась и в дальнейшем, когда выставка получала свое постоянное место для размещения. Но, с другой стороны, выставочное пространство обеднялось достаточно монотонным повтором архитектурных форм и конструкций. Декорирование спасало мало.

Поэтому более востребованной стала архитектурная форма в виде протяженного павильона (Рис. 1), также с рядом опор, поддерживавших крышу, также с открытым интерьером, но рассчитанная на одну экспозицию. Все-таки, как и в любом экспозиционном пространстве, ставится задача экспонату или какой-то экспозиции выделиться, привлечь

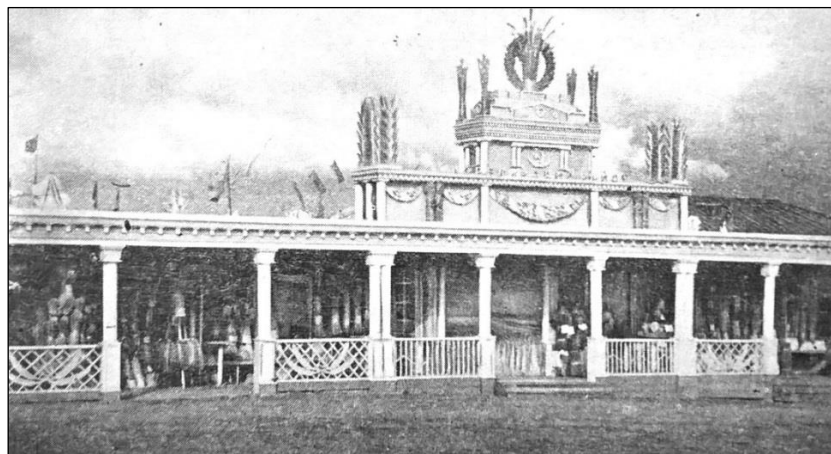

Рис. 1. Гродненская сельскохозяйственная выставка. 1954 г. Павильон Кореличского района [5]

к себе внимание и лучше запомниться посетителю. Такие павильоны могли ставить отдельно, с интервалами от других павильонов, могли блокировать задними стенами.

Новым типом, но это уже когда выставки становилась стационарной, стали павильоны с закрытым пространством. Посетители, войдя в павильон, осматривали экспозицию и передвигались последовательно вдоль стен, постепенно возвращаясь ко входу. Интерьер хорошо освещался, так как здание получало витринного типа окна вдоль главного фасада. Такое решение обеспечивало комфорт посещения, лучшую сохранность экспонатов. Ведь выставки проводились осенью, после сбора урожая. А это время в Беларуси не всегда комфортно из-за погодных условий: дожди, холода, ветер, короткий световой день.

Следовало учитывать, что в каждой области было 20 и более административных районов, и каждому требовался отдельный павильон. Но одинаковыми по форме и отделке такие павильоны быть не могли. Архитекторам приходилось варьировать и комбинировать, но опираться в этом творческом процессе на уже определенные конструктивные решения. Это требовало творческих подходов к разработке разных павильонов, но целью все же было создание гармонической целостности всей композиции выставки. Единственным элементом, который заметно выделялся своими формами, мог становиться вход на выставку, вплоть до монументальной арки – Минская областная выставка (1953 г.). Как правило, в любую структуру выставки входил Главный павильон. Нередко он и не выделялся формами, порой и размерами. Просто его экспонаты содержали общую статистическую информацию о достижениях области. В Бресте (1957 г.) Главный павильон строился из дерева, получил формы дворцовой архитектуры с аркадами на всю высоту главного фасада и повышенную центральную часть со шпилем. А в Гродно (1957 г.) Главный павильон был из кирпича, имел центрическую структуру с колоннадой в интерьере (Рис. 2). Но «борьба с излишествами» заметно упростило его внешний облик, заложенный в проектной документации.

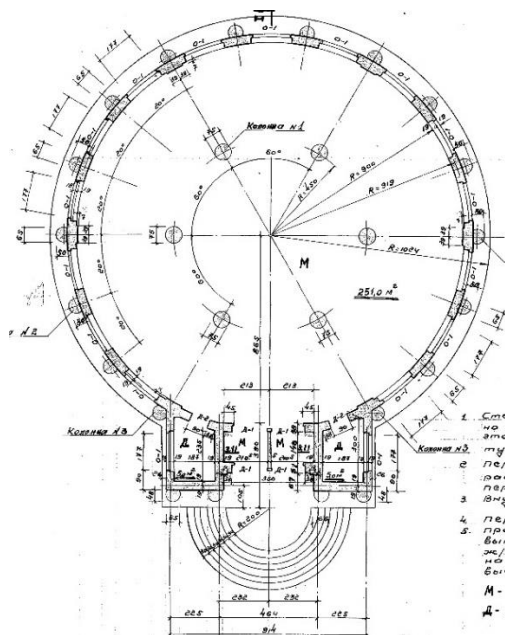

Рис. 2. Гродненская сельскохозяйственная выставка. 1954 г. План Главного павильона [6, л. 1]

Такие решения заметно выделялись в композициях, где им отводилась центральная роль. Дело в том, что основным строительным материалом для павильонов было дерево, что позволяло унифицировать строительные конструкции, используя одинаковые элементы для создания разных форм, и индустриализировать процесс строительства, предварительно изготавливая конструкции для последующей сборки элементов на месте. В Беларуси, имевшей значительный опыт традиционного строительства из дерева, это было в те годы наилучшее решение. Индивидуальность архитектурного образа обычно определяла не

слишком сложная декорация из накладных резных украшений, чаще на основе геометрической орнаментики. Открытые каркасные конструкции, выразительно демонстрирующие работу каждого элемента, контрастировали с легкими решетчатыми композициями.

В архитектуре павильонов просматривались как основы авангардных решений 1920–30-х гг., стремившихся к сборности и демонстрации конструкций, к выразительности простых форм, – а технологии строительства из дерева это обеспечивали, так и нормы классицистической архитектуры 1950-х гг. с их обязательной симметрией форм и планировок, торжественностью образа вплоть до имитации в деревянном материале элементов классических ордеров (Рис. 3). Известны и примеры использования местных региональных традиционных форм народного зодчества.

Рис. 3. Минская сельскохозяйственная выставка. 1953 г. «Советская Белорусь» Минского района [7, л. 26]

Всегда уделялось повышенное внимание архитектурно-художественному оформлению павильонов и всей территории выставок. Специально готовились художественные панно, портреты вождей партии и правительства, Героев Социалистического Труда, знамена, транспаранты, лозунги и т. д. На почетном месте в начале осмотра устанавливали особую композицию, что стало традицией по всей стране, – «Ваза изобилия» в виде архитектурно-скульптурной формы, демонстрирующей продукты растениеводства, возделываемые в области (Рис. 4).

Рис.4. Минская сельскохозяйственная выставка. 1953 г. «Ваза изобилия» и главный павильон [7, л. 11]

Постепенно выставки превратились в развитые комплексы из множества строений. В 1953 г. в Минске выставка – 67 павильонов, в Молодечно – 19, в Бобруйске – 72. В 1954 г. в Гродно – 41 павильон. В 1957 г. в Бресте – 46 павильонов. На выставке со своими экспозициями и в своих павильонах присутствовала промышленность, как местная от области, так и отдельные заводы (1-й Белорусский сахарный завод в Скиделе на Гродненской выставке 1954 г.). Отдельные павильоны имели Госплодопитомники, опытные станции, пожарная охрана, лесное хозяйство, юннаты, учебные заведения и другие предприятия и учреждения, которые содействовали развитию сельского хозяйства и были неотъемлемой его частью. Это требовало четкой планировки территории, создания открытых площадок для экспонирования сельскохозяйственной техники и объектов для обслуживания посетителей – объекты торговли, чайные, столовые, для культурных программ – сцена для выступления художественной самодеятельности, кинозал, лекторий.

Но наступали другие времена. К концу 1950-х гг. расширились такие формы распространения информации, как документальные кинофильмы, литература, радио- и телепередачи, экскурсии на передовые сельскохозяйственные предприятия, семинары и конференции. С 1954 г. масштабно заработала обновленная Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве, которая вскоре стала Выставкой достижений народного хозяйства СССР, ее экспозиции и мероприятия широкое освещали в печати. Эти новые и более эффективные формы работы, стали основой того, что областные и районные сельскохозяйственные выставки перестали проводиться.

К сожалению, авторство архитекторов многих таких работ установить сложно, а то и невозможно. Так как изначально многие объекты рассматривались как временные, то и документацию на них не сохраняли. По этой же причине нередко такие работы выполнялись не через проектные институты, а по прямым договорам с проектировщиками. А авторы потом в перечне выполненных проектов и построенных объектов их тоже не указывали.

Заключение

Оценивая сельскохозяйственные выставки, можно признать их своевременной мерой, оказавшей содействие развитию сельского хозяйства через своеобразное подведение итогов трудового года. Для тружеников села они стали праздником среди непростых в послевоенное время будней и своеобразным «взглядом в будущее». Для архитекторов и строителей это была возможность создать архитектурную форму и образ, способный формировать торжественно-праздничную и познавательную атмосферу, через эффектное декорирование, свойственное объектам парково-рекреационной архитектуры, через использование местных материалов и легких сборных конструкций. Важно, что было уже не восстановление разрушенного, а созидание нового.

Литература

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. – М.: Политиздат, 1968. – С. 614–616.
2. Там же. – С. 616–630.
3. Патоличев, Н. Некоторые вопросы колхозного строительства в Белорусской ССР / Н. Патоличев // Правда. – 1950. – 14 нояб. – С. 2–3.
4. Новиков, Н. Готовиться к районным сельскохозяйственным выставкам / Н. Новиков // Гродненская правда. – 1945. – 22 сент. – С. 2.
5. Давыдовский, И. Г. Гродненская областная сельскохозяйственная выставка 1954 года / И. Г. Давыдовский, Г. П. Кондратов, Е. Г. Цветкова. – Минск : Гос. изд-во БССР. Ред. с.-х. лит., 1955. – 59 с.
6. Белорусский государственный архив научно-технической документации. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 408.
7. Государственный архив Минской области. – Ф. 195. Оп. 2. Д. 376.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ И ОБРАЗНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА ФУРМАНОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Снитко¹, доктор архитектуры, профессор кафедры Архитектуры и урбанистики

¹*Ивановский государственный политехнический университет, Иваново*

Аннотация. Город Фурманов (до 1941 г. – Серeda) – типичный исторический промышленный город Центральной России. Он был сформирован сразу после Великой Октябрьской социалистической революции на базе старинного села Серeda-Упино и близлежащих промышленно-селитебных образований. В статье проанализирован процесс формирования его архитектурной среды во времени. Сформулирована специфика архитектурного образа его отдельных частей. Показано, что определённая «мозаичность» архитектурного образа города наглядно отражает разные вехи его развития и способна открыть разные аспекты его привлекательности, в том числе и как туристического центра.

Введение

В Центральной России наряду с такими «классическими» историческими городами как Суздаль, Плес, Ростов Великий, Юрьевец, Переславль-Залесский и т.п. существует немало исторических промышленных городов (Тейково, Лакинск, Раменское, Гусь-Хрустальный, Вичуга, Родники, Южа и др.), архитектурная среда которых по сравнению с первыми заметно отличается [1]. Причиной её специфики во многом является особенность их градообразующей базы и, как следствие, особенности градостроительных принципов их формирования. Вместе с тем эту специфику формируют разнообразие планировочной организации их архитектурных комплексов, объёмные, композиционные и стилистические решения зданий, и, как итог, пространственно-художественные характеристики городских улиц, площадей и кварталов.

Традиционно историками архитектуры изучались базовые характеристики традиционных малых исторических городов с их пространствами, формировавшимися преимущественно в дореформенный период [2, 3]. Анализ архитектурной среды малых промышленных городов пока находится в начальной стадии развития. Он должен дать понимание дальнейшего пути совершенствования их городской среды – как в части архитектурных решений зданий, так и в части благоустройства общественных пространств – с целью формирования разнообразия и исторического своеобразия культурного ландшафта регионов и территорий нашей страны.

Методы исследования

Изучение историко-архитектурной среды любого населённого пункта немыслимо без анализа его градостроительного развития. Город Фурманов получил, с одной стороны, не характерное для традиционных исторических городов формирование как функциональной, так и планировочной организации. Но с другой стороны, такие типы функционально-планировочных структур часто встречаются именно в малых промышленных городах региона. И здесь графоаналитический метод анализа градостроительного развития Фурманова наглядно демонстрирует специфичную особенность этой эволюции.

Но не менее важной является анализ морфотипов застройки его архитектурных комплексов методами как графоаналитического анализа, так и иконографии, что позволяет выявить специфику пространственного построения городских пространств.

Но полноценное понимание сущности архитектурно-художественной организации городских пространств опирается, несомненно, на методы натурного обследования и сравнительного стилистического анализа.

Эволюция функционального и градостроительного развития города в XVII – первой половине XX вв.

Первое упоминание о селе Середя-Упино, наиболее старинной части нынешнего города Фурманова, относится к XVII веку. В 1628-31 гг. Середя-Упино принадлежало князю Д.М. Черкасскому. В нём располагалась деревянная церковь Покрова Богородицы с приделом Николая Чудотворца (на её месте в XVIII веке начинается строительство каменного храма Вознесения, в XIX веке он расширяется, а в начале XX века к нему также выполняется ряд пристроек). Фактически долгое время, несмотря на то, что оно было достаточно крупным поселением с большими постоянными дворами, оно представляло собой одну широкую улицу, влево и вправо от храма. Ныне это прямая улица Большая Фурмановская (бывшая Вознесенская), начинающаяся при въезде в город с трассы Иваново-Кострома, ведущая в нынешний центр города и проходящая до линии железной дороги.

Ещё в первой половине XIX века на прилежащих к селе территориях начинаются новые градостроительные процессы. В 1826 году в деревне Киселёво, на берегу реки Шача, протекающей северо-западной села Середя-Упино на расстоянии 1,25 км от него крестьянин О.А. Горбунов основывает раздаточную контору, а затем клеильно-сновальное производство для обработки пряжи. В 1869 г. его внуки построили механическую на берегу Шачи ткацкую фабрику на 112 станков, присосную в 1890-х гг. бумагопрядильней и чугунолитейным производством.

В 1820-х гг. в самом селе крестьянин И.Н. Скворцов открывает ткацкую светёлку. Но уже его сын в 1871 г. переносит производство в соседнюю, стоящую также на реке Шаче деревню Фроловка и строит там механическую ткацкую фабрику на 450 станков, а зять (и преемник) последнего, учредив в 1897 г. «Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым», возводит в 1907-08 гг. четырехэтажный прядильный корпус, значительно расширив производство [4].

Таким образом в третьей четверти XIX века к северо-западу от старинного села Середя-Упино возникает система населенных пунктов с предприятиями индустриального типа. Вокруг этих предприятий естественным образом как широко распространившееся явление возникали свои жилые кварталы рабочих, усадьбы владельцев фабрик.

Фабрика Горбуновых расположилась на левом (западном) берегу р. Шачи. На правом (восточном) берегу напротив фабрики стояла деревня Киселёво, западнее её впоследствии вырос посёлок Обухово. Так же на правом берегу, но несколько южнее, на обрыве глубокого оврага, разместились усадьбы разных поколений и членов семьи Горбуновых (нынешняя улица Советская, ранее – Миллионная).

Выше фабрики Горбуновых по течению Шачи, но уже на её правом берегу, расположилась фабрика Скворцовых. Вокруг неё как за рекой, так и в сторону старинного села возникают постройки социальной инфраструктуры предприятия, формируя будущую улицу Социалистическую (которая в то время именовалась просто Большой дорогой), которая вела в Середя-Упино.

Массив посёлков предприятий с их промплощадками был фактически единым и отстоял от старинного села на расстоянии около 1 километра.

В 1892 г. к западу от села, огибая фабричные посёлки была проложена железнодорожная линия Ермолино – Нерехта, дополнительно планировочно разделившая старую Середу и новые промышленно-селитебные образования. Петля железной дороги, поворачивающей в северной части на запад, охватывала их застройку фактически с трех сторон и являлась в то время преградой для ее развития к северу.

За линией железной дороги тем не менее, со временем возникла небольшая фабрика Наседкиных, а затем поселки Лопатино и Девкина Гора.

Постепенно эта сложившаяся фабрично-заводская групповая система населенных мест принимает черты городского поселения и становится подлинным функциональным центром всей системы населённых мест. Однако это мощное промышленно-селитебное образование не было объединено общей планировочной системой. Улицы-дороги, связавшие между собой бывшие отдельные села и деревни прокладывались в зависимости от ландшафта, их направления определялись речкой Шача и многочисленными оврагами.

В 1918 году Серёда получает статус города с включением в его состав всех населенных пунктов, тесно связанных территориально и функционально с промышленными предприятиями. В 1920-х гг. регулярное жилищное строительство ведётся к северу от старинного села, к востоку от железной дороги, где возводится малоэтажный рабочий посёлок «Путь к социализму», в центре города по Социалистической улице, а затем в виде кварталов т. наз. «частного сектора» на окраинах. В 1970-е гг. основное промышленное и жилое строительство многоквартирными домами по системе микрорайонов ведётся уже в северо-восточной части города (рис. 1).

Рис. 1. Развитие функционально-планировочной структуры г. Фурманов.

Слева – схема на 1900 год, справа – схема на 2000 г.

В схеме 1900 г. справа от линии железной дороги, петлеобразно пересекающей пятно застройки, располагаются кварталы старинного села Серёда-Упино.

Синим цветом обозначены текстильные предприятия, красным – машиностроительные, желтым – хлебозавод.

Морфология застройки исторических районов города.

Старинное село застраивалось по типу торговых сёл региона. Их планировочным каркасом являлось достаточно широкое линейное пространство главной (и зачастую единственной) улицы со стоящим в центре храмом. В данном случае ширина улицы составила 60 метров с уширением у храма до 75 метров. Её застройка по периметру исторически представляет собой набор одно- и двухэтажных небольших по объёму усадебных жилых домов, построенных в основном из дерева, с вкраплениями кирпичных или кирпично-деревянных, с деревянными заборами между ними. Каждому дому, по традиции, принадлежит свой земельный участок. Высотной доминантой этой малоэтажной застройки является вертикально ориентированный объём церкви, увенчанный пятиглавием, с шатровой колокольней.

Застройка промышленно-селитебных образований строилась на иной морфологической основе. Промышленные площадки фабрик и кварталы рабочих казарм здесь в конце XIX века застраиваются крупными 2-4-этажными зданиями из красного кирпича со свободным и групповым расположением как производственных, так и жилых корпусов. Учитывая гораздо большую высоту их этажей, ширину, длину (до 80 метров у жилых и 150 метров у производственных), пространства между ними получали более крупный масштаб, соответствующий уже не сельским, а городским поселениям.

Поселение на рубеже XIX-XX вв. отличалось сложностью панорамы и силуэта: среди одноэтажной деревянной жилой застройки возвышались трех- и четырехэтажные краснокирпичные фабрики с вертикалями технологических башен и купола многочисленных храмов. Сегодня некоторые из них, к сожалению, утрачены.

В первое десятилетие Советской власти в городе продолжилось централизованное строительство малоэтажных рабочих посёлков. Но теперь в их концептуальной основе лежала идея города-сада, трансформировавшаяся в идею посёлка-сада с обширными открытыми озеленёнными пространствами жилых кварталов. Чуть позднее (в конце 1920-х гг.) появляются кварталы по принципу соцгородков. В 1930-х гг. практически формируется главная улица города – Социалистическая – шириной 60 метров с регулярным широким бульваром и периметральной застройкой 3-4 этажными домами.

Архитектурно-стилистические решения основных зданий исторических районов города.

Специфика функционального назначения и исторического развития разных городских районов отчасти породило и несколько различные стилистические и художественные приёмы их застройки [5].

Если на территории бывшего села рядовая застройка выполнена в традициях деревянного зодчества эпохи эклектики и модерна (с домами в 3, 4 окна, с деревянными наличниками, со скатными крышами, отчетливо читаемыми в объемной структуре зданий), то в исторических промышленных образованиях довлеющими архитектурными приёмами были многоэлементные метрические ряды крупных окон с минимальным декорированием фасадных плоскостей зданий, а преобладающей фактурой их поверхностей – лицевой красный кирпич (рис. 2). Так эти пространства благодаря своим особым не только стилистическим, но и морфологическим характеристикам сформировали совершенно разные художественные образы.

Рис. 2. Комплекс рабочих казарм фабрики Горбуновых (слева) и застройка древнего села (справа).

Вместе с тем иной характер застройки получила улица Миллионная, по красной линии которой выстроились родовые усадьбы фабрикантов. Начиная с классического дома с мезонином середины XIX века (ныне снесённого) и заканчивая шикарными эклектичными двухэтажными особняками в дереве и кирпиче, с обильной резьбой или богатой лепниной, храмами, фабрикантскими парками с прудами, качественными малыми архитектурными формами – своеобразный шик, присущий богатым уездным и губернским городам.

Декор жилых комплексов 1920-х гг. более сдержан. Но будь то малоэтажный поселок-сад «Путь к социализму» или конструктивистический квартал многоквартирных домов – их художественный образ (формируемый как фасадами, так и планировкой) отчетливо определён лежащими в его основе принципами чёткости, ясности, регулярности (рис. 3).

Рис. 3. Особняк Горбуновых на Миллионной улице (слева) и посёлок «Путь к социализму» (справа)

Заключение

Историческая архитектурная среда города Фурманов складывалась в течение не столь продолжительного периода. Её пространственно-планировочной основой стала стихийно сложившаяся нерегулярная система улиц, площадей, набережных, расчленённая рекой, оврагами, линиями железных дорог, явно выраженным рельефом. Старая часть города со временем оказалась фактически на его современной окраине, а функцию центрального района восприняли некогда межселенные территории. В этой, ныне центральной, части Фурманов сохранил историческую планировку с промышленными комплексами на берегах реки Шачи.

В какой-то степени Фурманову «повезло». В пределах его исторической застройки сформировалось несколько обособленных, но близко расположенных подтипов исторической архитектурной среды, создающей разнообразные художественные образы. Во-первых, это среда верхневолжского села с широкой улицей, храмовой доминантой, адаптивным озеленением и благоустройством. Во-вторых, это ярко урбанизированная среда первого периода индустриальной эпохи с краснокирпичными громадами фабричных комплексов, рабочих казарм, школ и больниц. В-третьих, это среда капиталистических улиц с богатыми усадьбами, особняками и парками фабрикантов. В-четвёртых, это среда озеленённых посёлков-садов. В-пятых – среда жилых кварталов первых пятилеток.

Все эти художественно различные пространства в Фурманове находятся в пешеходной доступности, они постоянно входят в жизнь каждого активного жителя города, содержат интересный и своеобразный историко-культурный багаж в виде музеев, рекреационных объектов, памятников архитектуры. Поддержание за счёт благоустройства и «точечного» архитектурного «протезирования» их историко-художественной индивидуальности позволит создать комфортную городскую среду, которая сможет привлечь в Фурманов не только туристов, но и постоянных жителей.

Литература

1. Кириченко, Е.И. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга вторая / под общ. ред. Е. И. Кириченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 560 с.
2. Пруцын, О. И. Архитектурно-историческая среда / О. И. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Борусевич; под ред. О. И. Пруцына; пер. с пол. гл. 6–15 М. В. Предтеченского. – Совмест. изд. СССР–ПНР. – М.: Стройиздат, 1990. – 408 с.
3. Лисицына, А.В. Малые и средние города Нижегородского Поволжья: в поисках утраченной гармонии. Часть 1. / А.В. Лисицына // Градостроительство и архитектура. – 2023. – № 4. – С. 106-114.
4. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область: в 3 ч. Ч. 3. – М.: Наука, 2000. – 811 с.
5. Тетерин, А.В. Эволюция архитектурной среды Фурманова в зависимости от развития производства стройматериалов / В.А. Тетерин, М.В. Акулова // Качество жизни: архитектура, строительство, транспорт, образование: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Иваново: ИВГПУ, 2025. С. 135-139.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВЕЙШЕЙ АРХИТЕКТУРЕ СТИЛЯ ХАЙ-ТЕК

О.В. Теребикина¹

¹ МКУ «Городской центр градостроительства и архитектуры», Нижний Новгород

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные аспекты и направления художественной интеграции в новейшей архитектуре стиля хай-тек. Предпосылки, возникновения интеграции, приемы и актуальные тенденции художественной интеграции в архитектуре хай-тек рассмотрены на примере проектов известных архитекторов. С позиции сегодняшнего времени в полной мере можно рассмотреть значения стиля хай-тек, его взаимодействие с другими стилями, а также проследить дальнейшее развитие новейшей мировой архитектуры. Цель исследования – рассмотреть основные художественные аспекты и их проявление в архитектуре хай-тека, проанализировав наиболее яркие произведения в стиле хай-тек в мировой практике, принадлежащие творчеству лидеров стиля.

Введение

Роль и значение стиля хай-тек в мировой архитектурной практике связаны с развитием науки, техники и технологий, которые позволяют изменить привычные, традиционные представления об открывающихся возможностях в архитектуре.

Художественная интеграция позволяет объединить в архитектуре функциональные технологии в эстетические элементы. [1] Главным условием интеграции в архитектуре выступает художественное начало, которое позволяет определить совокупность архитектурно-художественного начала и нового качества архитектурного образа зданий. Именно проявление искусства в архитектуре создает целостное восприятие, обладающие особой выразительностью.

Основы эстетики хай-тека были заложены рационализмом в конце XIX в. в борьбе против понимания архитектуры, как украшения фасадов, тогда были применены современные методы технического конструирования зданий и принципы стандартизации в строительстве. Промышленная революция послужила началом индустриализации архитектуры, соединив в себе эстетические и утилитарные функции.

С конца 1970-х годов, пройдя процесс формирования стиль хай-тек приобрел самостоятельное стилистическое течение в рамках рациональной, новационной линии развития архитектуры, противостоящей традиционной, историзирующей направленности (употреблять термин «хай-тек» стали не раньше 1978 года). В условиях полистилизма, массово протестующего против модернизма (неофункционализма), попадая под влияние параллельно существующего постмодернизма, на раннем этапе своего развития архитектура в стиле хай-тек представляется, как некая абстрактная скульптура на тему «современного движения».

Краткий аналитический обзор архитектурных произведений в стиле хай-тек на разных этапах его развития

Так, на примере Центра искусств Жоржа Помпиду в Париже по проекту архитекторов Р.Пиано и Р.Роджерса в 1976г. (Рис.1) ярко проявляется интеграция конструкций и инженерных коммуникации в роли декорации фасадов и интерьеров зданий, как атрибуты технического века, представив «механоморфную» архитектуру хай-тека, для которой характерна индустриальная направленность, «машинность» и метафоричность. [2]

Рис. 1. Центр искусств Жоржа Помпиду. Париж, Франция, арх. Р. Пиано и Р. Роджерс (1976г.)

Дальнейшее развитие стиля происходит под радикальным обновлением внешнего облика зданий и эстетическое освоение новых форм и конструкций. Хай-тек преобразуется в гармоничное формообразование объектов, создаваемых с использованием современных технологий, формируется т.н. «геометрический» хай-тек, который характеризуется новаторскими сложными пространственными металлическими конструкциями, каркасами, комбинаторикой простых форм, прямых линий и отсутствием декора, его утопическая тональность теряется, внешний объём зданий усложняется техническими и технологическими новациями. [3]

В Институте Арабского мира в Париже 1987г. по проекту Ж. Нувеля наблюдается проявление метафоры в архитектуре. (Рис.2.) Пластины фасада здания повторяют арабский орнамент «мушарабье», который создавал геометрический эффект, напоминая дворцы Альгамбры.

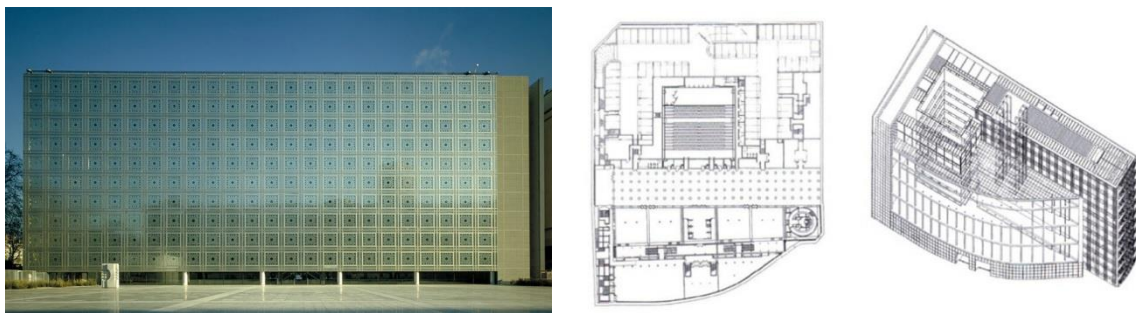

Рис. 2. Институт Арабского мира. Париж, Франция, арх. Ж.Нувель (1987г.)

Возникновение новых художественных концепций и различных формально-технических способов их создания приводит к возникновению различных направлений, течений и стилей в архитектуре и искусстве в целом. В современной стадии развития стиля хай-тек происходит интеграция других параллельно существующих стилей с целью достижения большей эстетической выразительности архитектуры зданий, создавая целый веер направлений хай-тека [4]:

- органи-тек – соединение с органической архитектурой. Примером служит Центр художника Пауля Клее в Берне (Швейцария, 1999-2005 гг.) архитектора Р. Пиано представляет собой музейный комплекс виде «холмов» из стали и стекла. (Рис3.);
- био-тек – симбиоз новейших технологий и природных органических, зооморфных и биоморфных форм и структур. Одним из ярких примеров небоскреб «Мэри Экс» в Лондоне (1997-2004гг) архитектора Н.Фостера, необычной обтекаемой форме, созданной с помощью сетчатой металлической конструкции и энергии солнечных батарей. (Рис.4.);
- блоб-тек – соединение хай-тека с блоб-архитектурой (амебообразной, каплеобразной) Здание музея современного искусства - Кунстхаус архитекторов П.Кук, К. Фурнье (2001-2003гг.) в виде биоморфной округлой формы из железобетонной оболочкой, которая облицована голубоватыми пластиковыми панелями. (Рис.5.);

- техно-экспрессионизм (т.н. романтический хай-тек) – взаимодействие стиля хай-тек с экспрессионизмом. Так, проект С.Калатравы совместно с Феликсом Канделой - Город искусств и науки в Валенсии (1991-2004г., Испания) представляет собой синтез футуристических и органических форм. (рис.6.);
- слик-тек – для которого характерен блеск зеркальных фасадов. Концертный зал «Sage Gateshead». Гейтсхед, Великобритания, арх. Н.Фостер (1997 -2004гг.) из гнутого зеркального стекла и нержавеющей стали. (Рис.7.);
- эко-тек – (характеризуется ярко выраженной экологической направленностью сочетание стиля хай-тек и принципов экологической архитектуры) Проект «Эдем» в графстве Корнуолл (Великобритания, 1996-2001г.) Эдем состоит из группы геодезических куполов, каркас которых сформирован из стальных шестиугольных рам (из тонких стальных трубок), на которые натянут прозрачный фторполимерный материал. (Рис.8.)

Рис. 3. Центр художника Пауля Клее. Берн, Швейцария, арх. Р.Пиано (1999-2005гг.)

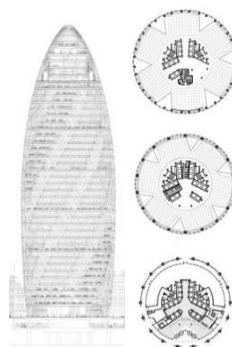

Рис. 4. небоскреб «Мэри Экс». Лондон, Великобритания, арх. Н.Фостер (1997-2004гг.)

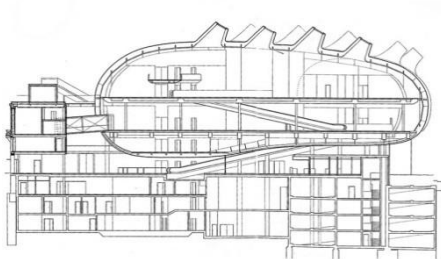

Рис. 5. Здание музея современного искусства - Кунстхаус. Грац, Австрия. арх. П.Кук, К. Фурнье (2001-2003гг.)

Рис. 6. Город искусства и науки. Валенсия, Испания, арх. С. Калатрава, Ф. Кандела (1991-2004гг.)

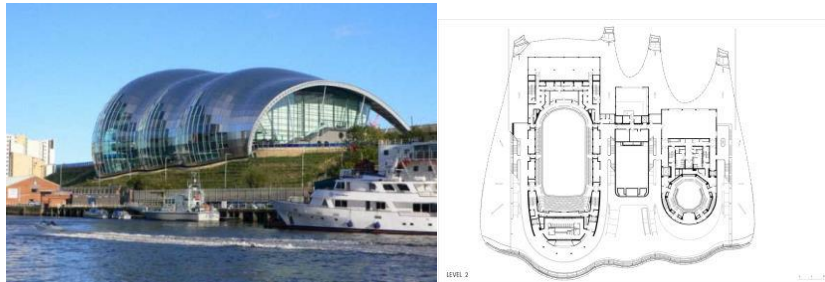

Рис. 7. Концертный зал «Sage Gateshead». Гейтсхед, Великобритания, арх. Н.Фостер (1997 -2004гг.)

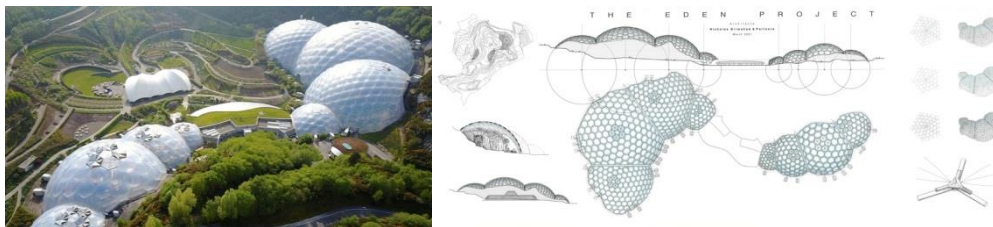

Рис. 8. Проект «Эдем». Графство Корнуолл, Великобритания, арх. Н. Гримшоу, (1996-2001гг.)

Заключение

Роль и значение художественной интеграции в стиле хай-тек в мировой архитектурной практике связано с внедрением науки, техники и технологий, которые позволяют изменить привычные, традиционные представления об открывающихся возможностях в архитектуре. Архитектура стала основой для совокупности различных видов искусств, которая позволяет найти свое проявление в авторском творчестве архитекторов. [5] Индивидуальный внешний облик зданий в различных новейших модификациях стиля хай-тек, определяется сложными математическими расчетами и компьютерным геометрическим моделированием. Он лежит в основе нелинейных динамических систем, он определяет скульптурные оболочки, перекрывающие значительные пролеты, формируя сложные криволинейные архитектурные формы и пространства.

Художественная интеграция выступает в качестве связующего звена на символическом уровне между разными видами искусств, инженерией и архитектурой.

Под влиянием различных факторов (технический прогресс, экологические, экономические и политические факторы) развития архитектуры формируются новые виды художественной интеграции, которая в свою очередь определяет вектор развития современной архитектуры. На примере стиля хай-тек отчетливо прослеживается, как новейшая архитектура становится зеркалом естественного мира, проводником между природой, искусством и технологическим прогрессом, тем самым создавая новое направление в развитии современной архитектуры.

Литература

1. Дущев, М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре : специальность 05.23.20 : диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры / Дущев Михаил Викторович ; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2014. – 97с.
2. Возвышаева, Т. И. Хай-тек – рождение стиля / Т. И. Возвышаева // Современная архитектура мира. – 2019. – № 2 (13). – URL: <http://www.niitiag.ru/file/2174>. – Текст : электронный..
3. Есаулов, Г. В. Влияние современных технологий на архитектурный образ зданий / Г. В. Есаулов // Энергосбережение : специализированный журнал. – Москва : Авок-Прес, 2021. – № 6. – С. 1–17.
4. Теребикина О.В. Формирование и развитие стиля хай-тек в мировой архитектуре //Сб.материалов научно-техн. конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов «Молодая наука-2024».- г.Ярославль: Академия МУБиНТ, 2024г.№4 С.118-123.
5. Хиценко, Е. В. Особенности формообразования в кинетической архитектуре / Е. В. Хиценко, В. И. Рыбалкина // Творчество и современность. – 2020. – № 1(12). – С. 119-130.

КРИЗИС ПОВЕСТВОВАНИЯ И АРХИТЕКТУРА: ПОИСК УСТОЙЧИВЫХ НАРРАТИВОВ В ПРОЕКТАХ НОМИНАНТОВ ПРЕМИИ МИСА ВАН ДЕР РОЭ 2026

Д.В. Федосеева¹, кандидат архитектуры

¹ *Самарский государственный технический университет, Самара*

Аннотация. Доклад посвящен понятию «кризис повествования» и исследованию нарративов в проектах шорт-листа премии Миса ван дер Роэ 2026. В условиях новой информационной реальности меняется не только восприятие архитектуры, но и отношение к большим нарративам, которое философ Бен-Чхоль Хан, описывает как кризис повествования. Рассматриваются характерные примеры проектов из шорт-листа премии и делаются выводы о встроенных нарративах, в том числе составляющих современную парадигму устойчивости: обретение утраченного, поиск, возрождение, первопроходец, сообщество. Делается предположение о том, что новейшая архитектурная практика по отношению к повествованию приобретает форму перформативной архитектуры.

Введение

Глобальное изменение зрительности, связанное с повсеместным распространением смартфонов и влиянием социальных сетей, несомненно откладывает отпечаток и на архитектурное творчество в XXI в. Во многих городах мира наблюдается рост числа знаковых, зрелищных вау-объектов, призванных вызвать яркую и быструю реакцию, стимулировать потребление, привлечь туристов, инфлюенсеров и креаторов. Такие показатели как креативность, разнообразие, аттрактивность составляют неотъемлемую часть экономики многих современных городов и достопримечательных мест, что может не только формировать привлекательную среду, но и чрезмерно раскручивать механизм джентрификации, негативно влияя как на местные сообщества, так и на общую жизнестойкость территории. Можно предположить, что развитие технологий и способов потребления будет и дальше отражаться на визуальных и пространственных искусствах, сказываться на создании архитектурной формы в XXI в. Исследование данной проблематики будет актуальным в условиях меняющейся культуры метамодерна.

В докладе предлагается рассмотреть понятие «кризис повествования» по Бен-Чхоль Хану (немецкий философ корейского происхождения), которое позволяет предположить какие общие процессы влияют на формирование выразительности в новейшей архитектуре. В противовес растущей контингентности вау-архитектуры предлагается также исследовать варианты нарративов в архитектуре на примере объектов шорт-листа премии Миса ван дер Роэ 2026 г. Эти вопросы являются также значимыми для многих российских городов, где сегодня активно развивается креативная экономика и возникает много новых объектов притяжения с яркой архитектурой [1].

Предпосылки

Уровень проникновения Интернета, развития цифровых сервисов и услуг растет по всему миру. Самым распространенным цифровым устройством является смартфон: в России в 2024 г. хотя бы один смартфон в семье имели 87% опрошенных [2]. Новый массовый способ потребления информации – преимущественно через ленту социальных сетей, влияет не только на повседневное поведение людей, но и на культурные практики – восприятие и осмысление искусства. Здания в этих условиях также обретают вторую цифровую сущность: модели-двойники, сетевая инфраструктура, данные, фотографии в Интернете, отзывы. Формируются новые паттерны взаимодействия с архитектурой. Презентационная

способность архитектурного объекта производить впечатление становится частью «пользы» архитектуры. При этом эмоция может не быть связана со структурой и программой здания.

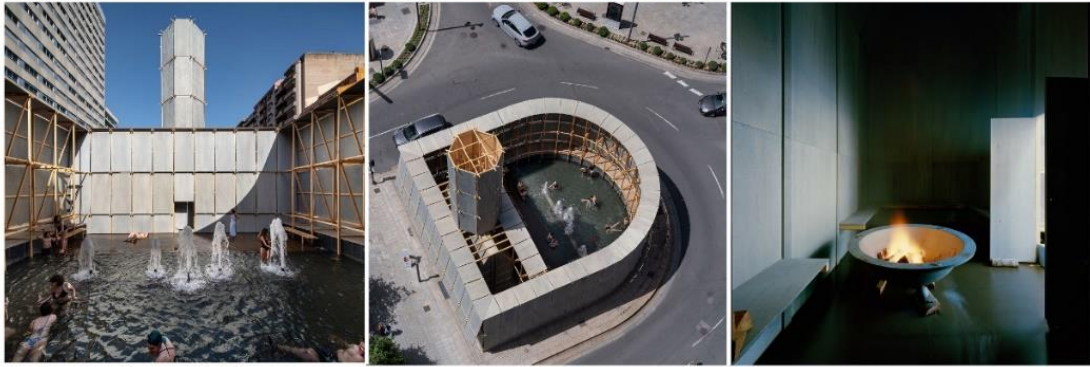
Ситуация с развитием Интернета в 2026 г., характеризуется наличием большого количества ИИ-произведений, дезинформации, эмоционально окрашенного контента, алгоритмов, парасоциальных отношений и других факторов, что формирует множество феноменов современности, среди которых распад общего культурного поля, утрата эмпатии, рост контингентности, разрыв темпоральности, кризис повествования и другие. Хан, описывая кризис повествования в современной культуре позднего модерна, говорит о преобладании информации над повествованием [3]. По его заключению, информация существует лишь в тот момент, когда с ней знакомятся. Критически сокращая дистанцию и делая все достижимым, информация не предполагает рассказывания историй, нарративов. При высоком уровне современной информированности, по мнению Хана, теряются многие важные составляющие социальной жизни: устойчивость бытия, смысловые ориентиры, ощущение времени, эмпатия и глубокое внимание. В результате, «в море информации и данных мы ищем, где бы встать на якорь нарратива» [3, с. 25].

Французский философ Ж.Ф. Лиотар еще в 1979 г. описал крах «Великого Нарратива», определяя таким образом постмодернизм [4]. Нарративную теорию изучали и разрабатывали такие философы как Ю.М. Лотман, Р. Барт, Х.Г. Гадамер, П. Рикер, У. Фишер. Нарративная парадигма Фишера сегодня ложится в основу исследований в области архитектуры [5]. Фишеру приписывается термин «*homo narrans*» («человек рассказывающий»), определяющий людей как существ, чьим фундаментальным свойством является повествование. В то же время, Хан описывает захват поля традиционных историй (территории нарративов) сторителлингом (от англ. «*storytelling*» – рассказывание историй, применяемое сегодня, главным образом, в маркетинге), который понимает, как сториселлинг (от англ. «*storyselling*», где «*sell*» – продавать), то есть инструмент бизнеса, предполагающий продажу товаров и услуг через рассказывание историй [3]. Кризис повествования по Хан, таким образом, связан с культурой потребления и формируемыми ей способами взаимодействия людей.

Проекты номинантов премии Миса ван дер Роэ 2026

В шорт-листе премии Миса ван дер Роэ 2026 г., который был опубликован в начале 2026 г., 40 архитектурных проектов, выполненных в европейских странах. Премия является платформой для исследования, разработки и внедрения устойчивых архитектурных практик [7]. Рассмотрим проекты и заложенное в них повествование – они «рассказывают» истории об обретении утраченного, поиске, возрождении, первопроходце и сообществе.

Обретение утраченного: в проекте павильона «Бани на окружности» для площади в Логроньо, Испания (Leopold Banchini Architects, 2025 г.), архитекторы создали временную купальню, которая превращает заброшенный фонтан на кольцевой развязке в общественное пространство (рис. 1). Проект бросает вызов традиционному городскому планированию, ориентированному на автомобили, создавая место для заботы о теле, банных ритуалов и сопричастности в самом центре города. Проект-перформанс призван привлечь внимание к проблемам нехватки доступной оздоровительной инфраструктуры и размывания общественного пространства путем предложения временного, но символического вмешательства. Купальня приглашает людей в центр города, смещая акцент с автомобилей на горожан и с движения – на присутствие. Конструкция спроектирована с учетом легкого будущего демонтажа с использованием местной древесины и вторичных материалов. Такие проекты демонстрируют, в терминах Хана, «терапевтическую» силу историй: здесь разобщение, отсутствие эмпатии и близости, характерное для кризиса нарративов, попадают под «целительную силу повествования», которая своей инклюзивностью и тактильностью выступает как лекарство и дает подлинный смысл [3, с. 125].

Павильон «Бани на окружности» для площади в Логроньо, Испания, Leopold Banchini Architects, 2025 г.

Рис. 1. Обретение утраченного. Источники: <https://clck.ru/3RkQez>; <https://clck.ru/3RkQhP>; <https://clck.ru/3RkQjH>

Поиск: в проекте реконструкции бывшего промышленного цеха под временный корпус Национального театра Словении (на время реставрации основного здания) в Любляне (Vidic Grohar Arhitekti, 2024 г.) проведена серия малобюджетных вмешательств, которые превратили заброшенное промышленное здание в обновленное общественное пространство (рис. 2). Проект включает в себя центральный зал Большой сцены (361 место), прилегающее фойе, общественный бар с кассой и террасой во внутреннем дворе, зал Малой сцены (100 мест) с фойе, служебные и технические помещения, два репетиционных зала, павильон с баром, выходящий во внутренний двор. Хан, цитируя В. Беньямина, отмечает, что недосказанность является важной частью повествования, противоположной голой фактичности информации: «Уже наполовину владеет искусством повествования тот, кто способен рассказать историю, удерживаясь от пояснений» [8]. Временные и трансформируемые решения, которым свойственна недосказанность и незавершенность, материализуют процесс поиска, своего рода нарратив «путешествия» к желаемому результату – перезапуску бывшей промышленной территории.

Временные помещения Национального театра Словении в Любляне, Vidic Grohar Arhitekti, 2024 г.

Рис. 2. Поиск. Источники: <https://clck.ru/3RkQns>; <https://clck.ru/3RkQrB>; <https://clck.ru/3RkQs2>

Возрождение: проект реставрации бывшей церкви Сан-Барбацциано в Болонье (Studio Roggioli, 2025 г.) раскрывает нарратив возрождения. Церковь 1608 г. постройки, спроектированная П. Фиорини, за столетия претерпела множество преобразований: сеновал, военный склад, автомастерская, парковка. Проект культурного центра, выполненный по заказу государства, сохранил руинированный облик, сочетая консервационную реставрацию с современными включениями (рис. 3). По Хану: сегодня цунами информации ведет к окончательному «расколдовыванию мира», где следы, истории, «вести издалека» все сложнее формируют повествование [3, с. 31]. Такие проекты позволяют увидеть глубокое повествование за мимолетными сообщениями современности.

Проект реконструкции железнодорожного депо XIX в. в Арле (ASSEMBLE, Atelier Luma, BC architects & studies, 2025 г.) включает дизайн-лабораторию и исследовательскую лабораторию для программы «Atelier Luma» (рис. 3). Функции включают в себя: мастерские по работе с деревом, металлом, керамикой и текстилем; конференц-залы; офисы и производственные помещения; библиотеку; ресурсный центр; а также лаборатории по изучению водорослей и мицелия. Сердцем здания является «Агора» – центральное пространство, используемое для выставок и общественных мероприятий. Акцент сделан на переработанные местные материалы и технологии. Авторы формулируют «биорегиональный подход»: регион в радиусе 70 км становится базой всех решений. Здесь применяется более 20 локальных материалов: подсолнечник, соль, водоросли, утрамбованный грунт, вторичная черепица и другие. Воссоздание исторического объекта становится манифестом современного подхода к экологии и устойчивости. По Хану: «Память – это нарративная практика, которая всякий раз заново связывает события и создает сеть отношений» [3, с. 96].

Проект реставрации церкви Сан-Барбаццано в Болонье, Studio Poggioli, 2025 г.

Проект реконструкции железнодорожного депо XIX в. в Арле, ASSEMBLE, Atelier Luma, BC architects & studies, 2025 г.

Рис. 3. Возрождение. Источники: <https://clck.ru/3RkR4m>; <https://clck.ru/3RkR8f>; <https://clck.ru/3RkRAG>; <https://clck.ru/3RkRRCG>

Первопроходец: проект электростанции DH Ecoenergy №1 (FRPO Rodríguez & Oriol, 2022 г.) имеет явно выраженное педагогическое предназначение – сделать преобразования видимыми, поддержать и способствовать их распространению (рис. 4). Здание является вершиной новой энергетической инфраструктуры для города Паленсия в Испании, где новая сеть централизованного теплоснабжения обеспечивает экологически чистой горячей водой более 3000 жилых домов. Архитектура электростанции символична как в своей геометрии, основанной на принципах энергосбережения и экономической цикличности, так и в применяемых материалах – которые воплощают прозрачность и чистоту новой технологии. «Новые повествования делают возможным новое восприятие» [3, с. 118]. Такие проекты демонстрируют нарратив будущего, где преобладает надежда: «Мир будто бы перерассказывается» [3, с. 118].

Электростанция DH Ecoenergy №1, Испания, FRPO Rodríguez & Oriol, 2022 г.

Рис. 4. Первопроходец. Источники: <https://clck.ru/3RkRMG>; <https://clck.ru/3RkRgX>; <https://clck.ru/3RkRWS>

Сообщество: обновление площади Майор в городе Олот, Испания (Un Parell d'Arquitectes, Pep de Solà-Morales Arquitectes, Quim Domene, 2024 г.) представляет собой комплексное переосмысление общественного пространства города за счет его границ – зданий и вовлечения людей, в них проживающих. Площадь в центре города сформирована простыми постройками, которые приобретают ценность как единое целое (рис. 5). Самому простому решению – замене мощения и элементов благоустройства – была выбрана альтернатива. Совместно с локальным сообществом был проведен проект комплексного возрождения, включающий сохранение исторического наследия, обновление коммуникаций, модернизацию торговых помещений на первом уровне, а также мероприятия по заселению пустующих зданий. Проект привел к созданию рабочей группы, занимающейся поддержанием площади и организацией мероприятий, укрепляющих общественные связи. Такие проекты показывают, что сегодня «...нам не хватает повествований, учреждающих сообщество и смысл» [3, с. 137]. Ведь по Хану: «Совместное действие, Мы, покоится на нарративе» [3, с. 139].

Обновление площади Майор в городе Олот, Испания, Un Parell d'Arquitectes, Pep de Solà-Morales Arquitectes, Quim Domene, 2024 г.

Рис. 5. Сообщество. Источники: <https://clck.ru/3RkRkT>; <https://clck.ru/3RkRn9>; <https://inlnk.ru/kXPGk7>

Если в 2002 г. в журнале Йельского университета «Perspecta», архитекторы и теоретики Роберт Сомол и Сара Уайтинг описывали архитектуру 1970-1980-х гг. как критическую (на примере теоретических и проектных работ Майкла Хейза и Питера Эйзенмана), а архитектуру 1990-2000-х как проективную (главным образом, на примере творчества Рема Колхаса), где критическая архитектура – это прежде всего высказывание, а проективная – режим передачи содержания, то сегодня архитектура 2010-2020-х может быть обозначена как перформативная [9]. Если в критической архитектуре целью проекта было подвергнуть сомнению статус-кво, а успех измерялся силой идеи и глубиной интерпретации, то в архитектуре проективной целью проекта стала реализация здания как оперативного инструмента, захватывающего и перенаправляющего потоки реальности (рыночные, культурные, урбанистические). В перформативной архитектуре «форма следует за эффектом»: здание совершает акт, который сам по себе становится реальным изменением. Проект трактуется как событие или инструмент для генерации событий. Архитектура стремится наглядно демонстрировать свою эффективность – будь то этическая, экологическая или маркетинговая повестка. Перформативный характер произведений становится вариантом выхода из кризиса повествования.

Заключение

Рассмотрев понятие «кризис повествования», предложенное Бен-Чхоль Ханом, а также проанализировав проекты номинантов премии Миса ван дер Роэ 2026, можно выделить характерные нарративы. Все истории, «рассказанные» этими объектами («обретение утраченного», «поиск», «возрождение», «первопроходец», «сообщество»)

подчеркивают значимость большого нарратива устойчивости для европейской архитектуры. В результате, по аналогии с классификацией Роберта Сомол и Сары Уайтинг, предложивших понятия «критическая» (1970-80-е гг.) и «проективная» (1990-2000-е гг.) архитектура, для архитектуры 2010-2020-х предлагается обозначение «перформативная» архитектура, которая становится способом преодоления кризиса повествования.

Литература

1. Гельфонд, А.Л. Типологическая метаморфоза: от здания к арт-объекту / А.Л. Гельфонд // Фундаментальные поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2022-2023 годы: Научные труды РААСН: в 2-х томах. – М.: Издательство АСВ, 2024. – С. 37-45.
2. Measuring Digital Development. Facts and Figures 2025. – URL: <https://ict.moscow/analytics/measuring-digital-development-facts-and-figures-2025/>
3. Хан, Б.-Ч. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / Пер. с нем. А.С. Салина. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 160 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
5. Самогоров, В.А. Теория нарратива в архитектуре / В.А. Самогоров, А.Р. Шадчнева // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сборник статей 81-ой Всероссийской научно-технической конференции – Самара: Самарский государственный технический университет, 2024. – С. 71-78.
6. Fisher, W.R. Narration as a human communication paradigm: the case of public moral argument // EBSCO Publishing 2003. – P. 6–10.
7. European Union Prize for Contemporary Architecture / Mies van der Rohe Awards. – URL: <https://eumiesawards.com/>
8. Беньямин, В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // В. Беньямин. Озарения. – М.: Мартис, 2000. – С. 391.
9. Сомол, Р., Уайтинг, С. Заметки по поводу эффекта Доплера и прочих настроений модернизма // Проект International. – 2010. – №13. – С. 136–143.

ЖИЛИЩЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Худин^{1,2}

член-корреспондент РААСН, кандидат архитектуры, профессор кафедры
архитектурного проектирования, главный архитектор НПП Архитектоника

¹ Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет -
ННГАСУ, Нижний Новгород

² Научно-производственное предприятие Архитектоника, Нижний Новгород

Аннотация. Статья посвящена проблемам и перспективам современного отечественного жилища. Выявлен группа проблем жилища на расселенческом, градостроительном, социальном, типологическом уровнях. Все они, при сохранении нынешней ситуации могут привести к деградации жилой среды крупнейших и крупных российских городов и их пригородных зон. Рассматриваются возможные пути выхода из намечающегося кризиса. Обозначены соответствующие перечисленным проблемам инструменты оптимизации городской жилой среды.

ПРОБЛЕМЫ

1. Деградация жилой среды

Современное состояние жилой среды отечественных крупных и крупнейших городов вызывает обоснованное опасение. Мы наблюдаем безудержное агломерирование прилегающих к ним территорий и спекание элементов агломераций, экспансию на пригородные (планировавшимися как зеленые), зоны, тотальный рост этажности, запредельные показатели плотности застройки, переуплотненность населения, увеличивающуюся искусственность окружения, сплошную «автомобилизацию» дворов, проездов и жилых улиц, все увеличивающиеся сложности с пространственным перемещением. Можно констатировать новый кризис крупных и крупнейших городов.

Деградация жилой среды определена монетаристской направленностью отечественной строительной политики.

2. Общественные пространства вместо личных

Повсеместная эскалация темы общественных пространств представляется нам неадекватной компенсацией за деградацию придомовых, частных, личных жилых пространств. Население выталкивается от традиционного семейного очага и соседского двора, которые бедны, убоги и запредельно минимизированы, в водоворот фланирующего мимолетного общения общегородской «коммуналки», парадоксально превосходящей своим комфортом личную жилую среду. Этот процесс не только и не столько архитектурно-пространственный. Он воплощение глобального искажения норм человеческих отношений, замещающего личные, внутрисемейные, товарищеские и дружеские контакты обезличенными фантомами виртуального общения.

Кризис городов не только пространственный, но, в первую очередь, социальный.

3. Будущие трудности

Мировой опыт повсеместно демонстрирует превращение минимизированной многоэтажной жилой среды в неблагополучные, криминальные, опасные районы. Строительный фонд, сформированный по принципу минимальных затрат вкуче с низкими доходами населения, отсутствием средств на ремонт и благоустройство неминуемо ведет к деградации среды, бегству из нее трудоспособного населения, замещение его

деклассированными элементами. Деиндустриализация городской среды, утрата рабочих мест, улучшающаяся связь с загородными местами расселения для состоятельной и работоспособной части населения привели на Западе к катастрофическому упадку городских районов во второй четверти XX века, и потребовались колоссальные усилия для изменения этой ситуации.

Есть опасность повторения таких процессов в отечественной практике.

4. Суррогат личного пространства - жилой ячейки

Массовая городская квартира по своей структуре утрачивает признаки классического жилища, превращаясь в жилую ячейку, не приспособленную для ведения полноценного домашнего хозяйства, обеспечивающего, с одной стороны, комфорт общения, а с другой стороны, достаточную приватность.

Распространенность так называемого евро-стандарта - совмещенных кухонь-ниш с гостинными комнатами предполагает минимизацию процесса приготовления пищи со сведением его до подогрева полуфабрикатов и других суррогатов, и переносом питания в фастфудные общественные пространства, не предусматривающие стандартов здорового питания и, соответственно, не способствующих здоровью нации. Следует учитывать, что разрыв в стоимости этого общественного питания и доходов населения будет являться причиной вынужденного переноса процесса приготовления еды в квартиру. В этом случае использование кухни-гостиной, как полноценной кухни, ведет к температурному, обонятельному и акустическому дискомфорту в общесемейном помещении, превышению концентрации продуктов сгорания, загрязнению воздуха вредными частицами, общему психологическому дискомфорту.

Распространенность минимизированного жилища подрывает основы существования традиционной семьи, ведет к отчуждению, утрате семейных связей, исчезновению сложной, обременительной, но важной практики семейного сосуществования.

5. Войны и пандемии

Одним из факторов развития субурбии в Соединённых Штатах Америки была угроза атомной войны [1]. Процесс дезурбанизации в такой форме и сегодня продолжает свое развитие и оказывает влияние на структуру жилого фонда. Появление коттеджных поселков, как правило, в пригородных зонах крупных и крупнейших городов без определенной концепции, на случайных местах, на основе спекулятивного выкупа сельскохозяйственных и лесных угодий, их перевод в земли ИЖС, привели к возникновению паразитным очагам расселения, фрагментированных, клочкообразных псевдо-жилых структур, не обеспеченных должным сервисом и перегружающих не рассчитанную на их появление транспортную инфраструктуру.

Формируются своеобразные новые микро-города-крепости или, если угодно, «нео-деревни», лишённые производственного смысла, только потребляющие, и ничего не производящие. Они, вкуче с неосредневековым (по сути отношения к использованию земли), переуплотненным городом демонстрируют явственную деградацию градостроительных принципов (лишённых каких-либо принципов).

Собственно жилая среда коттеджных поселков представлена, в большинстве случаев, скромными по площади участками, разделенными максимально возможными по высоте заборами, с убогой приватностью, примитивной, непрофессиональной архитектурой.

Габариты объемов и площади жилых домов представляют собой кальку городских типологий. Главный «принцип» их формирования, как правило, глубоко монетаристский по своей обманной формуле - «Цена дома по цене квартиры в городе». Однако, косвенные затраты на существование такой квартиры (эксплуатационные, транспортные,

сервисные, временные, психологические¹ (у нас, практически, неизвестные)) скрыты, и в перспективе способны привести к деградации и среды подобных поселков, и к социальным проблемам. В целом, градостроительные и социальные достоинства и недостатки развития субурбии, прошедшей в мировом опыте целый ряд этапов, у нас серьезно не рассмотрены, не учитываются, отданы на откуп эмпирическому опыту, проводимом над системой расселения и населением.

Однако, нельзя не согласиться с тем, что для определенной части населения (фрилансеры и пенсионеры) удаленность от очагов потенциального поражения ядерным оружием и очагов эпидемий, в купе с жизнью на природе, являются ключевыми моментами, и если они подкреплены адекватными ситуации доходами (что нельзя применить к подавляющему большинству населения), такая форма жилой среды представляется чуть ли не идеальной [2].

ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Совершенствование городской среды

Оно достижимо при организации разумного расселения - ограничение роста мегаполисов, крупнейших и крупных городов, борьба со спеканием агломерационных элементов, усиление роли зеленой буферной пригородной зоны, развитие темы единого рассредоточенного города [3]. Не является оригинальным, но представляется разумным, рассмотрение средних и малых городов как эффективных инструментов развития (теоретически, в потенциале, при обеспечении государственной поддержки).

2. Личные пространства

Эти пространства (придомовые, соседские, private) должны получить приоритетное развитие по отношению к пространствам общественным. Исторически апробированным инструментом, способствующим развитию личных, внутрисемейных, товарищеских и дружеских контактов, является формирование пространства придомового двора. Он должен предоставить населению сомасштабное, защищенное, удобное пространство, наполненное необходимыми рекреационными, озелененными, функционально разнообразными зонами. Крайне важным является соотнесенность, соответствие его пространства и количества пользующимся им людей. Пример Барселоны (с продолжающейся преобразовательной деятельностью, направленной на улучшение ситуации («Суперкварталы»)) [4], не должен являться прямым образцом для отечественной практики с учетом высокой урбанизации центра этого города и отсутствием резервов площадей, которыми мы обладаем. Однако, он показывает, что и в таких стесненных условиях, 150 лет назад, с другим уровнем технического развития возможно было создание комфортной жилой среды. Квартальная среднеэтажная застройка в 5-6 этажей (апробированная в нашей практике 1960-х годов и демонстрирующая оптимальные соотношения размерности застройки, но имеющая однообразный строчный характер) представляется оптимальным видом освоения городских пространств.

3. Будущие совместные домохозяйства

Сформированные на принципах локальных замкнутых городских единиц, они обеспечат приятность, безопасность, шумозащищенность, сохранность благоустройства, индивидуальность. Мы уже сейчас наблюдаем как в рамках строчной и групповой застройки люди пытаются обеспечить личную принадлежность и защищенность своих пространств самыми разнообразными методами. Естественно, в квартальных структурах нового

¹ Например, эффект «пригородных вдов», когда неработающие женщины, замкнутые в подобной среде и лишённые нормальных человеческих контактов, склоняются к употреблению алкоголя и наркотиков, страдают психологическими расстройствами.

поколения необходимо обеспечить достаточный уровень освещенности, инсоляции и проветривания - тех базовых принципов, которые породили строчную застройку, противопоставив ее кварталам с дворами колодцами.

4. Оптимум личного пространства - жилой ячейки

Он должен быть сформирован на основе психофизиологических и эргономических норм. Наметились попытки использовать запретительные меры по чрезмерной минимизации жилища [5], которое по своим параметрам становится угрозой для нормального существования взрослого человека и формирования маленького человека. Советские нормы, сформированные на основе отечественных и мировых научных исследований, сейчас следует рассматривать как самый нижний уровень формирования параметров городского жилища. Конечно, это может произойти только при перестройке системы кредитования жилища. Только при наличии минимальной банковской ставки и большой продолжительности возвращения кредита можно привести к согласованности потребности людей и комфортные параметры жилища.

5. Войны и пандемии

Эти угрозы останутся в обозримой перспективе угрозами, которые необходимо учитывать при проектировании и системы расселения и жилища как такового. Стремление людей к жизни в собственном доме требует системного подхода к организации таких зон расселения, которые базируются на оптимизации межсезонных связей. Локализация населения, уменьшение величины жилых образований будет способствовать замедлению распространенности инфекций. Рассмотренная выше необходимость определения минимальных и оптимальных параметров жилища должна обеспечить достаточный комфорт при вынужденном дистанционном отрыве от мест труда.

Все перечисленные перспективы могут быть реализованы только в рамках новой государственной концепции формирования жилой среды, потребуют изменение социальных, производственных, экономических, профессиональных приоритетов или же жилая среда наших городов будет развиваться инерционными, эмпирическими, сиюминутными способами, и она превратится в лоскутное одеяло локальных разнообразных практик, отражающих стратификацию общества, объединенных общими инфраструктурными проблемами².

² **Проблемы транспорта** в рамках расселения и организации собственно жилой среды нами не рассматривается, так как, по нашему мнению, нынешний цивилизационный уровень его развития не способен решить данную проблему без существенных или критических потерь и на градостроительном уровне (широкополосные магистрали, развязки, автомобильные парковки), которые приводят к отчуждению городских земель, разорванности ткани города, полу-коммунальному характеру кварталов, где объемы паркингов сопоставимы с объемами жилых зданий, и на жилищно-бытовом уровне («автомобилизация» дворов, высокий уровень шума и загазованности), которые приводят к господству автомобиля над человеком. Идеальных форм сосуществования человека и автомобиля пока не может продемонстрировать ни один город планеты. В этом отношении ближайшие перспективы видятся в освоении воздушного пространства (и пассажирским и обслуживающим транспортом) и соответствующего снижения нагрузки на обычные дороги.

В отдаленной перспективе потребуются возникновение альтернативных способов - совершенно нового вида перемещения предметов и человека в пространстве - телепортации, которая сейчас выглядит совершенно фантастической, но не отрицается наукой, так как не нарушает ее основные законы [6]. Подобные совершенно невероятные, на первый взгляд, методы коммуникации приведут к появлению абсолютно новых систем расселения и соответственно к новым формам (или адаптации к ним) жилой среды, а также характера и типологии жилища.

Литература

1. Голубинов Я. Урбанистика ядерного конфликта // Я. Голубинов – URL: https://pikabu.ru/story/urbanistika_yadernogo_konflikta_6826076?ysclid=mlyvfget19338456737 - 2020.
2. Roberts, D. Barcelona and urban planning: the ultimate potential of superblocks / Vox // D. Roberts. – URL: <https://www.vox.com/energy-and-environment/2019/4/11/18273896/barcelona-spain-politics-superblocks> - 2019.
3. Боков, А. Четыре статьи. О стратегии пространственного развития // А. Боков. - Москва, 2019.
4. Бубнов, Ю. Исследование формирования структуры жилищного строительства крупного города (методика и разработка на примере г. Горького): дис. ... канд. архитектуры // Ю. Бубнов. – Москва, 1972.
5. Постановление Правительства Москвы от 23 июля 2024 г. № 1672-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 30 апреля 2013 г. № 284-ПП и от 28 марта 2017 г. № 120-ПП.
6. Каку, М. Физика невозможного // М. Каку. - Москва, 2018.

ТРАНСФЕР ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА "CONCINNITAS": ИЗ РИТОРИКИ В ЭСТЕТИКУ

А.А. Худин¹, советник РААСН, доктор архитектуры, профессор кафедры
архитектурного проектирования

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород

Аннотация. Исследуется семантическая эволюция концепта *concinntas* от античной риторики (Цицерон) до теории архитектуры Ренессанса (Альберти) и гуманистической прозы (Колонна). Анализируется междисциплинарный трансфер: превращение дескриптора синтаксического баланса речи в универсальный онтологический закон пространственной гармонии и объективной красоты. Показано, как зодчество апроприировало античный филологический аппарат для перехода в статус свободного искусства. Доказывается, что *concinntas* утвердила парадигмальное единство макрокосма и микрокосма, где математические алгоритмы консонансов стали основой как идеального текста, так и совершенного города.

Введение

Эволюция понятия *concinntas* демонстрирует его трансформацию от утилитарного дескриптора материальной сборки до фундаментальной эстетической и онтологической категории.

Этимология и семантическое ядро

Филологическая археология (историко-этимологический анализ) возводит термин к латинскому *cinnus* (гетерогенная смесь) и глаголу *concinntare* (составлять, упорядочивать). Базовое семантическое поле концепта интегрирует четыре обязательные семы: множественность (наличие дискретных частей), структурированность, телеологическая сообразность (тщательная подгонка, *apte componere*) и эмерджентная эстетическая привлекательность целостности. Позднеантичные лексикографы (Фест, Ноний Марцелл) фиксируют дуализм этимологии: физическая, пространственно-материальная компоновка семантически отождествляется с акустическим консонансом (метафора хора — *concanere*), где из разрозненного многообразия формируется единый гармоничный лад.

Архаический период (Плавт): Дериваты (*concinntare, concinnte*) применяются исключительно в утилитарных контекстах для описания физического выстраивания и компоновки материальных объектов (одежда, предметы быта).

Классическая античность: Концепт интегрируется в теорию риторики (Цицерон, Квинтилиан) в рамках *elocutio*, обозначая синтаксический и фонетический баланс речи (антоним — *inconcinntas*). Крайне редко термин применяется для характеристики композиционной слаженности в визуальных искусствах (Плиний Старший) [3].

Ренессанс: Принципиальный парадигмальный сдвиг середины XV века. Л. Б. Альберти экстраполирует *concinntas* из риторики в архитектурную теорию [1]. Из дескриптора «изящного слога» термин трансформируется в универсальный закон физического мира и высший абсолютный критерий красоты, синонимичный пропорции (*proportio*) и гармонии (*harmonia*) [2].

Категориальный статус *concinntas* в риторической системе Цицерона

В теоретических трактатах М. Т. Цицерона («*Orator*», «*Brutus*», «*De Oratore*») концепт *concinntas* осмысливается как фундаментальная эстетико-структурная категория. В архитектуре пяти риторических канонов она выступает структурным ядром *compositio verborum* (композиции и расположения слов), отвечая за гармоничную организацию формы.

Системная триада и структурный баланс. Цицерон встраивает *concinntas* в базовую систему *collocatio* (построения фразы), где она функционирует в неразрывной связи с *compositio* (синтаксической связью) и *numerus* (ритмом). *Concinntas* — понимаемая как соразмерность

и точный пропорциональный баланс частей — выступает генеративной матрицей: сам ритм органично рождается из структурной симметрии («*efficit numerum ipsa concinnitas*»). На практике это достигается через выверенную архитектуру текста: строгий параллелизм, антитезы и равные по объему конструкции. Этот инструментарий наделяет форму квазимузыкальной гармонией, достигая максимальной убедительности ораторской прозы.

Границы гармонии и принцип *decorum*. Стремление к симметрии подчинено строгим ограничительным критериям. В трактате «*Brutus*» Цицерон жестко критикует гипертрофированную соразмерность. Абсолютизация формы и механистичное конструирование баланса трактуются им как эстетический упадок: избыточная *concinnitas* девальвирует структуру, делая ее искусственной («изломанной, мелочной») и инфантильной («*puerile*»). Тем самым Цицерон постулирует, что высшим критерием валидности структурной гармонии выступают *naturalitas* (естественность, органичность формы) и *decorum* (целесообразность и контекстуальная уместность).

Онтологизация *concinnitas*: от риторики к архитектурной теории Л. Б. Альберти

В трактате «О зодчестве» Л. Б. Альберти производит радикальную терминологическую инверсию, пространственно переосмысляя античный словарь: «синтаксис речи» трансформируется в «синтаксис камня». Если у Цицерона *concinnitas* выступала подчиненным стилистическим приемом, то у Альберти она возводится в ранг абсолютного онтологического закона природы и высшего критерия объективной архитектурной красоты (*pulchritudo*).

Достижение *concinnitas* в зодчестве, по Альберти, требует математически выверенного синтеза трех подчиненных категорий: *numerus* (количественный расчет элементов), *finitio* (пропорциональные очертания) и *collocatio* (топологическое размещение в пространстве). Здесь происходит переворот античной иерархии: *collocatio*, бывшее у Цицерона высшей макро-категорией (композицией речи во времени), низводится до прикладного этапа физического воплощения формы. *Concinnitas* же становится всеобъемлющей матрицей органичного совершенства, где изменение или изъятие любой детали разрушает целое.

Предпосылки этого парадигмального сдвига сложились в Поздней Античности. Если Квинтилиан окончательно маргинализировал *concinnitas*, сведя её к искусственному техническому эффекту, то Аврелий Августин совершил её метафизическую элевацию. Он перевел *concinnitas* и *numerus* из разряда речевых метрик в ранг объективных законов божественного мироздания. Сохранившись в Средние века преимущественно в музыкально-хоровой семантике (Алан Лилльский), эта неоплатоническая база позволила Альберти сформулировать принцип кросс-сенсорной гармонии: одни и те же математические законы (*numerus*), которые делают акустические интервалы приятными для слуха, генерируют визуальное совершенство здания для глаза [2].

Эпистемологический разрыв и гуманистическая реконструкция

Передача античного риторического наследия не была непрерывной. В Средневековье всеобъемлющая цicerоновская *concinnitas* деградировала до механистичного *ars dictaminis* — формулярного канцелярского делопроизводства, лишённого эстетической и философско-этической глубины. Для превращения *concinnitas* в универсальный закон Ренессанса потребовалась масштабная «археологическая» реконструкция античности [4]. Текстологические открытия П. Браччолини (Квинтилиан, Лукреций и реинтродукция полного текста Витрувия), синтез греческой и латинской стилистики Г. Трапезундским, а также педагогическая интеграция В. да Фельтре (связавшего риторику с гражданской добродетелью) реставрировали понятийный аппарат. Филологическая ревизия Л. Валлы, очистившая синтаксис латыни, послужила для Л. Б. Альберти методологической матрицей: зодчество было осмыслено как визуальный синтаксис, требующий аналогичного структурного пуризма и возвращения к строгой античной грамматике.

Фундаментальным прорывом Альберти стало концептуальное расщепление архитектуры на *lineamenta* (интеллектуальный проект, абстрактную матрицу формы) и *materia* (физический субстрат). *Concinnitas* генерируется исключительно в трансцендентной сфере *lineamenta*, являясь продуктом чистого разума, независимым от свойств строительного мате-

риала. Этот эпистемологический сдвиг позволил изъять архитектуру из парадигмы «грязных» ремесленных практик (*ars mechanica*) и легитимизировать ее в статусе свободного искусства (*ars liberalis*), осуществив трансфер академического престижа от античной риторики к ренессансному зодчеству.

Структурная триада и морфология красоты

В архитектурной теории *concinntitas* возводится в ранг «абсолютного и первичного закона природы», объективируясь через синтез трех параметров:

Numerus (Число): Количественный аспект, подчиняющий визуальные пропорции строгим математическим (музыкальным) интервалам.

Finitio (Ограничение/Пропорция): Геометрический контур, фиксирующий изменчивую материю в идеальных пространственных границах.

Collocatio (Топология): Градостроительная логика взаиморасположения элементов, формирующая пространственный гомеостаз ансамбля.

Интеграция этой триады порождает *pulchritudo* — имманентную, объективную красоту системы, которую невозможно нарушить без фатального ущерба для целого. При этом Альберти жестко разграничивает *pulchritudo* (внутренний структурный закон) и *ornamentum* (акцидентальный, привнесенный декор, выступающий лишь видимой манифестацией скрытой гармонии).

Отметим, что в гуманистической парадигме эстетика неразрывна с политикой. Столкнувшись с демагогическим, разрушительным потенциалом слова (отраженным в его трактатах «*Momus*» и «*Lacus*»), Альберти противопоставляет турбулентной политической риторике статичную утопию зодчества. Архитектурная соразмерность, высеченная в камне, трактуется как пространственная объективация гражданского согласия (*civic virtue*) и незыблемый гарант божественного и социального порядка. Организуя пространство города, *concinntitas* дисциплинирует социум, наделяя здание и институты власти необходимыми *gravitas* (величием) и *auctoritas* (авторитетом).

Междисциплинарная экспансия *concinntitas* в эпоху Возрождения

Если в Античности категория *concinntitas* удерживалась в строгих границах риторики, то в ренессансном дискурсе произошел масштабный семантический сдвиг: концепт трансформировался в универсальный эпистемологический инструмент, фиксирующий неразрывность этики и эстетики.

Неоплатоническая онтология (М. Фичино): *Concinntitas* трактуется как физическая манифестация божественного порядка, где объективная соразмерность макрокосма обусловлена внутренней моральной чистотой (*temperantia*).

Социально-политический гомеостаз (Л. Бруни): Концепт экстраполируется на макроуровень *civitas* (государства), описывая абсолютную институциональную слаженность законов и сословий Флорентийской республики.

Текстуальная тектоника (П. Кортези, А. М. Конти): Возвращая термин в поэтику и риторику, теоретики мыслят текст как квазиархитектурную постструктуру (*conglutinatio* — склеивание), где фонетическая сборка воздействует на чувственное восприятие.

Акустическая этимология и ретроактивная апроприация

Фундамент этой кросс-сенсорной (пространственно-акустической) метафоры был заложен античным филологом М. Т. Варроном. Его концептуально продуктивная «ошибка» — этимологическое выведение синтаксического изящества (*concinne*) из хорового пения (*concinere* — звучать в унисон) — позволила Альберти подчинить визуальную «сборку» здания математическим законам музыкального созвучия. Влияние альбертианской теории оказалось столь тотальным, что Ч. Чезариано в 1521 году ретроактивно внедрил термин *concinntitas* в свой перевод Витрувия, хотя сам римский зодчий оперировал исключительно понятиями *symmetria* и *eurhythmia*.

Концептуальная демаркация: *Concinntitas* в системе эстетических категорий

Для точной калибровки термина в теории архитектуры Альберти необходимо разграничить его со смежными категориями:

Venustas / Ornamentum (Сущность vs. Декор): *Concinnitas* — это имманентная, врожденная структурная истинность пропорций (*innata*). В противовес ей, *venustas* (визуальное очарование) и *ornamentum* (орнамент) суть акцидентальные, поверхностные и прикладные элементы (*compactum*), лишь индивидуализирующие фасад.

Harmonia (Статика vs. Динамика): *Harmonia* в античности регулировала акустические (темпоральные) интервалы. Альберти переводит эту концепцию в статику: *concinnitas* выступает визуальным, пространственным эквивалентом пифагорейской макрокосмической гармонии.

Decorum (Объективность vs. Конвенция): Если *decorum* служит этико-социальным фильтром, определяющим контекстуальную уместность (например, выбор ордера для статуса заказчика), то *concinnitas* диктует абсолютную, независимую от социума математическую логику формы.

Elegantia (Закон vs. Вкус): *Elegantia* отражает субъективное качество стилистического отбора и утонченный вкус зодчего, в то время как *concinnitas* декларируется как объективный, высший синтаксис самой Природы.

Архитектурная феноменология в «Гипноэротомехии Полифила»

В романе Франческо Колонны «Гипноэротомехия Полифила» (1499) концепт *concinnitas* окончательно выходит за пределы латинских теоретических трактатов, интегрируясь в гуманистическую художественную прозу. Для описания абсолютных архитектурных форм Колонна конструирует специфический макаронический метаязык. Описывая античные руины и идеальные постройки, автор эксплицитно использует наречие *concinname* («соразмерно и гармонично») как ключевой дескриптор пропорционального единства.

В тексте романа воспроизводится альбертианская максима о здании как органичном теле. При описании коринфской колоннады (*concinname colligato* — «соразмерно сочлененный») термин фиксирует не утилитарное физическое крепление элементов, а их онтологическое слияние, при котором конструктивные швы концептуально исчезают, подчиняясь строгой математической логике квадратуры.

Трансдисциплинарный оператор и лингво-философская морфология

Колонна вводит фундаментальную для Ренессанса метафору: архитектор уподобляется демиургу-музыканту, конвертирующему временные пропорции музыкальных интервалов в пространственную геометрию твердого тела. *Concinname* функционирует здесь как оператор кросс-сенсорного перехода — от слышимого логоса к видимому камню.

Филологическая морфология лексемы подтверждает этот синтез:

Префикс *con-* указывает на интеграцию множественности;

Корень *-cinn-* (этимологически восходящий к идеальной стыковке и хоровому пению *canere*) фиксирует безупречность швов и музыкальную гармонию, легитимизируя перенос пифагорейских консонансов в трехмерное пространство;

Суффикс *-mente* (от лат. *mens* — разум) переводит концепт в сферу динамики, обозначая активный, направляемый интеллектом процесс созидания.

Когнитивный синтез и гетеротопия руин

В пространстве сновидения Полифила, где античность предстает в состоянии тотальной фрагментации, *concinnitas* выступает не только свойством формы, но и когнитивным механизмом — *modus operandi* аристотелевской способности воображения (*phantasia logistike*). Это высшая способность разума синтезировать разорванные фрагменты исторической памяти в новые гибридные суперструктуры (гетеротопии, по М. Фуко [5]). *Concinnitas* становится универсальным гравитационным полем, удерживающим эти невозможные архитектурные фантазии от распада.

Многомерность данного концепта делает его принципиально непереводаемым однозначным лексическим эквивалентом. Попытки европейской рецепции (англ. *congruity, neatly*; фр. *harmonie, justesse*; рус. *соразмерность, стройность*) фиксируют лишь отдельные грани (геометрическую точность или эстетическую привлекательность), упуская синкретичный му-

зыкально-математический и онтологический фундамент. Именно поэтому современная теория архитектуры часто прибегает к прямой транслитерации (конциннитас).

Заключение. Архитектура как текст и цифровой ренессанс

Эволюция *concininitas* представляет собой один из самых масштабных эпистемологических трансферов в истории западноевропейской мысли. В ренессансном сознании этот концепт окончательно утвердил парадигмальное единство макрокосма и микрокосма: объективная симметрия, управляющая движением светил и музыкальными консонансами, оказалась тождественной алгоритмам, по которым строятся убедительная речь, справедливое государство и совершенное здание.

С позиций современной семиотики и лингвистики архитектуры, концепт *concininitas* предстает не просто метафорой, но первым историческим прецедентом универсального синтаксиса. Альберти интуитивно обнаружил то, что сегодня составляет предмет когнитивной психологии восприятия пространства: человеческий разум декодирует визуальную тектонику здания по тем же глубинным законам, по которым он структурирует грамматику сложного предложения. Здание «читается», а пространственные элементы (колонны, архитравы, пустоты) выступают лексемами, подчиненными жестким правилам архитектурной элокуции.

Этот историко-лингвистический анализ обретает острую актуальность в современную эпоху генеративного Искусственного Интеллекта. Сегодня мы наблюдаем новый исторический виток конвергенции Слова и Архитектуры. В моделях text-to-3D и пространственном вычислении (*spatial computing*) вербальный промпт (текст) напрямую транслируется в многомерную архитектурную форму, минуя традиционную стадию чертежа. Инструментарий ИИ оперирует огромными массивами данных, пытаясь алгоритмически сгенерировать то самое *concinere* — созвучие элементов. Однако, как показывает опыт гуманистов, истинная *concininitas* генерируется в трансцендентной сфере *lineamenta* (интеллектуального проекта) и требует телеологической осмысленности, которой лишены стохастические нейросети.

Будущие исследования на стыке цифровой архитектуры и когнитивной лингвистики неизбежно вернуться к альбертианской проблеме: как именно математический алгоритм машинного интеллекта может быть согласован с человеческой психологией восприятия прекрасного. Понимание ренессансного генезиса *concininitas* дает нам важнейший теоретический аппарат для того, чтобы в наступающей эпохе алгоритмической архитектуры не потерять меру человека и способность пространства быть носителем смыслов, а не просто сгенерированной оболочкой.

Литература

1. Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве: в 2 т. / пер. с лат. В. П. Зубова. – М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. – Т. 1. – 392 с.
2. Витковер Р. Архитектурные принципы в эпоху гуманизма / пер. с англ. А. В. Ипполитова. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 318 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979. – 815 с.
4. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения / пер. с итал. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
5. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–204.
6. Зубов В. П. Архитектурная теория Альберти. – СПб.: Алетейя, 2001. – 264 с.

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА МОСКОВСКОЙ УЛИЦЫ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ

С.М. Шумилкин¹, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой истории
архитектуры и основ архитектурного проектирования

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижегород

Аннотация. Нижегородская ярмарка – крупнейший ярмарочный центр России во второй половине XIX века, сформировалась целостным многофункциональным комплексом с регулярной системой улиц, включавших торговые, административные, общественные и культовые здания. Несмотря на огромные утраты и разрушение сетки улиц, до настоящего времени сохранилась одна Московская (ныне Советская) улица, архитектурный облик которой определяют исторические ярмарочные постройки. В тоже время отдельные высотные градостроительные акценты комплекса, прежде всего две пожарные каланчи, ныне утрачены и их восстановление является важным элементом в сохранении исторического облика улицы. Комплекс Московской улицы можно отнести к замечательным примерам архитектурного ансамбля в истории русского градостроительного искусства второй половины XIX века и его реставрация станет значительным вкладом в русское архитектурное наследие.

Введение

Нижегородская ярмарка в конце XIX века представляла собой огромный комплекс построек, возведенных на основе регулярной прямоугольной планировки. Несмотря на кратковременное использование: всего три летних месяца, застройка улиц была произведена в 1870-1880-е годы исключительно каменными зданиями. Помимо торговых зданий ярмарка включала административные и культовые постройки, которые выступали вертикальными акцентами гигантского комплекса, площадь которого достигала двух квадратных километров. После закрытия ярмарки в 1925 году и разрушения подавляющего числа зданий ныне сохранилась единственная Московская улица, отличающаяся единством архитектурного облика исторических зданий [1].

Улица, первоначально возникшая как часть Московского тракта, после открытия Московско-Нижегородской железной дороги в 1862 году стала частью трассы, соединившей Московский вокзал с центром города. По утвержденному плану ярмарки 1860 года определилась квартальная застройка ярмарочной стороны улицы и в течение 1870-1880-х годов на ней появились новые каменные здания [2]. В настоящее время в застройке улицы утрачены две основные вертикальные доминанты – пожарные каланчи и декоративная триумфальная арка, которые определяли своеобразие ее облика. Кроме того в застройку улицы в начале XXI века было внесено высотное здание бизнес-центра, на отдельных зданиях, в том числе на доме Бугрова, искажен архитектурный декор (рис. 1).

Основной текст

Нижегородская ярмарка до начала XX века являлась гордостью и символом Нижнего Новгорода [3]. В настоящее время большая часть ярмарочных строений разрушена и на их месте построены новые здания. Но отдельные наиболее крупные и архитектурно-выразительные постройки сохранились и включены в современную планировочную структуру города. К наиболее значимым объектам следует отнести Главный ярмарочный дом и два основных ярмарочных храма – Спасский и Александро-Невский соборы, которые до настоящего времени сохраняют роль вертикальных градостроительных акцентов. В частности, Александро-Невский собор, возведенный как главный ярмарочный храм в 1883

году, ныне является кафедральным собором Нижегородской митрополии. Пятишатровый храм высотой около 80 м стоит в ряду крупнейших храмов России и определяет общий современный силуэт всего района Стрелки. Отдельные строения бывшей ярмарки приспособлены под различные офисные, административные и культурно-развлекательные помещения. Особенно это коснулось территории Стрелки, образованной в месте слияния рек Оки и Волги, которая вместе с Нижне-волжской набережной, вошла в обширное общегородское пространство. Этому способствовало строительство рядом с берегом Волги крупного стадиона для Чемпионата мира по футболу в 2018 году и рядом со стадионом возведение крытой ледовой арены.

На территории ярмарки сохранился в своих первоначальных габаритах и с большей частью исторической застройки фрагмент планировочной структуры ярмарочного комплекса - Московская (ныне Советская) улица. Это единственный пример ярмарочной улицы, который показывает пространственную и стилистическую целостность композиции. Улица в начале XX века входила в число наиболее значимых архитектурно-планировочных узлов ярмарки. Специфика планировки улицы формировалась в течение второй половины XIX века. Прежде всего, улица была необычна тем, что одна сторона ее относилась к ярмарке, которая до 1928 года являлась самостоятельной административной единицей, управлялась Всероссийским ярмарочным купечеством и застраивалась по требованию ярмарочной торговли, а другая – Канавинская слобода, к городской (Макарьевской) части. То есть улица служила границей между ярмаркой и Макарьевской частью Нижнего Новгорода. Тем не менее, обе стороны улицы представляли собой сплошную линию застройки около 600 м 2-3-этажных каменных зданий. Особенность улице также придавало ее расположение: она составляла промежуточное звено на основной въездной трассе в город, на пути от главного въезда - Московского вокзала к центру нагорной части города, который частично проходил по окской набережной ярмарки и наплавному мосту через Оку [4].

Рис. 1. Вид на Советскую улицу. Слева – здание пожарной части без каланчи, в центре – здание дома Бугрова с утратой куполов на крыше и высотное здание бизнес-центра. Фото автора, 2025 г.

В ярмарочный комплекс улицы кроме торговых зданий, входили два здания пожарных частей с башнями каланчей, необходимость которых вызывалась многочисленными пожарами. В 1860-1870-е годы главным событием в истории территории ярмарки стала прокладка водопровода по проекту инженера Н.М. Бруннера. Чтобы обеспечить центральный район ярмарки водой, была построена в 1870 году на набережной Оки первая водонапорная башня по проекту нижегородского архитектора Р.Я. Килевейна. В 1893 году башню перестроили в пожарное депо, которое своим кубическим объемом, также завершенным высокой башней, стало одной из акцентных точек на набережной Оки. Таким

образом, новое техническое здание заменило роль акцента, рядом стоявшей Крестовоздвиженской часовни, построенной в русском стиле, с завершением в виде стилизованной горки кокошников по проекту петербургского архитектора А.П. Брюллова в 1852 году (рис. 2). Первый ярус центрального объема пожарной части был приспособлен для размещения пожарной команды. С двух сторон были сделаны каменные одноэтажные складские помещения. Трехэтажное пожарное депо, выполненное из красного кирпича, было построено в характерном для подобных технических зданий в «кирпичном» стиле с элементами средневековой архитектуры. Массивный прямоугольный в плане объем имел парапет, напоминающий зубчатое завершение средневековых замков, а опоясывал здание декоративный пояс из машикулей. Восьмигранная башня с узкими прорезями окон была приспособлена для пожарной каланчи. Здание водонапорной башни высотой около 30 м выполняло важную градостроительную роль. Оно фиксировало угол поворота Московской улицы и являлось высотной доминантой в панораме нижней части города: возвышаясь над остальными домами [5].

Рис.2. Вид Московской улицы в сторону набережной Оки. Слева – застройка ярмарочной стороны, справа – Макарьевской части города. Замыкает перспективу здание пожарной части с каланчей и Крестовоздвиженская часовня. Фото М.П. Дмитриева, начало XX в.

К концу XIX века оформился парадный въезд на территорию ярмарки от Московского вокзала. Этот пространственный узел начинался у вокзала шатровыми объемами Александро-Невской церкви и рядом стоящей часовни, а далее высокой башней каланчи пожарной части, завершавшей перспективу Московской улицы. Комплекс Макарьевской пожарной части был построен в 1863 году по проекту нижегородского архитектора И.Ф. Небольсина, служившего городским архитектором в 1857-1864 годы. Двухэтажное здание сложное в плане, представляет собой два симметрично расположенных объема, объединенных башней-каланчой высотой 27 м, в два раза превышающей их по высоте и в три раза – основные здания улицы. В настоящее время объем башни утрачен (рис. 3).

Однако застройка улицы была существенно дополнена постройками 1896 года, когда у Макарьевской пожарной части сформировался своеобразный архитектурный комплекс. Напротив каланчи специально для размещения Строительного отдела Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 года по заказу известного нижегородского купца Н.А. Бугрова на угловом участке был построен необычный торговый корпус. Облик здания характеризовала скругленная угловая часть, большие полуциркульные окна первого этажа и четыре поставленные на крыше высоких граненых купола со шпильями, придававших зданию, в отличие от традиционных ярмарочных корпусов, ярко выраженный силуэт. Здание построено по проекту известного нижегородского архитектора К.В. Треймана, одного из авторов нового ярмарочного Главного дома (1890). Корпус Бугрова – один из наиболее эффектных ярмарочных домов, сохранившихся до настоящего времени. Дом является замечательным примером кирпичного стиля и отличается разнообразием

рисунка деталей. Четыре купола, поставленные по двум фасадам, придавали зданию необычную угловую симметрию. Однако ныне купольные завершения не сохранились.

Второй постройкой стала триумфальная арка, представлявшая собой крупное монументальное сооружение. Однако арка рассматривалась как временное сооружение, была возведена в деревянных конструкциях, которые имитировали каменную архитектуру. Арка располагалась между пожарной частью и домом Бугрова (рис. 3). Она являлась подлинным украшением этой части улицы и служила не только парадным въездом в город, но и проездом в центральную зону самой ярмарки по Первой Сибирской улице, которая далее вела к волжским пристаням. Арка была возведена по проекту ведущего мастера русского модерна московского архитектора Ф.О. Шехтеля в древнерусском стиле. В архитектуре арки использовано сочетание высокого полуциркульного проема с двумя разновеликими угловыми башнями, которые над аркой объединены узкой галереей-аркадой. Арка имела выраженную асимметричную композицию. С одной стороны башня завершалась зубчатым парапетом и включала небольшую цилиндрическую башенку с шатром. Вторая башня более монументальная имела несколько ярусов, завершалась площадкой с машикулями и зубцами, а верхняя часть представляла собой высокий граненый шатер, превышавший по высоте шпиль пожарной каланчи. До нашего времени триумфальная арка не сохранилась.

Рис. 3. Вид Московской улицы в сторону Московского вокзала. Слева – видна каланча пожарной части, в центре – башня триумфальной арки, справа- здание Н.А. Бугрова. Фото, начало XX в.

В начале XX века отдельные торговые здания ярмарочной стороны и доходные дома городской части были реконструированы, но не нарушили архитектурно-пространственное построение Московской улицы.

Заключение

В конце XIX века Московская улица сформировалась как целостный архитектурно-пространственный комплекс, в котором среди единообразных по архитектурно-стилистическому построению торговых и доходных домов определилось местоположение архитектурных акцентов. Выполнение роли архитектурных акцентов высокими объемами пожарных каланчей придавало своеобразие и самобытность улице, объединявшей постройки ярмарочного комплекса и застройку городского типа. Несмотря на значительное количество

пожарных каланчей в русских городах, только на нижегородской ярмарке они стали градостроительными доминантами, завершавшими перспективы улицы. Пожарные каланчи были высотными доминантами не только в комплексе улицы, но и в речной панораме нижней части города. В результате эти каланчи объединяли протяженные торговые здания в единое архитектурное целое, а комплекс улицы получил симметричную пространственную композицию, четко ориентированную с двух концов на объемы башен.

Комплекс Московской улицы можно отнести к замечательным примерам архитектурного ансамбля русского градостроительного искусства второй половины XIX века и его сохранение станет значительным вкладом в русское архитектурное наследие. Реставрация застройки улицы с восстановлением исторических градостроительных акцентов, позволит сохранить значимую частицу истории, которая будет напоминать жителям города об архитектурном ансамбле Нижегородской ярмарки.

Литература

1. Шумилкин, С. М. Нижегородская ярмарка / С.М. Шумилкин - Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 200 с.
2. Шумилкин, С. М. Торговые центры европейской части России второй половины XIX – начала XX в. / С.М. Шумилкин - Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013. – 239 с.
3. Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения – Нижний Новгород, Кварц, 2017. Книга 1. – 376 с.
4. Шумилкин, С.М. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII – начала XX вв. / С.М. Шумилкин, А.С. Шумилкин – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2010. – 213 с.
5. Нижегородская фотография. 1843-1917. Альбом – Нижний Новгород: Деком, 2006. – 296 с.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЧАТЫХ ОБОЛОЧЕК КАК НОВОГО ТИПА АРХИТЕКТУРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

А.В. Щеголева¹, кандидат культурологии, доцент кафедры архитектуры
А.С. Белобородова¹, магистр

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний
Новгород
beloborodova_alex@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается анализ эволюции сетчатых оболочек в качестве формообразующего принципа в современной архитектуре. Появление новых конструкций раскрывают их особенности и преимущества с точки зрения устойчивости, гибкости и культурной марки. Сложная форма оболочки позволяет создать многофункциональное пространство, которое отвечает комплексным требованиям современности. В конструктивном отношении они формируют смысловую основу архитектуры будущего.

Цель исследования - систематизировать роль сетчатых оболочек как комплексного фактора, формирующего архитектурную среду через эстетику, социум, технологии.

Введение

В эпоху современности перед архитектурой открываются новые возможности для создания форм и решений, отвечающих динамике развития общества. На первый план выходят новые формы, технологические и пространственные концепции. Этому способствует появление нового инструмента, благодаря которому меняются подходы к проектированию и совершенствуются архитектурные идеи.

Одним из значимых направлений стало развитие сетчатых конструкций – пространственных и структурных оболочек. Развитие конструкций в виде сетчатых оболочек начиналось с экспериментов Шухова Владимира Григорьевича, Фрея Отто и Захи Хадид. Благодаря BIM-технологиям, им удалось доказать, что конструкции перестали быть техническим элементом, а стали ключевым инструментом формообразования новейшей архитектуры. Оболочки позволили перекрывать пролеты с минимальным расходом материала, а также создали новые типологии общественных зданий и пространств. Соответствие архитектуры современным технологиям определяется не только прогрессом технологий, но и способностью осваивать пространство для коммуникации людей и влиять на культурный контекст.

Формирование нового типа архитектурных конструкций

Первым основоположником применения стальных сетчатых конструкций был В.Г.Шухов. Его разработки используются в перекрытиях общественных зданий, промышленных объектов, опорах линий электропередач, что представляет собой фундаментальный прорыв, заложивший основы для архитектуры легких конструкций.

До изобретения легких конструкций, большепролетные здания перекрывались балками, сводами, арками. Это утяжеляло композицию внешнего вида здания. Шухов применил для покрытия пространственные металлические сетчатые структуры, работающие на растяжение и изгиб как единая система [1]. Легкость металла позволяет минимизировать вес постройки, обеспечивая одновременно высокую прочность и долговечность.

Примером данного метода является Дебаркадер Киевского вокзала в Москве, построенный в 1912 году «Рис. 1».

Конструкция состоит из трехшарнирных арок, два шарнира крепятся в основании, третий по центру. Полуарки собирали на земле и поднимали с помощью деревянных матч,

которые перемещались по рельсам. Дебаркадер достигает 30 м в высоту, 40 м в ширину, 400 м в длину. Несмотря на мощь, вся конструкция кажется легкой и невесомой [2].

Таким образом, Шухов заложил новые типы конструкций, комплексный метод мышления, основанный на прочности, воздушности, эстетической выразительности. Сетчатые оболочки стали прототипом для продолжения создания легких конструктивных решений. Данный метод является основой для адаптивных структур, определяющих облик архитектуры XXI века.

Рис. 1. Дебаркадер Киевского вокзала в Москве

Фрей Отто стал ключевой фигурой в изобретении мембранных и тентовых структур восприняв и разделив философию Шухова В.Г. Он развил принцип минимальных поверхностей, копирование природных форм и структур. Фрей Отто исключил жесткие элементы каркаса в своих мембранных и тентовых конструкциях [3]. Его знаменитые висячие покрытия сделали большое открытие в архитектуре. Крыша Олимпийского стадиона в Мюнхене отражает принцип минимальной поверхности и формы, которую образуют стальные тросы «Рис. 2».

Кровля разделена на множество изогнутых сетей, покрытых прозрачными акриловыми панелями. По задумке архитектора, плавные бесконечные линии символизируют - быстротечность времени, а прозрачные шатры, перетекающие из одного в другой – демократию. По особым требованиям к освещенности кровля была разработана из матированного плексигласа. Таким образом, крыша Олимпийского стадиона в Мюнхене стала неотъемлемой частью для последующих инноваций в архитектуре стадионов [4].

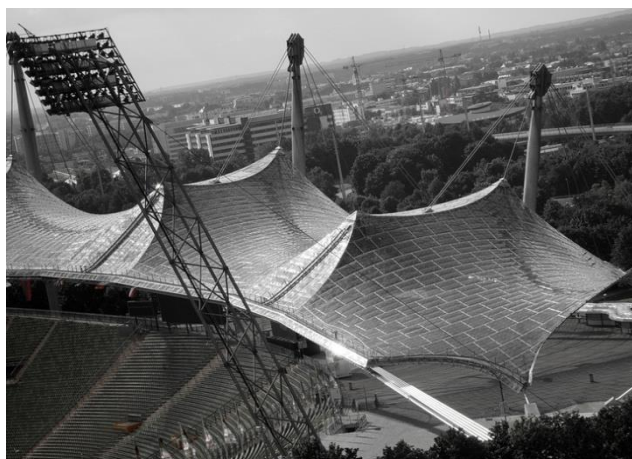

Рис. 2. Крыша Олимпийского стадиона в Мюнхене

В конце XX века происходят кардинальные изменения, если Отто развивал принцип минимальных поверхностей, копирование природных форм, то Заха Хадит начала использовать цифровые инструменты для достижения динамичности в статичной сетчатой оболочке. Оболочка перестала быть оптимальным каркасом, а стала застывшей экспрессией, где пространство и структура объединены в единое целое [4].

Алюминиевая сетчатая оболочка торгового центра Mirdif Avenue Mall, Dubai представляет собой оболочку произвольной формы и имеет размеры 55 x 50 м. Покрытие состоит из металлического каркаса и стеклянных треугольников «Рис. 3». Оболочка перекрывает центральную часть улицы – атриум. Благодаря такой конструкции, пространство защищено от солнца, но при этом наполнено естественным светом. При больших пролетах оболочка обладает минимальным собственным весом, что снижает нагрузку на опоры.

Рис. 3. Алюминиевая сетчатая оболочка торгового центра Mirdif Avenue Mall, Dubai

Синтез технологий и социума

Сетчатые оболочки в современной архитектуре прошли путь от конструктивного элемента к универсальному инструменту, осуществляющему объединение пространств, передовых технологий и общественных функций.

Каждый технологический этап открывал новые типы зданий и пространств, отражая в себе запросы общества. Конструкции В.Г. Шухова позволили создавать легкие, устойчивые и экономичные перекрытия для вокзалов, заводов, вышек, делая масштабные объекты доступными. Принцип минимальных поверхностей, развитый Фреем Отто, дал возможность формировать символические, легкие пространства стадионов и павильонов для массовых мероприятий, где архитектура становилась воплощением эстетики. Сетчатые оболочки Захи Хадид реализовывали принцип адаптивности, создавая в плотной городской застройке светопрозрачные атриумы, заменяющие улицы и площади.

Сетчатая оболочка стала активной многофункциональной системой, которая интегрируется в городскую среду, выполняя ряд функций:

1. Регулируя светопропускание и формируя климатические зоны, оболочка снижает энергозатраты, что способствует устойчивому развитию.
2. Организуя новые типы общественных пространств, они создают комфортные, безопасные и выразительные среды, напрямую влияя на поведение и взаимодействия людей.
3. Сетчатые оболочки формируют архитектурный образ, становясь художественным ориентиром в городском пространстве.

История развития оболочек доказывает, что передовые технологии, забота об экологии и потребности общества взаимосвязаны.

Сетчатая оболочка стала активной многофункциональной системой, которая интегрируется в городскую среду.

Заключение

Проведенное исследование развития сетчатых оболочек - от инженерных инноваций Шухова до современных произвольных форм Хадид - демонстрирует их трансформацию из технического решения в многофункциональное пространство в современной архитектуре. Анализ этапов от первых гиперболоидов через бионическое копирование форм к цифровым оболочкам и их реализации и адаптации.

Каждый этап демонстрировал, как идея Шухова о прочности, легкости находила свое новое воплощение в современных концепциях и инструментах устойчивого строительства. Многофункциональность сетчатой оболочки позволяет формировать среду для жизни и работы, а также служит инструментом архитектурной выразительности, экологического мышления и социальной ориентированности.

Литература

1. Коммуникационные пространства. – URL: <https://habr.com/ru/companies/vk/articles/391819/>.
2. Коммуникационные пространства. – URL: <https://www.m24.ru/articles/gorod/06092016/115050>.
3. Отто Ф. Тентовые и вантовые строительные конструкции / Издательство литературы по строительству. – Москва, 1970. – С. 1-9.
4. Коммуникационные пространства. – URL: <https://realty.ria.ru/20150313/404466532.html>.
5. Коммуникационные пространства. – URL: <https://morozovparametric.ru/2024/05/31/mirdif-avenue-mall-grid-shell/>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭРГОНОМИКИ ГОСПИТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.М. Энтони¹, аспирант

¹*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*

Аннотация. В работе рассматривается проблема отсутствия интегрированной методики оценки эргономики палат стационарного типа. Цель исследования состоит в разработке модели количественной оценки эргономических характеристик на основе системного и средового подходов с интеграцией показателей в сводный индекс. Апробация проведена в терапевтическом отделении многопрофильного стационара с участием 52 респондентов. Расчет интегрального показателя (0,63 по шкале от 0 до 1) свидетельствует о среднем уровне эргономического соответствия среды и подтверждает возможность использования модели при сравнительном анализе проектных решений.

Введение

Палата стационарного типа является базовой пространственной единицей лечебного учреждения, в пределах которой реализуются основные процессы пребывания пациента, наблюдения и медицинского ухода. Несмотря на нормативную регламентацию площадей и инженерных параметров, пространственная организация палат нередко формируется без целостной оценки их эргономических характеристик и влияния на эффективность лечебного процесса.

Современные исследования в области архитектуры лечебных зданий уделяют значительное внимание вопросам типологии и функционального зонирования [1]. Вместе с тем комплексная оценка эргономики палат чаще рассматривается фрагментарно, преимущественно в рамках требований доступности среды или санитарно-гигиенических норм, что не позволяет сформировать целостное представление о качестве пространственной организации.

Необходимость интеграции разнородных показателей в единую аналитическую структуру обоснована в теории оценки качества сложных систем. Применительно к госпитальному пространству это предполагает переход от описательных характеристик к системе сопоставимых и количественно выраженных индикаторов. Средовой подход рассматривает архитектурную среду как фактор, регулирующий поведенческие сценарии пользователей [2]. В условиях стационара пространственные параметры непосредственно связаны с уровнем психологического комфорта пациента и организационной эффективностью работы персонала.

Отсутствие методически выверенного инструментария затрудняет сопоставление различных проектных решений и объективную оценку их качества. В этой связи целью настоящего исследования является разработка модели оценки эргономических характеристик стационарных палат, обеспечивающей систематизацию функциональных, психологических и организационно-планировочных параметров в единой структуре анализа.

Теоретические основания

В рамках настоящего исследования эргономика госпитального пространства рассматривается как совокупность пространственных характеристик, обеспечивающих согласованность взаимодействия пациента, медицинского персонала и архитектурной среды в процессе лечения [3]. Такое понимание опирается на модель «человек – среда – деятельность», в которой пространство выступает активным регулятором функциональных и поведенческих процессов.

Пациент в условиях стационара характеризуется ограниченной мобильностью и повышенной сенсорной чувствительностью, тогда как деятельность медицинского персонала связана с динамичными операциями, требующими четкой организации маршрутов и доступности оборудования. Следовательно, пространственная структура палаты должна обеспечивать одновременно безопасность, удобство выполнения процедур и психологическую устойчивость пользователей [4].

Теоретические предпосылки формализации оценки качества среды заложены в исследованиях, посвященных интеграции разнородных показателей в единую систему анализа. Типологические особенности лечебных зданий и их связь с технологией медицинского процесса раскрываются в работах по архитектуре больничных комплексов [5]. Значение пространственной организации внутренней среды для формирования поведенческих сценариев и эмоционального состояния пользователей отмечается в исследованиях общественных и медицинских зданий.

Таким образом, теоретическая база предлагаемой модели основывается на представлении о госпитальном пространстве как многокомпонентной системе, в которой функциональные, психологические и планировочные характеристики подлежат согласованной количественной интерпретации.

Методологическая модель оценки

Предлагаемая модель строится на принципе структурной декомпозиции и предусматривает выделение трех взаимосвязанных групп показателей, отражающих различные аспекты эргономических характеристик стационарной палаты. Формирование системы индикаторов осуществляется с учетом требований релевантности, измеримости и сопоставимости, принятых в теории оценки качества. Структура модели представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структурная схема модели оценки эргономики стационарной палаты
Источник: авторское исследование.

Функциональная группа показателей характеризует соответствие пространственных параметров условиям лечебного процесса и включает оценку площади на одно койко-место, параметров освещенности, акустических характеристик, доступности санитарного узла и рациональности размещения оборудования. Анализ проводится на основе инструментальных замеров и изучения планировочных решений с последующим приведением полученных значений к нормированной шкале.

Психологическая группа отражает субъективное восприятие пространственной среды пациентами и медицинским персоналом. Для ее анализа применяется анкетирование с

использованием шкал удовлетворенности, адаптированных к условиям медицинской среды. Полученные данные трансформируются в количественные показатели и включаются в общую систему оценки.

Организационно-планировочная группа связана с положением палаты в структуре отделения и особенностями пространственных взаимосвязей [6]. Учитываются протяженность маршрутов персонала, удаленность от функционально значимых зон и логика пространственной структуры, что соответствует положениям исследований в области архитектуры лечебных зданий. Расчет показателей осуществляется на основе графического анализа планов и сопоставления пространственных параметров.

Интеграция результатов производится путем нормирования частных показателей и их агрегирования в сводный индекс эргономического соответствия [5]. Весовые коэффициенты определяются методом экспертного ранжирования с участием специалистов в области архитектуры и организации медицинской помощи. Итоговый показатель обеспечивает возможность сопоставительного анализа различных проектных решений в единой системе координат.

Результаты апробации модели

Апробация разработанной модели проведена в терапевтическом отделении многопрофильного стационара, рассчитанного на 60 коек. В исследовании приняли участие 52 респондента, включая пациентов и медицинский персонал. Сбор данных осуществлялся на основе инструментальных замеров, анализа планировочных решений и анкетирования.

Оценка функциональных показателей показала соответствие площади и параметров освещенности действующим нормативным требованиям, при этом акустические характеристики среды продемонстрировали отклонения от оптимальных значений. Анализ психологической группы выявил зависимость уровня удовлетворенности от степени визуальной приватности и четкости пространственного зонирования. В организационно-планировочной структуре отделения зафиксирована избыточная протяженность маршрутов персонала, что отражается на временных затратах при выполнении повседневных процедур.

По результатам нормирования и агрегирования показателей интегральный индекс эргономического соответствия составил 0,63 по шкале от 0 до 1, что характеризует средний уровень качества пространственной среды. Полученные данные подтверждают чувствительность модели к выявлению функциональных и поведенческих особенностей исследуемого объекта. Ограничением апробации является локальный характер выборки и отсутствие длительного мониторинга изменений показателей во времени.

Заключение

Разработанная модель количественной оценки эргономических характеристик стационарных палат ориентирована на систематизацию пространственных параметров в единой аналитической структуре и опирается на принципы интеграции показателей, сформулированные в теории оценки качества [4]. Проведенная апробация продемонстрировала применимость предложенного инструментария для выявления функциональных и психологических особенностей организации палат и позволила использовать интегральный индекс в качестве средства сопоставительного анализа проектных решений. Вместе с тем результаты носят ограниченный характер вследствие локальности выборки, что определяет необходимость дальнейшей проверки устойчивости весовых коэффициентов и уточнения параметров модели при расширении эмпирической базы и адаптации к различным типам стационарных отделений.

Литература

1. Закиева Л. Ф. Типология современных медицинских учреждений // Медицина и здравоохранение: материалы VII Международной научной конференции. Краснодар: Новация, 2019. С. 42–47.
2. Багрова Н. В., Кущенко М. А. Особенности современной интерпретации средового подхода в архитектуре // Ползуновский вестник. 2014. № 1. С. 22–26.
3. Кантарюк Е. А., Кукушкина В. А. Дизайн как герменевтическое событие: построение коммуникаций между индивидом и окружающей средой // Общество: философия, история, культура. 2020. № 5 (73). С. 97–101.
4. Городецкий И. Г., Найченко М. В., Турзин П. С. Эргономика и качество изделий медицинской техники // Биотехносфера. 2010. № 2 (8). С. 34–38.
5. Азгальдов Г. Г. Теория и практика оценки качества товаров. М. : Экономика, 1982. 256 с.
6. Шинкарёв А. Н., Прокофьев Е. И. Анализ отечественного и зарубежного опыта в исследовании проектирования объектов системы здравоохранения // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 3 (37). С. 82–92.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

П.С. Ярошук¹, старший преподаватель, магистр архитектуры

¹Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы существования исторических объектов промышленной архитектуры в современных реалиях Беларуси. Представление их через призму индустриального наследия в архитектурной и законодательной сферах позволит создать условия для сохранения, адаптации и использования наиболее значимых из них.

Введение

Влияние эпохи индустриализации на жизнь человеческого общества трудно переоценить, поскольку в основе современного мира лежат технологии массового производства и, как следствие, наполненный различными товарами потребительский рынок. Материальные артефакты индустриальной эпохи представляют историко-культурную и социальную ценность. Круг этих объектов достаточно широк, к ним относятся технологическое оборудование, образцы выпускаемой продукции, нормативно-техническая документация и др., однако самыми яркими все же являются архитектурные объекты. Морально и физически устаревшие, потерявшие свою востребованность промышленные здания и их комплексы становятся частью исторической материальной среды, и многие из них могут рассматриваться с позиции индустриального наследия.

В Беларуси к вопросам сохранения объектов периода индустриализации обратились только в начале 2000-х гг. При этом следует отметить, что переход к постиндустриальной культуре в стране нельзя считать полностью завершенным, поэтому производственные здания и сооружения, их комплексы до сих пор рассматриваются как функциональные, а не как мемориальные элементы жизни общества. Неопределенность правового статуса этих построек, их малая изученность приводят к тому, что надлежащие мероприятия по их сохранению не проводятся, направления использования не разрабатываются. Сложившаяся ситуация требует комплексного решения, а анализ актуальных проблем в этой области архитекторы и строительства является первым шагом на этом пути.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов в области промышленной архитектуры и индустриальной археологии (страны СНГ – В. В. Запарий, Л. О. Титова, Ю. Г. Тютюнник, Л. П. Холодова, М. С. Штиглиц, А. А. Яковлев; Западная Европа и США – С. Т. Антон, К. Беренс, Дж. Велс, Дж. Винтер, Дж. Друри и др), нормативно-правовые акты в сфере охраны историко-культурного наследия, архивные изыскания, материалы натурных обследований, фотофиксации и описания производственных зданий, сооружений и их комплексов на территории Беларуси. Методология включила общие и частные методы, основными из которых являлись методы обобщения и аналогии, многофакторного, сопоставительного и сравнительного анализа.

Результаты исследования

Объекты промышленной архитектуры Беларуси – носители уникальной исторической информации, наглядно демонстрирующие этапы индустриализации, технологического и социально-экономического развития страны XVIII–XX вв. и, в отличие от культовой или

дворцово-усадебной архитектуры, отражающие повседневную историю труда и быта белорусского народа [1]. В то же время они находятся в зоне наибольшего риска быть утраченными, поскольку воспринимаются как «второстепенные» утилитарные постройки, чаще других выводятся из эксплуатации, отсутствуют в государственных реестрах памятников и, в целом, остаются вне поля зрения контролирующих органов и общественности. Согласно Дзяржаўнаму спіску гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь из 5690 зарегистрированных материальных артефактов только 44 относятся к памятникам индустриального прошлого [2]. Недостаточную представленность промышленных зданий и сооружений в нормативно-оценочной системе охраны можно объяснить тем, что критерии ценности данной системы в большей степени ориентированы на художественные характеристики объектов, в то время как их технологическая, типологическая и социальная значимость не принимаются в расчет. Это требует пересмотра подходов к идентификации, классификации и охране данной категории наследия.

Многочисленные исторические производственные постройки в настоящее время являются малоизученными, их материальная сохранность с течением времени становится хуже, помимо этого существует целый ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на их ценность и перспективы современного использования.

Первым фактором является расположение. Некоторые объекты находятся в труднодоступной местности, не эксплуатируются, заброшены и постепенно разрушаются под воздействием природно-климатических условий. Так, например, винокуренные заводы конца XIX в. д. Старая Мышь Брестской области (Рис. 1.) и в д. Станиславово Витебской области (Рис. 2.) представляют собой полный комплекс производственных цехов одной из наиболее развитых отраслей промышленности на белорусских землях в XVIII-XIX вв. В обоих случаях здания из кирпича практически сохранили первоначальную форму и внешний декор стен, однако из-за удаленности и невостребованности их площадки полностью заросли деревьями и кустарником, которые практически «поглощают» постройки.

Рис. 1. Винокуренный завод в д. Старая Мышь, Витебская область

Рис. 2. Винокуренный завод в д. Станиславово, Витебская область

Второй фактор – нахождение в составе действующего предприятия. Это исключает исторические строения из общественного пространства, затрудняет, а часто и ликвидирует доступ к ним. В то же время, лишённые технологического использования, такие объекты могут перепрофилироваться под разные нужды, и не всегда это новое применение не вредит постройке. Примером может служить здание бывшего винокуренного завода в г. Чечерск Гомельской области (Рис. 3.), возведенное в 1860 г. графом Чернышевым. В настоящее время здание используется как лабораторный корпус, что в определенной степени способствует сохранению объекта, однако не препятствует вносимым изменениям в его архитектуру.

Рис. 3. Корпус винокуренного завода в г. Чечерск, Гомельская область

Третьим фактором является многократная перестройка строений, что сказывается на аутентичности композиционных и художественных решений: нарушаются исходные пропорции, утрачиваются значимые элементы декора, использование современных материалов искажает восприятие исторически ценных архитектурных фрагментов.

Проиллюстрировать это может спиртзавод в д. Поморщина Минской области (Рис. 4.), построенный в середине XIX в. В советское время его корпуса неоднократно подвергались реконструкции – изменению очертаний плана, наращиванию стен, закладке и пробивке новых проемов и проч. Это привело к полной утрате архитектурной аутентичности, вплоть до сохранения отдельных фрагментов застройки, но историко-культурная ценность этого объекта сохраняется, ведь на территории комплекса в 1879-1881 гг. жили и работали родители белорусского поэта, журналиста и драматурга Янки Купалы – Доминик и Бенигна Луцевичи.

Рис. 4. Спиртзавод в д. Поморщина, Минская область

Четвертым фактором можно назвать неосведомленность населения об исторической, культурной и архитектурной ценности производственной постройки, которая часто воспринимается просто как объект недвижимости, подлежащий перестройке или сносу в коммерческих интересах. Следующее за этим переуплотнение с полной или частичной сменой функции часто приводит к нарушению пропорций, разрушению целостности и выразительности зданий и интерьеров. Это нивелирует историческую ценность объектов производства как культурного достояния страны. Так, на базе водяной мельницы (постройка конца XIX в.) в д. Ивье Гродненской области в начале 2000-х гг. были открыты кафе и небольшие магазины, при этом от первоначального здания остался лишь первый этаж из бутового камня. Общая архитектурная композиция объекта, его аутентичный внешний вид ввиду надстройки этажей с применением современных строительных материалов были утрачены (Рис. 5.).

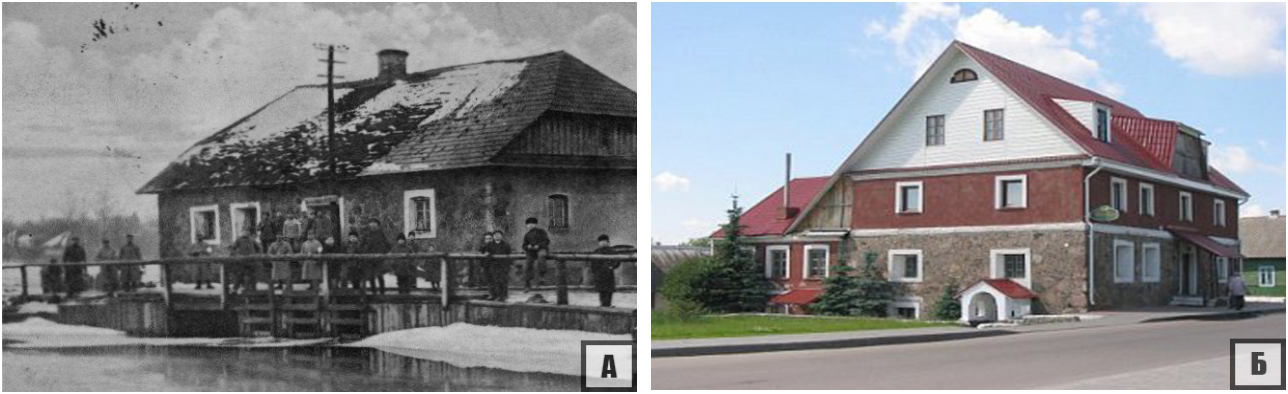

Рис. 5. Водяная мельница в д. Ивье, Гродненская область: А – фото 1940-х гг., Б – современный вид

Пятым фактором является визуальная изоляция объекта как невозможность увидеть архитектурно ценные строения из-за окружающей более поздней и достаточно плотной застройки, нарушающей исторический контекст. Например, производственный корпус хлебозавода в г. Гомеле (Рис. 6.), построенный в 1927 г. на одной из главных улиц города – Интернациональной, сохранивший в облике формальные черты стилистики конструктивизма, в настоящее время скрыт последующей застройкой и не просматривается с прилегающих территорий. При этом простые и лаконичные геометрические формы, аскетичные фасады из красного кирпича, преобладание вертикальных составляющих в пластике стен делают этот объект отличным образцом архитектуры конструктивизма. Известен и автор проекта – выдающийся белорусский архитектор С.Д. Шабуневский, строивший объекты в разных стилях, его обращение к промышленной постройке является единственным в творчестве.

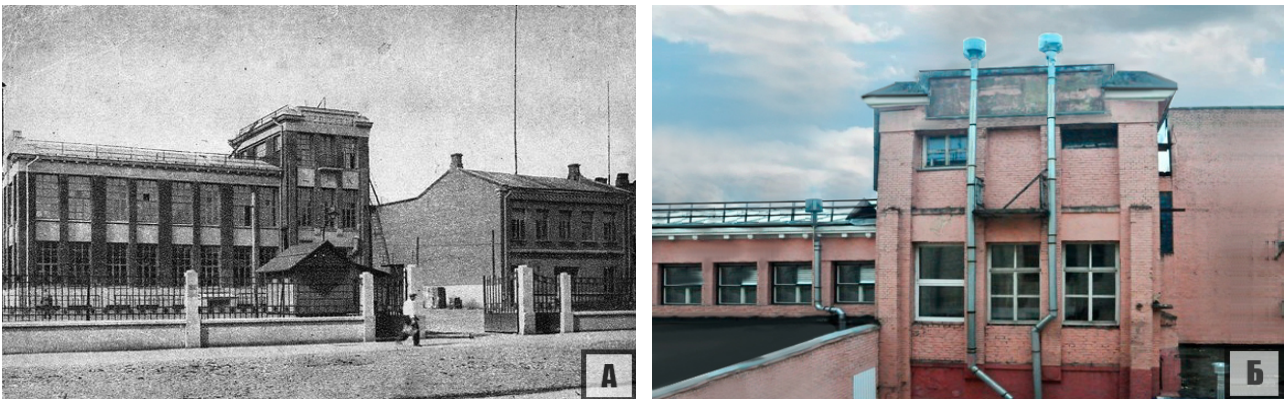

Рис. 6. Хлебозавод по проекту С.Д. Шабуневского в Гомеле: А – фото 1932 г., Б – современный вид

Перечисленные факторы влияют на ценность и перспективы современного использования исторических промышленных построек, однако только ими ограничиться нельзя. При разработке научно-обоснованных рекомендаций по сохранению и адаптации этих объектов должны учитываться не только их физическое состояние и доступность, но и историко-культурная и социальная ценность, архитектурно-художественные и конструктивно-технологические особенности, взаимосвязь с окружающей средой и др.

В настоящее время в Республике Беларусь такая система оценки отсутствует, а имеющиеся критерии, применяемые в отношении объектов гражданской архитектуры, не позволяют в полном объеме раскрыть историко-культурную и архитектурную значимость производственных зданий, ввиду чего многочисленные постройки остаются вне списков охраны.

Для решения данной проблемы была разработана авторская система критериев и методика идентификации производственных объектов Беларуси в качестве индустриального наследия, учитывающие региональные особенности становления промышленной архитектуры на территории страны в XVIII-XX вв., а также мировой опыт изучения, охраны и освоения памятников индустриального прошлого. Применение методики к 195 зданиям и комплексам дало возможность ранжировать их по категориям значимости. Анализ проводился по трем блокам ценности (архитектурная, историческая и средовая), которые включили в себя 13 критериев с системой балльной оценки (от 0 до 3 баллов), позволяющей выразить количественно качественные характеристики объектов. Сочетание определенного набора параметров и итоговые суммарные оценки по всем критериям, которые варьировались от 3 до 20 баллов, послужили основой для создания типологической классификации объектов, включившей 4 типа: особо ценные, особо значимые, значимые и рядовые. Установленные идентификационные признаки каждой типологической группы объектов позволили разработать дифференцированные рекомендации по сохранению и перепрофилированию этих зданий и сооружений в современных социокультурных условиях Беларуси [3, 4].

Типологический подход должен стать одним из инструментов в деле охраны индустриального наследия республики, так как рассмотренные 195 построек не исключают возможности обнаружения новых объектов на территории страны, а их причисление к конкретной типологической группе позволит быстро установить перспективные направления и возможности объемно-планировочных и функциональных преобразований.

Еще одной проблемой является нормативно-правовая база в сфере охраны историко-культурного наследия страны, которая не учитывает специфику объектов промышленной архитектуры. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь, в частности «Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры» ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-3, нет понятия «объект индустриального наследия», не определен правовой статус данных построек, не установлен порядок их выявления, охраны и использования на республиканском, региональном и местном уровнях [5].

Кроме того, остро стоит вопрос финансирования. Архитектурные объекты, включая производственные, могут находиться как в государственной, так и в частной собственности. Учитывая, что выявленные 195 построек различны по своим ценностным характеристикам, лишь немногие из них могут быть включены в государственный список охраняемых объектов. В отношении остальных зданий важным аспектом является привлечение частных инвесторов, которые часто не заинтересованы в присвоении постройке статуса историко-культурной ценности. Это можно объяснить тем, что включение объектов в национальный реестр памятников накладывает ряд ограничений на их использование, а также обязывает владельца к проведению затратных мероприятий по сохранению их аутентичного облика, что может противоречить стремлению к быстрой окупаемости и получению прибыли.

Заключение

Тема сохранения индустриального наследия является важной и актуальной для Республики Беларусь. Несмотря на значительное количество сохранившихся объектов, многие из них находятся в весьма уязвимом положении: с одной стороны, неопределенность правового статуса, отсутствие каких-либо научных обоснований по охране и освоению ведет к их постепенному разрушению вплоть до полной утраты; с другой стороны – постоянные технологические и технические усовершенствования производственных процессов, а также не всегда удачные попытки реконструкции и использования, неизбежно приводят к изменению их объемно-пространственных и архитектурно-художественных решений.

Для решения данных проблем необходимо, во-первых, провести комплексные научные исследования, направленные на разработку методик и программ, касающихся идентификации объектов индустриального наследия, а также оценке их потенциала и возможностей для современного использования. Во-вторых, внести изменения и дополнения

в сферу законодательства, а именно: закрепить понятие «объект индустриального наследия» в «Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры»; создать единый государственный реестр исторических производственных объектов; предусмотреть ответственность за разрушение и ненадлежащее использование этих построек и комплексов. В-третьих, разработать механизмы государственного и частного партнерства, системы налоговых льгот, субсидий и грантов для собственников, берущих на себя обязательства по сохранению и эксплуатации объектов.

Таким образом, решение проблем по сохранению и использованию объектов индустриального наследия Республики Беларусь – это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и осознания значимости этих зачастую недооцененных зданий и сооружений.

Литература

1. Морозова, Е. Б. Промышленное здание в истории архитектуры / Е. Б. Морозова. – Минск : БНТУ, 2017. – 303 с.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь : [сайт]. [2026]. URL: <http://gosspisok.gov.by> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Ярошук, П. Индустриальное наследие Гомеля: идентификация и методика оценки / П. Ярошук // Архитектура и строительство. – 2024. – № 4. – С. 45–49.
4. Ярошук, П. С. Типология объектов индустриального наследия Беларуси = Typology of industrial objects heritages of Belarus / П. С. Ярошук // Архитектура : сборник научных трудов / редкол.: А. С. Сардаров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2025. – Вып. 18. – С. 187-192.
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліп. 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 21 ліп. 2022 г. № 201-3 // – Минск: Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2023. – 279 с.

АРХИТЕКТУРА:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Сборник научных трудов
по материалам Всероссийской научной конференции
с международным участием «Зодчий будущего»,
ННГАСУ, 26-27 февраля 2026 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
603000, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.
<http://www.nngasu.ru>, rector@nngasu.ru